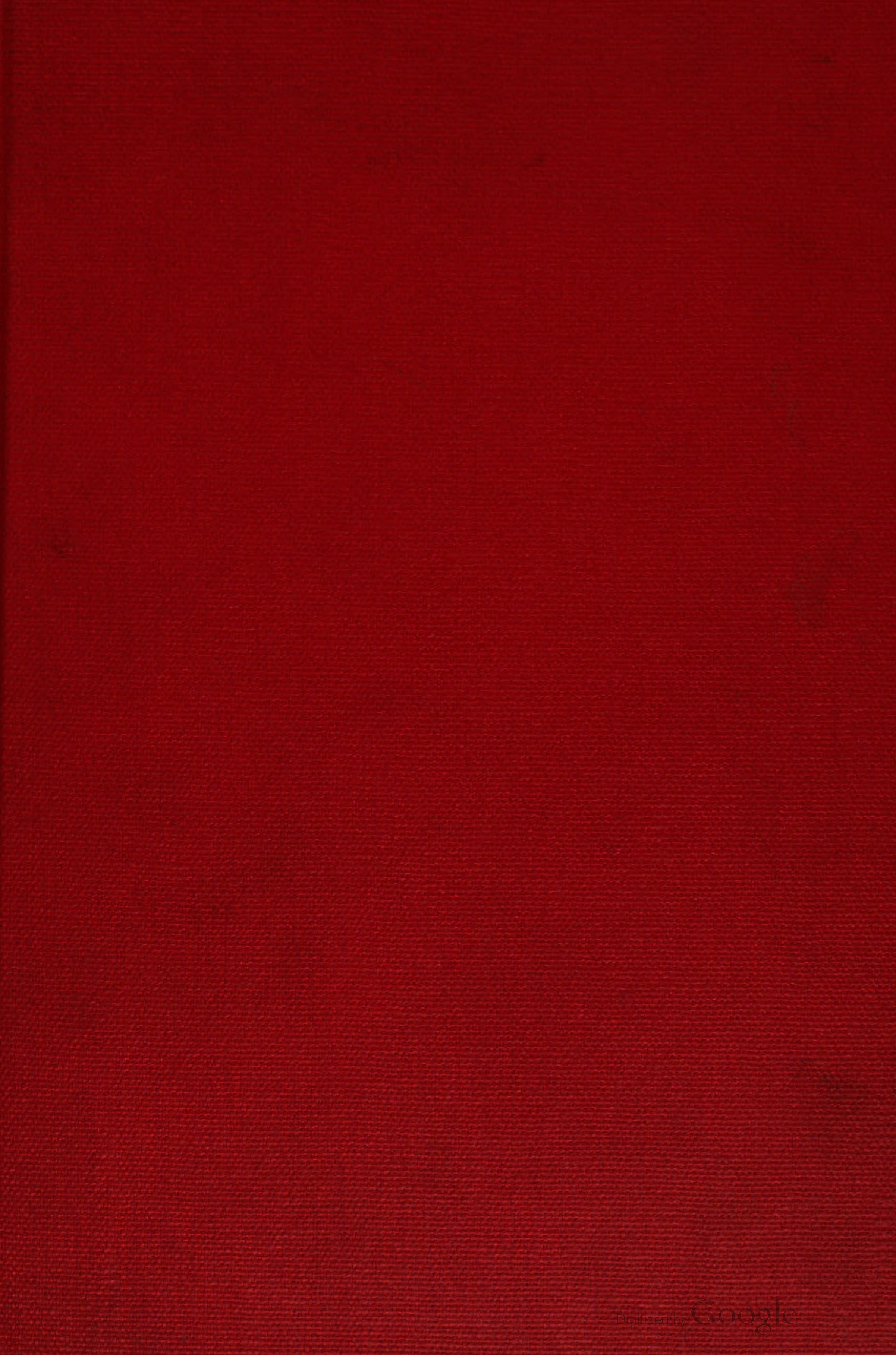
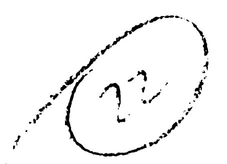

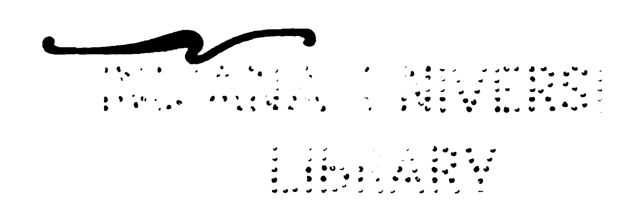

Н. Сперанскій.

N Speranskii

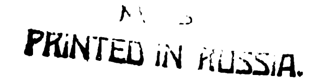
Вѣдьмы и вѣдовство.

Очеркъ по исторіи церкви и школы въ Западной Европѣ.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. домъ.
Москва—1906.

Въ тотъ вѣкъ, который такъ еще недавно былъ для насъ только прошлымъ, для всякаго образованнаго европейца казалось не подлежащей спору истиной, что у рода людского нѣтъ болѣе опаснаго, болѣе лютаго врага, нежели суевѣріе. Свободу души отъ суевѣрія XVIII столѣтіе провозглашало необходимѣйшимъ залогомъ всякой другой свободы, ее ставили современники Вольтера главной примѣтой «просвѣщенія», въ непримиримой борьбѣ съ суевѣріемъ они усматривали первый долгъ всякаго «друга человѣчества» и ко всему, что напоминало объ эпохѣ наиболѣе пышнаго цвѣта суевѣрныхъ представленій, о среднихъ вѣкахъ, они относились или съ презрительной брезгливостью, или со страстной ненавистью.

Но «круговая теорія» историческаго движенія не даромъ соблазняла столько наклонныхъ къ философскому созерцанію головъ... «Суевѣріе — поэзія жизни» со вздохомъ сказало устами Гете поколѣніе, явившееся на смѣну поборникамъ просвѣтительной философіи XVIII вѣка; и эта легкая грусть, все разрастаясь и разрастаясь, къ началу нашего молодого столѣтія среди самыхъ передовыхъ, самыхъ утонченныхъ круговъ европейскаго общества перешла въ горькій плачъ по поводу утраты такого драгоцѣннаго источника красоты и полноты жизни. «Передовые изъ передовыхъ» идутъ при этомъ и много дальше чисто эстетическихъ воздыханій. Всякій, кто слѣдитъ за модными направленіями въ умственной жизни европейской интеллигенціи, самъ знаетъ, конечно, какіе гимны средневѣковому суевѣрію поютъ иные изъ новоявленныхъ «малыхъ пророковъ», пришедшихъ въ міръ, чтобы освободить его отъ рабскаго служенія «кумиру эпохи просвѣщенія — головному мозгу», и на какія отчаянныя попытки пускаются они, стремясь вернуть въ наше міросозерцаніе то, что такъ безпощадно было изъ него вычеркнуто торжествомъ раціонализма.

Очень характернымъ образомъ при этой погонѣ за возвращеніемъ на землю чудесъ, безъ которыхъ многимъ кажется на ней такъ скучно, особенно посчастливилось демонологіи. Безчисленныя средневѣковыя «Acta Sanctorum» и въ наши дни мало въ комъ возбуждаютъ интересъ внѣ круга присяжныхъ ученыхъ, отыскивающихъ тамъ культурно-историческій матеріалъ; но объемистые трактаты, гдѣ демонологи XV и XVI вѣковъ съ мельчайшими подробностями изобразили гнусныя дѣянія дьявола и вѣрныхъ его прислужницъ, вѣдьмъ, въ послѣднія десятилѣтія все чаще и чаще стали переселяться изъ пыльныхъ лавокъ антикваріевъ на рабочіе столы людей, гоняющихся за послѣднимъ словомъ современности, и литераторы съ громкими именами совѣтуютъ своимъ читателямъ на этихъ трудахъ освѣжать свою душу отъ «научной прозы», въ нихъ искать отправныхъ точекъ для замѣны «плоскаго» раціоналистическаго міросозерцанія чѣмъ-нибудь болѣе глубокимъ. Имена такихъ классиковъ демонологіи, какъ Шпренгеръ, Боденъ или Дельріо, встрѣчаются теперь не только въ спеціальныхъ сочиненіяхъ, но и на страницахъ покупаемыхъ нарасхватъ повѣстей и романовъ, и кто открыто скажетъ, что не имѣетъ достодолжнаго понятія о «черной мессѣ», тотъ въ наши дни рискуетъ для многихъ оказаться безнадежно отсталымъ человѣкомъ.

Отъ всего этого, конечно, можно было бы и просто отвернуться, равнодушно пожавъ плечами. Вопреки славному Вико, жизнь человѣчества въ дѣйствительности не идетъ по кругу, и всѣ новѣйшія ея глубокія теченія нисколько не обѣщаютъ въ обозримомъ будущемъ повторнаго торжества идей, дорогихъ сердцу современныхъ поклонниковъ средневѣковаго духовнаго уклада. Притомъ же, при ближайшемъ знакомствѣ эпохи, не вѣдавшія нашей скучной науки, очень теряютъ въ своемъ поэтическомъ очарованіи: давно уже замѣчено, что «анимистическое» міросозерцаніе кажется намъ поэтичнымъ лишь потому, что мы успѣли изъ него вырасти; для тѣхъ же, кто въ немъ жилъ, оно представляло худшую прозу, чѣмъ для насъ представляетъ наша наука. И наконецъ, разъ наши глаза разсмотрятъ, что фантастическое видѣніе, явившееся намъ при лунномъ свѣтѣ, на дѣлѣ оказывается лишь бѣлой простыней, то мы ихъ можемъ щурить какъ угодно: они упорно свидѣтельствуютъ, что это не болѣе, какъ простыня. Если же инымъ изъ пламенныхъ адептовъ модной демонологіи цѣной геройскихъ усилій и удается иногда добиться, что демоны дѣйствительно къ нимъ снова слетаются, то этихъ «маговъ» постигаетъ общая участь всѣхъ, кто когда-нибудь связывался съ нечистой силой. Извѣстно, что по странной непослѣдовательности демоны искони сами заботились объ

очищеніи земли отъ тѣхъ, кто призывалъ ихъ имя, и въ положенный срокъ уносили своихъ поклонниковъ въ преисподнюю, которая теперь смѣняется или по крайней мѣрѣ предваряется психіатрической больницей.

Но разъ вниманіе широкихъ круговъ читающей публики снова привлечено къ тѣмъ вѣдьмамъ, которыми бредило западно-европейское человѣчество не далѣе какъ два съ половиной вѣка тому назадъ, разъ чудовищныя исторіи, разсказанныя на страницахъ «Молота Вѣдьмъ», снова ей сообщаются и въ прозаической и въ стихотворной формѣ, то можно вполнѣ законно воспользоваться этимъ случаемъ для того, чтобы предложить ей познакомиться и съ результатами новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій по этому вопросу.

Спѣшу однако оговориться. Какъ ни ярко освѣщаетъ подобное знакомство умственную и нравственную физіономію современныхъ любителей демонологической литературы, но вовсе не въ этомъ заключается его серьезная, его истинная цѣнность. Тотъ мрачный эпизодъ культурной исторіи Европы, который такъ неразрывно связанъ съ зловѣщими именами Шпренгера, Бодена и Дельріо, дѣйствительно гораздо менѣе извѣстенъ внѣ тѣсныхъ ученыхъ сферъ, чѣмъ онъ того заслуживаетъ по внутреннему своему значенію. И любопытно замѣтить, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ простой случайностью. Какъ ни парадоксально можетъ это прозвучать, но если въ общихъ изложеніяхъ хода культурнаго развитія Европы почти никогда не оказывается мѣста для разсказа объ ужасныхъ процессахъ вѣдьмъ, являющихся самымъ грязнымъ, самымъ смраднымъ пятномъ на всей европейской цивилизаціи, то виновато въ этомъ то самое обстоятельство, которое, съ другой стороны, и придаетъ имъ особенно глубокій научный интересъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ какую эпоху своего существованія европейское общество всего острѣе бредило дьяволомъ и вѣдьмами и всего больше трепетало передъ этими заклятыми врагами христіанскаго имени? Мнѣ кажется, я не ошибусь, если предположу, что большинство образованныхъ людей, не обладающихъ въ исторіи профессіональными познаніями, почти не колеблясь отвѣтитъ на такой вопросъ: конечно, въ средніе вѣка. И между тѣмъ отвѣтъ этотъ далекъ отъ истины. Съ дьяволомъ средніе вѣка, положимъ, были всегда знакомы очень близко. Но «гнусное сообщество вѣдьмъ» съ ихъ шабашами и черной мессой глубинѣ среднихъ вѣковъ совсѣмъ еще не было извѣстно. Оно открыто было только подъ самый ихъ конецъ, на порогѣ новаго времени, и наиболѣе свѣдущіе въ дѣлѣ люди, тѣ самые монахи, которые въ XV столѣтіи впервые изобличили вѣдьмъ, сами свидѣтельствовали, что ранѣе хри-

стіанскій міръ никогда не видывалъ подобныхъ ужасовъ. Они вполнѣ опредѣленно утверждали, что вѣдьмы явились и размножились уже на ихъ глазахъ, и въ этой новой язвѣ на «глубоко состарѣвшемся мірѣ» они усматривали неложный признакъ близившагося пришествія антихриста.

Итакъ, самое дикое, самое нелѣпое изъ всѣхъ извѣстныхъ суевѣрій, на ряду съ которымъ этнографы находятъ возможнымъ ставить развѣ лишь нѣкоторыя повѣрья негровъ центральной Африки, заполонило воображеніе культурныхъ европейскихъ народовъ вовсе не въ самое худшее ихъ время. Умственно темныя ихъ поколѣнія понятія не имѣли о томъ, что представляетъ собою истинное «вѣдовство». «Открытіе» вѣдьмъ относится къ эпохѣ, законно окрещенной— конечно, не за это—громкимъ именемъ «Эпохи Великихъ Открытій». Первые костры, зажженные для кары «чортовыхъ женъ», бросили свой кровавый отблескъ на небо, на которомъ занималась уже заря Возрожденія, и классическимъ періодомъ организованныхъ судебныхъ убійствъ, именовавшихся «процессами вѣдьмъ», являются вѣка, которые, вопреки мрачному пророчеству Шпренгера и другихъ его собратовъ, принесли «состарѣвшемуся міру» не пришествіе антихриста, а небывалый расцвѣтъ духовнаго творчества—вѣка, которые въ исторіи совершенно законно характеризуются по такимъ ихъ чертамъ, какъ гуманизмъ, какъ реформація, какъ зарожденіе естественныхъ наукъ. И какъ не остановиться въ недоумѣніи передъ такою антитезой. Когда солнце ходило еще кругомъ земли, земля была чиста отъ вѣдьмъ, и старымъ женщинамъ предоставлялось спокойно умирать у себя въ постели. Но среди дошедшихъ до насъ отъ Кеплера бумагъ сохранилась его записка въ судъ, гдѣ онъ отстаиваетъ свою старуху мать отъ обвиненія въ вѣдовствѣ, причемъ славный астрономъ ни единымъ словомъ не возражаетъ противъ возможности подобныхъ обвиненій. Что думалъ онъ объ этомъ въ самомъ дѣлѣ, мы этого не знаемъ. Но, какъ и всѣмъ его современникамъ, ему твердо было извѣстно, что, попробуй онъ поставить защиту на такую почву, и ему самому пришлось бы отправляться вмѣстѣ съ матерью въ застѣнокъ. «Кто говоритъ, что вѣдьмъ не существуетъ, того нельзя не заподозрѣвать самого въ принадлежности къ ихъ сообществу»—этимъ принципомъ руководились нѣмецкіе суды въ ту пору, когда Кеплеръ открывалъ свои знаменитые законы движенія свѣтилъ.

Эта поразительная «несвоевременность» процессовъ вѣдьмъ — если можно такъ выразиться—этотъ рѣзкій диссонансъ между ними и общимъ колоритомъ тѣхъ столѣтій, на которыя падаетъ мрачная ихъ тѣнь, и объясняетъ намъ ближайшимъ образомъ, почему обще-

историческіе труды о нихъ почти не поминаютъ. Когда приходится рисовать широкія культурныя картины, гдѣ главными фигурами являются такія лица, какъ Колумбъ и Васко-де-Гама, какъ Гуттенбергъ, какъ Леонардо да-Винчи, Рафаэль и Микель Анджело, какъ Эразмъ и Гуттенъ, какъ Лютеръ, Цвингли и Кальвинъ, какъ Коперникъ, Кеплеръ и Галилей, какъ Бэконъ и Шекспиръ, то на ихъ фонѣ, дѣйствительно, не сразу отыскивается мѣсто для передачи тѣхъ сценъ дикаго бреда, какимъ является борьба европейскаго общества съ «прислужницами дьявола». А раньше, въ тѣ эпохи, съ умственной жизнью которыхъ процессы вѣдьмъ могли бы, новидимому, свободно гармонировать, сама исторія не позволяетъ о нихъ распространяться, ибо тогда она еще дѣйствительно ничего подобнаго не знала. Но эта же «несвоевременность» процессовъ вѣдьмъ, какъ я уже замѣтилъ, и придаетъ имъ, съ другой стороны, чрезвычайный интересъ. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, разрѣшается такая аномалія, которая становится еще загадочнѣе, если мы примемъ во вниманіе, что и въ XV—XVII вѣкахъ процессы вѣдьмъ являлись принадлежностью лишь передовыхъ странъ христіанскаго міра: задержанный въ своемъ развитіи Востокъ Европы, Россія и Балканскія государства, и въ ту пору оставались свободны отъ этихъ ужасовъ. Что-жъ здѣсь такое передъ нами? Какая-нибудь особенно прихотливая игра историческихъ случайностей? Или тутъ есть своя закономѣрность, раскрытіе которой можетъ показать, что наши обычныя представленія о ходѣ «прогресса цивилизаціи» носятъ чрезмѣрно упрощенный, прямолинейный, схематическій характеръ, и въ частности, что дѣло распространенія народнаго образованія въ Евронѣ далеко не всегда сопровождалось лишь благодѣтельными послѣдствіями для народа, что у него оказывается и своя черная изнанка?

Въ такой общей связи и будетъ проведенъ настоящій очеркъ[1]). Но, прежде чѣмъ приступить къ анализу явленія, я долженъ буду, въ силу указанныхъ уже мною условій[2]), дать хотя сжатое опи-

[1]) Среди длиннаго ряда работъ по нашему предмету, вышедшихъ за послѣднія 10—15 лѣтъ, особаго вниманія заслуживаютъ: Janssen-Pastor, Geschichte des deutschen Volkes. Achter Band (1894 г.);—S. Riezler, Geschichte der Hexenprozesse in Bayern (1896 г.);—J. Baissac, Les Grands Jours de la sorcellerie (1900 г.);—J. Hansen, Zauberwahn, Inquisition und Hexenprozess im Mittelalter (1900 г.) и того же автора Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns und der Hexenverfolgung im Mittelalter (1901 г.). На эти труды и опирается главнымъ образомъ съ фактической своей стороны предлагаемый очеркъ.

[2]) Существующая на русскомъ языкѣ популярная описательная работа г. Канторовича „Средневѣковые (?) процессы о вѣдьмахъ“ давно уже не отвѣчаетъ положенію вопроса въ западно-европейской научной литературѣ.

саніе самыхъ процессовъ вѣдьмъ, я долженъ буду сдѣлать хотя краткій пересказъ «этой безконечной драмы, исполненной сценами такихъ несказанныхъ, невыразимыхъ, безмѣрныхъ мукъ, терзаній и отчаянія со стороны гонимыхъ и такого суевѣрія, тупости и звѣрства со стороны гонителей, что съ этимъ по жестокости ничто не можетъ сравниться въ лѣтописяхъ европейскихъ націй».

Преслѣдованіемъ вѣдьмъ, смотря по времени и по странѣ, занимались различные органы судебной власти. Въ раннюю свою пору, въ XV столѣтіи, такого рода процессы велись почти исключительно предъ космополитическими трибуналами римской инквизиціи. Въ Италіи и въ Испаніи инквизиція сумѣла удержать ихъ за собой и до самаго конца. Что касается прочихъ странъ, то послѣ реформаціи не только въ протестантскихъ, но и въ оставшихся католическими государствахъ они почти вездѣ перешли въ руки свѣтскихъ судовъ, вѣдавшихъ уголовными дѣлами. Но разница эта въ данномъ случаѣ—что́ уже само по себѣ заслуживаетъ вниманія—не играетъ сколько-нибудь видной роли. Картины гоненія на вѣдьмъ сразу насъ поражаютъ и необыкновенно дикой игрой фантазіи, съ которой здѣсь приходится встрѣчаться, и необыкновенной своею монотонностью. Откуда бы ни шли относящіеся къ нимъ памятники, мы не находимъ на нихъ почти никакой мѣстной окраски. Въ церковныхъ и въ свѣтскихъ, въ католическихъ и въ протестантскихъ судахъ процессы вѣдьмъ протекали совершенно одинаковымъ порядкомъ и приводили къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Поэтому, чтобы составить себѣ вполнѣ достаточное понятіе объ этомъ поразительномъ эпизодѣ изъ области отправленія человѣческаго правосудія, довольно заглянуть въ уголовную хронику любой изъ западно-европейскихъ странъ. Удобнѣе всего намъ будетъ взять Германію, такъ какъ ея архивы даютъ тутъ и особенно богатый и, главное, прекрасно разработанный матеріалъ. Итакъ, посмотримъ, что̀ представляли собой процессы вѣдьмъ въ Германіи въ ту пору, когда они являлись обыденной принадлежностью нѣмецкой жизни, т.-е. въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка.

Общій судебный строй Германіи въ указанный періодъ, какъ это намъ необходимо слѣдуетъ замѣтить, характеризуется слѣдующими двумя существенными чертами. То было время, когда старый устный и гласный судъ шеффеновъ, руководившійся въ своихъ приговорахъ непосредственно народнымъ правовымъ сознаніемъ, былъ окончательно вытѣсненъ новыми коронными судами, которые составлялись изъ ученыхъ юристовъ, обязанныхъ сообразоваться

исключительно съ формальнымъ, писанымъ законодательствомъ, и не терпѣли никакого участія «необразованнаго» общества въ дѣлѣ отправленія правосудія. И, съ другой стороны, то было время, когда центральная правительственная власть, не полагаясь на компетентность мѣстныхъ судебныхъ учрежденій, особенно ревниво слѣдила за каждымъ ихъ шагомъ, что выражалось въ широкомъ развитіи такъ называемой «пересылки актовъ». Въ крупныхъ процессахъ мѣстные суды по первому требованію сторонъ, иногда же и помимо него, обязаны были пересылать всѣ относящіеся къ дѣлу документы на заключеніе въ высшую инстанцію, которой являлись или особыя правительственныя «придворныя» комиссіи, чаще же всего юридическіе факультеты при университетахъ. Дѣла о вѣдьмахъ— на ряду съ дѣлами о ересяхъ, объ оскорбленіи Величества, о государственной измѣнѣ, о разбояхъ на морѣ и на большихъ дорогахъ и о фальшивыхъ монетчикахъ,—причислялись къ разряду «особо важныхъ», и потому подобная «пересылка актовъ» при нихъ была почти что общимъ правиломъ. Указанныя высшія инстанціи съ крайней заботливостью слѣдили за процессами такого рода—фактъ, значеніе котораго для нашего вопроса, я думаю, можетъ считаться очевиднымъ.

Чего же требовалось по закону, чтобы дѣло о «вѣдовствѣ» могло начаться? На этотъ счетъ первые юридическіе авторитеты той эпохи давали судьямъ такія наставленія. Въ подобныхъ случаяхъ, говорили они, судъ при оцѣнкѣ приносимой ему жалобы и собранныхъ по ея поводу свидѣтельскихъ показаній отнюдь не долженъ искать вполнѣ убѣдительныхъ доказательствъ вины оговореннаго лица: съ него должно быть довольно, если представленные ему факты не лишены правдоподобія. Conjecturae, verisimilitudines in tali casu vim plenae probationis obtinent. А гдѣ шла для той эпохи граница правдоподобія въ этой области, о томъ даютъ намъ точныя свѣдѣнія сохранившіеся во множествѣ протоколы судебныхъ слѣдствій по вѣдовскимъ дѣламъ. «Дурно ославленная старуха, поссорившись съ сосѣдомъ, посулила ему, что такъ ему это не пройдетъ, и у сосѣда вскорѣ пала скотина»—достаточный поводъ для возбужденія противъ старухи судебнаго преслѣдованія. «Двѣ дурно ославленныя старухи послѣ сильнаго градобитія между собою толковали: Да это, можетъ, еще не послѣдній градъ; можетъ, будетъ и еще хуже»—слѣдователь считаетъ необходимымъ заключить старухъ въ тюрьму. «Оговоренная женщина дала одному мужику поѣсть пирога, и у того съ ея пирога заболѣлъ животъ. Другой мужикъ ея мѣшкомъ вздумалъ было подбить себѣ штаны — и вскорѣ повредилъ себѣ колѣнку. У третьяго послѣ ссоры съ ней

заболѣлъ волъ»—стеченіе такого рода обстоятельствъ дѣлаетъ для суда вину болѣе чѣмъ правдоподобною. Примѣры эти взяты изъ сотенъ и представляютъ собой самые заурядные поводы къ началу вѣдовскихъ процессовъ.

Не слѣдуетъ, конечно, думать, чтобы и въ тѣ времена всякій подобный оговоръ немедленно признавался достаточнымъ поводомъ для поднятія судебнаго дѣла. Въ спокойные годы, когда бредъ вѣдьмами лишь тлѣлъ подъ пепломъ, суды нерѣдко оставляли такія жалобы безъ всякаго вниманія, и въ хроникахъ намъ сохранились даже примѣры того, какъ власти вырывали изъ рукъ толпы несчастныхъ, надъ которыми она изъ-за подобныхъ подозрѣній готова уже была учинить варварскую расправу. Но стоило только страху предъ вѣдьмами разъ вспыхнуть въ данной мѣстности сильнѣе, и тѣ же самые суды оказывались способны придавать полный вѣсъ такимъ же и даже еще менѣе осязательнымъ уликамъ. Въ качествѣ характернаго образчика я приведу исторію возникновенія одного очень крупнаго процесса, который на исходѣ XVI вѣка настолько прославилъ «юстицію» баварскаго округа Шонгау, что ея служители предлагали даже правительству увѣковѣчить память объ этомъ постановкой въ самомъ Шонгау или въ его окрестностяхъ высѣченной изъ камня колонны.

У крѣпостного мужика штейнгаденскаго монастыря, лежавшаго въ сосѣдствѣ съ Шонгау, въ домѣ случилось сразу два несчастія—умеръ ребенокъ и тутъ же подохла свинья. Подозрѣвая, что вышло это не спроста, мужикъ пошелъ въ сосѣднее мѣстечко Кауфбейренъ, чтобы посовѣтоваться съ тамошнимъ палачомъ. Надо замѣтить, что по всеобщему убѣжденію того времени никто не могъ такъ хорошо распознавать вѣдьмъ, какъ палачи, которымъ случалось неоднократно ихъ пытать. Вернувшись послѣ разговора съ палачомъ домой, мужикъ подалъ въ судъ жалобу на одну изъ крестьянокъ, нѣкую Гейгеръ, обвиняя ее въ томъ, что это она своими чарами извела у него младенца и скотину. Судья арестовалъ было оговоренную женщину, но, нашедши обвиненіе недостаточно доказаннымъ, вскорѣ опять отпустилъ ее на свободу, и послѣ этого двѣнадцать лѣтъ въ округѣ не было никакихъ толковъ о вѣдьмахъ. Но въ 1587-мъ году на ту же Гейгеръ была подана новая жалоба—на этотъ разъ со стороны мѣстнаго живодера, который обвинялъ ее, что она извела у него двухъ коней—и Гейгеръ снова была взята въ тюрьму. При этомъ судья впалъ въ колебаніе. Самъ онъ былъ склоненъ теперь начать процессъ, но очень вліятельное въ округѣ лицо, штейнгаденскій прелатъ, усиленно совѣтовалъ ему опять направить дѣло къ прекращенію. Тогда судья

«переслалъ акты» въ Мюнхенъ Придворному Совѣту и получилъ оттуда такое указаніе: «оговоренную женщину слѣдуетъ попытать, но не накрѣпко». Вопреки общему правилу подсудимая устояла противъ пытки и была снова выпущена на свободу. Но дѣло это взволновало всю округу, и отовсюду стали слышаться голоса, что если скотскіе падежи такъ донимаютъ народъ, то виновата въ этомъ «все болѣе и болѣе распространяющаяся ужасная и гнусная язва вѣдовства». Такъ какъ подобные толки шли не прекращаясь, то въ дѣло вмѣшался, наконецъ, самъ герцогъ Фердинандъ, къ владѣніямъ котораго принадлежало Шонгау. По его приказанію въ 1589 году наряженъ былъ строжайшій сыскъ о вѣдьмахъ—и вѣдьмы отыскались въ великомъ множествѣ. Три года у суда въ Шонгау не было досуга для разбора всѣхъ прочихъ дѣлъ, и, наконецъ, больше шести десятковъ подсудимыхъ отправлены были на костеръ. При этомъ свидѣтельскія показанія отнюдь не отличались какой-нибудь особой убѣдительностью. «Старуха такая-то замѣчена въ томъ, что подбирала конскій пометъ—навѣрное, чтобы околдовать хозяина этого коня». «Старуху такую-то сосѣди видѣли во время сильной грозы стоявшей у себя на дворѣ» и т. д., и т. д. Однако если раньше судъ въ подобныхъ случаяхъ былъ еще способенъ колебаться, то теперь за всѣми этими показаніями признавалась полная убѣдительность. Надо замѣтить, что ради осторожности герцогъ пересылалъ всѣ акты на разсмотрѣніе ингольштадтскаго юридическаго факультета, и тотъ нашелъ, что дѣло по всѣмъ пунктамъ было проведено совершенно правильно.

Чтобы дать почувствовать, какая атмосфера водворялась въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ шелъ подобный сыскъ о вѣдьмахъ, я приведу еще одинъ отрывокъ изъ подлинныхъ слѣдственныхъ актовъ. Баварское мѣстечко Вемдингъ въ началѣ XVII столѣтія оказалось очень неблагополучно въ отношеніи вѣдовства. Въ 1609 году стараніями юстиціи оно разъ было уже очищено отъ вѣдьмъ и вѣдуновъ; но къ 1630 году обыватели снова не знали, куда отъ нихъ дѣваться. Тогда высшія власти отправили въ Вемдингъ особаго коммисара, чтобы произвести на этотъ счетъ подробное дознаніе. Комиссаръ Шмидъ привелъ къ присягѣ и допросилъ по этому поводу цѣлыхъ семьдесятъ пять свидѣтелей, и у всѣхъ почти нашлось, что ему поразсказать. Такого-то сосѣда обыватели заподозрѣвали въ сношеніяхъ съ нечистымъ потому, что у него «ужъ очень подходящій для этого цвѣтъ лица»; другого потому, что онъ все ходитъ скучный; третьяго потому, что у него въ домѣ постоянно случаются несчастія и дѣти хвораютъ какими-то странными болѣзнями; четвертаго, напротивъ, потому, что все ему уже

черезчуръ удается, и онъ богатѣетъ, тогда какъ другіе люди такъ же работаютъ, а ничего нажить не могутъ. Въ одной женщинѣ отмѣчали, какъ очень подозрительную вещь, что прежде она была веселаго нрава, а послѣ казни одной ея пріятельницы, сожженной за вѣдовство, она сразу совсѣмъ притихла; въ другой — что она приходитъ въ ужасъ, когда ребята на улицѣ показываютъ на нее пальцами. Одинъ вводилъ своихъ сосѣдей въ соблазнъ тѣмъ, что никогда въ жизни не носилъ четокъ; другой, напротивъ, казался подозрительнымъ, несмотря на то, что онъ очень прилежно посѣщалъ церковь: «кабы въ церкви было дѣло! въ церковь-то ходятъ всѣ вѣдьмы». Про одного сосѣда слѣдователю передавали, какъ онъ разъ оттрепалъ мальчишку, и тотъ сейчасъ же началъ тяжело хворать. Про одну сосѣдку разсказывали, что она отъ четырехъ дрянныхъ коровенокъ ухитряется дѣлать необыкновенные скопы масла, какихъ спроста не сдѣлаешь ни подъ какимъ видомъ. И всѣ подобныя деревенскія росказни слѣдователи заносили въ свои протоколы съ примѣрной тщательностью и съ полнымъ убѣжденіемъ въ важности собираемаго такимъ путемъ судебнаго матеріала. И населеніе, откуда шли такіе оговоры, тоже не сомнѣвалось, что съ слѣдственными разспросами по этимъ дѣламъ отнюдь нельзя шутить. Усердно занимаясь доносами на сосѣдей, оно все поголовно жило въ такое время подъ гнетомъ страха, который живо изображается намъ въ одномъ современномъ гоненіямъ на вѣдьмъ «листкѣ». «Во многихъ мѣстахъ дѣло дошло до того, что богобоязненные христіане перестаютъ ходить на богослуженіе, прячутъ свои четки и всячески остерегаются проявлять свое благочестіе, чтобы не показаться набожнѣе другихъ, ибо кто этого не остерегается, на того взводится обвиненіе въ вѣдовствѣ. Дьяволъ, такъ говоритъ невѣжественная, грубая толпа, учитъ своихъ подручныхъ и пріятельницъ, чтобы они казались благочестивыми, принимали причастіе, а потомъ прятали гостію за пазуху и всячески ее оскверняли. Онъ будто бы ихъ учитъ, чтобы они ходили въ церковь, но за обѣдней и за проповѣдью говорили про себя: попъ, ты лжешь; все, что ты дѣлаешь и говоришь, все ложь, ибо нѣтъ бога, кромѣ моего бога сатаны. И въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сами священники не смѣютъ совершать таинство Пресуществленія каждый день. Если же они это и дѣлаютъ, то потихоньку, такъ какъ иначе ихъ тоже легко заподозрѣваютъ въ вѣдовствѣ. Нѣтъ бреда злѣе и нѣтъ бреда распространеннѣе и позорнѣе, чѣмъ этотъ бредъ вѣдьмами, чѣмъ этотъ страхъ и трепетъ передъ ними».

Итакъ, коротко говоря, если въ періоды затишья такого бреда судъ не оказывался совсѣмъ глухъ къ голосу здраваго смысла, то

разъ страхъ передъ вѣдьмами почему бы то ни было разгорался, въ тюрьму по обвиненію въ вѣдовствѣ могло привести человѣка рѣшительно все. Въ такую пору надобно было стараться объ одномъ—чтобы ничѣмъ не привлекать на себя вниманія сосѣдей: иначе ничего не стоило быть взятымъ на допросъ. Причины же паническаго страха при мысли о такой возможности станутъ намъ ясны, когда мы познакомимся съ тѣмъ, въ чемъ заключалась сущность обвиненія въ вѣдовствѣ; и въ какихъ формахъ шелъ «вѣдовской процессъ».

Чтобы получить отвѣтъ на первый изъ поставленныхъ нами вопросовъ, довольно взять въ руки любое изъ тѣхъ офиціальныхъ «Наставленій къ допросу вѣдьмъ», которыми заботливо были снабжены въ XVI и XVII вѣкахъ суды различныхъ германскихъ государствъ. Одно изъ нихъ, входящее въ составъ Баденскаго «Земскаго Уложенія» 1588 года, я здѣсь и приведу въ довольно подробныхъ выдержкахъ.

Приступая къ допросу подсудимой, судья, согласно Наставленію, долженъ былъ прежде всего освѣдомиться, не доводилось ли ей слыхать про вѣдьмъ и ихъ «искусство», и если доводилось, то не разузнавала ли она изъ женскаго любопытства о томъ, какъ собственно вѣдьмы умудряются производить свои чарованья.

«Когда подсудимая въ этомъ сознается,—продолжаетъ Наставленіе,—то надобно далѣе предлагать ей слѣдующіе вопросы»:

„Не дѣлала ли и она сама какихъ-нибудь такихъ штучекъ, хотя бы самыхъ пустячныхъ — не вынимала ли, напримѣръ, молока у коровъ, не напускала ли гусеницы или тумана и т. п.? Также, у кого и при какихъ обстоятельствахъ удалось ей этому выучиться? Съ какого времени и какъ долго она этимъ занимается и къ какимъ прибѣгаетъ средствамъ? Какъ обстоитъ дѣло насчетъ союза съ нечистымъ? Было ли тутъ простое обѣщаніе, или оно скрѣплено было клятвой? И какъ эта клятва звучала?

„Отреклась ли она отъ Бога и въ какихъ словахъ? Въ чьемъ присутствіи, съ какими церемоніями, на какомъ мѣстѣ, въ какое время и съ подписью или безъ оной? Получилъ ли отъ нея нечистый письменное обязательство? Писано оно было кровью—и какой кровью—или чернилами? Когда онъ къ ней явился? Пожелалъ ли онъ брака съ ней или простого распутства? Какъ онъ звался? Какъ онъ былъ одѣтъ, и особенно какія у него были ноги? Не замѣтила ли она и не знаетъ ли въ немъ какихъ-нибудь особыхъ чертовскихъ примѣтъ?“

Далѣе слѣдуетъ рядъ детальныхъ циническихъ разспросовъ о томъ, какъ бѣсъ и подсудимая вели себя на брачномъ ложѣ, послѣ чего Наставленіе продолжаетъ:

„Вредила ли она въ силу своей клятвы людямъ и кому именно? Ядомъ? Прикосновеніемъ, заклятіями, мазями? Сколько она до смерти извела мужчинъ? женщинъ? дѣтей? Сколько она лишь испортила? Сколько беременныхъ женщинъ? Сколько скотины? Сколько она напустила тумановъ и подобныхъ вещей? Какъ собственно она это производила и что для этого пускала въ ходъ?

„Умѣетъ ли она также летать по воздуху и на чемъ она летала? Какъ она это устраиваетъ? Какъ часто она летаетъ? Куда случалось ей летать въ разное

время? Кто изъ другихъ людей, которые находятся еще въ живыхъ, бывалъ на ихнихъ сборищахъ?

„Умѣетъ ли она также скидываться какимъ-нибудь животнымъ и съ помощью какихъ средствъ?

„Давно ли праздновала она свадьбу съ своимъ любовникомъ? Какъ свадьба эта была устроена, кто на ней былъ и что тамъ подавались за кушанья? Особенно, какія были мясныя блюда, откуда было взято мясо, кто его принесъ, какой у него былъ видъ и вкусъ, было оно кисло или сладко? Также, было ли у нея на свадьбѣ и вино, и откуда она его добыла? Былъ ли и музыкантъ? И кто онъ былъ—человѣкъ или бѣсъ? Каковъ былъ онъ изъ себя? Сидѣлъ онъ на землѣ, или на деревѣ, или стоялъ? Также, какіе на помянутомъ собраніи были ихъ замыслы и когда у нихъ рѣшено было собраться снова? Гдѣ онѣ ночной порой учиняли свои пирушки—въ полѣ, въ лѣсу или въ погребахъ, и кто когда на нихъ бывалъ?

„Сколько малыхъ дѣтей съѣдено при ея участіи? Гдѣ они были добыты? Также, у кого были они взяты? или они были вырыты на кладбищѣ? Какъ онѣ ихъ готовили—жарили или варили? Также, на что пошла головка, ножки и ручки? Добывали ли онѣ изъ такихъ дѣтей тоже и сало, и на что оно имъ? Не требуется ли дѣтское сало, чтобы поднимать бури? Сколько родильницъ помогла она извести? Какъ это дѣлалось, и кто еще былъ при этомъ? Или не помогала ли она выкапывать родильницъ на кладбищѣ, и на что имъ это надобно? Также, кто въ этомъ участвовалъ и долго ли онѣ это варили? Не выкапывали ли онѣ также выкидышей и что онѣ съ ними дѣлали?

„Насчетъ мази. Разъ она летала, то съ помощью чего? Какъ мазь эта готовится и какого она цвѣта? Также, умѣетъ ли она сама ее приготовлять? Далѣе, всякій разъ, какъ имъ понадобится человѣческое сало, онѣ необходимо совершаютъ столько же убійствъ; и такъ какъ онѣ вытапливаютъ или вывариваютъ сало, то ихъ надобно спрашивать: что онѣ сдѣлали съ вареным или жаренымъ человѣческимъ мясомъ? Для мазей имъ всегда необходимо человѣческое сало изъ мертвыхъ или изъ живыхъ людей. Туда идетъ еще человѣческая кровь, папортниковое сѣмя и т. п., но сало непремѣнно туда входитъ, тогда какъ другія вещи иногда и опускаются. При этомъ отъ мертвыхъ людей оно идетъ для причиненія смерти людямъ и скотинѣ, а отъ живыхъ для полетовъ, для бурь, для того, чтобы дѣлаться невидимкой и т. п.

„Сколько съ ея участіемъ напущено было бурь, морозовъ, тумановъ? Сколько времени это продолжалось, и какой былъ въ каждомъ случаѣ вредъ? И какъ это дѣлается, и кто въ этомъ участвовалъ? Былъ ли ея любовникъ при ней на допросѣ или не приходилъ ли къ ней въ тюрьму?

„Доставала ли она также освященныя гостіи и у кого? Что она съ ними дѣлала? Являлась ли она также къ Причастію и потребляла ли его какъ слѣдуетъ?

„Какъ онѣ добываютъ уродовъ, которыхъ подкидываютъ въ колыбели вмѣсто настоящихъ младенцевъ, и кто имъ даетъ ихъ? Также, какъ она вынимала у коровъ молоко и превращала въ кровь? И какъ имъ можно отъ этого опять помочь? Можетъ ли она также пустить вино или молоко изъ ивы?

„Также какъ она дѣлала мужчинъ неспособными къ брачному сожитію? Какими средствами? И чѣмъ имъ можно опять помочь? Точно такъ же, какъ она молодыхъ и старыхъ людей лишала потомства, и какъ имъ можно опять помочь?..“

Итакъ, западно-европейская вѣдьма XV—XVII вѣковъ, образъ которой встаетъ здѣсь передъ нами во всѣхъ своихъ омерзительныхъ подробностяхъ, это не простая колдунья, какихъ знавали всѣ времена и всѣ народы. Родъ чародѣевъ и чародѣекъ, говоритъ по этому поводу одинъ изъ ученѣйшихъ современниковъ процессовъ вѣдьмъ, аббатъ Тритемій, дѣлится на четыре главныхъ вида. Одни въ своихъ преступныхъ дѣяніяхъ пользуются таинственными естественными средствами, какъ яды и т. п.; другіе знаютъ магическія слова, заклятія и знаки; третьи, какъ люди, занимающіеся некро-

мантіей, зовутъ себѣ на помощь нечистую силу, но не предаются ей вполнѣ; и наконецъ четвертый видъ образуютъ настоящіе «вѣдуны и вѣдьмы», которые формально отрекаются отъ Бога и признаютъ своимъ повелителемъ сатану, предаваясь ему при этомъ не только душою, но и тѣломъ, и получая отъ него умѣнье творить дѣянія, которыя не подъ силу другого порядка колдунамъ. При этомъ, какъ мы видѣли, вѣдуны и вѣдьмы въ отличіе отъ обыкновенныхъ колдуновъ и колдуній дѣйствуютъ не порознь, а скопомъ: они образуютъ преступное сообщество, періодически собирающееся на ужасные шабаши съ ихъ людоѣдскими оргіями, возможность къ чему даетъ имъ такъ рѣзко отличающая ихъ отъ прочихъ смертныхъ способность переноситься съ невѣроятной быстротой черезъ громадныя воздушныя пространства. И самое колдовство этой «чортовой шайки» носитъ особый характеръ. Тогда какъ другіе чародѣи по волѣ могутъ направлять свою таинственную силу во вредъ или на благо людямъ—могутъ, напримѣръ, напускать и могутъ излѣчивать болѣзни—вѣдьмы и вѣдуны творятъ лишь исключительно зловредныя дѣянія. Они обязаны къ тому своимъ договоромъ съ нечистымъ, и въ нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ нами «Наставленій» прямо предписывается спрашивать у подсудимыхъ, «не бьетъ ли ихъ дьяволъ, когда онѣ лѣниво относятся къ возложенной на нихъ работѣ и мало причиняютъ вреда людямъ». Отмѣтимъ, наконецъ, какъ характерную особенность «вѣдовства», что среди преданныхъ ему лицъ, по убѣжденію современниковъ, число мужчинъ было совершенно ничтожно сравнительно съ числомъ женщинъ. Поэтому всѣ соотвѣтственныя «Наставленія» и трактуютъ исключительно о томъ, какимъ порядкомъ надобно допрашивать вѣдьмъ, совсѣмъ пренебрегая вѣдунами.

Виновность подсудимаго по дѣйствовавшему въ Германіи XVI—XVII столѣтій Имперскому Уголовному Кодексу могла быть установлена двумя путями: или на основаніи собственнаго сознанія подсудимаго, или на основаніи свидѣтельствъ по крайней мѣрѣ двухъ достовѣрныхъ очевидцевъ. На основаніи же косвенныхъ уликъ, какъ бы онѣ въ совокупности ни были убѣдительны, судъ не имѣлъ права постановлять обвинительный приговоръ. Но при отсутствіи достаточныхъ для обвиненія свидѣтельскихъ показаній и при упорномъ запирательствѣ обвиняемаго имѣвшіяся противъ него косвенныя улики могли вести къ тому, что судъ постановлялъ вырвать у подсудимаго сознаніе силою пытки. Зная однако, какое ужасное орудіе давалось этимъ въ руки судебной власти, Имперскій Кодексъ обставлялъ примѣненіе пытки цѣлымъ рядомъ предосторожностей. Онъ предъявлялъ очень высокія требованія къ тѣмъ

показаніямъ, которыя судъ могъ принимать въ качествѣ «уликъ»; онъ разрѣшалъ приступать къ пыткѣ только тогда, когда на основаніи подобныхъ «убѣдительныхъ уликъ» виновность подсудимаго являлась уже «доказанной болѣе, чѣмъ на половину»; онъ, наконецъ, воспрещалъ чрезмѣрно затягивать пытку—по практикѣ большинства тогдашнихъ судовъ пытка въ обычныхъ уголовныхъ дѣлахъ не должна была длиться болѣе часа—и всякаго, выдержавшаго пытку безъ признанія приказывалъ немедленно считать оправданнымъ. Пытка могла повторяться только въ томъ случаѣ, если признавшійся было подсудимый бралъ свое показаніе назадъ, или же если въ дѣлѣ открывались совершенно новые факты, достаточные для коренного пересмотра всего процесса. Но вырванному пыткой показанію судъ тоже не долженъ былъ еще сразу давать полной вѣры. Онъ былъ обязанъ установить согласіе всѣхъ показанныхъ обстоятельствъ съ истиной, и только если подобное дополнительное слѣдствіе подтверждало разсказанные подсудимымъ на пыткѣ факты, судъ могъ приступать къ постановленію приговора.

Юристамъ XVI и XVII вѣка было однако совершенно ясно, что при строгомъ примѣненіи къ «вѣдовскимъ дѣламъ» всѣхъ этихъ закономъ установленныхъ предосторожностей успѣшное преслѣдованіе вѣдьмъ стало бы почти полной невозможностью. Дѣйствительно, по самому характеру тѣхъ преступленій, въ которыхъ обвинялись вѣдьмы, разборчиво относившійся къ свидѣтельскимъ показаніямъ судъ почти ни одной вѣдьмы не могъ бы не только прямо осудить, но и подвергнуть пыткѣ, такъ какъ сосѣдскія розсказни въ родѣ тѣхъ, какія мы приводили раньше, совсѣмъ не подходили подъ опредѣленіе, дававшееся Имперскимъ Кодексомъ понятію indicium (косвенная улика), а ничего болѣе осязательнаго въ рукахъ суда при этомъ обычно не оказывалось. Изъ этого затрудненія юристы выходили, относя вѣдовскія дѣла въ категорію такъ называемыхъ delicta excepta, существованіе которой обусловливалось тѣмъ возмутительнымъ съ нашей современной точки зрѣнія принципомъ, что исключительная тягость *предполагаемаго, возможнаго* преступленія вполнѣ позволяетъ суду и при отыскиваніи доказательствъ вины прибѣгать къ исключительнымъ мѣрамъ. «Въ дѣлахъ о вѣдьмахъ,—такъ разсуждалъ по этому предмету вліятельнѣйшій изъ нѣмецкихъ криминалистовъ XVII вѣка, знаменитый Бенедиктъ Карпцовъ,—въ виду того, что преступленія эти крайне тяжки и опасны, должно считать достаточнымъ основаніемъ для примѣненія пытки всякое подозрѣніе и всякую косвенную улику, ибо преступленія эти совершаются потаенно и мало оставляютъ по себѣ слѣдовъ. По этимъ вреднымъ и отвратительнымъ преступленіямъ, при

коихъ отыскиваніе доказательствъ очень трудно и кои совершаются таинственными путями, такъ что на тысячу преступниковъ развѣ одинъ можетъ быть судимъ и подвергнутъ заслуженной карѣ, совершенно не слѣдуетъ боязливо и добросовѣстно сообразоваться съ установленными правилами судопроизводства. Пытка можетъ быть повторяема неоднократно, такъ какъ при болѣе тяжкихъ преступленіяхъ надо прибѣгать и къ сильнымъ средствамъ. Судья тѣмъ болѣе въ правѣ пускать противъ вѣдьмъ въ ходъ особенно жестокую пытку, что при нихъ всегда состоитъ дьяволъ, помогающій имъ выдерживать мученія».

Согласно этому и «Наставленія къ допросу вѣдьмъ» указывали судьямъ, что при такихъ дѣлахъ имъ надо больше всего разсчитывать на палача. «Служители Божественной Юстиціи,—такъ выражается по этому поводу одно изъ подобныхъ Наставленій,—могутъ разсчитывать на желаннѣйшіе отвѣты, когда явится мастеръ Ой-ой, Ванечка-щекотунъ, и пощекочетъ стакнувшихся чортовыхъ женокъ чистенько и аккуратненько по всѣмъ правиламъ искусства тисочками на ручки и на ножки, лѣстницей и козломъ».

Итакъ, къ «пристрастному допросу» предполагаемой вѣдьмы судъ, въ сущности, могъ приступать, когда ему заблагоразсудится, и если нѣкоторые изъ судей предпочитали сначала пробовать болѣе мягкія средства, какъ продолжительное тюремное заключеніе или лишеніе подсудимой сна и пищи, то болѣе стремительные нерѣдко обращались за содѣйствіемъ палача по первому же доносу, разъ обвиняемая производила на нихъ неблагопріятное впечатлѣніе. А подозрительнымъ для опытнаго судьи при этомъ могло казаться все. «Если обвиняемая вела дурной образъ жизни,—такъ описываетъ современные ему судебные порядки извѣстный авторъ Cautio criminalis іезуитъ Шпе, безвременно посѣдѣвшій отъ ужасовъ, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ въ качествѣ духовника готовившихся къ смерти вѣдьмъ,—то, разумѣется, это доказательство ея связи съ дьяволомъ; если же она была благочестива и вела себя примѣрно, то ясно, что она притворялась, дабы своимъ благочестіемъ отвлечь отъ себя подозрѣніе въ связи съ дьяволомъ и въ ночныхъ путешествіяхъ на шабашъ. Затѣмъ, какъ она себя держитъ на допросѣ. Если она обнаруживаетъ страхъ, то ясно, что она виновна: совѣсть ее выдаетъ. Если же она, увѣренная въ своей невиновности, держитъ себя спокойно, то нѣтъ сомнѣній, что она виновна, ибо по мнѣнію судей вѣдьмамъ свойственно лгать съ наглымъ спокойствіемъ. Если она защищается и оправдывается противъ взводимыхъ на нее обвиненій, это свидѣтельствуетъ о ея виновности; если же въ страхѣ и отчаяніи отъ чудовищности

взводимыхъ на нее поклеповъ она падаетъ духомъ и молчитъ, это уже прямое доказательство ея преступности». Особенно пагубной оказывалась для подсудимыхъ попытка къ бѣгству при слухѣ объ угрожающемъ арестѣ: въ этомъ судъ видѣлъ всегда крайне тяжелую косвенную улику, вполнѣ достаточную для того, чтобы немедленно отправить захваченную бѣглянку въ застѣнокъ.

Самая пытка разсматривалась при этомъ, какъ родъ единоборства между «Божественной Юстиціей» и «отцомъ всякой лжи» діаволомъ. Въ тѣ времена, когда процессы вѣдьмъ въ Германіи находились еще въ рукахъ инквизиціи, судьи-монахи охотно прибѣгали при этомъ поединкѣ къ чисто духовнымъ средствамъ. Они служили передъ началомъ пытки мессу за ея успѣхъ, они поили подсудимыхъ на тощій желудокъ святой водой, чтобы дьяволъ на пыткѣ не могъ связать имъ языкъ, они обвертывали подсудимыхъ по голому тѣлу лентой «длиною въ ростъ Спасителя», гдѣ были начертаны семь словъ Спасителя, произнесенные на крестѣ; лента эта, по ихъ увѣренію, отягощала виновныхъ хуже всякихъ цѣпей; въ случаѣ, если подсудимая выдерживала всѣ мученія безъ стона и безъ капли слезъ, они читали особо составленныя на этотъ случай заклинанія и т. п.[1]). Свѣтскимъ, въ особенности протестантскимъ судамъ къ подобнымъ мѣрамъ, конечно, уже не полагалось прибѣгать. Зато они съ особой тщательностью принимали другую мѣру предосторожности и неукоснительно приказывали палачу передъ началомъ допроса сбривать у подсудимой всѣ волосы на тѣлѣ, чтобы она нигдѣ не могла запрятать какого-нибудь микроскопическаго амулета, способнаго сдѣлать ее нечувствительной къ страданіямъ. Другой столь же обыкновенной предварительной операціей было отыскиваніе на тѣлѣ подсудимой «вѣдовской печати», т.-е. знака, которымъ помѣтилъ вѣдьму дьяволъ немедленно по заключеніи съ ней договора. Печатью этой признавалось любое пятнышко на кожѣ, которое оказывалось нечувствительнымъ къ уколу. Разъ такая печать была отыскана, у судей не оставалось уже сомнѣній въ виновности подсудимой, и пытка должна была только вырвать у ней подробное описаніе ея злодѣйствъ. Но, если, несмотря на всѣ старанія палача, подобной мѣтины не находилось, то это все же не останавливало пытки; она лишь измѣняла свою ближайшую задачу.

---

[1]) „Заклинаю тебя горькими слезами, кои пролиты были Спасителемъ на крестѣ, пролиты были Матерью Его надъ Его ранами и пролиты были всѣми Святыми и Избранниками Божіими на этомъ свѣтѣ—если ты невинна, пусть у тебя льются слезы, если же ты виновна, то пусть совсѣмъ не льются. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь“.

Однако даже при соблюденіи всѣхъ опытомъ указанныхъ предосторожностей и при содѣйствіи вполнѣ прошедшаго свою науку палача, «выпытать» у запирающихся «чортовыхъ женокъ» «желанные отвѣты» часто оказывалось дѣломъ очень нелегкимъ. «Легче дрова колоть, чѣмъ вести дѣла объ этихъ ужасныхъ женщинахъ», такъ восклицалъ одинъ баварскій судья XVII вѣка. Дѣйствительно, дошедшіе до насъ судебные протоколы показываютъ, что иныя изъ обвиняемыхъ проявляли поразительную силу сопротивленія. Пытку мало-по-малу поднимали съ низшихъ ея степеней, которыя именовались «человѣчными», до высшихъ, которыя самъ судъ не могъ не признавать безчеловѣчными, а подсудимыя все не сознавались, или, сознавшись, немедленно по прекращеніи пытки брали свои показанія назадъ. Пытку повторяли одинъ разъ за другимъ—высшее записанное число доходитъ до 53,—а подсудимыя упорно продолжали твердить о своей невинности, и многія умирали въ застѣнкѣ, не сказавъ того, чего отъ нихъ требовали судьи. Тутъ дѣйствовалъ не одинъ страхъ казни, являвшейся неизбѣжнымъ послѣдствіемъ признанія. Напротивъ, для многихъ, кто разъ побывалъ на пыткѣ, какъ это свидѣтельствуетъ тотъ же Шпе, и какъ этому всякій охотно повѣритъ, она казалась «ужаснѣе десяти смертей, если бы это было возможно». Но, кромѣ естественнаго отвращенія къ тому, чтобы взвести на себя всѣ ужасы, которые перечислялись въ «Наставленіяхъ», иныхъ изъ подсудимыхъ поддерживала въ этой отчаянной борьбѣ боязнь навѣки погубить свою душу. Солгать передъ судомъ, въ особенности же оболгать невинныхъ, назвавъ упорно требуемыя имена сообщницъ, это являлось въ ихъ собственныхъ глазахъ смертельнымъ грѣхомъ, и мысль объ адѣ давала этимъ несчастнымъ силу упорно переносить самыя адскія мученія. «Я невинна, Господи Іисусе, не оставь меня, помоги мнѣ въ моихъ мукахъ... Господинъ судья, объ одномъ молю Васъ, осудите меня невинною. О Боже, я этого не дѣлала; если бы я это дѣлала, я бы охотно созналась. Осудите меня невинной. Я охотно умру...» Такими раздирающими воплями оглашались тогда застѣнки. Наконецъ, нерѣдко упоминаемые въ протоколахъ случаи, что подсудимыя выносили пытку, не мѣняясь въ лицѣ и не издавая ни звука, «хотя въ нихъ били, какъ въ шубу», должны быть относимы насчетъ состоянія такъ называемой «истерической анэстезіи»—предположеніе, которое приходится признать болѣе чѣмъ вѣроятнымъ въ виду несомнѣннаго присутствія среди мнимыхъ вѣдьмъ множества нервнобольныхъ женщинъ.

Но для суда все это имѣло лишь одно объясненіе; все это были козни дьявола, надъ которыми необходимо было восторже-

ствовать искуснымъ веденіемъ допроса изъ-подъ пытки. Присутствіе дьявола въ застѣнкѣ дѣйствительно чудилось судьямъ постоянно. Послушаемъ опять того же Шпе. «Если несчастная женщина на пыткѣ отъ нестерпимыхъ мукъ дико вращаетъ глазами, для судей это значитъ, что она ищетъ глазами своего дьявола; если же она съ неподвижными глазами остается напряженной, это значитъ, что она видитъ своего дьявола и смотритъ на него. Если она находитъ въ себѣ силу переносить ужасы пытки, это значитъ, что дьяволъ ее поддерживаетъ и что ее необходимо терзать еще сильнѣе. Если она не выдерживаетъ и подъ пыткой испускаетъ духъ, это значитъ, что дьяволъ ее умертвилъ, дабы она не сдѣлала признаній и не открыла тайны». И такъ разсуждали не какіе-нибудь дикари, а во многихъ отношеніяхъ дѣйствительно образованные юристы XVII вѣка. Имя помянутаго уже нами Бенедикта Карпцова не даромъ до сихъ поръ славится въ лѣтописяхъ германской юриспруденціи, что̀ не мѣшаетъ ему оставаться авторомъ такого рода резолюцій на пересылавшіеся ему акты: «Такъ какъ изъ актовъ явствуетъ, что дьяволъ такъ прихватилъ Маргариту Шпарвицъ, что она, не пробывъ и получаса растянутой на лѣстницѣ, съ отчаяннымъ крикомъ испустила духъ и свѣсила голову, откуда видно было, что дьяволъ умертвилъ ее изнутри ея тѣла, и такъ какъ нельзя не заключить, что съ ней дѣло обстояло неладно также изъ того обстоятельства, что она ничего не отвѣчала во время пытки, то мертвое ея тѣло согласно справедливости должно быть закопано живодерами между висѣлицъ».

Страшно подумать о томъ, что при такихъ условіяхъ творилось въ застѣнкахъ, гдѣ обвиняемыя по пунктамъ должны были отвѣчать на всѣ включенныя въ «Наставленія» вопросы. «Въ юности моей,—такъ писалъ объ этомъ въ началѣ XVII вѣка одинъ изъ очевидцевъ, протестантскій пасторъ Мейфартъ,—мнѣ приходилось присутствовать при этихъ допросахъ. Что же это за ужасъ! О, дорогіе братья во Христѣ, я видѣлъ, какъ палачи и мучители приводили чудно созданное человѣческое тѣло, на красоту котораго радуются сами ангелы, въ такой позорный видъ, что, вѣроятно, самимъ чертямъ становилось завидно, какъ это могутъ находиться люди, которые въ такомъ благородномъ искусствѣ затмеваютъ адскихъ духовъ. Я видѣлъ, какъ палачи мозжатъ стройное человѣческое тѣло, какъ они расшатываютъ его во всѣхъ суставахъ, какъ они заставляютъ глаза вылѣзать изъ орбитъ, вывертываютъ стопы изъ голеней, плечи изъ лопатокъ, какъ они то вздуваютъ жилы, то заставляютъ ихъ спадаться, какъ они то вздергиваютъ человѣка на воздухъ, то съ размаху швыряютъ его объ полъ, какъ они

свертываютъ его кольцомъ и скрючиваютъ въ три погибели. Я видѣлъ, какъ палачи работали плетьми, какъ они сѣкли розгами, дробили кости тисками, навѣшивали гири, кололи иглами, перекручивали веревками, жгли сѣрой, поливали масломъ, палили факелами. Да, я свидѣтель всему этому позору и долженъ громко объ этомъ вопіять. Дива достойно, какъ это столько факультетовъ, столько коллегій при университетахъ, при высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ и при судахъ съ такою легкостью даютъ свои заключенія, что подсудимаго надо подвергнуть пыткѣ. Слѣдовало бы постановить, чтобы никто—будь онъ тамъ докторъ, лиценціатъ или магистръ—не допускался къ дачѣ подобныхъ заключеній, разъ самъ онъ не посмотрѣлъ на все это собственными глазами... Тутъ идутъ въ дѣло стулья и люльки изъ гвоздей; да не могу я всего этого припоминать, такъ все это ужасно, гнусно и достойно проклятія... Велико здѣсь твое долготерпѣніе, Господи Іисусе!»

«Господь по неизмѣримой своей благости,—такъ возражали на подобные протесты авторитеты въ родѣ Дельріо и Бинсфельда,—самъ никогда не попуститъ, чтобы при искорененіи вѣдьмъ легко могли страдать невинные». И долговременный судебный опытъ показывалъ, что они правы. Въ концѣ-концовъ изъ тѣхъ, кто разъ переступалъ порогъ застѣнка, никто почти не оказывался невиннымъ, и благодаря усердному содѣйствію заплечныхъ мастеровъ «служители Божественной Юстиціи» развязывали, наконецъ, связанный дьяволомъ языкъ, который и выговаривалъ всѣ «желанные для правосудія отвѣты».

Съ тѣмъ, какъ звучали подобные отвѣты, насъ лучше всего познакомятъ нѣсколько характерныхъ выдержекъ изъ подлинныхъ отчетовъ о вѣдовскихъ дѣлахъ.

Въ 1597-омъ году въ имперскомъ городѣ Гельнгаузнѣ попала на допросъ 69-лѣтняя вдова поденщика Клара Гейслеръ. Ее оговорила одна изъ ранѣе казненныхъ вѣдьмъ: «Клара де распутница, она сразу живетъ съ тремя чертями, вырыла изъ могилъ сотни невинныхъ младенцевъ и извела много народа». На судѣ Клара добромъ ни въ чемъ не пожелала сознаться. Тогда ей ущемили пальцы въ тиски и начали ставить различные вопросы; но «дьяволъ навелъ на нее упорство, и она крѣпко стояла на своемъ». Однако когда ей стали «мозжить ноги и надавили посильнѣе», то она «жалостно завопила, что все, о чемъ ее допрашиваютъ, сущая правда: она пьетъ кровь дѣтей, которыхъ воруетъ, когда летаетъ по ночамъ; она ихъ извела душъ шестьдесятъ; она назвала и еще вѣдьмъ около двадцати, которыя бывали у нихъ на танцахъ; покойнаго старшины жена, показала она, распоряжется и вылетами,

и пирушками; она призналась также, что при ней всегда находится чортъ въ видѣ кошки; съ нимъ вмѣстѣ она, тоже скинувшись кошкой, ночью бѣгаетъ по крышамъ и получаетъ отъ него утѣхи». Но какъ только пытку прекратили, она сейчасъ же все взяла назадъ: «Все это де сказала она отъ муки, все это выдумка, гдѣ нѣтъ ни слова правды». «Ради Бога и ради Господа нашего Іисуса Христа, молила она, должны они пожалѣть ее; женщина она хворая, и отъ болѣзней у ней и въ головѣ часто бываетъ не ладно». «И про другихъ, кого она оговорила, она тоже ничего такого не знаетъ: сказала она лишь то, что про нихъ толкуютъ въ народѣ; и ихъ она просила пощадить». Тогда «высокопочтенные слѣдователи» рѣшили, что «преступницу надо покамѣстъ заключить въ тюрьму и не давать ей ѣсть, чтобы посмотрѣть, какъ ее будетъ кормить ея любовникъ-дьяволъ», а что тѣмъ временемъ «надо будетъ взять на допросъ кое-кого изъ оговоренныхъ ею злодѣекъ и поспрашивать ихъ добромъ или съ пристрастіемъ». Когда же одна изъ новыхъ подсудимыхъ поразсказала о Кларѣ Гейслеръ такія дѣла, «которыя оказывались гораздо страшнѣе и безчеловѣчнѣе того, что та сама о себѣ показала изъ-подъ пытки», то и Клару снова взяли въ застѣнокъ. Прихваченная тисками сразу за руки и за ноги, она было сказала «да» на всѣ предложенные ей новые вопросы, но безъ тисковъ она опять отъ всего отреклась и «впала въ такое безумство, что стала звать судей и палачей къ отвѣту передъ Судомъ Господнимъ». Понадобилась третья пытка, которая длилась нѣсколько часовъ и производилась «накрѣпко», чтобы преступница, наконецъ, созналась вполнѣ. «Я болѣе 40 лѣтъ распутничала со множествомъ чертей, которые являлись ко мнѣ въ видѣ кошекъ и собакъ, а то и въ видѣ червяковъ и блохъ. Я погубила жалкой смертью болѣе 240 человѣкъ, старыхъ и молодыхъ; я родила отъ своихъ чертей 17 душъ дѣтей, всѣхъ ихъ убила, съѣла ихъ мясо и выпила ихъ кровь. За 30 или 40 лѣтъ я много разъ въ широкой округѣ поднимала бури и девять разъ сводила огонь па дома. Я хотѣла было спалить дотла и весь нашъ городъ, но демонъ, который зовется Бурсіанъ, мнѣ не велѣлъ, говоря, что онъ еще много женщинъ сумѣетъ тутъ обратить въ вѣдьмъ и заставить служить себѣ, какъ Богу». Къ концу пытки она стала блѣднѣть и слабѣть, когда же ее освободили, она упала бездыханнымъ трупомъ. «Дьяволъ,—такъ говоритъ судебный отчетъ,—не захотѣлъ, чтобы она еще что-нибудь выдала, и ради того свернулъ ей шею». Трупъ ея былъ сожженъ. Процессъ этотъ былъ преданъ широкой гласности, такъ какъ на немъ впервые «изъ достовѣрнаго показанія самой вѣдьмы выяснилось, что дьяволъ мо-

жетъ являться и дѣйствовать также въ образѣ блохи или червя». Помимо же этого, въ показаніяхъ Клары Гейслеръ для современниковъ не было ничего удивительнаго. Дѣйствительно, точь въ точь такіе же разсказы съ страшнымъ однообразіемъ наполняютъ безчисленное множество дошедшихъ до насъ отчетовъ о процессахъ.

Въ 1616 году, по приказанію вюртембергскаго герцогскаго правительства, судъ принялся усиленно заботиться объ очищеніи страны отъ вѣдьмъ. Схвативъ одну женщину изъ Сересгейма, которая прозывалась «матерью всѣхъ вѣдьмъ», онъ выпыталъ изъ нея такія показанія: «Я съ незапамятнаго времени сдѣлалась вѣдьмой. Я извела сотни четыре дѣтей, въ томъ числѣ и троихъ изъ собственныхъ. Всѣ они были потомъ вырыты изъ могилъ, сварены и частью съѣдены, частью же пущены на мази и на другія волшебныя снадобья. Косточки ногъ пошли на дудки. У собственнаго родного сына я извела жену и двоихъ дѣтей; обоихъ своихъ мужей я много лѣтъ изводила и подъ конецъ погубила на смерть. Съ чортомъ распутничала я безконечно. За 40 лѣтъ я навела безчисленное множество пагубныхъ бурь на протяженіи многихъ миль вдоль Гейхельбергскихъ горъ. На этихъ горахъ пять разъ въ году бываетъ шабашъ. Туда собирается до двухъ съ половиною тысячъ всякаго люда: бѣдныхъ, богатыхъ, молодыхъ и старыхъ, кое-кто и очень знатнаго рода». «Она говорила также: Не будь насъ, вѣдьмъ, подданнымъ вюртембергскимъ всегда бы можно было пить вино вмѣсто воды, да и посуда у нихъ была бы ужъ не глиняная, а серебряная». Она объяснила, что если столько женщинъ поддаются такому соблазну, то виноваты пьяницы-мужья, которые ихъ колотятъ. Она указала судьямъ и примѣты, по которымъ вѣдьмъ можно узнавать. Судъ сумѣлъ воспользоваться ея указаніями, и слѣдомъ за «матерью вѣдьмъ» было сожжено множество другихъ женщинъ.

Одну очень обычную подробность—оскверненіе гостіи—даетъ намъ такое показаніе, извлеченное Янсеномъ изъ франконскихъ архивовъ. «Я,—такъ призналась подсудимая послѣ цѣлаго ряда жестокихъ пытокъ,—я вырыла и сварила 16 дѣтей. Изъ сала ихъ я приготовила волшебную мазь и намазала ею между прочимъ троихъ собственныхъ дѣтей, чтобы ихъ искалѣчить. Я постоянно вылетала въ трубу на танцы, гдѣ музыкантъ, сидя на липѣ между вѣтвей, высвистываетъ на дудочкѣ танецъ: Pfeifen wir den Firlefanz, den Burlebanz. Такихъ собраній бываетъ четыре въ году. На прошлой недѣлѣ въ четвергъ, явившись къ Св. Причастію, я вынула гостію изо рта и сунула ее къ себѣ за пазуху. Попавъ потомъ въ тюрьму, я дала ее пришедшему ко мнѣ демону Бурсерану, и тотъ

принялся ее такъ колоть, что полилась кровь. Потомъ онъ надругался надъ ней такъ скверно, какъ только можно».

«Я самолично былъ свидѣтелемъ,—говоритъ про подобныя показанія тотъ же Мейфартъ,—какъ мучили на пыткѣ старухъ, у которыхъ меньше оставалось разума, чѣмъ у малыхъ дѣтей, и какъ онѣ показывали такія сумасшедшія вещи, которыя даже въ горячечномъ бреду другому не могли придти бы въ голову... И онѣ должны были за это идти на смерть». «Чего только не дѣлаютъ обезумѣвшіе люди! Можно найти старухъ, которыя обвиняютъ молодыхъ женщинъ, что тѣ изъ шеи рожали ребятъ ростомъ съ мизинецъ. Я правду говорю: я самъ разъ слышалъ, какъ одна старуха твердо стояла на подобномъ нелѣпѣйшемъ, идіотскомъ показаніи. Я могъ бы изъ собственнаго опыта поразсказать немало вещей и еще невѣроятнѣе и ужаснѣе, если бы перо не отказывалось ихъ передавать». Тюрьма и пытка, продолжаетъ Мейфартъ, какъ будто обливаютъ подсудимыхъ какою-то водой безумія, такъ что они показываютъ, не запнувшись, рѣшительно ни съ чѣмъ несообразныя вещи. «Одинъ мужикъ показывалъ, что онъ танцовалъ въ воздухѣ съ Иродіадой и леталъ по воздуху съ Пилатомъ». «Другіе признавались, что они въ одно мгновеніе ока перелетали въ Испанію, во Францію, въ Грецію, въ Персію и тамъ пировали въ императорскихъ, королевскихъ и княжескихъ палатахъ. Другія еще разсказывали, что онѣ черезъ такія маленькія щелочки, куда и мыши не пролѣзть, забирались въ погреба и тамъ угощались виномъ или что онѣ скидывались кошками, совами и воронами». «И съ этими-то нелѣпыми, язычески-сказочными вещами,—заключаетъ Мейфартъ,—такъ носятся разбирающіе дѣла о вѣдьмахъ судьи».

Приведенные выше документы даютъ отвѣтъ и на вопросъ, почему казни вѣдьмъ по общему правилу носили массовый характеръ. Вѣдьма считалась членомъ преступной шайки. Она являлась непремѣнной посѣтительницей ужасныхъ шабашей. Понятно, что судъ не могъ не интересоваться, кого же подсудимыя еще встрѣчали на такихъ собраніяхъ, и съ крайнею настойчивостью допытывался у нихъ объ этомъ. Правда, по общимъ уголовнымъ законоположеніямъ той эпохи оговоръ обвиненнымъ другихъ лицъ въ сообщничествѣ не принимался не только за настоящее свидѣтельство, но даже за «улику», достаточную для привлеченія оговореннаго къ пристрастному допросу. Судъ долженъ былъ искать противъ оговореннаго другихъ уликъ; если же ихъ не находилось, то онъ обязанъ былъ оставить оговореннаго въ покоѣ. Но, какъ мы видѣли, «въ виду исключительной тягости преступленія» судебная практика выработала для процессовъ вѣдьмъ совсѣмъ особыя нормы,

и привлеченіе къ суду на основаніи оговора изъ-подъ пытки, съ которымъ мы встрѣтились на помянутыхъ нами процессахъ въ Гельнгауэнѣ и Виртембергѣ, представляло собой общій порядокъ при всѣхъ такихъ дѣлахъ. Оговоръ однимъ лицомъ и тутъ, впрочемъ, не признавался еще самъ по себѣ достаточнымъ основаніемъ, чтобы сразу взять оговореннаго въ застѣнокъ. Но если противъ человѣка оказывались еще другія подозрѣнія, или если двѣ подсудимыхъ согласно показывали на одно и то же лицо, то судъ имѣлъ полное право считать вину полудоказанной и требовать у оговоренныхъ полнаго сознанія при помощи извѣстныхъ намъ средствъ. Не много пользы приносило обвиняемымъ и безусловное требованіе Имперскаго Кодекса, чтобы сдѣланныя подсудимымъ признанія, особенно если они были у него вырваны пыткой, строжайше свѣрялись съ наличностью объективно установленныхъ обстоятельствъ и въ случаѣ противорѣчія больше не принимались судомъ въ расчетъ. Во множествѣ процессовъ свидѣтели показывали суду, что въ то число, когда подсудимая по собственному своему признанію яко бы распутничала на шабашѣ, она въ дѣйствительности всю ночь спала спокойно рядомъ съ мужемъ на супружеской постели. Но для суда это еще не являлось доказаннымъ alibi. Всякому свѣдущему въ дѣлѣ человѣку твердо было извѣстно, что такое противорѣчіе можетъ имѣть два объясненія. Во-первыхъ, при страшной быстротѣ своего передвиженія вѣдьма могла съ вечера слетать на шабашъ такъ скоро, что никто и не успѣлъ замѣтить ея отсутствія. Но если даже случайно кто-нибудь въ домѣ не спалъ всю ночь и утверждалъ, что подсудимая даже на четверть часа никуда изъ дому не отлучалась, то и на это у суда былъ готовый отвѣтъ. Ясно, что дьяволъ, покрывая свою сообщницу, скинулся ею и въ ея образѣ спалъ рядомъ съ ея мужемъ все время, пока она летала. Такой способностью дьявола принимать свободно любой образъ легко объяснялись для суда и разныя другія мудреныя съ виду вещи. Не разъ случалось, что подсудимая точно указывала, какого изъ сосѣдскихъ младенцевъ вѣдьмы вырыли изъ могилы на лакомство, на дудки и на мази, и что по вскрытіи могилы тамъ находился никѣмъ нетронутый трупъ указаннаго ребенка. Но судъ и въ этомъ случаѣ находилъ возможнымъ признавать, что дѣло тутъ въ ludificatio daemonum, что дьяволъ и суду и всѣмъ присутствующимъ просто отводитъ глаза, скинувшись полуразложившимся трупомъ.

Въ такихъ условіяхъ стоило разъ начаться сыску о вѣдьмахъ, и процессы шли одинъ за другимъ нескончаемой чередою. Правда, не отъ всякой подсудимой, какъ мы уже замѣтили, было легко

добиться «именъ сообщницъ». По прирожденной совѣстливости или изъ страха взять передъ вѣрной смертью на душу тяжкій грѣхъ, многія отговаривались или тѣмъ, что на шабашѣ всѣ вѣдьмы бываютъ въ маскахъ, или что тамъ у нихъ никогда не бывало никого знакомыхъ, или же онѣ называли имена умершихъ лицъ. Но для суда всѣ эти отговорки были слишкомъ хорошо извѣстной дьявольской уловкой, и пытка, наконецъ, сламывала такое сатанинское упорство. Другія же подсудимыя и сами охотно шли суду навстрѣчу. Съ цѣлью возможно запутать и растянуть процессъ или просто въ бѣшенствѣ отъ мукъ, которыя имъ приходилось принимать отъ руки правосудія, многія оговаривали всѣхъ, кого только могли припомнить, и называли имена десятками. При этомъ, разъ подсудимыхъ было хоть только двѣ, совпаденіе оговоровъ на нѣкоторыхъ лицахъ оказывалось вещью почти неизбѣжной, даже если судъ и не помогалъ тутъ, напоминая обвиняемымъ имена казавшихся ему особенно подозрительными женщинъ. На новой пыткѣ назывались новыя имена, и при такомъ порядкѣ, по справедливому замѣчанію Рицлера, надобно удивляться не тому, съ какою быстротой могли плодиться подобные процессы, а тому, какъ они могли наконецъ останавливаться.

О числѣ жертвъ, которыя способна оказывалась уносить раздуваемая такими оговорами травля вѣдьмъ, и о характерѣ, который она принимала въ различныхъ случаяхъ, намъ могутъ дать понятіе отрывки изъ нѣкоторыхъ современныхъ описываемымъ событіямъ хроникъ и Hexenzeitungen.

«Въ 1589 году,—повѣствуетъ намъ хроника Іоахима Штрунка,—въ Вестфаліи въ Оснабрюкѣ спалили 133 души изъ колдовского отродья. А вышло это такъ. На Блоксбергъ собралось изъ разныхъ странъ до 8.000 чародѣевъ: тутъ были и старые, и молодые, богатые и бѣдные. Послѣ собранія все это скопище разбрелось по 14 погребамъ въ Нордгеймѣ, Остероде, Ганноверѣ и Оснабрюкѣ и начисто вытянуло около пяти возовъ вина. Двѣ вѣдьмы въ Оснабрюкѣ совсѣмъ перепились и заснули въ погребѣ, гдѣ работникъ ихъ утромъ и засталъ. Работникъ сейчасъ же сказалъ объ этомъ хозяину, хозяинъ побѣжалъ къ бургомистру (надо замѣтить, что тогдашній бургомистръ Гаммахеръ, воспитанникъ Эрфуртскаго и Виттенбергскаго университетовъ, и раньше проявлялъ большую ревность по очищенію города отъ вѣдьмъ), и бургомистръ самъ скрутилъ спящихъ и отправилъ ихъ на строгій допросъ. Онѣ тотчасъ же выдали еще 92 женщины въ городѣ и 73 въ сельской округѣ, и было дознано, что онѣ всѣ своимъ колдовствомъ и снадобьями погубили далеко за триста человѣкъ, что

онѣ покалѣчили 64 человѣка и очень многихъ заставили отъ любви сойти съ ума. Въ городѣ потомъ сразу спалили 133 колдуньи, но четырехъ изъ нихъ, самыхъ красавицъ, дьяволъ живыми унесъ въ воздухъ, прежде еще чѣмъ онѣ попали на костеръ». Въ общемъ стараніями ревностнаго бургомистра въ Оснабрюкѣ за шесть лѣтъ было сожжено свыше 400 вѣдьмъ, при сравнительно очень небольшомъ населеніи.

Въ 1616 году,—читаемъ мы въ одномъ франконскомъ «листкѣ о вѣдьмахъ»,—въ вюрцбургскомъ городкѣ Герольцгофенѣ одинъ поденщикъ у себя въ погребѣ ночью накрылъ четырехъ старухъ и отправилъ ихъ въ судъ. На судѣ онѣ призналисъ, что онѣ вѣдьмы и дали такое показаніе: «Во всемъ Герольцгофенскомъ судебномъ округѣ,—говорили онѣ,—врядъ ли найдется человѣкъ 60 старше семилѣтняго возраста, которые не были бы совсѣмъ причастны колдовству». По ихъ указанію было арестовано сначала еще три женщины. За этими тремя послѣдовало новыхъ пять, потомъ еще десять, потомъ было арестовано еще 14 человѣкъ, въ томъ числѣ трое мужчинъ. Всѣ заподозрѣнные кончили на кострѣ. Затѣмъ сразу забрано было 26 человѣкъ, которыхъ всѣхъ постигла та же участь. Такъ какъ людей, вина которыхъ стала почти несомнѣнной вслѣдствіе совпаденія нѣсколькихъ оговоровъ, оказалось послѣ этого несчетное количество, то въ дѣло вмѣшался самъ князь-епископъ и издалъ указъ такого рода: «Отнынѣ должны мѣстные власти еженедѣльно по вторникамъ, кромѣ дней великихъ праздниковъ, учинять сожженіе вѣдьмъ. Каждый разъ ихъ надо ставить на костеръ и сжигать душъ 25 или 20 и никакъ уже не меньше, чѣмъ 15». Но дѣло не ограничилось Герольцгофеномъ. Епископъ потребовалъ, чтобы очищены были отъ вѣдьмъ всѣ его владѣнія. Для этого въ Герольцгофенъ были приглашены блюстители правосудія изъ другихъ мѣстъ. «Тамъ имъ было строжайше наказано приступить къ сожженію вѣдьмъ и вручены списки всѣхъ, которыхъ удалось обнаружить». Въ самомъ Герольцгофенѣ при этомъ за два года сожжено было 187 человѣкъ. Но и другіе суды не остались глухи къ внушенію епископа, какъ можно судить по записямъ въ домашней хроникѣ одного семейства изъ небольшого вюрцбургскаго городка Цейль. «Въ семъ 1616 году на Ивановъ день начали забирать колдуній или вѣдьмъ, и первою попалась Елисавета Букелева, Ивана Букеля жена. 26 ноября у насъ въ Цейлѣ сожгли девять цейльскихъ женщинъ, какъ вѣдьмъ: то было первое паленье.—Въ семъ 1617 году 6-го марта, устроили второе паленье колдуній: ихъ на костеръ поставили четыре души. 13-го апрѣля сожгли Анну Рютзову, Ивана Вейера хозяйку, которая

удавилась въ тюрьмѣ изъ-за своего колдовства. 26-го іюня опять сожгли одного колдуна и трехъ колдуній. 7-го августа одна вѣдьма или колдунья умерла въ тюрьмѣ: ее тоже сожгли. 22-го августа у насъ въ Цейлѣ еще сожгли 11 чертовокъ, которыхъ отправилъ на тотъ свѣтъ новый палачъ Эндрессенъ изъ Эльтмана. 27-го сентября опять сожгли одну старую вѣдьму, которая отъ крѣпкой пытки умерла въ тюрьмѣ. 4-го октября опять сожгли девять колдуновъ. 16-го декабря опять сожгли у насъ 6 колдуновъ».

Нерѣдко такіе процессы растягивались на многіе и многіе годы. «Зимой 1572 года,—повѣствуетъ хроника маленькаго эльзасскаго городка Танна,—здѣсь для начала сожгли четырехъ такъ называемыхъ вѣдьмъ, и эти экзекуціи длились до 1620 года, такъ что за 40 лѣтъ только у насъ частью изъ самаго города, частью изъ прилегающихъ деревень забрали, пытали, казнили и сожгли около 152 человѣкъ. Мужчинъ изъ нихъ было всего душъ восемь. Померли осужденные частью съ покаяніемъ, а частью безъ покаянія. Въ это же самое время такія же экзекуціи шли повсюду. Въ Эльзасѣ, Швабіи и въ Брейсгау такихъ преступницъ сожжено было до 800. Дѣло шло такъ, что чѣмъ больше палили подобныхъ вѣдьмъ или колдуній, тѣмъ больше ихъ являлось, словно бы онѣ зарождались въ этомъ пеплѣ».

При особо неблагопріятномъ стеченіи обстоятельствъ—когда народная фантазія подъ вліяніемъ различныхъ бѣдствій была особенно раздражительна, а слабость правителей допускала крупныя злоупотребленія въ судебномъ вѣдомствѣ—такого рода процессы пріобрѣтали иногда прямо характеръ общественной катастрофы и оказывались способными опустошать цѣлыя территоріи. Такъ было, напримѣръ, въ Трирѣ въ концѣ XVI вѣка. «Такъ какъ въ народѣ — пишетъ очевидецъ этихъ событій Іоаннъ Линденъ, каноникъ отъ св. Симеона въ Трирѣ,—упорно ходили слухи, что нѣсколько лѣтъ подъ рядъ посѣщавшіе страну неурожаи вызваны дьявольской злобою вѣдьмъ и колдуновъ, то все архіепископство поднялось на искорененіе вѣдьмъ. Это гоненіе на вѣдьмъ раздувалось кое-кѣмъ изъ служащихъ лицъ, которые надѣялись при этомъ добыть себѣ денегъ и всякаго добра. По всему архіепископству суды, слѣдователи, пристава, засѣдатели, судьи и палачи осаждались толпами доносчиковъ изъ городовъ и деревень, и по ихъ указаніямъ множество народа обоего пола притягивалось къ допросу и часто предавалось смерти на кострѣ. Ибо рѣдкій изъ обвиненныхъ отъ нея ускользалъ. Даже само городское трирское управленіе не осталось пощаженнымъ; самъ городской шультгейсъ съ двумя бургомистрами и нѣсколькими совѣтниками и засѣдателями

были обращены въ пепелъ; эта же участь постигла нѣсколькихъ каноииковъ, приходскихъ священниковъ и сельскихъ благочинныхъ. Наконецъ ярость народа и ослѣпленіе судей, алкавшихъ крови и добычи, поднялись такъ высоко, что не осталось въ странѣ почти никого, на кого бы не падало подозрѣніе въ вѣдовствѣ. А тѣмъ временемъ нотаріусы, протоколисты и трактирщики наживали большія деньги. Палачъ, какъ важный баринъ, разъѣзжалъ повсюду на статномъ конѣ, одѣтый въ золото и серебро. Жена его своею пышностью соперничала съ знатными дамами. Дѣти казненныхъ покидали родину. Имѣнія ихъ шли съ молотка. Поля и виноградники оказывалось некому обрабатывать, и они ничего не родили. Чума никогда не свирѣпствовала такъ въ нашемъ архіепископствѣ и непріятели въ немъ не хозяйничали никогда такъ жестоко, какъ это безмѣрное выслѣживаніе и гоненіе. И между тѣмъ по многому можно было видѣть, что виноваты вовсе не всѣ изъ осужденныхъ. Преслѣдованіе это длилось нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, и суды хвастались другъ передъ другомъ количествомъ костровъ, которые они сложили, и числомъ спаленныхъ ими жертвъ. Наконецъ, когда несмотря на безпощадныя казни зло все-таки оказывалось неискоренимымъ, а подданные разорялись, то были изданы особые законы насчетъ слѣдствія, слѣдователей и ихъ вознагражденія изъ имущества обвиненныхъ. И послѣ этого, какъ на войнѣ, когда выходятъ деньги, пылъ гонителей вѣдьмъ вдругъ окончательно потухъ».

Приведенныхъ примѣровъ, мнѣ кажется, достаточно для общей характеристики хода такихъ процессовъ. Статистики же жертвъ здѣсь нѣтъ и по состоянію источниковъ совсѣмъ не можетъ быть. Но впечатлѣніе, которое очень осторожные изслѣдователи выносятъ отъ знакомства съ сохранившимися въ памятникахъ цифрами, сводится къ тому, что для Германіи тутъ дѣло идетъ во всякомъ случаѣ о многихъ десяткахъ, для всей же Европы о многихъ и многихъ сотняхъ тысячъ.

Намъ остается помянуть про самыя казни вѣдьмъ. Карой за вѣдовство, какъ мы уже видѣли, всегда являлся костеръ. Но въ этой карѣ тоже были свои степени. Признавшаяся сразу, не взявшая назадъ своихъ показаній и выразившая раскаяніе преступница получала въ видѣ милости напутствіе Св. Дарами и смягченіе казни: вмѣсто того чтобы жарить ее на медленномъ огнѣ, палачъ сначала отрубалъ ей голову или душилъ, и только трупъ ея предавался сожженію. Упорное же запирательство и нераскаянность карались сожженіемъ заживо. Въ XVII столѣтіи, впрочемъ, въ большинствѣ нѣмецкихъ судовъ взялъ верхъ обычай только особенно ужасныхъ и совершенно нераскаянныхъ преступницъ отправлять на костеръ

живыми. Мотивы къ подобному измѣненію судебной практики при этомъ излагались такъ: «Ибо христіански кроткія и боголюбивыя власти предержащія приняли во вниманіе, что если всѣхъ чародѣекъ жечь живыми, то многія изъ нихъ отъ ожесточенія или малодушія могутъ впадать въ великій грѣхъ отчаянія и вмѣстѣ съ тѣмъ (чего избави Боже) переселятся изъ одного огня въ другой». Очень сочувственно относятся къ «покаявшимся» вѣдьмамъ и нѣкоторые протоколы относительно исполненія надъ ними судебнаго приговора: Deus ter maximus faxit, ut haec mors, quam patienter et fortiter sustinuit, sit ipsi vita, et quidem beata et aeterna.

Но собиравшійся на эти казни тысячами народъ не проявлялъ столь христіанскихъ чувствъ. То зрѣлище, которое представляла собой городская площадь во время казни вѣдьмъ, ярко рисуетъ намъ одинъ изъ протестантскихъ проповѣдниковъ XVI вѣка. «Толпа стоитъ и смотритъ, какъ на телѣгѣ живодера везутъ вѣдьмъ и колдуновъ на мѣсто казни; всѣ члены у нихъ часто истерзаны отъ пытокъ, груди висятъ въ клочьяхъ; у одной переломаны руки, у другой голени перебиты, какъ у разбойниковъ на крестѣ; онѣ не могутъ ни стоять, ни идти, такъ какъ ноги ихъ размозжены тисками. Вотъ палачи привязываютъ ихъ къ столбамъ, обложеннымъ дровами. Онѣ жалостно стонутъ и воютъ изъ-за своихъ мученій. Одна громкимъ голосомъ вопіетъ къ Богу и Божьей справедливости, другая, напротивъ, призываетъ дьявола и передъ лицомъ смерти клянется и богохульствуетъ. А толпа, гдѣ собрались и важныя особы, и бѣднота, и молодежь, и старики, глядитъ на это все, нерѣдко насмѣхаясь и осыпая руганью несчастныхъ осужденныхъ. Ну, какъ же полагаешь ты, христолюбивый читатель? Кто же всѣмъ этимъ заправляетъ? Кто радуется, глядя на всѣ эти мученія и стоны, и на глазѣющій народъ, изъ котораго инымъ, конечно, скоро придется самимъ отправляться на такое же жаркое? не кажется тебѣ, что это дьяволъ?»

Такъ объяснялъ гоненіе на вѣдьмъ и одинъ изъ самыхъ раннихъ противниковъ его въ ученомъ мірѣ — знаменитый докторъ Вейеръ. Козни нечистаго, писалъ онъ, вовсе не въ томъ заключаются, какъ изъ-подъ пытки разсказываютъ объ этомъ мнимыя вѣдьмы. Истинно адское коварство этого исконнаго человѣкоубійцы состоитъ въ томъ, что онъ убѣдилъ людей, будто всѣ эти судебныя признанія не бредъ, а правда, и этимъ подвинулъ людей на мучительства, мѣра которыхъ не можетъ быть превзойдена.

На этомъ мы и разстанемся съ необходимымъ описаніемъ того, чѣмъ были въ жизни Западной Европы такъ называемые «процессы вѣдьмъ».

Переходя къ анализу условій, вызвавшихъ къ жизни описанные «процессы вѣдьмъ», я не стану вдаваться въ утомительный разборъ тѣхъ пестрыхъ мнѣній, которыя въ различное время высказывались по этому поводу въ спеціальной литературѣ. Поскольку это необходимо, критическая ихъ оцѣнка будетъ произведена попутно, по мѣрѣ развитія положительныхъ выводовъ предлагаемаго очерка. Но предварительно я все же считаю нужнымъ отвѣтить на одинъ принципіальнаго характера вопросъ, который, какъ мнѣ кажется, неизбѣжно долженъ возникнуть въ головѣ у многихъ и многихъ изъ тѣхъ, кто остановитъ свое вниманіе на развернувшейся предъ нашими глазами картинѣ и задумается надъ внутреннимъ ея смысломъ.

Правдоподобно ли, чтобы процессы вѣдьмъ на самомъ дѣлѣ проистекали только изъ тѣхъ причинъ, на которыя, повидимому, указываютъ приведенные отрывки изъ современныхъ имъ памятниковъ? Можно ли допустить, чтобы люди на протяженіи двухъ вѣковъ такъ безчеловѣчно терзали и губили тысячи себѣ подобныхъ только въ силу господства извѣстнаго комплекса ложныхъ представленій? И не найдется ли основаній полагать, что въ данномъ случаѣ — какъ во множествѣ другихъ — вѣра въ несуществующее служила только прикрытіемъ очень реальныхъ, осязательныхъ интересовъ какого-нибудь общественнаго класса или отдѣльной вліятельной группы лицъ?

Въ отвѣтъ на эти вполнѣ законныя сомнѣнія отмѣтимъ прежде всего, что въ большинствѣ случаевъ гоненія на вѣдьмъ безспорно осложнялись игрою множества низкихъ страстей и корыстныхъ расчетовъ людей, пользовавшихся трепетомъ общества передъ «адскимъ сообществомъ вѣдьмъ» лишь какъ орудіемъ. Мы видѣли уже, что трирскій лѣтописецъ, оставившій намъ описаніе одного изъ самыхъ жестокихъ гоненій, самъ въ крупной мѣрѣ объяснялъ эти прискорбныя событія алчностью вліятельныхъ правительственныхъ лицъ, и подобныя жалобы на судей, «открывшихъ новую алхимію, при помощи которой они добываютъ золото и серебро изъ человѣческой крови», отнюдь не являются рѣдкостью въ ту эпоху. Въ маленькихъ германскихъ «территоріяхъ» и сами носители верховной власти подчасъ не прочь были смотрѣть на «очищеніе страны отъ вѣдьмъ», какъ на средство пополнить въ то же время путемъ конфискаціи имущества осужденныхъ вѣчно нуждавшуюся въ деньгахъ княжескую казну. По крайней мѣрѣ поставленные ими служители Божественной Юстиціи не стѣснялись обращаться иногда къ своимъ монархамъ съ такого рода предложеніями. «У насъ — писалъ въ 1661 году линдгеймскій амтманъ

своему высокородному повелителю,—снова стало замѣчаться вѣдовство, чѣмъ населеніе очень встревожено. И обыватели говорятъ, что если только ихъ государю угодно будетъ попалить вѣдьмъ, то они охотно возьмутъ на себя расходы на дрова, равно какъ и прочія издержки. И государь тутъ могъ бы выручить столько, что этого бы хватило на перестройку моста и церкви. Да, сверхъ того, еще осталось бы денегъ, такъ что государевымъ служителямъ можно было бы дать прибавку къ жалованью, ибо, повидимому, этою язвою заражены цѣлыя семьи и притомъ такія, съ которыхъ есть что взять». Строгое требованіе закона, чтобы во избѣжаніе возможной мести со стороны адской силы судъ ни подъ какимъ видомъ не открывалъ обвиняемымъ въ вѣдовствѣ именъ показывавшихъ на нихъ свидѣтелей, дѣлало затѣмъ изъ каждаго слѣдствія по вѣдовскимъ дѣламъ очень удобное средство для сведенія всевозможныхъ личныхъ счетовъ. Мужъ, желавшій отдѣлаться отъ постылой жены, жена, приревновавшая мужа къ разлучницѣ, родственники, соскучившіеся долго ждать наслѣдства, протестантскій пасторъ или католическій ксендзъ, косо смотрѣвшіе на присутствіе среди ихъ паствы лицъ иной вѣры, не признававшихъ ихъ авторитета, и вообще всякій человѣкъ, которому вмѣстѣ съ другимъ на свѣтѣ казалось тѣсно — всѣ поддавались нерѣдко искушенію избавиться отъ неудобныхъ для нихъ людей при помощи столь безопаснаго и столь дѣйствительнаго орудія, какъ тайный доносъ въ «вѣдовскую комиссію». «О чародѣйствѣ,—писалъ въ 1589 году въ своей памятной книгѣ кельнскій думскій совѣтникъ Вейнсбергъ, — я по своему разумѣнію судить не берусь: да и люди, какъ я слышу, толкуютъ объ этомъ по-разному. Одни совсѣмъ этому не вѣрятъ, считаютъ фантазіей, воображеніемъ, безумствомъ, басней, негодной выдумкой. Другіе, ученые и неученые, этому вѣрятъ, основываются на Св. Писаніи, и написали и напечатали объ этомъ много книгъ. Богу одному, думаю я, это вполнѣ извѣстно. Но отъ старухъ и отъ ненавистныхъ людей нельзя скорѣе и проще отдѣлываться, чѣмъ такимъ путемъ и порядкомъ». Законъ, положимъ, предусматривалъ подобную опасность и воспрещалъ судамъ придавать какое-нибудь значеніе показаніямъ, исходившимъ отъ «смертельнаго врага» оговореннаго лица. Но, какъ мы уже говорили, не одни открытые, «смертельные» враги оказывались способны на попытку своими оговорами довести человѣка до застѣнка, откуда не было другого хода, какъ на костеръ. «Доносамъ нѣтъ конца, — съ отчаяніемъ восклицалъ одинъ изъ видныхъ протестантскихъ пасторовъ въ концѣ XVI вѣка.—Мнѣ самому зятья клевещутъ на тещъ, жены на мужей, мужья на женъ...»

Но, сдѣлавъ эту оговорку, мы должны будемъ затѣмъ рѣшительно отстранить всякую возможность подобнаго мелко-матеріалистическаго толкованія причинъ изслѣдуемаго нами явленія. Въ исторіи двухвѣковаго жестокаго гоненія на вѣдьмъ мы тщетно стали бы искать какого бы то ни было отзвука борьбы классовыхъ интересовъ, которая по извѣстной формулѣ служитъ ключомъ къ уразумѣнію всей исторіи человѣчества. Преслѣдованіе вѣдьмъ выхватывало свои жертвы отнюдь не изъ какихъ-нибудь опредѣленныхъ общественныхъ слоевъ: всѣ классы общества отъ царствующихъ домовъ до бездомныхъ нищихъ бродягъ платили свою дань этому безумству. Правда, не на всѣхъ сословіяхъ оно при этомъ одинаково тяжко отзывалось, но главною своей тяжестью оно, опять-таки, падало неизмѣнно на самыя обездоленныя, забитыя, задавленныя человѣческія существа, гибель которыхъ отнюдь не могла лежать въ интересахъ какого бы то ни было соціальнаго класса— на старыхъ женщинъ, принадлежавшихъ къ подонкамъ общества. Подавляющее преобладаніе среди казненныхъ вѣдьмъ нищихъ, уродливыхъ, болѣзненныхъ старухъ сами гонители ихъ объясняли тѣмъ, что эти «твари» только отъ дьяволовъ на шабашѣ и могли получать удовлетвореніе снѣдавшаго ихъ стремленія къ «сладкому житью». Но какъ бы это обстоятельство въ дѣйствительности ни объяснялось, оно служитъ достаточно убѣдительнымъ свидѣтельствомъ, что не классовый эгоизмъ зажигалъ тѣ костры, на которыхъ жарилась живою «бѣсовская челядь». Ошибочно было бы придавать преувеличенное значеніе и несовершенствамъ стараго судоустройства, нерѣдко дѣлавшимъ жизнь и имущество подсудимыхъ легкой добычей судейской алчности. Помимо того же обстоятельства, которое мы только что отмѣтили, помимо полной нищеты большинства подсудимыхъ, противъ этого рѣшительно говоритъ общая картина хода гоненія на вѣдьмъ въ различныхъ странахъ Западной Европы. Какъ мы уже имѣли случай замѣтить раньше, процессы вѣдьмъ были равно извѣстны странамъ съ самымъ различнымъ судоустройствомъ. Вѣдьмъ одинаково отправляли на костеръ какъ трибуналы испанской и итальянской инквизиціи, такъ и коронные суды Германіи, такъ и присяжные, судившіе подобные дѣла въ Шотландіи и въ Англіи. И, взявъ исторію отдѣльныхъ странъ, мы видимъ, что періоды злѣйшихъ гоненій отнюдь не совпадаютъ для нихъ съ періодами, когда распущенность и слабость государственной власти легко позволяла судамъ превращаться въ гнѣздилище черной неправды. Знаменитый Максимиліанъ I Баварскій, душа католической Лиги въ эпоху Тридцатилѣтней войны, во многихъ отношеніяхъ являлся идеаломъ

абсолютнаго монарха, желающаго быть для подданныхъ Земнымъ Провидѣніемъ. Всѣ безпристрастные историки единодушно отдаютъ великую честь широкому государственному уму, несокрушимой волѣ, нечеловѣческой энергіи и высокому понятію о долгѣ, которыми обладалъ этотъ коронованный питомецъ іезуитовъ. Правда въ судахъ всегда составляла предметъ его неусыпныхъ заботъ. И тѣмъ не менѣе какъ разъ его правленіе является въ Баваріи временемъ едва ли не самой ожесточенной борьбы судебной власти противъ «вѣдовства», при чемъ Придворный Совѣтъ Максимиліана не только не сдерживалъ, но всячески поощрялъ рвеніе мѣстныхъ органовъ администраціи. И въ Англіи правленіе фанатическихъ протестантскихъ сектантовъ въ эпоху Республики и Протектората можно упрекать въ чемъ угодно, но не въ распущенности и низкомъ своекорыстіи. И тѣмъ не менѣе за этотъ сравнительно короткій періодъ, по вычисленіямъ нѣкоторыхъ историковъ, въ ней было истреблено больше вѣдьмъ, чѣмъ за все предшествующее и послѣдующее время, на которое распространяются подобные процессы.

Едва ли можетъ подлежать спору, что въ процессахъ вѣдьмъ мы имѣемъ передъ собой одинъ изъ самыхъ яркихъ, рѣзкихъ примѣровъ того, какую роль въ жизни общества способны играть «идеи» даже тогда, когда онѣ, какъ здѣсь, оказываются сотканными изъ чисто фантастическихъ, чуждыхъ всякой реальности элементовъ. Конечно, съ широкой точки зрѣнія и въ этихъ процессахъ нетрудно обнаружить матеріалистическую подкладку. Страстная ненависть къ вѣдьмамъ, такъ глубоко охватившая западноевропейское общество XV—XVII вѣковъ, направлена была въ сущности не столько противъ оскорбительницъ Божьяго величія, безпощадно надругивавшихся надъ всѣмъ, въ чемъ церковь заповѣдывала видѣть высшую святыню, сколько противъ опаснѣйшихъ колдуній, грозившихъ ежеминутно жизни, здоровью и имуществу своихъ ближнихъ. Людскія и скотскія повальныя болѣзни, неурожаи отъ ливней или засухи, повторныя градобитія и тому подобныя несчастія, обрушивавшіяся на какую-нибудь округу — вотъ что служило наиболѣе частой причиной обостренія бреда вѣдьмами, и мѣропріятія ревностныхъ правителей по очищенію своей страны отъ вѣдьмъ могутъ, если угодно, быть относимы не столько въ область ихъ церковной, сколько въ область ихъ экономической политики и заботъ объ охраненіи общественнаго здравія. «Благодаря вашей примѣрной строгости, — такъ писали герцогу Фердинанду руководители извѣстнаго намъ шонгаускаго процесса, стоившаго жизни шести съ лишнимъ десяткамъ несчастныхъ подданныхъ этого князя, — вотъ уже три года, какъ ни людямъ

ни скотинѣ не приходится страдать отъ порчи, и хлѣбушко снова сталъ хорошо родить и убирается безъ всякой помѣхи». Но ясно, что подобное указаніе само по себѣ еще нисколько не помогаетъ намъ отвѣтить на стоящій передъ нами вопросъ. Оно нисколько не помогаетъ намъ понять, какимъ образомъ Западная Европа въ XV — XVII столѣтіяхъ могла стать театромъ описанныхъ нами безумно-жестокихъ дѣяній. Забота о сохраненіи жизни, здоровья и имущества присуща всякому человѣческому обществу на всѣхъ стадіяхъ его развитія, и если сказывающійся тутъ вполнѣ нормальный инстинктъ самосохраненія могъ въ данный историческій періодъ толкать людей на столь ненормальные, столь исключительные поступки, то ключа къ этому, очевидно, надо искать въ мірѣ «идей», въ мірѣ представленій, при смѣнѣ которыхъ неизбѣжно измѣняются и дѣйствія общества, хотя бы стимулирующія волю желанія и окружающія общество внѣшнія условія все время оставались безъ перемѣнъ.

Согласно этому объяснить происхожденіе «процессовъ вѣдьмъ» значитъ объяснить, въ какихъ условіяхъ въ Европѣ родилась вѣра въ реальное существованіе описаннаго нами «вѣдовского сообщества» и какимъ образомъ она успѣла заполонить правящіе классы европейскаго общества, имѣвшіе возможность направить на борьбу съ этимъ ужаснымъ призракомъ организованную общественную силу. Къ этой задачѣ мы теперь и обратимся.

II.

Процессы вѣдьмъ по мѣстному своему распространенію замкнуты въ строго опредѣленныя границы. Они встрѣчаются безъ всякаго изъятія у всѣхъ народовъ, которые въ средніе вѣка образовали единую культурную семью, связанную общей принадлежностью къ римско-католической церкви, и только у нихъ однихъ. Не говоря уже о нехристіанскихъ странахъ, страны, входящія въ составъ греко-восточной церкви, какъ мы уже замѣтили, также остались свободны отъ этой язвы. Восточная церковь въ свое время знала, правда, преслѣдованіе колдуновъ, но борьба съ «вѣдовствомъ» никогда не приводила въ движеніе органы ея власти. Итакъ, въ особыхъ условіяхъ духовнаго развитія данной группы народовъ и надобно искать корней интересующаго насъ явленія.

Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ главной наставницей молодыхъ западно-европейскихъ обществъ была церковь, которая являлась хранительницей не только завѣтовъ христіанства, но и остатковъ римской языческой цивилизаціи. Каковы же были собственные

взгляды этой церкви въ кругу занимающихъ насъ представленій, когда послѣ гибели Западной Римской имперіи она приступила къ своей культурной миссіи? Что здѣсь оставилъ послѣ себя языческій Римъ, и какъ его воззрѣнія переработаны были представителями новой религіи?

На это приходится отвѣтить, что въ данной области наслѣдство классической древности было далеко не завидно. Извѣстенъ глубоко односторонній характеръ развитія теоретической мысли въ античномъ мірѣ. Въ лучшую свою пору античная наука главнѣйшія усилія сосредоточила на изученіи духовной природы человѣка и строя человѣческаго общежитія, и здѣсь она достигла тѣхъ поразительныхъ успѣховъ, которые прославили ее на долгіе вѣка; но въ изученіи «уставовъ естества», въ попыткахъ уразумѣть законы внѣшняго міра она была далеко не такъ счастлива. Попавъ съ первыхъ шаговъ на ложную дорогу, стремясь къ разрѣшенію интересовавшихъ ее загадокъ мірозданія чисто-спекулятивнымъ методомъ, она растратила множество энергіи на совершенно непроизводительныя системы общей «натуръ-философіи». Когда же, воспитавшись, она стала было выходить на вѣрный путь, то, въ силу общихъ историческихъ условій, дни ея оказались уже сочтены. Такимъ образомъ, изъ всей великой области человѣческаго вѣдѣнія, которую мы обозначаемъ словомъ «точныя науки», на сколько-нибудь значительную высоту въ древнемъ мірѣ успѣли подняться лишь математика и астрономія съ математической географіей. Что же касается «естественныхъ наукъ» въ болѣе узкомъ смыслѣ,—наукъ, душой которыхъ служитъ опытъ,—то древность только блеснула здѣсь отдѣльными открытіями, свидѣтельствующими о необычайной одаренности греческаго ума, но не смогла выработать стройной системы знанія. Чтобы съ ясностью себѣ представить, какими дѣтскими глазами смотрѣлъ античный міръ на окружающую его природу, надобно взять Плиніеву Historia Naturalis, эту естественно-историческую энциклопедію I вѣка по Р. Х. Здѣсь этотъ по своему высокообразованный писатель, бывшій притомъ же страстнымъ любителемъ естественно-историческаго познанія, на каждомъ шагу разсказываетъ про природу басни, наивность которыхъ прямо ставитъ насъ въ тупикъ. Зная ихъ чаще всего по средневѣковымъ пересказамъ, мы такъ обыкновенно къ нимъ и относимся. Мы ихъ привыкли представлять, какъ характерныя порожденія «умственной тьмы» среднихъ вѣковъ, и намъ бываетъ странно убѣждаться, что средніе вѣка ихъ только повторяли со словъ той же античной древности: до такой степени подобный лепетъ для насъ, по нашимъ

умственнымъ привычкамъ, кажется несовмѣстимымъ со сколько-нибудь высокой степенью общаго культурнаго развитія.

Извѣстенъ далѣе еще болѣе односторонній характеръ классической общеобразовательной школы — этой отдаленной прародительницы современной классической гимназіи. Школа эта возникла и отлилась въ твердыя формы еще въ ту пору, когда въ свободныхъ античныхъ республикахъ весь строй ихъ политическихъ и судебныхъ учрежденій дѣлалъ для гражданина искусство владѣть словомъ первымъ залогомъ завиднѣйшихъ успѣховъ на жизненномъ пути. Развитіе въ своихъ питомцахъ «краснорѣчія» школа эта и ставила искони своею главною задачей, и ей она осталась вѣрна до послѣдняго часа, пронеся культъ краснорѣчія черезъ такія эпохи, въ которыя ораторскій талантъ давно ужъ не являлся дѣйствительно первостепенной общественной силой. Само собой разумѣется при этомъ, что ради достиженія своей верховной цѣли она должна была усиленно занимать учениковъ чтеніемъ и анализомъ замѣчательныхъ памятниковъ изящной рѣчи, а также упражненіями въ формальной логикѣ. Зато далѣе этого она ужъ не считала нужнымъ куда-нибудь идти. Наука, сколько ея было въ древнемъ мірѣ, входила лишь въ нѣкоторыя системы философіи, а философія хотя и обладала тоже своими школами, но привлекала къ себѣ немногихъ. Масса же школьно-образованнаго греческаго и римскаго общества временъ имперіи могла лишь повторять вслѣдъ за однимъ изъ славнѣйшихъ педагоговъ своего времени, Либаніемъ: «Если мы утеряемъ краснорѣчіе, то въ чемъ же будетъ наше отличіе отъ варваровъ?»

У этой школы краснорѣчія были, конечно, свои точки соприкосновенія съ вопросами, которыми занимались люди науки. При чтеніи поэтовъ, какъ Гомеръ, Гезіодъ или Вергилій, гдѣ воплощалось традиціонное греческое и римское міросозерцаніе, «грамматикамъ», подготовлявшимъ учебный матеріалъ для «ритора», полагалось толковать авторовъ, т.-е. касаться и реальной стороны изучаемыхъ произведеній. Грамматикъ говорилъ съ дѣтьми и о космографіи, и о религіи, и о морали: онъ давалъ имъ энциклопедическое образованіе. Но было бы напрасно думать, чтобы эти скромные труженики, главная доля вниманія которыхъ была занята тайнами изящнаго выговора словъ и музыкальнаго произношенія стиха, сами имѣли достаточное понятіе о томъ, какъ разсуждали объ относящихся сюда вопросахъ тѣ или другіе представители научнаго мышленія. Scholasticus est: quo genere hominum nihil aut sincerius, aut simplicius, aut melius (онъ школьный преподаватель: а нѣтъ болѣе искреннихъ, болѣе наивныхъ и болѣе добронравныхъ существъ,

чѣмъ эти люди) — такъ отзывался о нихъ Плиній. И эти «схоластики» толковали дѣтямъ поэтовъ, не мудрствуя лукаво. Въ ихъ рукахъ школа являлась опорой традиціоннаго міросозерцанія, а отнюдь не орудіемъ эмансипаціи разума отъ старыхъ предразсудковъ. «Всѣ эти сказки и басни,—такъ говоритъ о дѣйствіи школы въ данномъ отношеніи сторонникъ христіанства въ извѣстномъ діалогѣ Минуція Феликса «Октавій»,—мы перенимаемъ отъ нашихъ необразованныхъ родителей. Но, что еще важнѣе, мы потомъ сами трудимся надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать ихъ своимъ достояніемъ во время школьныхъ занятій, особенно при чтеніи поэтовъ, которые своимъ вліяніемъ наносятъ величайшій ущербъ истинѣ».

Итакъ, античный міръ никогда не былъ богатъ познаніемъ реальныхъ силъ природы, и тѣ скромныя свѣдѣнія, какими онъ обладалъ тутъ, никогда не были удѣломъ сколько-нибудь широкихъ круговъ древняго общества. Въ такихъ условіяхъ общество это даже въ высшихъ слояхъ — какъ то не разъ уже указывалось историками его культуры—должно было являться легкой добычей для всевозможныхъ видовъ суевѣрія. Но уже бѣглый взглядъ на его многовѣковую исторію сразу показываетъ, что въ разныя эпохи та сила, съ которой суевѣрныя представленія давили на личную и общественную жизнь въ древнемъ мірѣ, была очень различна и что при этомъ «кривая» подобныхъ колебаній отнюдь не совпадаетъ съ «кривой» развитія естественныхъ наукъ. Дѣйствительно, если взять Грецію V и IV вѣковъ до Р. Х., то мы находимъ въ ней науку о природѣ еще въ пеленкахъ. Припомнимъ, что даже такой умъ, какъ Сократъ, считалъ стремленіе создать ее почти что чистою утопіей. И тѣмъ не менѣе, знакомясь изъ Ѳукидида съ аѳинскимъ обществомъ времени Пелопонесской войны, мы склонны забывать, что этихъ грековъ отъ насъ отдѣляетъ больше чѣмъ два тысячелѣтія; по способу мыслить и дѣйствовать они намъ представляются нашими современниками. Напомню знаменитую погребальную рѣчь, вложенную Ѳукидидомъ въ уста Периклу, въ которой характеризуется аѳинское общежитіе и объясняются причины его необычайнаго процвѣтанія. Гдѣ авторъ ищетъ этихъ причинъ? Какъ чужда ему мысль сказать, что перевѣсомъ своимъ надъ всѣми прочими соперничающими городами Аѳины прежде всего обязаны особой силѣ родныхъ боговъ! И авторъ этотъ — одинъ изъ множества тѣхъ гражданъ, отъ лица которыхъ его Периклъ говорилъ: φιλοκαλοῦμεν γὰρ μετ' εὐτελείας καὶ φιλοσοφοῦμεν ἄνευ μαλακίας [1]). Греція

[1]) Мы увлекаемся прекраснымъ въ разумныхъ предѣлахъ и занимаемся научнымъ созерцаніемъ не въ ущербъ дѣятельнымъ способностямъ.

того времени знала, конечно, и свои Lourdes, какъ знаетъ ихъ современная просвѣщенная Францiя. Она отнюдь не была свободна и отъ язвы вольнопрактикующихъ кудесниковъ, туземныхъ и забредавшихъ въ нее съ Востока. Но тонъ ея умственной жизни давался тѣми людьми, для которыхъ слова «магъ» и «кудесникъ» (μάγος и γόης) были синонимами шарлатана.

Но если обратиться къ литературѣ II вѣка по Р. Х., когда наука гордилась уже именами Аристотеля и Архимеда, Эвклида и Аполлонiя, Гиппарха и Птоломея, то, вчитываясь въ нее, мы постепенно погружаемся въ ту атмосферу, которую обычно принято именовать средневѣковой. Трепетъ передъ чудеснымъ и въ то же время жажда его и безграничная въ него вѣра — таковъ идущiй отъ нея удушливо-тяжелый запахъ. Имъ сильно вѣетъ даже отъ трудовъ такихъ свѣтилъ тогашней мысли, какъ Плутархъ, какъ Эпиктетъ или какъ Маркъ Аврелiй. Когда жъ берешь литературныя произведенiя, которыя ходили по рукамъ въ широкихъ кругахъ образованнаго общества той эпохи, то останавливаешься въ окончательномъ недоумѣнiи передъ вопросомъ, какъ за почтенное число столѣтiй, протекшихъ со времени Ѳукидида и Аристотеля, умственный уровень верхнихъ слоевъ древняго мiра, вмѣсто того, чтобы подняться, успѣлъ упасть такъ глубоко? Въ одномъ изъ своихъ дiалоговъ Лукiанъ изображаетъ намъ собранiе профессоровъ философiи въ домѣ богатаго ихъ мецената, гдѣ гости и хозяинъ усердно угощаютъ другъ друга разсказами о чудесахъ, свидѣтелями которыхъ они якобы были въ жизни. Тутъ есть волшебники, которые ходятъ по водамъ, какъ по сушѣ, которые носятся по воздуху, силой своихъ заклинанiй сводятъ мѣсяцъ съ неба или приказываютъ всѣмъ гадамъ опредѣленнаго имѣнiя предстать передъ ихъ очи и потомъ сразу однимъ дыханiемъ своихъ устъ обращаютъ ихъ въ пепелъ; тутъ есть явленiе гигантской огненной Гекаты, давшее разсказчику случай заглянуть въ мрачныя области Аида; тутъ есть изгнанiе бѣсовъ изъ человѣка и изъ занятыхъ ими зданiй — однимъ словомъ, дiалогъ этотъ представляетъ сборникъ исторiй, вполнѣ соперничающихъ по своей таинственности съ тѣми, какими позже упивались читатели Legenda Aurea генуэзскаго епископа Iакова. Конечно, можно было бы предположить, что Лукiанъ преувеличиваетъ степень суевѣрности своихъ ученыхъ собратовъ, что онъ рисуетъ на нихъ каррикатуры. Но собственныя писанiя нѣкоторыхъ изъ нихъ свидѣтельствуютъ о противномъ: по фантастичности они въ иныхъ случаяхъ оставляютъ за собой самые невѣроятные анекдоты Лукiана. Развѣ не прямо въ глубину среднихъ вѣковъ насъ переноситъ слѣдующiй духовно-назида-

тельный разсказъ благочестиваго Лукіанова современника Эліана. Одинъ бойцовый пѣтухъ въ Танагрѣ былъ тяжело раненъ въ ногу. «Движимый, безъ сомнѣнія, тайнымъ внушеніемъ самого бога (Асклепія), хромая, онъ идетъ къ его святилищу. То было утро, когда пѣлся Асклепію пэанъ. Пѣтухъ становится въ ряды хористовъ, онъ занимаетъ между ними мѣсто словно по указанію самого регента; и вотъ онъ принимается со всеусердіемъ пѣть слѣдомъ за другими, при чемъ ведетъ свой голосъ, не сбиваясь съ такта... Стоя на одной ногѣ, онъ протягиваетъ другую, которая была подбита, какъ будто показывая ее богу и обращаясь къ нему за помощью... Онъ воспѣвалъ Цѣлителя изо всѣхъ силъ и умолялъ послать ему здоровье... Асклепій внялъ ему, и нашъ пѣтухъ еще раньше полудня сталъ выступать на обѣихъ ногахъ, хлопая крыльями, дѣлая крупные шаги, поднявъ высоко голову и потрясая гребешкомъ, какъ гордый гоплитъ; такъ онъ являлъ собой свидѣтельство, что божественное попеченіе Асклепія простирается даже на животныхъ». И развѣ не средневѣковымъ настроеніемъ проникнута картина жизни чрезмѣрно «богобоязненныхъ» людей (δεισιδαίμονες), которую оставилъ намъ Плутархъ.

„Такіе богобоязненные люди молятся предъ образками боговъ изъ камня, бронзы или глины, цѣлый день ходятъ съ лавровой вѣточкой во рту, утромъ, вымывъ тщательно руки, кропятъ себя святой водой, черезъ короткіе промежутки времени производятъ очищеніе всего своего дома, зовутъ къ себѣ знахарокъ, которыя окуриваютъ ихъ сѣрой и спрыскиваютъ водой изъ трехъ ключей, налитой на бобы и соль; при всякомъ снѣ они бѣгутъ къ снотолкователямъ, чтобы узнать, какимъ богамъ или богинямъ имъ слѣдуетъ по этому случаю молиться, каждый мѣсяцъ ходятъ съ женой—или когда той что-нибудь мѣшаетъ, то съ нянькой—и съ дѣтьми къ орфеотелестамъ, чтобы себя святить. Когда у такого богобоязненнаго человѣка мышь прогрызетъ мѣшокъ съ мукой, онъ спрашиваетъ истолкователя, что ему дѣлать, и если тотъ посовѣтуетъ ему заштопать мѣшокъ, то онъ все же вмѣсто этого рѣшаетъ принести жертву; если, завязывая сандаліи, онъ вдругъ порветъ ремень, то онъ трясется отъ страха и не знаетъ, куда ему дѣваться. Когда его постигаетъ самое маленькое несчастіе, то онъ садится и стонетъ, что онъ сталъ ненавистенъ богамъ, что боги его караютъ: онъ не пытается бороться съ постигшей его бѣдой, чтобы не стать мятежникомъ, отказывающимся претерпѣть удары наказующей руки; онъ не пускаетъ къ себѣ друзей, пришедшихъ навѣстить его („оставь меня, ненавистнаго богамъ и духамъ человѣка, нести заслуженное наказаніе“); онъ, облачившись во вретище, сидитъ на улицѣ передъ своимъ домомъ или, перепоясавшись грязною ветошкой, нагой валяется въ навозѣ, исповѣдуясь въ своихъ великихъ и малыхъ прегрѣшеніяхъ, что онъ поѣлъ и выпилъ того, чего не полагалось бы, или что онъ ходилъ дорогой, на которой геній не хотѣлъ его видѣть; если же онъ рѣшается остаться дома, то онъ зоветъ къ себѣ старухъ, которыя обвѣшиваютъ его всякими амулетами. Если безбожники смѣются надъ празднествами, освященіями и оргіазмами, то эти люди блѣднѣютъ, возлагая на голову праздничный вѣнокъ, приносятъ жертву со страхомъ, дрожащимъ голосомъ выговариваютъ молитвы и трепетными руками курятъ ѳиміамъ. Имъ нѣтъ покоя и во снѣ; имъ снятся муки мѣста уготованнаго для нечестивыхъ, и въ трепетѣ они бросаются къ кудесникамъ и шарлатанамъ, которые мажутъ ихъ навозомъ, велятъ сидѣть на землѣ или окунаться въ море и т. д.

Подобныя уродливыя проявленія религіозности встрѣчались, конечно, въ исторіи Греціи и раньше. Еще Платонъ жаловался, что нѣкоторые изъ современниковъ его позволяютъ себя морочить различнымъ «искупителямъ душъ». Но, повторяю, глубокая разница между эпохою Платона и Плутарха состоитъ въ томъ, что для Платона и образованныхъ современниковъ Платона все это было шарлатанство, а для Плутарха и образованныхъ современниковъ Плутарха это являлось лишь нѣкоторымъ преувеличеніемъ той самой «богобоязненности», которая наполняла и ихъ сердца. По духу, которымъ полны ихъ собственныя произведенія, мы видимъ, что для нихъ родственнѣе было такое благочестіе, нежели благочестіе Платона.

Итакъ, изложенное нами выше обычное объясненіе, почему утонченное греко-римское общество временъ имперіи могло являться вмѣстѣ съ тѣмъ гнѣздилищемъ дикаго суевѣрія,—ссылка на крайнюю односторонность античной умственной культуры, — при всей своей справедливости требуетъ нѣкоторыхъ ограниченій. Та же классическая древность даетъ намъ и наглядные примѣры, какъ при извѣстныхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ уже одно чисто эмпирическое познаніе закономѣрности естественныхъ явленій—то самое познаніе, безъ котораго человѣкъ не можетъ бросить первой горсти зерна въ землю съ надеждой вернуть ее съ лихвой обратно—оказывается способно служить уму достаточной опорой для полнаго разрыва съ первобытнымъ «анимистическимъ» міросозерцаніемъ и для освобожденія души отъ страха передъ таинственными «нездѣшними» силами. И въ интересахъ дальнѣйшаго нашего изложенія намъ слѣдуетъ дать себѣ хотя бы самый общій отчетъ въ томъ, чѣмъ обусловливалась эта относительная свобода отъ суевѣрія, которая такъ выгодно отличаетъ древнее греческое общество и римское общество конца республики отъ образованныхъ по риторической программѣ на греческій же ладъ римскихъ гражданъ временъ имперіи.

Авторъ одного изъ самыхъ талантливыхъ очерковъ по исторіи образованія въ античномъ мірѣ, датскій профессоръ Уссингъ, заканчиваетъ свою работу такого рода общимъ положеніемъ: «Внутренняя сущность классической древности заключается въ ея свободѣ. Какъ только свобода эта была утеряна, античный міръ сейчасъ же сталъ опускаться все ниже и ниже. Богатство его жизненнымъ содержаніемъ улетучивается, оставляя послѣ себя пустыя формы; его культура вырождается въ варварство. Оттого-то мы и находимъ, что общее образованіе, доставшееся среднимъ вѣкамъ въ наслѣдство отъ греко-римской древности, совсѣмъ не дорогого стоило». Къ

этому замѣчанію и мы вполнѣ можемъ примкнуть съ точки зрѣнія нашего вопроса.

«Истинное образованіе римскаго гражданина,—говоритъ Цицеронъ,—издревле снискивалось не въ учебныхъ заведеніяхъ: форумъ былъ его школой, опытъ—его наставникомъ». Въ такой же школѣ и у того же наставника учился главнымъ образомъ и греческій πολίτης въ цвѣтущее время греческихъ республикъ. И когда школы эти волею судебъ были закрыты, оставивъ послѣ себя одни «училища краснорѣчія», по основному смыслу своему имѣвшія сначала служебный, приготовительный, характеръ, то общее духовное развитіе древнихъ гражданъ отъ этого, конечно, не могло не пострадать. Особый же ущербъ потерпѣли при этомъ именно тѣ его стороны, которыя всего важнѣе для успѣшной борьбы души противъ господства фантомовъ, порождаемыхъ суевѣрной фантазіей,—сила характера и крѣпкій критическій складъ ума. Извѣстно, въ самомъ дѣлѣ, какимъ могучимъ союзникомъ суевѣрія является общее легковѣріе—отсутствіе привычки строго различать въ чужихъ разсказахъ истину отъ намѣренной или ненамѣренной лжи. Извѣстно далѣе и то, какимъ лѣкарствомъ противъ легковѣрія, какою школой критики служитъ широкая практическая дѣятельность, гдѣ всякая ошибка въ разсужденіи даетъ себя такъ осязательно, такъ горько чувствовать и гдѣ неисправимо легковѣрныя натуры въ концѣ-концовъ совсѣмъ выбрасываются жизнью за бортъ. А школа, которую проходили въ этомъ направленіи полноправные греческіе или римскіе граждане, была особенно требовательна и строга. Отъ трезвости и ясности ихъ взгляда на окружавшую дѣйствительность зависѣлъ не только личный успѣхъ или неуспѣхъ въ жизни каждаго изъ нихъ: отъ этого нерѣдко зависѣла судьба цѣлаго общежитія, и общежитіе не вѣдало пощады тѣмъ, кто въ трудную минуту волей или неволей сбивалъ его на ложную дорогу. Но сила, съ которою можетъ овладѣвать душою суевѣріе, вовсе не обусловливается лишь состояніемъ мыслительной способности человѣка. Не входя въ болѣе подробный анализъ различныхъ элементовъ суевѣрія, я только напомню здѣсь находящійся у всѣхъ передъ глазами фактъ, что нри извѣстномъ складѣ натуры, при неустойчивости общей нервной организаціи, даже люди, облеченные во всеоружіе современной науки, вполнѣ усвоившіе себѣ и результаты ея, и методы, все же оказываются способны платить тяжелую дань грубо суевѣрнымъ ощущеніямъ и инстинктамъ. Поэтому, указывая условія, въ которыхъ античный міръ на время успѣлъ было поколебать въ своей средѣ господство суевѣрія, я и упомянулъ на первомъ мѣстѣ раз-

витіе силы характера, являющееся такой яркой чертой духовнаго склада античныхъ общежитій въ счастливую ихъ пору. Даже въ періодъ дѣтской, наивной, неразсуждавшей вѣры ни грекъ, ни римлянинъ не трепетали рабски предъ своими божествами. Когда же вопросъ о сверхъестественномъ сдѣлался въ Греціи объектомъ размышленія, то грекъ такъ рано началъ ставить все неземное какъ можно дальше отъ земли, не только уступая доводамъ воспитаннаго здоровой жизненной дѣятельностью разсудка: его влекло на тотъ же путь и свойственное всякой крѣпкой натурѣ желаніе чувствовать себя вполнѣ свободнымъ человѣкомъ. Эта моральная подкладка рано сказавшагося въ Греціи «свободомыслія» въ эпоху полнаго расцвѣта греческой философіи даетъ себя всего яснѣе чувствовать въ самой послѣдовательной изъ раціоналистическихъ ея системъ—въ системѣ Эпикура. Ученіе Эпикура о полномъ невмѣшательствѣ вѣчныхъ, блаженныхъ и всесовершенныхъ боговъ въ жизнь міроздания и въ судьбу людей проистекало не изъ того, чтобы онъ особенно глубоко проникъ въ дѣйствительную разгадку тайнъ окружающей насъ природы. Оно подсказывалось ему всего сильнѣе взглядомъ его на личное совершенство и на пути къ возможному на землѣ счастью. Страхъ былъ для Эпикура злѣйшимъ врагомъ человѣческой души. Освобожденіе души отъ страха онъ обѣщалъ, какъ высшую награду, всѣмъ, кто усвоитъ его ученіе. А такъ какъ вѣрить въ близость сверхъестественнаго и не испытывать при ощущеніи этой близости страха является для человѣка вещью немыслимой, то освобожденіе души отъ подобной вѣры и выступало въ доктринѣ Эпикура на первый планъ. Такъ и звучитъ извѣстная апологія эпикуреизма, написанная Лукіаномъ, когда одинъ изъ современныхъ ему носителей новаго духа, нѣкій «пророкъ» Александръ, публично сжегъ въ Пафлагоніи главное изъ сочиненій Эпикура за отъявленное его «безбожіе». «Презрѣнные гонители не понимали, источникомъ какого блага служитъ эта книга для тѣхъ, кто ее читаетъ — какую она даетъ имъ тишину и спокойствіе, какую свободу, насколько она успѣшно разгоняетъ страхи, видѣнія, знаменія, тщетныя мечты и неисполнимыя желанія, какъ содѣйствуетъ она торжеству разума и истины, какъ очищаетъ душу». Подобными же свойствами ума и характера обусловливалась притягательность греческихъ раціоналистическихъ доктринъ и для многихъ римлянъ, когда римское общество въ концѣ республики тоже начало размышлять о философскихъ вопросахъ. «Человѣчество, писалъ Лукрецій, влачило постыдное существованіе, пока съ неба метала на него свои грозные взоры религія. Но явился Эпикуръ, дерзнувшій

изслѣдовать умомъ всѣ заповѣданныя области,—и міръ освободился отъ вѣкового трепета».

Quare Religio pedibus subiecta vicissim
Obteritur: nos exaequat victoria caelo. [1])

Но ко II вѣку по Р. Х. объ этой Цицероновой школѣ жизни въ Греціи, и въ самомъ Римѣ почти что не осталось уже помина. Въ тяжкихъ превратностяхъ историческихъ судебъ свободолюбивый и гордый древній эллинъ успѣлъ къ тому времени обратиться въ пронырливаго и подобострастнаго грека, фигура котораго такъ рисуется у Ювенала:

Grammaticus, rhetor, geometres, pictor, aliptes,
Augur, schoenobates, medicus, magus: omnia novit
Graeculus esuriens: in caelum, iusseris, ibit [2]).

Про римлянъ тоже сказано было уже грозное слово:

(Populus) . . . . qui dabat olim
Imperium, fasces, legiones, omnia nunc se
Continet atque duas tantum res anxius optat
Panem et circenses . . . . [3])

Да, сверхъ того, отнюдь нельзя упускать изъ виду, что ряды «греко-римскаго образованнаго общества» въ расцвѣтъ имперіи совсѣмъ не состояли только изъ римлянъ и грековъ. Римскіе граждане этой эпохи представляютъ собой пеструю смѣсь различныхъ западныхъ и восточныхъ національностей, многія изъ которыхъ раньше совсѣмъ не поднимались на сколько-нибудь высокую степень духовной культуры или прошли совершенно особый циклъ религіознаго развитія. Всѣ эти кельты и германцы, египтяне и сирійцы въ римской тогѣ стремились правда съ большимъ усердіемъ ассимилировать себѣ внѣшнія формы греко-римской цивили-

---

[1]) Поверженная въ прахъ религія теперь попирается ногами: побѣда насъ самихъ поднимаетъ на небо.—Сравни у Вергилія:

Felix qui potuit rerum cognoscere causas
Atque metus omnes et inexorabile fatum
Subiecit pedibus strepitumque Acherontis avari.

(Блаженъ, кто смогъ постичь причинную связь явленій и попралъ всякіе страхи передъ неумолимымъ рокомъ и плескомъ волнъ жаднаго Ахерона.)

[2]) Грамматикъ, риторъ, геометръ, живописецъ, массажистъ, авгуръ, канатный плясунъ, медикъ, магъ—на всѣ руки мастеръ голодный грекъ: если прикажешь, онъ полѣзетъ на самое небо.

[3]) Народъ, который нѣкогда давалъ гражданскую и воинскую власть, легіоны, все, однимъ словомъ, теперь сталъ смиренъ и съ замираніемъ сердца проситъ лишь двухъ вещей—хлѣба и зрѣлищъ.

заціи; но это не мѣшало имъ смотрѣть на міръ глазами своей родины. И въ тѣхъ глубоко нездоровыхъ соціальныхъ и политическихъ условіяхъ, въ которыхъ жило это объединенное имперіей космополитическое общество, побѣда осталась не за эллинскимъ духомъ. Римъ, сдѣлавшись столицей міра, сталъ въ то же время торжищемъ всемірнаго суевѣрія, гдѣ древняя просвѣтительная философія уже не находила себѣ мѣста. Внѣ породившихъ его условій античное свободомысліе, вооруженное почти единственно элементарнымъ здравымъ смысломъ, оказалось не въ силахъ продолжать сколько-нибудь успѣшную борьбу съ враждебными ему теченіями. Въ IV вѣкѣ «богобоязненные» люди уже поздравляютъ человѣчество, что милостью неба скептическія сочиненія Эпикура и Пиррона пропали безъ слѣда. На мѣсто ихъ теперь становится такъ называемый неоплатонизмъ ямблиховскаго толка, гдѣ ранѣе добытое греческой философскою мыслью высокое понятіе о божествѣ мирится съ безчисленными политеистическими культами имперіи черезъ «демоническую» теорію. Придавъ гораздо болѣе грубую форму старинному платоновскому ученію о демонахъ и пропитавъ его элементами, заимствованными изъ религій мистическаго и фантастическаго востока, теорія эта наполняетъ мірозданіе посредствующими между божествомъ и человѣкомъ существами, ихъ объявляетъ истинными свершителями чудесъ, приписывавшихся народной вѣрою богамъ, и съ головой уходитъ въ изысканіе путей для сообщенія съ этимъ сверхъестественнымъ міромъ и подчиненія его волѣ человѣка. Для нея мало-по-малу волшебникъ и совершенный въ своей наукѣ философъ сливаются въ одномъ лицѣ. И неоплатонической философіи платили тяжкую дань самые видные умы среди кончавшаго свой вѣкъ языческаго общества. Послѣдній коронованный язычникъ Юліанъ былъ ревностнѣйшимъ демонослужителемъ (daemonicola) въ духѣ и силѣ наставника своего Ямблиха. Стоитъ прочесть панегирикъ Юліану, составленный извѣстнымъ уже намъ риторомъ Либаніемъ.

„Ему пріятнѣе, когда къ нему обращаются съ титуломъ „жрецъ“, чѣмъ съ титуломъ „императоръ“, и званіе жреца онъ носитъ съ полнымъ правомъ. Ибо насколько своимъ искусствомъ правитъ онъ затмеваетъ другихъ вѣнценосцевъ, настолько глубиной своихъ познаній въ дѣлахъ священныхъ онъ превосходитъ другихъ жрецовъ: я говорю при этомъ не о современныхъ намъ невѣждахъ, я говорю о просвѣщенныхъ жрецахъ древняго Египта. Онъ не довольствуется жертвоприношеніями изрѣдка, по установленнымъ празднествамъ; но, убѣжденный въ истинѣ правила, что къ богамъ надо обращаться предъ всякимъ предпріятіемъ и предъ началомъ всякой рѣчи, онъ каждый день приноситъ жертвы, которыя другіе приносятъ лишь каждый мѣсяцъ. Кровью жертвъ привѣтствуетъ онъ солнце при восходѣ, и кровь ихъ снова льется вечеромъ въ честь его захода. Затѣмъ другія жертвы закалаются въ честь демоновъ ночи... И, что еще прекраснѣе, во время жертвоприношеній онъ не сидитъ спокойно на высокомъ тронѣ среди своихъ тѣлохранителей, блистающихъ золотомъ щитовъ, онъ не чужими руками служитъ своимъ богамъ; нѣтъ, онъ самъ принимаетъ участіе въ обрядахъ, онъ самъ

вступаетъ въ ряды служителей алтаря, онъ носитъ дрова, онъ беретъ въ руки ножъ, онъ вскрываетъ сердце приносимыхъ на алтарь птицъ, онъ обладаетъ искусствомъ читать судьбу по внутренностямъ жертвъ."

Кому при этомъ не вспомнится невольно и приведенный нами ранѣе Либаніевъ панегирикъ своей риторикѣ: «Если бы не краснорѣчіе, то чѣмъ бы отличались мы отъ варваровъ?»

Какъ бы ни относиться, однако, къ проведенной нами параллели и какъ бы ни представлять себѣ вліянія, дѣйствовавшія понижающе на тонъ умственной жизни Римской имперіи, но самый фактъ стоитъ внѣ спора: умственная культура римскаго общества во всѣхъ его слояхъ являла собою передъ паденіемъ язычества очень неутѣшительную картину. Трудящіеся земледѣльческіе классы, приниженные обитатели деревни, не вѣдавшіе никакой школы и никакой «системы народнаго образованія», жили дѣтьми природы: почтенный по древности своей культъ священныхъ деревъ нисколько не являлся рѣдкостью въ имперіи; на ряду съ нимъ процвѣталъ культъ межевыхъ знаковъ. Но если даже земледѣльцы молились олимпійцамъ, то для нихъ «благочестіе» все же имѣло главный смыслъ, какъ средство привлекать въ должномъ количествѣ и свѣтъ, и дождь на свои сады и нивы. Что касается правящихъ классовъ общества, сосредоточивавшихся въ безчисленныхъ городахъ и городкахъ, которыми «всемірный городъ» покрылъ лицо имперіи, то «сливки интеллигенціи» всего похожѣе были тогда по своему духу на современныхъ намъ «спиритовъ» и «теософовъ». «Я ничего не считаю невозможнымъ», заявлялъ одинъ изъ раннихъ вожаковъ интеллигенціи по этому пути, извѣстный писатель II вѣка Апулей. Такъ разсуждали тогда и многіе другіе. Кружки знатнаго общества, увлекавшіеся моднымъ въ тѣ времена таинственнымъ культомъ египетской Изиды, не находили, напримѣръ, ничего невѣроятнаго въ событіи, свидѣтелемъ которому оказался воздвигнутый на Марсовомъ полѣ храмъ Изиды, гдѣ однажды серебряная змѣя богини при нарушеніи одною изъ римскихъ дамъ устава о супружескомъ воздержаніи многозначительно покачала головой. Такія вещи могли казаться глупостью только «непосвященнымъ» людямъ въ родѣ сатирика Ювенала, который сохранилъ для насъ память объ этомъ. А «посвященнымъ», особенно если они сподобились окунуться въ самый источникъ мистической мудрости, въ мистеріи востока, оставалось лишь скорбѣть о духовной ограниченности подобныхъ раціоналистовъ. Для нихъ та магія, на которую профаны вообще смотрѣли издревле очень косо, являлась высшей изъ всѣхъ наукъ, способной сдѣлать человѣка дѣйствительнымъ «царемъ вселенной». Наконецъ, масса городского общества довольствовалась тѣмъ міро-

созерцаніемъ, которое она выносила изъ школы или которымъ она заимствовалась у побывавшихъ въ школѣ людей. Нельзя сказать, чтобы она вѣрила всякому слову о богахъ въ заученныхъ ею наизусть на школьной скамьѣ поэтахъ—ее никто къ тому и не обязывалъ, ибо античная религія не знала «догмы» — но въ общемъ было бы напрасно думать, чтобы она читала греческихъ трагиковъ или Вергиліеву Энеиду нашими глазами. Довольно здѣсь напомнить, что даже христіанскіе философы, какъ Августинъ, считали истиной разсказъ о жертвоприношеніи Ифигеніи въ Авлидѣ съ чудеспою заменой ея ланью, и въ спорахъ о дѣятельности боговъ въ природѣ ссылки на поэтовъ являлись самымъ обычнымъ доводомъ. Ранѣе пробудившійся скептицизмъ, правда, не вымиралъ совсѣмъ въ римскомъ языческомъ обществѣ до самаго его конца. Но такъ какъ онъ обычно соединялся съ общимъ индиферентизмомъ, такъ какъ насмѣшники типа Лукіана, смѣявшіеся заразъ и надъ поэтами, и надъ философами, и надъ геометрическими или астрономическими умозрѣніями, на мѣсто осмѣянныхъ теорій не ставили ровно ничего, то и вліяніе ихъ шло не глубоко. Притомъ же въ эпоху торжества неоплатонизма скептикамъ приходилось держаться осторожно. Если старинный принципъ римской религіозной политики гласилъ Deorum iniuriae diis curae [1]), то спириты ямблиховскаго направленія учили, что «съ тѣми, кто спрашиваетъ, есть ли боги, и въ этомъ сомнѣвается, не слѣдуетъ разговаривать, какъ съ людьми: ихъ надо травить, какъ хищныхъ звѣрей». Зато послѣ созданія Пантеона, собравшаго подъ одной кровлей всѣ прежде враждовавшія между собой божества, терпимости римскаго общества къ выбору культа не было уже предѣловъ. Оно охотно допустило бы въ свой Пантеонъ и того Бога, которому молились евреи и христіане. И только упорное утвержденіе его поклонниковъ, что на ряду съ нимъ не можетъ быть мѣста другимъ богамъ, что всѣ другіе боги суть лишь «глаголемые бози», заставляло римское общество гнать іудеевъ и христіанъ, какъ атеистовъ [2]). Помимо же этого всякій римскій гражданинъ въ религіозной области былъ почти безгранично свободенъ. Онъ, правда, не долженъ былъ забывать почтенія къ римскимъ богамъ, издревле покровительствовавшимъ государству; но боги эти не были ревнивы и не мѣшали никому ходить къ какимъ угодно другимъ алтарямъ и приносить свои

[1]) „Оскорбленія боговъ — богамъ забота“; иначе говоря, боги не нуждаются въ помощи людей, чтобы карать тѣхъ, кто осмѣлится ихъ оскорбить.

[2]) Очень характерно, что терминъ ἄθεος въ юридическомъ языкѣ имперіи прилагался исключительно къ іудеямъ и христіанамъ, не распространяясь на религіозныхъ скептиковъ.

мольбы и свои жертвы заразъ какому угодно количеству небожителей. Соперничество между языческими религіями сводилось теперь лишь къ тому, что онѣ другъ передъ другомъ превозносились своею силою — количествомъ и качествомъ чудесъ, которыя числились за ихъ богами. И въ этой конкуренціи литература наводняется якобы безусловно достовѣрными разсказами, не мало способствовавшими тому, что религіозная жизнь римскаго общества принимаетъ характеръ, который одинъ изъ знатоковъ этого періода описываетъ намъ такими чертами: «Съ III столѣтія по Р. Х. вся римская религіозная жизнь поглощена была вѣрою въ чудеса. Людская мысль и вѣра чувствовала себя въ мірѣ чудеснаго, какъ въ своей истинной стихіи. Чѣмъ болѣе разительный характеръ носила приходившая новая вѣсть, тѣмъ скорѣе и охотнѣе общество соглашалось ее слушать. О самой скромной критикѣ не было болѣе и рѣчи, легковѣріе у образованныхъ римлянъ переходило всякія границы, и какъ среди обманутыхъ, такъ и среди самихъ обманщиковъ безчисленное множество людей теряло окончательно способность отличать правду отъ неправды. Гигантская сѣть суевѣрія, сплетенная соединенными усиліями запада и востока, покрыла собой всю Римскую имперію. Міръ никогда не видывалъ общества, которое при всей своей образованности и утонченности до такой степени жило бы въ сферѣ сверхъестественнаго». (Th. Trede, Wunderglaube im Heidentum, S. 57.)

Но правящіе классы римскаго общества, римскіе граждане, все же, какъ мы замѣтили, были дѣйствительно «гражданами», т.-е. горожанами — и въ городскихъ условіяхъ не всѣ виды суевѣрія находили для своего питанія одинаково благопріятную почву. Такимъ образомъ если мы, обращаясь къ ближайшей нашей темѣ, возьмемъ отдѣльныя фантастическія представленія, изъ которыхъ впослѣдствіи соткался отвратительный образъ вѣдьмы, и прослѣдимъ ихъ отраженіе въ римской литературѣ и въ жизни, то мы получимъ слѣдующіе результаты.

Если бы образованному римлянину послѣднихъ вѣковъ имперіи пришлось встрѣтиться съ разсказами о вѣдьмахъ, то онъ не нашелъ бы здѣсь почти ничего такого, о чемъ бы ему и раньше не случалось слыхать и читывать множество разъ. Вѣдьмы — колдуньи, изводящія своими чарами людей и животныхъ, напускающія бури и градъ, вынимающія при помощи заклинаній молоко у коровъ и т. п.,—но кто же въ Римской имперіи не видывалъ своими глазами колдуновъ? Деревня издревле трепетала передъ arioli, умѣвшими наводить и отводить тучи, а въ городахъ въ языческое время имперіи профессія маговъ была представлена такъ серьезно и разно-

образно, что добрые люди не знали, куда дѣваться отъ всѣхъ этихъ халдеевъ «математиковъ» и прочихъ «лиходѣевъ» (malefici) —общее имя, которымъ окрестилъ римскій народъ всякаго рода «волхвовъ», хотя бы они занимались и разрѣшенными магическими искусствами. И тотъ, кто юность свою провелъ въ риторической школѣ, кто читывалъ сатиры и эподы Горація или Луканову Фарсалію, тому вся кухня вѣдьмъ, какъ она описывается, напримѣръ, въ шекспировскомъ Макбетѣ, показалась бы вещью совсѣмъ не новой. Онъ могъ бы даже заподозрить—и не безъ основанія — что главные рецепты этой адской кухни достались вѣдьмамъ по наслѣдству отъ той же Гораціевой Канидіи или Лукановой Эрихто, на очагѣ которыхъ мы уже встрѣчаемъ и «кости мертвыхъ, отбитыя у голодной собаки», и младенцевъ, вырванныхъ изъ утробы матери, и «перья совы, напоенныя кровью жабы», и позвонки гіэны, и змѣй съ ехиднами, и растенія, собранныя на могилахъ, и т. д., и т. д.

Но вѣдьмы изводили людей не только чарами, какъ Канидія или Эрихто: вѣдьмы способны были скидываться звѣрями и въ этомъ видѣ нападать на свои жертвы. И тутъ однако не было бы ничего новаго для знавшаго свою литературу римлянина. Не говоря уже про то, что превращеніемъ людей въ звѣрей, въ растенія и даже въ звѣзды издревле любила заниматься фантазія поэтовъ—припомнимъ хотя бы однѣ Овидіевы метаморфозы — даже у болѣе положительныхъ писателей, какъ у Варрона, «мужа дивной учености», онъ могъ найти сообщенія въ родѣ разсказа объ аркадцахъ, «которые, влекомые рокомъ, переплывали нѣкое озеро, превращались тамъ въ волковъ и жили вмѣстѣ съ подобными же звѣрями въ пустынѣ той страны». Варронъ передавалъ далѣе и то, что «если они потомъ не ѣли человѣческаго мяса, то черезъ девять лѣтъ, переплывши обратно то же озеро, снова превращались въ людей». Варронъ приводилъ даже по имени нѣкоего Деменета, «который будто бы, отвѣдавъ жертвы, которую аркадцы приносили обыкновенно своему богу Ликею, закалывая мальчика, превратился въ волка и, принявши снова на десятомъ году человѣческій образъ, упражнялся въ кулачномъ бою и остался побѣдителемъ на олимпійскихъ играхъ». Въ извѣстномъ же произведеніи Петронія «Пиръ у Трималхіона» всякій могъ уже найти и эпизодъ, который на разные лады безчисленное число разъ повторялся въ позднѣйшихъ сказаніяхъ о вѣдьмахъ. Нѣкто Ницеросъ повѣствуетъ тамъ объ удивительнѣйшемъ происшествіи, случившемся на собственныхъ его глазахъ. Пустившись ночью на сосѣдскую виллу, чтобы навѣстить свою возлюбленную, онъ прихватилъ съ собой гостившаго въ ихъ домѣ силача-солдата. Но, когда путь подвелъ ихъ къ мо-

4

гильнымъ памятникамъ, спутникъ Ницероса остановился, раздѣлся донага и вдругъ, скинувшись волкомъ, съ воемъ исчезъ въ лѣсу. Еле живой отъ страха, Ницеросъ добрался до своей знакомой и отъ нея услышалъ: «Какъ жаль, что ты не пришелъ чуточку пораньше, а то ты бы намъ помогъ. Къ намъ въ виллу ворвался волкъ и, какъ мясникъ, принялся рѣзать стадо. Ну, да хоть онъ и спасся, а все же ему досталось: нашъ рабъ дротикомъ угодилъ ему въ шею». Ницеросъ опрометью бросился домой. Тамъ, гдѣ должна была остаться солдатова одежда, онъ не увидѣлъ ничего, кромѣ слѣдовъ крови; дома же онъ нашелъ гостя въ постели и около него медика, перевязывавшаго ему рану на шеѣ.

Полеты вѣдьмъ на каннибальскія ихъ оргіи и на распутство? Что боги могутъ носить людей по воздуху, не стѣсняясь «тяжелою природой» человѣческаго тѣла, зналъ всякій, кто читывалъ Гомера или кто видѣлъ на сценѣ Ифигенію. И кто жъ не слыхивалъ про Персея съ его Пегасомъ? Но, и помимо этого, уже всякая римская и греческая нянька умѣла поразсказать дѣтямъ о страшныхъ стригахъ или ламіяхъ, которыя летаютъ по ночамъ и таскаютъ дѣтей изъ колыбелей или тихонько выѣдаютъ внутренности у спящихъ мирнымъ сномъ людей, набивая ихъ вмѣсто того всякою трухою. Природа этихъ стригъ была, правда, не очень ясна. Такъ, раціоналистически настроенный Плиній считалъ ихъ просто за особую породу птицъ и только затруднялся, къ какому собственно ихъ надо относить семейству. Неисправимый скептикъ Лукіанъ шелъ еще дальше и видѣлъ въ нихъ лишь «буку», котораго и надобно оставить нянькамъ. Но очень основательные писатели, какъ Фестъ, рѣшали дѣло въ томъ смыслѣ, что стриги—это «лиходѣйки», скидывающіяся чѣмъ-то въ родѣ птицъ. Овидій же и Апулей разсказывали о женщинахъ, которыя летаютъ по ночамъ не какъ вампиры, а просто для любовныхъ похожденій. Характерно при этомъ, что поминаемыя Апулеемъ такого рода ѳессалійскія колдуньи свои полеты совершаютъ точь въ точь какъ вѣдьмы — при помощи волшебной мази.

Вѣдьмы, однако, распутничали не съ людьми: любовниками ихъ являлись демоны? И этому разсказу римскіе граждане нисколько бы не удивились. Свидѣтельствомъ тому, что безсмертные обитатели нездѣшняго міра могутъ вступать въ любовныя сношенія съ смертными обитателями земли, являлось все «поэтическое» или «театральное» богословіе. Самъ Римъ развѣ не признавалъ своего основателя сыномъ Марса и дочери царя Нумитора? И въ свое очень просвѣщенное время Юлій Цезарь, не вѣря, конечно, тутъ ни слову, могъ смѣло говорить на форумѣ предъ всѣмъ народомъ въ надгробномъ

словѣ теткѣ: «Родъ моей тетки съ материнской стороны идетъ отъ царя Анка Марція, со стороны же отцовской мы состоимъ въ родствѣ съ безсмертными богами: ибо прародительницей насъ, Юліевъ, является Венера». И народъ слушалъ это, не удивляясь. Сидѣли же еще во времена Сенеки въ Капитоліи «такія женщины, которыя считали себя любовницами Юпитера, не опасаясь даже и Юноны, обладающей, если вѣрить поэтамъ, весьма сердитымъ взглядомъ». А населеніе греческихъ и римскихъ водъ и лѣсовъ — всѣ эти сатиры и фавны, наяды и дріады—развѣ они ухаживали только другъ за другомъ? Развѣ юнымъ красавцамъ и красавицамъ въ лѣсной глуши не приходилось ихъ очень опасаться? Да и въ своихъ домахъ съ запертыми дверями развѣ спящимъ не приходилось терпѣть отъ посягательствъ какихъ-то духовъ, именовавшихся инкубами, ночное посѣщеніе которыхъ сопровождалось такимъ тяжелымъ состояніемъ сладострастнаго кошмара? Тѣ же изъ образованныхъ римлянъ, которымъ приходилось бесѣдовать съ бродившими по всей имперіи кудесниками и прорицателями изъ Сиріи и Іудеи, знакомы были и съ продѣлками обитающихъ на востокѣ lilu и lilituv, этихъ ночныхъ мужчинъ и женщинъ, издѣвавшихся даже надъ самыми строгими аскетами. «Здравствуй, пророкъ: какъ поживаютъ твои дѣтки?» насмѣшливо спрашиваетъ такой духъ встрѣтившагося съ нимъ великаго пророка. «Какія дѣти? Я въ жизни не зналъ женщины.» — «Такъ что же изъ того? Какъ будто я не пользовалась твоимъ сномъ и не родила тебѣ потомство?» Подобными сказаніями полонъ былъ востокъ имперіи: къ нимъ съ любопытствомъ прислушивался и ея западъ.

Итакъ, всѣ тѣ отдѣльныя фантастическія представленія, которыя слиты въ образѣ вѣдьмы, были вполнѣ знакомы въ той или иной формѣ и окраскѣ и римскому обществу временъ имперіи. Но если мы обратимся къ вопросу о степени ихъ интенсивности, объ ихъ вліяніи на жизнь, то мы увидимъ, что на различныя ихъ группы общество это реагировало очень различно. Вѣра въ дѣйствительность колдовства въ томъ видѣ, какъ его практиковали особы въ родѣ Гораціевой Канидии или Нероновой сотрудницы Локусты, безспорно являлась принадлежностью чуть не всего римскаго общества поголовно — отъ деревенской лачужки до императорскаго дворца. Больше всего, положимъ, римляне опасались въ колдовской наукѣ того, чего въ ней и нельзя было не опасаться: умѣнья колдуновъ варить наговорныя зелья, готовить pocula, сила которыхъ лежала, конечно, не въ однихъ наговорахъ. Не даромъ римскій юридическій языкъ злостное колдовство во всѣхъ его видахъ обозначаетъ однимъ терминомъ veneficium (venenum—ядъ). Но римляне, несомнѣнно, при-

давали серьезное значенiе и многимъ другимъ прiемамъ «оперативной магiи». Желая погубить Германика, разсказываетъ намъ Тацитъ, враги его зарывали въ его жилищѣ кости и пепелъ, добытые съ кладбищъ, надгробныя пластинки съ его именемъ, формулы заклинанiй «и вообще пускали въ ходъ тѣ средства, которыми, по мнѣнiю людей, душа обрекается въ жертву подземнымъ божествамъ». И римскiя могилы являются убѣдительнѣйшимъ свидѣтельствомъ, какъ широко распространенъ былъ этотъ видъ суевѣрiя у римлянъ: новѣйшiя итальянскiя раскопки открыли въ нихъ богатое собранiе писемъ, которыя потихоньку подкидывались въ гробъ покойникамъ для передачи властямъ подземнаго мiра. Одни изъ нихъ содержатъ въ себѣ проклятiя врагамъ — нерѣдко съ чрезвычайно точнымъ обозначенiемъ всѣхъ частей тѣла, которыя проклинаются, и всѣхъ болѣзней, которыми боги по просьбѣ пишущаго должны поразить указываемое лицо (при чемъ во избѣжанiе смѣшенiя иногда прибавлялся и его адресъ: такъ, нѣкiй Викторъ, погребенный на Via Appia, долженъ былъ обратить вниманiе Плутона, «царя всѣхъ мертвыхъ и повелителя подземнаго мiра», на проклятаго «булочника Презетицiя, сына Азеллы, торгующаго въ Римѣ въ IX кварталѣ», и т. п). Другiя изъ такихъ посланiй содержатъ въ себѣ, напротивъ, просьбы, чтобы боги не слушали проклятiй, посланныхъ отъ такого-то или такой-то [1]). Римляне трепетали и «лигатуръ» — трепетали операцiй, творившихся надъ восковымъ или свинцовымъ изображенiемъ лица, которое колдунъ хотѣлъ или погубить, или воспламенить любовною страстью, или лишить разсудка и т. п. Господствующiй и сейчасъ въ Италiи страхъ передъ «дурнымъ глазомъ» тоже въ достаточной мѣрѣ смущалъ тогда сердца людей (fascinatio). Наконецъ, поминаемое бл. Августиномъ обычное разсужденiе черни «Нѣтъ дождя — виноваты христiане» и крики, съ

---

[1]) Страшная ѳессалiйская колдунья Эрихто, описываемая Луканомъ, свои сношенiя съ адомъ поддерживала такимъ путемъ:

Saepe etiam caris cognato in funere dira
Thessalis incubuit membris, atque oscula figens
Truncavitque caput, compressaque dentibus ora
Laxavit, siccoque haerentem gutture linguam
Praemordens, gelidis infudit murmura labris
Arcanumque nefas Stygias mandavit ad umbras.

(Нерѣдко также эта пагубная ѳессалiянка на погребенiи родныхъ припадала къ дорогому трупу и, въ поцѣлуѣ прильнувъ къ головѣ устами, грызла ее; зубами она разжимала сомкнутыя уста; укусивъ кончикъ языка, висѣвшаго въ сухой гортани, она нашептывала свои тайны на холодныя губы и такъ передавала нечестивыя вѣсти тѣнямъ Стикса.)

которыми она въ подобныхъ случаяхъ обращалась къ правителямъ, Tolle magos, tolle sacrilegos [1]) показываютъ намъ, какъ крѣпка была вѣра въ возможность волшебнаго вліянія на погоду. Конечно, не всѣ тутъ вѣрили всему, и въ римскомъ обществѣ, несомнѣнно, никогда не переводились люди, которые и ничему почти изъ этого не вѣрили. Но сила этихъ представленій была вполнѣ достаточна, чтобы приводить въ движеніе тѣ органы, которые общество выработало для своей защиты отъ преступныхъ членовъ, чтобы оставить слѣдъ въ законодательствѣ и въ памятникахъ судебной римской дѣятельности.

Уже во времена республики за всѣ помянутые нами виды колдовства законъ назначалъ тяжкія кары, до смертной казни включительно. Имперія же сочла нужнымъ еще возвысить ихъ мѣру: по римской судебной практикѣ третьяго вѣка по Р. Х. за изведеніе человѣческой жизни при содѣйствіи колдуна знатнымъ особамъ рубили голову, обыкновенныхъ гражданъ распинали или кидали въ циркъ на растерзаніе звѣрямъ, самого же участвовавшаго въ преступленіи колдуна сжигали живого. Судъ римскій не отказывался также разбирать процессы въ родѣ процесса писателя Апулея, который обвинялся въ томъ, что при женитьбѣ его на богатой молодой вдовѣ дѣло было нечисто: что онъ своимъ успѣхомъ обязанъ былъ ворожбѣ. Сенека могъ смѣяться надъ вѣрой, будто колдуны способны поднимать бури, онъ могъ называть это давно отжившей свой вѣкъ глупостью; и тѣмъ не менѣе онъ же сообщаетъ намъ, какъ римскіе декуріоны его времени подвергли взысканію полевыхъ сторожей за то, что тѣ не уберегли своего участка отъ заклинателей, навлекшихъ градобитіе на нѣкоторыя поля.

Но если мы обратимся къ представленіямъ о «стригахъ» и всякаго рода другихъ оборотняхъ, о летающихъ колдуньяхъ или о любовной связи между людьми и неземными существами, то мы увидимъ, что римскому легковѣрію были свои границы. Какъ бы ни были живы подобные образы въ невѣжественныхъ классахъ— Плиній намъ сообщаетъ, напримѣръ, что вѣра въ оборотней при немъ была чрезвычайно сильна среди простонародья—въ общемъ городской воздухъ былъ, очевидно, губителенъ для этихъ порожденій народной фантазіи. Няньки могли сколько угодно пугать дѣтей разсказами про стригъ, Варронъ могъ повѣствовать взрослымъ про аркадскую ликантропію, Апулей могъ щекотать нервы своихъ читателей чудесными похожденіями ѳессалійскихъ волшебницъ, хватавшихъ даже мѣсяцъ и звѣзды съ неба, Филостратъ по

[1]) Истреби колдуновъ, истреби безбожниковъ.

особой просьбѣ самой императрицы Юліи Домны, супруги Септимія Севера, могъ составлять житіе Аполлонія Тіанскаго съ ужасными разсказами о сладострастныхъ вампирахъ, являющихся въ образѣ красавицъ; но городской базиликѣ, гдѣ творился судъ, всѣ эти чудища оставались незнакомы. По крайней мѣрѣ, до насъ не дошло ни одной относящейся сюда строки въ законахъ и ни одного намека на то, чтобы римскому суду приходилось въ какомъ бы то ни было видѣ считаться съ указанными представленіями, хотя бы даже въ видѣ репрессіи могшихъ ими вызываться случаевъ народнаго самоуправства. Что же касается до любовныхъ отношеній между людьми и небожителями, то римскому суду не приходилось даже разбирать, возможны они или невозможны: если бы они были и возможны, они все же его нисколько не касались. Тѣ женщины, любовницы Юпитера, о которыхъ упоминаетъ Сенека, могли бояться только громовъ Юноны: по римскому праву законъ нисколько не имѣлъ поводовъ интересоваться какими бы то ни было любовными похожденіями свободныхъ женщинъ и разбирать, съ кѣмъ онѣ состоятъ въ связи. А «театральное богословіе» не позволяло видѣть тутъ и оскорбленія для отца боговъ. Впрочемъ, и все образованное общество не слишкомъ увлекалось подобными разсказами. По крайней мѣрѣ ни у одного изъ языческихъ писателей мы не находимъ попытки пролить какой-нибудь свѣтъ на это дѣло и разобрать физіологію такого рода смѣшанныхъ браковъ. Какое тѣло у олимпійцевъ, какое у него строеніе, какія его свойства— надъ этими вопросами никто въ языческой древности серьезно не задумывался. Кто вѣрилъ въ олимпійцевъ и въ божественное происхожденіе Ромула, тотъ вѣрилъ не размышляя. У тѣхъ же, кто размышлялъ о природѣ божества, подобные вопросы совсѣмъ не поднимались.

Таковы были представленія о волшебникахъ и волшебствѣ въ римской культурѣ, когда въ IV в. культура эта изъ языческой окончательно обратилась въ христіанскую, когда церковная христіанская организація была, наконецъ, объявлена самимъ государствомъ единственною законной руководительницей духовной жизни общества и была призвана слѣдить не только за нравственнымъ поведеніемъ гражданъ, но и за правильностью ихъ образа мыслей по всѣмъ соприкасающимся съ религіей вопросамъ. Какое же положеніе заняла въ интересующей насъ области эта новая міровая сила, которой было суждено явиться свидѣтельницей гибели имперіи на западѣ Европы и стать ея душеприказчицей?

На это слѣдуетъ отвѣтить такъ. Вопросъ о волшебствѣ для церкви не находился въ сколько-нибудь близкой связи съ основ-

ными истинами христіанской религіи, и потому, работая надъ установленіемъ своей догмы, она не имѣла причинъ его касаться. Какъ извѣстно, ни одинъ изъ Вселенскихъ Соборовъ не удѣлилъ ему никакой доли своего вниманія. Для церкви, несомнѣнно, всякое обращеніе къ волшебству являлось грѣхомъ—и однимъ изъ самыхъ тяжкихъ грѣховъ, какіе могъ совершить истинный христіанинъ,—грѣхомъ, граничившимъ съ отпаденіемъ отъ вѣры. Но такъ какъ грѣховность всякаго дѣянія для христіанъ искони опредѣлялась намѣреніемъ человѣка, то, налагая за всякую попытку волхвовать строгія кары, церковь все же не имѣла при этомъ повода высказываться «учительно» о вѣрѣ въ реальность колдовства. Такимъ образомъ все, что дошло до позднѣйшихъ временъ отъ древней церкви въ этой области, представляетъ собой лишь мнѣнія отдѣльныхъ христіанскихъ писателей, и мнѣнія эти естественно носятъ на себѣ печать своего вѣка. Не надо забывать, что въ умственномъ отношеніи римскіе христіане и римскіе язычники были дѣтьми одной и той же цивилизаціи. И христіанскіе писатели не вѣдали другой общеобразовательной школы, кромѣ все тѣхъ же «училищъ краснорѣчія», которыя для всей эпохи представлялись единственно мыслимымъ путемъ къ болѣе тонкой умственной культурѣ—настолько, что даже послѣ окончательнаго своего торжества церковь не нашла возможнымъ ничего измѣнить въ ихъ строѣ. А кто изъ христіанъ хотѣлъ подняться выше, кто задавался цѣлью усвоить себѣ пріемы философскаго мышленія о вещахъ, тотъ имъ учился опять-таки у тѣхъ же языческихъ философовъ, которые, какъ мы сказали, съ III вѣка ушли съ головой въ демонологію. Конечно, христіанинъ на все, что онъ читалъ подъ руководствомъ «грамматика», «ритора» и «философа», глядѣлъ своими собственными глазами. Такъ, признавая вмѣстѣ съ вѣкомъ, что Апулеево или Ямблихово ученіе о демонахъ, какъ о свершителяхъ чудесъ, представляетъ собой самую правильную изъ системъ языческаго «физическаго богословія», христіанинъ отводилъ существамъ такого рода совсѣмъ не то мѣсто въ мірозданіи, какое отводила имъ философія. Тогда какъ философія видѣла въ демонахъ служителей боговъ, которымъ эти владыки міра поручаютъ творить на землѣ свою волю, христіанинъ, низводя и самихъ языческихъ боговъ на степень демоновъ, всѣмъ имъ отказывалъ въ малѣйшей искрѣ божественнаго начала. Для него не было сомнѣній, что если демоны съ ихъ чудесами и представляютъ собой міровую реальность, то съ точки зрѣнія религіи они могутъ являться лишь тѣми падшими, преступными, лживыми, злыми ангелами, о которыхъ упоминаетъ Библія. И точно такъ же, заучивая въ школѣ краснорѣ-

чія поэтовъ, которые всѣ были преисполнены сказаніями о чудесахъ боговъ и подвигахъ героевъ, христіанинъ относился къ нимъ, конечно, съ гораздо большей критикою, чѣмъ язычникъ. Если и образованные язычники никогда не считали возможнымъ вѣрить всему, что говорила о богахъ ихъ школьная литература, то христіанинъ, не связанный піэтетомъ къ національной религіи, гораздо большее количество сказаній о богахъ прямо отбрасывалъ въ область «нелѣпыхъ, неискусно выдуманныхъ сказокъ»; извѣстно, какою популярностью у христіанскихъ писателей пользовалось раціоналистическое объясненіе миѳологіи, созданное Эвгемеромъ. И тѣмъ не менѣе, старая языческая демонологія успѣла проникнуть въ молодое христіанское міросозерцаніе, принявъ только гораздо болѣе мрачную окраску. Правъ былъ бл. Августинъ, когда онъ съ горечью говорилъ о томъ, какое дѣйствіе на умъ производитъ риторическая школа, «гдѣ опьяненные виномъ поэтической лжи наставники имъ же упаиваютъ учениковъ», и какъ бываетъ трудно даже въ ковчегѣ церкви освободить душу отъ впитанныхъ еще на школьной скамьѣ ложныхъ понятій и предразсудковъ. Онъ самъ въ своемъ ученіи о демонахъ и волшебствѣ служитъ тому однимъ изъ наиболѣе убѣдительныхъ примѣровъ.

Со взглядами Августина въ этой области намъ надобно познакомиться поближе въ виду того исключительнаго вліянія, которое вообще оказалъ этотъ мыслитель на все позднѣйшее развитіе римско-католическаго міровоззрѣнія. Не даромъ римская церковь празднуетъ и понынѣ день обращенія Августина въ христіанство на ряду со днемъ обращенія ап. Павла. Но намъ при этомъ нѣтъ необходимости поднимать данный вопросъ во всемъ его объемѣ. Нѣсколько выдержекъ изъ главнаго Августинова труда «О градѣ Божіемъ, противъ язычниковъ», взятые въ неприкосновенности подлинника, при которой отъ нихъ вѣетъ эпохой, будутъ вполнѣ достаточны для нашихъ цѣлей [1]).

Въ своей защитѣ христіанства противъ нападокъ со стороны языческихъ писателей Августинъ находилъ возможнымъ считаться лишь съ тѣми изъ язычниковъ, «которые вѣруютъ и въ Бога, сотворившаго міръ, и въ боговъ, коихъ онъ сотворилъ и черезъ коихъ управляетъ міромъ, и, наконецъ, въ свершителей чудесъ добровольныхъ или вынужденныхъ какимъ-нибудь культомъ или обрядомъ» (т.-е. въ демоновъ). Со скептиками, съ полными матеріали-

---

[1]) Отрывки изъ сочиненія Августина „О градѣ Божіемъ“ я привожу въ общемъ по русскому переводу, помѣщенному въ „Библіотекѣ твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ, издаваемой при Кіевской духовной академіи“.

стами философія перестала уже разговаривать задолго до Августина. Однако даже со стороны такого рода спиритуалистовъ христіанству приходилось наталкиваться на раціоналистическія возраженія. Христіанство, говорили образованные язычники, съ которыми состязался Августинъ, учитъ вещамъ прямо противнымъ разуму. Таково, напримѣръ, ученіе о вѣчномъ огнѣ, въ которомъ послѣ страшнаго суда будутъ мучиться тѣла грѣшниковъ. «Разумъ не допускаетъ, чтобы плоть горѣла и не уничтожалась, страдала и не умирала... Когда хотите, чтобы мы этому вѣрили, объясните намъ каждый пунктъ въ отдѣльности».

Такъ — отвѣчаетъ Августинъ: но это разсужденіе къ чему же насъ приводитъ? Все то, чего нашъ разумъ не въ силахъ объяснить, того и не существуетъ? «Пусть же сами эти великіе разумники дадутъ объясненіе тѣмъ весьма многимъ удивительнымъ явленіямъ, которыя мы или можемъ видѣть или даже видимъ. Если они поймутъ, что объяснить такихъ явленій человѣкъ не въ состояніи, то должны будутъ признаться, что если что-нибудь не можетъ быть объяснено, это не служитъ еще доказательствомъ, что его не было или не будетъ: ибо и теперь есть явленія, которыхъ также объяснить мы не можемъ».

Затѣмъ Августинъ приводитъ изъ самыхъ достовѣрныхъ писателей, главнымъ образомъ изъ Плинія, длинный рядъ такого рода удивительныхъ и непостижимыхъ фактовъ.

„Въ Сициліи есть агригентская соль: если, говорятъ, приблизить ее къ огню, она дѣлается жидкою, какъ въ водѣ, а если приблизить къ водѣ, трещитъ, какъ въ огнѣ. Въ Гарамантахъ есть одинъ источникъ, который днемъ бываетъ такимъ холоднымъ, что изъ него нельзя пить, а ночью такимъ горячимъ, что къ нему нельзя прикоснуться. Въ Эпирѣ есть другого рода источникъ, въ которомъ горящіе факелы тухнутъ, какъ и во всѣхъ другихъ, но потухшіе зажигаются, не какъ въ другихъ. Аркадійскій камень асвестонъ такъ называется потому, что разъ зажженный уже не можетъ потухнуть... Въ Каппадокіи кобыла иногда зачинаетъ отъ вѣтра, и такія порожденія живутъ не больше трехъ лѣтъ. Индійскій островъ Тилонъ тѣмъ отличается отъ другихъ странъ, что всякое растущее тамъ дерево никогда не обнажается отъ своей листвы".

Августинъ далѣе приводитъ самъ и возможное возраженіе на подобную аргументацію.

„На это намъ могутъ сказать: „Ничего этого нѣтъ, и ничему этому мы не вѣримъ; все, что говорится и пишется объ этомъ, ложь"; и прибавятъ еще такія соображенія: „Если этому слѣдуетъ вѣрить, то вѣрьте и вы тому, о чемъ сообщается также письменно, будто бы было или существуетъ нѣкое капище Венеры, а въ немъ подсвѣчникъ, а на подсвѣчникѣ лампада, горящая подъ открытымъ небомъ такъ, что ея не тушатъ ни буря, ни дождь; отчего подобно камню тому, она называется λύχνος ἄσβεστος т.-е. „неугасимая лампада". Это намъ могутъ сказать для того, чтобы затруднить насъ отвѣтомъ: если мы скажемъ, что этому не слѣдуетъ вѣрить, то такимъ отвѣтомъ ослабимъ свидѣтельства о вышеприведенныхъ нами чудесныхъ явленіяхъ; а если согласимся, то тѣмъ самымъ признаемъ истинность языческихъ боговъ".

На это Августинъ отвѣчаетъ слѣдующимъ разсужденіемъ, заслуживающимъ нашего полнаго вниманія.

Во-первыхъ, говоритъ онъ, мы не считаемъ необходимымъ вѣрить всему, что содержится въ исторіи народовъ, а вѣримъ, если хотимъ, только тому, что не противорѣчитъ книгамъ, которымъ мы, по нашему убѣжденію, должны вѣрить (т.-е. Св. Писанію).

„Но впрочемъ, что касается капища Венеры и неугасимой лампады, то въ этомъ случаѣ для насъ не только нѣтъ ни малѣйшаго затрудненія, а даже открывается широкое поле. Къ этой неугасимой лампадѣ мы прибавимъ и многія другія чудеса, совершаемыя людьми при помощи человѣческаго и магическаго, т.-е. демонскаго искусства и самими демонами: если бъ мы захотѣли отрицать ихъ, то стали бы въ противорѣчіе съ свидѣтельствомъ священныхъ книгъ, которымъ мы вѣруемъ. Итакъ, въ лампадѣ той устроено было человѣческимъ искусствомъ какое-нибудь приспособленіе изъ камня асвестона; или же то, чему въ томъ храмѣ удивлялись, производилось при помощи магическаго искусства; или, наконецъ, подъ именемъ Венеры находился тутъ какой-нибудь демонъ, чтобы предъ людьми явилось и осталось это чудо. А къ такой осѣдлости среди тварей, которыхъ не они создали, а Богъ, демоны приманиваются, смотря по своему различію, разными привлекательными для нихъ не родами пищи, какъ животныя, а знаками, какъ духи—знаками, которые соотвѣтствуютъ вкусу каждаго изъ нихъ, именно—разнаго рода камнями, травами, деревами, животными, заклинаніями, обрядами. Приманкою служатъ для нихъ и люди, но въ этомъ случаѣ демоны прежде сами обольщаютъ людей какою-нибудь коварною хитростію, или отравляя ихъ сердце тайнымъ ядомъ или прикрываясь ложною дружбою, и дѣлаютъ немногихъ изъ нихъ своими учениками, которые уже являются учителями весьма многихъ. Ибо никто не могъ знать, чего каждый изъ демоновъ желаетъ, чего страшится, какимъ именемъ призывается, какимъ принуждается, раньше чѣмъ они сами этому научили: отсюда именно и явились магическія искусства и мастера въ нихъ“.

Слѣдуя далѣе по своему «широкому полю», Августинъ не только допускаетъ реальность всѣхъ тѣхъ видовъ колдовства, которые карались римскимъ законодательствомъ, но даже не останавливается предъ допущеніемъ, что и въ разсказахъ про оборотней можетъ быть доля истины. Такъ какъ относящимся сюда Августиновымъ взглядамъ было суждено впослѣдствіи занять видное мѣсто въ процессахъ вѣдьмъ, то я приведу ихъ въ довольно пространномъ извлеченіи.

Разсказывая о томъ, какъ возникали культы ложныхъ боговъ, Августинъ встрѣчается съ преданіемъ о возникновеніи Діомедова храма на Діомедовомъ островѣ.

„Такъ богомъ сдѣлали Діомеда, который, говорятъ, въ наказаніе, свыше ниспосланное, не возвратился къ своимъ, а спутники его, какъ выдается это уже не за баснословную и поэтическую ложь, а за историческую истину, превращены были въ птицъ... Говорятъ, что существуетъ даже храмъ его на Діомедовомъ островѣ, недалеко отъ горы Гаргана въ Апуліи, и тѣ пернатыя летаютъ вокругъ этого храма, живутъ тамъ и выказываютъ такую удивительную услужливость, что набираютъ въ носъ воду и производятъ орошеніе, и если туда приходятъ греки или имѣющіе происхожденіе отъ грековъ, то они не только бываютъ спокойны, но и ласкаются къ нимъ; а если видятъ чужестранцевъ, то взлетаютъ имъ на головы и наносятъ такіе тяжкіе удары, что даже убиваютъ“.

Сопоставивъ съ этимъ Гомеровскій разсказъ о превращеніи

спутниковъ Одиссея Цирцеею въ животныхъ, а также извѣстное намъ свидѣтельство Варрона объ аркадской ликантропіи, Августинъ продолжаетъ:

„Читающіе это быть можетъ ожидаютъ, что скажемъ мы объ этомъ крайнемъ издѣвательствѣ демоновъ? а что намъ сказать, кромѣ того, что нужно бѣжать изъ среды Вавилона?.. Вѣдь если бы мы сказали, что этому не слѣдуетъ вѣрить, то еще нашлись бы и теперь люди, которые стали бы увѣрять, что они нѣчто подобное или самымъ достовѣрнымъ образомъ слышали, или даже испытали сами. Ибо и мы, бывши въ Италіи, слышали подобное объ одной мѣстности этой страны, гдѣ, говорили намъ, женщины, содержащія постоялые дворы и обладающія такими скверными искусствами, даютъ нерѣдко какимъ хотятъ и могутъ путешественникамъ въ сырѣ нѣчто такое, отчего эти мгновенно превращаются въ вьючныхъ животныхъ и таскаютъ на себѣ какія-нибудь нужныя тяжести и затѣмъ, по окончаніи работы, снова принимаютъ прежній свой видъ. При этомъ смыслъ ихъ не дѣлается животнымъ, а остается разумнымъ и человѣческимъ, подобно тому, какъ Апулей въ своемъ сочиненіи подъ заглавіемъ „Золотой оселъ“ разсказываетъ о себѣ дѣйствительный или вымышленный случай, будто онъ, принявъ ядъ, сдѣлался осломъ, сохраняя человѣческую душу“.

„Все это или ложно, или до такой степени необыкновенно, что по справедливости не заслуживаетъ довѣрія. Однако, нужно вѣрить самымъ твердымъ образомъ, что всемогущій Богъ можетъ сдѣлать въ наказаніе ли, или для сдерживанія все, что захочетъ, а демоны по могуществу своей природы (ибо они—тварь ангельская, хотя по собственной своей винѣ и злая) могутъ дѣлать только то, что попускаетъ Онъ, совѣтовъ Котораго тайныхъ много, а несправедливаго ни одного. Но если демоны и дѣлаютъ нѣчто такое, о чемъ идетъ у насъ рѣчь, то, конечно, не новыя творятъ природы, а измѣняютъ по виду тѣ, которыя сотворены Истиннымъ Богомъ; такъ что онѣ кажутся не тѣмъ, что онѣ на самомъ дѣлѣ. Итакъ, я никоимъ образомъ не вѣрю, чтобы демоны, не говоря о душѣ, даже тѣло могли превращать своимъ искусствомъ или силой въ дѣйствительные члены и очертанія животныхъ. Но воображающій элементъ человѣческой души (phantasticum hominis) [1], который и при размышленіи и въ сновидѣніяхъ принимаетъ видъ безчисленнаго множества различныхъ вещей и, не будучи тѣломъ, все же съ удивительной скоростью принимаетъ подобіе тѣлесныхъ формъ, когда тѣлесныя чувства бываютъ усыплены или притуплены, можетъ какимъ-то непонятнымъ образомъ являться чувствамъ другихъ въ тѣлесной фигурѣ; такъ что самыя тѣла людей находятся въ другомъ мѣстѣ, оставаясь правда живыми, но въ состояніи усыпленія чувствъ болѣе тяжеломъ и глубокомъ, чѣмъ во время сна, а это phantasticum является чувству другихъ, какъ бы истинное тѣло въ образѣ какого-нибудь животнаго; да и себѣ самому человѣкъ при этомъ кажется такимъ; такъ можетъ ему казаться во снѣ, что онъ въ подобномъ видѣ переноситъ тяжести; при чемъ если эти тяжести суть тѣла истинныя, то ихъ переносятъ демоны, мороча людей, которые видятъ въ этомъ случаѣ съ одной стороны истинныя тѣла тяжестей, съ другой—ложныя тѣла вьючныхъ животныхъ. Такъ нѣкто по имени Престанцій разсказываетъ о слѣдующемъ случаѣ съ отцомъ его: тотъ съѣлъ у себя дома въ сырѣ помянутый ядъ и лежалъ въ своей постели, какъ бы спящій, но такъ, что его никоимъ образомъ не могли разбудить. Чрезъ нѣсколько дней онъ какъ бы проснулся и разсказалъ снившіеся будто бы ему тяжелые сны—именно будто онъ былъ ломовой лошадью и въ числѣ другихъ вьючныхъ животныхъ возилъ солдатскій фуражъ, называемый Ретійскимъ, потому что онъ перевозился въ Ретію. Оказалось впослѣдствіи, что такъ и было въ дѣйствительности, какъ онъ разсказывалъ, хотя ему все это представлялось его же сновидѣніемъ. Другой разсказывалъ, что онъ ночью у себя дома прежде чѣмъ лечь въ постель, видѣлъ, будто къ нему пришелъ одинъ очень ему знакомый философъ и объяснилъ ему нѣчто изъ философіи Платона, чего прежде, когда онъ о томъ его просилъ, не хотѣлъ объяснить. И когда онъ спрашивалъ послѣ философа, почему тотъ въ его домѣ сдѣлалъ то, что отказывался сдѣлать у себя дома, когда его

---

[1]) Древняя психологія различала душу растительную, животную и человѣческую и въ человѣческой душѣ отличала animus intellectualis отъ animus phantasticus.

просили о томъ, философъ отвѣчалъ: „Я этого не дѣлалъ, но мнѣ грезилось во снѣ, что я это сдѣлалъ“... И въ этомъ случаѣ въ фантастическомъ образѣ представилось бодрствующему то, что другой видѣлъ во снѣ.

Объ этихъ вещахъ мы слышали не отъ кого-нибудь, кому повѣрить бы считали дѣломъ недостойнымъ, но отъ такихъ разсказчиковъ, которые, по нашему мнѣнію не были лжецами. Мнѣ кажется, что и то, что разсказываютъ люди и что занесено въ книги, будто аркадскіе боги или вѣрнѣе демоны превращали людей въ волковъ, и будто Цирцея своими заклятіями превратила спутниковъ Улисса, могло произойти такъ, какъ объяснилъ я—если только оно дѣйствительно было. Что же касается Діомедовыхъ птицъ, то онѣ, въ виду того, что родъ ихъ, какъ утверждаютъ, продолжается преемственнымъ выводомъ дѣтей, по моему мнѣнію, были не превращены изъ людей, а подставлены на мѣсто похищенныхъ, какъ была подставлена лань на мѣсто Ифигеніи, дочери Агамемнона“.

Наконецъ, Августинъ не отрицаетъ и возможности любовныхъ сношеній между земными женщинами и духами.

„Существуетъ весьма распространенная молва, и многіе утверждаютъ, что испытали сами, или слышали отъ тѣхъ, которые испытали и въ правдивости которыхъ невозможно сомнѣваться, что сильваны и фавны, которыхъ въ просторѣчіи называютъ инкубонами, часто являлись сладострастными въ отношеніи къ женщинамъ, стремились вступать и вступали въ связи съ ними; увѣряютъ также очень многіе, и притомъ такіе, что отрицать это представляется безстыдствомъ, будто нѣкоторые демоны, которыхъ галлы называютъ дузіями, весьма склонны къ этой нечистотѣ и постоянно предаются ей. Тѣмъ не менѣе на основаніи этого я не рѣшусь дать какого-нибудь опредѣленнаго заключенія относительно того, могутъ ли какіе-либо духи, имѣющіе тѣла изъ воздушной стихіи (ибо и эта стихія, когда приводится въ движеніе опахаломъ, подлежитъ чувству и осязанію тѣлесному) испытывать такого рода похоть, чтобы вступать такъ или иначе въ связь съ женщинами, ощутительную для послѣднихъ“.

Итакъ, мы видимъ, что неоплатоническія теоріи въ христіанской оболочкѣ, какъ мы находимъ ихъ у бл. Августина, безспорно открывали для блужданій человѣческаго ума очень широкое поле, со многихъ точекъ котораго жизнь представлялась въ крайне своеобразномъ преломленіи. Но исходить его изъ конца въ конецъ суждено было уже не римскому обществу, при Августинѣ доживавшему свои послѣдніе годы. Трудъ Августина «О градѣ Божіемъ», откуда заимствованы изложеные выше взгляды, былъ имъ предпринятъ, какъ извѣстно, подъ ошеломляющимъ впечатлѣніемъ, которое произвелъ на весь тогдашній міръ разгромъ Рима Аларихомъ—событіе, явившееся предвѣстникомъ конечной гибели древней Римской имперіи и наступленія среднихъ вѣковъ, гдѣ римскою осталась только церковь. Къ дѣятельности римской церкви въ средніе вѣка, поскольку она связана съ нашимъ вопросомъ, мы теперь и должны обратиться.

III.

Исторія обращенія въ христіанство германскихъ племенъ, принявшихъ новую религію изъ рукъ Рима, шла въ разныхъ случаяхъ различными путями. Такъ франки, успѣвши растерять за время странствій религіозные завѣты предковъ, съ крайнею легкостью смѣнили

свою старую вѣру на вѣру побѣжденныхъ ими римлянъ; напротивъ, саксы, крѣпко сидѣвшіе на родной почвѣ, сдѣлались христіанами лишь послѣ отчаяннаго сопротивленія, уступая гнету желѣзной руки такого властителя, какъ Карлъ Великій. Но при всемъ внѣшнемъ разнообразіи условій, въ которыхъ отдѣльные германскіе народы входили или вводились въ лоно церкви, съ внутренней стороны всѣ они послѣ крещенія оказывались въ одномъ и томъ же отношеніи къ новой своей религіи. Тогда какъ принятіе христіанства римскимъ императоромъ было закономѣрнымъ результатомъ духовной эволюціи римскаго общества, заключительнымъ актомъ долгаго историческаго процесса, крещеніе германскихъ вождей—будь то насильственное крещеніе Видукинда и его саксовъ или вполнѣ добровольное крещеніе Хлодвига и его франковъ—являлось по общему правилу не заключительнымъ, а начальнымъ актомъ въ замѣнѣ среди даннаго племени языческаго міросозерцанія христіанскимъ. «Не религіозное движеніе,—такъ пишетъ относительно франковъ своимъ компетентнымъ перомъ Гаукъ,—открыло христіанству доступъ къ франкамъ, и христіанство въ сравнительно короткое время стало у нихъ господствующей религіей безъ сколько-нибудь чувствительной реакціи на это со стороны народа. Тѣхъ рѣзкихъ сотрясеній, которыми обычно сопровождается замѣна старой національной религіи чуждою, новою, тутъ не оказывается и слѣда: исторія обращенія франковъ въ христіанство не вѣдаетъ мучениковъ ни за христіанскую, ни за языческую вѣру. Насколько можно судить, старое было покинуто и новое принято безъ малѣйшей боли въ сердцѣ. Это становится понятнымъ лишь при условіи, что въ эпоху такого перехода религіозный элементъ въ жизни народа стоялъ вообще далеко не на первомъ планѣ. Такъ это у франковъ дѣйствительно и было. Но если это обстоятельство облегчило вступленіе ихъ въ христіанскую церковь, исключивъ религіозную оппозицію такому шагу, то оно же въ соотвѣтственной мѣрѣ должно было затруднить работу церкви надъ народомъ, который отнынѣ становился христіанскимъ». И франки при этомъ не представляютъ какого-нибудь исключенія. Какъ очень характерный примѣръ, я приведу еще исторію принятія христіанства одною вѣтвью бургундовъ, жившихъ тогда на Рейнѣ. Странѣ, занимаемой ими, грозили гунны. Тогда, «разсудивъ, что Богъ римлянъ крѣпко помогаетъ боящимся Его, они по общему согласію рѣшили увѣровать во Христа. И, обратившись къ епископу одного изъ галльскихъ городовъ, они просили у него христіанскаго крещенія. Тотъ же семь дней готовилъ ихъ постомъ, проповѣдуя имъ вѣру, а на восьмой отпустилъ ихъ, давъ крещеніе». Бургунды, уповая твердо на Бога римлянъ, съ успѣхомъ

отразили послѣ того гуннскій набѣгъ; но понадобились многіе и многіе вѣка, чтобы та вѣра, которая преподана была этимъ бургундамъ въ одну недѣлю, успѣла хотя частью перейти въ дѣйствительное достояніе ихъ потомковъ.

Итакъ, принятіе германскими племенами христіанства на первыхъ порахъ сводилось лишь къ тому, что церкви, т.-е. ея іерархіи, членамъ ея духовно-воспитательной организаціи, отнынѣ предоставлялась полная свобода путемъ наставленія и внѣшнихъ дисциплинарныхъ мѣръ обращать новую свою паству въ истинныхъ христіанъ. Опираясь на руку свѣтской власти, церковь могла теперь прививать этимъ крещенымъ язычникамъ новыя формы богопочитанія, новую нравственность и новое общее міросозерцаніе, созданное на космополитической почвѣ Римской имперіи духовными усиліями четырехъ столѣтій. Но эта трудная работа нигдѣ еще не успѣла продвинуться сколько-нибудь далеко, когда окончательное распаденіе Римской имперіи на рядъ варварскихъ государствъ глубоко «варваризировало» и самую іерархію, на которой лежала указанная задача. Дѣйствительно, имперія, въ лонѣ которой родилось и выросло христіанство, была, какъ намъ извѣстно, по преимуществу страною городовъ. Внѣ городской общины ни грекъ, ни римлянинъ не представляли себѣ возможности культурнаго существованія, и, покоряя отставшіе въ развитіи народы Галліи, Испаніи или Германіи, Римъ «цивилизовалъ» ихъ путемъ «урбанизаціи». Онъ не скупясь давалъ права римскаго гражданства свободнымъ людямъ среди новыхъ своихъ подданныхъ, но подъ условіемъ, чтобы они въ самомъ дѣлѣ заслуживали имени «гражданъ», чтобы они, покинувъ жизнь по деревнямъ, сселялись вмѣстѣ въ городскіе центры. Въ этихъ безчисленныхъ городахъ и городкахъ, которые при внутренней безопасности, долго царившей въ предѣлахъ имперіи, успѣли связаться между собою сѣтью дѣловыхъ и умственныхъ сношеній, и бился пульсъ римской культурной жизни. Но если римлянинъ въ сущности признавалъ за человѣка лишь городского обитателя, то совершенно иначе относились къ этому вторгнувшіеся въ имперію германскіе варвары. Городъ сначала интересовалъ ихъ только какъ мѣсто, грабежъ котораго приносилъ послѣ побѣды самую богатую добычу: на города долгое время и направлялась усиленно ихъ разрушительная дѣятельность. Однако и потомъ, при окончательномъ раздѣлѣ римской территоріи, когда уцѣлѣвшіе отъ погрома города оказались въ составѣ новыхъ германскихъ владѣній, завоеватели продолжали глядѣть на нихъ недружелюбно и избѣгали въ нихъ селиться: по выраженію одного современника, они себя чувствовали въ городскихъ стѣнахъ, какъ въ стѣнахъ могильнаго склепа.

Крушеніе стараго правового порядка, отсутствіе въ новыхъ германскихъ государствахъ сколько-нибудь достаточныхъ гарантій личной и имущественной безопасности въ корнѣ подрѣзало при этомъ и прежнюю торгово-промышленную дѣятельность городовъ, такъ что они становятся теперь лишь тѣнью того, чѣмъ были раньше. Въ германскихъ государствахъ отъ римскихъ городовъ сохранились почти что только имена. А вмѣстѣ съ городами исчезло съ лица Западной Европы и развитое денежное хозяйство, и вообще сколько-нибудь далеко проведенное общественное раздѣленіе труда. Основой соціальной структуры варварскихъ государствъ въ началѣ среднихъ вѣковъ являются помѣстья, гдѣ населеніе, живущее натуральнымъ хозяйствомъ, оказывается оторваннымъ отъ прочаго міра и прозябаетъ изъ рода въ родъ, стремясь во всемъ довлѣть само себѣ. Изъ этихъ-то медвѣжьихъ угловъ, изъ замковъ полудикихъ бароновъ или изъ жавшихся робко подъ ихъ охрану деревень, ранняя средневѣковая церковь и должна была извлекать хранителей христіанскихъ традицій,—пастырей душъ, которымъ надлежало обращать крещеныхъ язычниковъ въ подлинныхъ христіанъ. И лишнее, мнѣ кажется, настаивать, что при такихъ условіяхъ дѣло это могло идти лишь очень окольными путями.

Въ другомъ мѣстѣ я имѣлъ случай съ извѣстною подробностью развивать эту тему. Здѣсь я напомню вкратцѣ, къ чему сводилось образованіе членовъ римско-католической іерархіи за тѣ пять-шесть столѣтій, которыя въ исторіи обозначаются именемъ «ранняго средневѣковья».

Степень внѣшняго сходства и внутренняго различія между христіанской церковью, восторжествовавшей надъ античнымъ міромъ, и римско-католическою церковью, мирно владычествовавшей среди явившихся ему на смѣну варваровъ, довольно точно опредѣлится для насъ, если мы перенесемся мыслью въ храмы, гдѣ совершалось христіанское богослуженіе. На первый взглядъ намъ можетъ показаться, будто вѣка не имѣли надъ римской церковью никакой силы: въ IX и X столѣтіяхъ, какъ и въ IV или въ V стекавшіеся въ храмы духовные ея сыны присутствовали при одинаковыхъ обрядахъ, внимали тѣмъ же словамъ Писанія и молитвъ, слушали тѣ же церковныя пѣснопѣнія на томъ же латинскомъ языкѣ. Разница заключалась тутъ въ одномъ, но зато очень существенномъ обстоятельствѣ. Тогда какъ во времена Константина Великаго всякій пришедшій въ храмъ помолиться христіанинъ до слова понималъ все, что тамъ читалось и пѣлось, во времена Карла Великаго почти никто изъ собиравшихся въ храмы «вѣрныхъ» не понималъ ни одного изъ тѣхъ латинскихъ словъ, которыя читалъ и пѣлъ священникъ; да и священникъ самъ по большей части

лишь смутно представлялъ, что̀ собственно кроется за этими мудреными иностранными словами, которыя онъ отъ лица паствы съ такимъ усердіемъ возсылалъ къ Небу. «Молитвы за обѣдней надо хорошо понимать, а кто не можетъ, тотъ по крайней мѣрѣ долженъ знать ихъ на память и отчетливо выговаривать. Евангеліе и Посланія надо умѣть хорошо читать, и если бы вы могли передавать, по крайней мѣрѣ, ихъ дословный смыслъ!» вотъ требованія отъ приходскихъ священниковъ, выше которыхъ не дерзали идти въ первую половину среднихъ вѣковъ поборники духовнаго просвѣщенія въ лонѣ католицизма. Къ умѣнью механически читать латинскія литургическія книги, къ умѣнью пѣть да къ знанію пасхаліи и святцевъ и сводилось тогда все школьное образованіе рядовыхъ пастырей душъ. Ut populus, sic sacerdos: народъ нисколько не стремился понимать свое богослуженіе; безъ пониманія совершалъ передъ нимъ службы и его священникъ.

Само собою разумѣется однако, что если бы средневѣковая римская церковь позволила всѣмъ своимъ служителямъ упасть такъ низко по уровню образованія, то она не смогла бы сохранить даже формальнаго своего сходства съ своею христіанской предшественницей; она не сберегла бы ни сложной церковной обрядности, ни каноническаго законодательства, ни организаціи особой духовной власти. И, ясно сознавая это, руководители римской церкви всѣми силами боролись за то, чтобы хоть въ собственной средѣ сохранить остатки той школьной образованности, которая въ старыя времена составляла необходимую принадлежность всякаго римскаго гражданина изъ обезпеченныхъ классовъ и атмосферою которой такъ долго дышало христіанство. Такимъ образомъ, спасая себя отъ конечнаго разложенія, римская церковь спасла вмѣстѣ съ собой и хорошо извѣстныя намъ античныя «училища краснорѣчія» или по-средневѣковому «тривіальныя школы». Ея стараніями въ самыя темныя времена среди новыхъ европейскихъ обществъ не переводились совершенно люди, которые «по римскому завѣту» дѣтство и юность свою проводили надъ изученіемъ древнихъ классиковъ— Гомера въ латинскомъ переводѣ, Вергилія, Горація, Овидія, Персія, Ювенала, Теренція, Лукана,—которые заглядывали въ учебники риторики, составленные по Квинтиліану, и въ руководства логики, писаныя по Аристотелю. Особенно одаренныхъ юношей церковная школа сажала иногда и за такъ называемый quadrivium, т.-е. преподавала имъ начатки ариѳметики, геометріи, астрономіи и теоріи музыки. Но въ новыхъ условіяхъ своей жизни школы, «ведшіяся по старому римскому преданію», конечно, не могли давать тѣхъ же результатовъ, какіе онѣ давали на той почвѣ, гдѣ онѣ выросли.

Довольно здѣсь напомнить, что въ эпоху имперіи училища краснорѣчія были школой родного языка или въ романизованныхъ странахъ школою языка, которымъ воспитанники съ ранняго дѣтства дома учились владѣть, какъ роднымъ; между тѣмъ для юныхъ франковъ и саксовъ, лангобардовъ и бургундовъ, садившихся за азбуку въ какой-нибудь соборной или монастырской школѣ, латинскій языкъ былъ мертвымъ языкомъ, изученіе котораго при грубости тогдашней педагогики для многихъ представляло совершенно непреодолимыя трудности. Являясь для германскихъ дѣтей чуждыми по языку, латинскіе классики были для нихъ не менѣе чужды и по содержанію, такъ что о прежнемъ превращеніи школьной литературы въ духовную собственность питомцевъ школы теперь нельзя было и мечтать. Преподаватели «грамматики» теперь считали задачу свою исполненной блестяще, если ученики ихъ долгими годами занятій пріобрѣтали, наконецъ, искусство сколько-нибудь сносно владѣть литературной латинской рѣчью. Не тѣмъ была въ средніе вѣка и риторика, чѣмъ была она для Либанія. И въ римскихъ школахъ многіе воспитанники работали надъ ней въ прикладныхъ цѣляхъ, стремясь овладѣть прибыльнымъ знаніемъ тайнъ судебнаго краснорѣчія. Средніе же вѣка сдѣлали въ этомъ направленіи еще нѣсколько крупныхъ шаговъ впередъ. Примѣняясь къ умственной скудости питомцевъ, сводя запросы къ нимъ до низшаго уровня познаній, безъ которыхъ церкви немыслимо было существовать, ранняя средневѣковая школа въ риторическомъ классѣ не тратила много времени на Квинтиліана, а упражняла юношество главнѣйшимъ образомъ въ такъ называемомъ dictamen prosaicum, т.-е. въ искусствѣ составлять письма, грамоты и вообще акты дѣлового характера. Къ техникѣ дѣлового стиля при этомъ присовокуплялась и реальная сторона: дѣти читали сборники законовъ, заучивая важнѣйшія статьи наизусть. Развитію юридическаго мышленія служила преимущественно и третья изъ свободныхъ наукъ—діалектика. Что же касается помянутаго нами quadrivium, то будетъ достаточно замѣтить, что ариѳметика сводилась къ четыремъ дѣйствіямъ надъ цѣлыми числами, что геометрія — тамъ, гдѣ подъ именемъ ея не преподавалась крайне фантастическая географія — заключалась въ чисто практическихъ пріемахъ вычисленія площади треугольника, четыреугольника и круга и что астрономія уцѣлѣла почти лишь въ томъ объемѣ, который необходимъ для установленія календаря и переходящихъ праздниковъ. Однако даже въ подобномъ болѣе нежели скромномъ объемѣ науки эти считались въ тѣ времена доступными лишь немногимъ избраннымъ. «При одной мысли о наукахъ quadrivium'а,—писалъ св. Бонифацій, — у меня отъ страха

спирается дыханіе. Предъ ними всѣ науки trivium'а не болѣе, какъ дѣтская забава». Изъ рѣдкихъ вообще тогдашнихъ школъ только ничтожное количество обладало преподавателями столь головоломныхъ дисциплинъ, и кто превосходилъ заразъ всѣ перечисленныя septem artes liberales, всю эту septemplex sapientia, тотъ въ глазахъ современниковъ являлся чудомъ учености.

Но эти «клерикальныя» школы, предназначавшіяся почти исключительно для подготовки будущихъ священно- и церковнослужителей, главнѣйшею своею задачею должны были, конечно, почитать наставленіе своихъ питомцевъ въ истинахъ христіанской вѣры, преподаваніе имъ св. Писанія съ надлежащимъ богословскимъ комментаріемъ? Такъ это обычно и утверждается въ общихъ культурно-историческихъ сочиненіяхъ: по ходячему взгляду вся школьная работа въ средніе вѣка имѣла одну конечную цѣль,—уразумѣніе высшей изъ книгъ, Библіи. Такое утвержденіе однако, смѣшивая средневѣковую теорію съ дѣйствительностью, представляетъ характеръ тогдашней школы въ глубоко ложномъ свѣтѣ. Всѣ перечисленные нами предметы преподаванія имѣли для римской церкви великую цѣну уже сами по себѣ — какъ бы она могла оставаться римской церковью безъ латинистовъ и безъ юристовъ? — и занятія ими при деревенской дубоватости учащихся, при крайней бѣдности школъ необходимѣйшими пособіями и неумѣлости учителей требовали такого невѣроятнаго количества труда и времени, что о серьезномъ углубленіи въ вопросы христіанскаго богословія для подавляющаго большинства учащихся не поднимала и вопроса. Школы ранняго средневѣковья были безспорно чисто церковными учрежденіями—уже простое умѣнье читать и писать тогда признавалось за ars clericalis—но столь же безспорно и то, что грамотеи-клирики той эпохи были плохіе богословы, что въ общемъ они послѣ долголѣтняго пребыванія «подъ розгой наставника» все же глядѣли на міръ Божій не глазами великихъ учителей древней церкви, а наивными глазами родной своей деревни. Клирикъ, создавшій въ IX вѣкѣ извѣстную поэму «Спаситель» (Heliand), по школьному своему образованію стоялъ далеко выше средняго уровня своихъ собратовъ: а много ли въ его стихотворномъ пересказѣ евангельской исторіи осталось отъ Евангелія? Христосъ въ изображеніи его—король, который окруженъ вѣрными ленниками, который имъ даетъ награды, крѣпко стоитъ за нихъ въ бою и т. д., и т. д.

Однако, какъ ни опустился въ началѣ среднихъ вѣковъ культурный уровень римской іерархіи, но она все же смогла остаться іерархіей—она попрежнему продолжала править духовной жизнью

общества. Какъ бы ни малограмотенъ былъ школьникъ, который рукополагался въ священническій санъ, но съ этого момента онъ становился отвѣтственнымъ за вѣчное спасеніе своихъ прихожанъ. Онъ принималъ на себя долгъ бдительно слѣдить за доброю ихъ нравственностью, при чемъ въ главнѣйшую обязанность ему вмѣнялась борьба съ тремя важнѣйшими «каноническими» грѣхами: убійствомъ, блудомъ и идолопоклонствомъ—широкій терминъ, обнимавшій, кромѣ дѣйствительнаго идолопоклонства, и всякіе виды волшебства и суевѣрія.

А суевѣріемъ насыщена была вся атмосфера религіозной жизни ранняго средневѣковья. Его довольно было, какъ мы видѣли, и въ завоеванной варварами имперіи; но сила его господства въ христіанскомъ мірѣ стала совсѣмъ иною, когда быстрая перемѣна религіи сразу превратила въ суевѣріе все то, что такъ долго было для германцевъ ихъ истинной вѣрой. «Язычество, какъ религія, исчезло, но, низведенное на степень суевѣрія, оно продолжало существовать. Народъ отрекся отъ старыхъ своихъ боговъ, но не утратилъ вѣру въ ихъ власть и силу. Церковь учила проклинать ихъ. Но народъ не забывалъ про ихъ могущество: въ Мерзебургскихъ Заклинаніяхъ поминаются другъ за другомъ Бальдеръ и Вотанъ, Зингунтъ и Зунна, Фрея и Волла: теперь, положимъ, ихъ чурались, но это не мѣшало ихъ бояться [1]). Мало того, мы наблюдаемъ въ эту пору введенныя церковью церемоніи, гдѣ боги языческіе предавались поруганію. Не служитъ ли это признакомъ того, что извѣстныя симпатіи къ низверженнымъ властителямъ міра все еще продолжали жить въ народѣ? Вѣра въ силу языческихъ боговъ слилась затѣмъ съ церковнымъ ученіемъ о сатанѣ и демонахъ и въ этомъ получила для себя самую крѣпкую опору. Тогда какъ латинская церковь требовала, чтобы принимающіе крещеніе отрекались отъ дьявола, во франкской церкви это замѣнялось вопросомъ: «Отрекаешься ли ты отъ лихихъ духовъ (den Unholden)»—отъ всѣхъ вражескихъ силъ, будь то демоны или боги. Дьяволъ, передъ которымъ трепеталъ народъ, теперь теряетъ всякое сходство съ библейскимъ искусителемъ: онъ превращается въ чисто миѳологическую фигуру...

«На ряду съ языческими представленіями и можетъ быть даже еще болѣе цѣпко, нежели они, держались и языческіе обычаи. Повседневная жизнь была опутана густой ихъ сѣтью. Вѣра въ рокъ вела къ вѣрѣ въ примѣты: о нихъ спрашивали гадателей, но каждый и самъ толковалъ различныя случайности, какъ знаме-

[1]) Merseburger Zaubersprüche—памятникъ, сохранившійся въ записи X вѣка.

нія. Въ родствѣ съ этимъ стояло дѣленіе дней на счастливые и несчастные: особую важность при этомъ придавали фазамъ луны. Изъ страха передъ темными силами родился страхъ передъ волшебствомъ, по волѣ направляющимъ дѣйствіе этихъ силъ къ опредѣленной цѣли. Какъ на Божьемъ Судѣ читались особыя молитвы и заклятія, чтобы предотвратить возможное перекрестное вліяніе волшебства, такъ точно волшебства опасались на каждомъ шагу и въ обыденной жизни. Ему приписывались всѣ бѣды, которыя случались съ человѣкомъ или его добромъ, съ его скотиной и полями. Съ видимой непослѣдовательностью, но совершенно понятнымъ образомъ, люди, проклиная колдуновъ, стремились въ то же время такимъ же волшебствомъ предохранять себя отъ волшебства. Человѣкъ охранялъ свою жизнь, навѣшивая на себя амулеты; онъ оберегалъ свои нивы, ставя на нихъ шесты съ привязанными лоскутами бумаги; колокола получали крещеніе, чтобы звонъ ихъ могъ предотвращать градъ, и противъ засухи примѣнялось одно совсѣмъ уже удивительное средство. Слово и пѣсня, травы и камни, священнѣйшіе и омерзительнѣйшіе предметы—все шло въ дѣло, чтобы околдовать окружающихъ. Особенно болѣзнь и смерть побуждали испытывать силу волшебства. Цѣлебныя травы собирались съ нашоптываніями. Чтобы вылѣчить больного ребенка, мать клала его на очагъ или на крышу, а отецъ проползалъ черезъ вырытый въ землѣ ходъ, который онъ потомъ затыкалъ терновникомъ. Домъ, гдѣ лежалъ покойникъ, охраняли, сжигая хлѣбныя зерна. И надъ самимъ покойникомъ окружавшіе пѣли заклинанія; дикими шутками стремились они разогнать страхъ передъ смертью» (A. Hauck, Kirchengeschichte Deutschlands, II, 756—61).

Само собою разумѣется, что въ подобной атмосферѣ цвѣли пышнымъ цвѣтомъ и профессіональныя занятія волшебствомъ. Извѣстный ліонскій епископъ Агобардъ (IX вѣкъ) разсказываетъ намъ, что въ его епархіи «отведеніе бурь» составляло правильный и весьма доходный промыселъ, а съѣхавшіеся въ 829-мъ году на Вормскій Соборъ прелаты такъ говорили императору Людовику Благочестивому про распространенность колдовства въ его имперіи:

„Къ великому нашему прискорбію должны мы сообщить Вамъ, что въ Вашей странѣ отъ временъ язычества все еще остается множество опасныхъ лиходѣевъ, занимающихся волшебствомъ, ворожбой, метаньемъ жеребьевъ, варкою зелій, снотолкованіемъ и т. п., каковыхъ божескій законъ предписываетъ наказывать нещадно. Не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторыя лица обоего пола съ помощью нечистой силы любовными напитками и яствами лишаютъ другихъ разсудка. Эти люди своимъ колдовствомъ наводятъ далѣе бури и градъ, предсказываютъ будущее, перетягиваютъ отъ однихъ къ другимъ зерно съ поля, вынимаютъ молоко у коровъ и вообще совершаютъ безчисленное множество подобнаго рода преступленій. Подобные лиходѣи тѣмъ строже должны наказываться государемъ, чѣмъ дерзновеннѣе они осмѣливаются такимъ путемъ служить дьяволу“.

Все это церковь желала съ корнемъ вырвать изъ среды ввѣреннаго ея духовнымъ попеченіямъ общества и, надо ей отдать справедливость, она дѣйствительно потратила на борьбу противъ суевѣрія не мало добросовѣстныхъ усилій. Она преслѣдовала виновныхъ и на своемъ forum externum, т.-е. передъ епископскимъ судомъ, и на своемъ forum internum, т.-е. въ исповѣдальнѣ: она вмѣняла, какъ мы уже замѣтили, обличеніе «идолопоклонства» въ одну изъ первыхъ обязанностей своимъ пастырямъ душъ. Она стремилась сдѣлать своей сотрудницей и свѣтскую власть. Духовенство склоняло государей покинуть старую германскую точку зрѣнія, съ которой колдовство являлось преступнымъ лишь въ мѣру реально причиненнаго имъ вреда, и усвоить законоположенія позднѣйшаго римскаго права, гдѣ всякое колдовство, хотя бы благодѣтельное, считалось подлежащимъ наказанію, какъ грѣхъ противъ религіи. Но послѣ нашихъ предварительныхъ замѣчаній, мнѣ кажется, излишне будетъ доказывать, что эта борьба католической церкви съ суевѣріемъ была совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ въ наше время представляется подобная культурная задача. Для насъ главнѣйшій смыслъ такой борьбы заключается въ распространеніи среди общества извѣстной доли здраваго скептицизма, и слово «суевѣріе» давно стало для насъ синонимомъ вздорныхъ бредней. Совсѣмъ иначе понимала свой терминъ superstitio средневѣковая церковь. Для нея «суевѣріе» представляло собой не пустую вѣру, а только запрещенную вѣру, преступное обращеніе къ нездѣшнимъ силамъ съ нарушеніемъ преданности, которою христіанинъ обязанъ Богу. Что же касается реальной возможности колдовскихъ дѣяній, то въ общемъ пастыри въ ней такъ же мало сомнѣвались, какъ ихъ паства. Да и откуда было католической іерархіи ранняго средневѣковья черпать иные взгляды по этому предмету? «Поэты», которыхъ ея служители въ годы юности заучивали въ школѣ, снискивая необходимую для латиниста copiam verborum, служили только источникомъ прибавочной смуты въ ихъ умахъ, такъ какъ сказанія о древнихъ богахъ и герояхъ эти дѣти деревни понимали вполнѣ буквально. Какъ отражалась въ ихъ сознаніи хотя бы Энеида, намъ ясно изъ того, что школа въ концѣ-концовъ самого ея автора провозгласила величайшимъ изъ древнихъ маговъ. Въ отрывкахъ изъ св. Писанія, съ которыми школьники знакомились при изученіи церковнаго обихода, ихъ воспріимчивое воображеніе тоже главнымъ образомъ останавливалось на разсказахъ о библейскихъ чудесахъ. Чудесно-фантастическимъ элементомъ насквозь пропитанъ былъ и тотъ родъ христіанской литературы, который пользовался одинъ сколько-нибудь значительнымъ успѣхомъ среди немногочислен-

ныхъ клириковъ, не покидавшихъ и послѣ школы привычки заниматься чтеніемъ—я разумѣю Житія святыхъ восточнаго и западнаго происхожденія съ знаменитымъ Житіемъ Антонія Великаго во главѣ. И, наконецъ, немногіе избранники, которые путемъ самостоятельнаго труда доходили до знакомства съ истиннымъ христіанскимъ богословіемъ, при наличности въ немъ извѣстнаго намъ ученія о демонахъ, тоже не видѣли себя вынужденными порывать связь съ первобытнымъ анимистическимъ міросозерцаніемъ. Умственный обликъ тогдашней католической іерархіи сразу встанетъ у насъ передъ глазами, если мы вспомнимъ, что она сочла возможнымъ передать представителямъ церкви руководство Божьими Судами, что съ ея разрѣшенія клирики святили тамъ кипятокъ, куда обвиняемый долженъ былъ опустить руку, съ ея разрѣшенія давали обвиняемымъ ѣсть корки хлѣба съ написанными на нихъ словами молитвы Господней и т. д. А что клирики дѣлали изъ церковной обрядности самовольно, то часто переступало уже всякія границы, превращаясь съ христіанской точки зрѣнія въ подлинное кощунство. Во многихъ случаяхъ борьба подобныхъ клириковъ противъ колдуновъ, по давно сдѣланному замѣчанію, являлась не болѣе, какъ борьбой двухъ магій. Но, даже оставляя въ сторонѣ эту повседневную церковную дѣйствительность, считаясь лишь съ намѣреніями верховныхъ руководителей римской церкви, поскольку они выразились въ церковномъ законодательствѣ, мы все же должны будемъ согласиться, что въ данномъ случаѣ іерархія оказывалась на той же интеллектуальной почвѣ, какъ и паства. Такимъ образомъ въ своей борьбѣ противъ народныхъ суевѣрій она имѣла въ распоряженіи одно лишь средство—угрозы и репрессію; а средство это по свидѣтельству многовѣковаго опыта является въ сферѣ духовной жизни орудіемъ крайне ненадежнымъ, и насъ поэтому не можетъ удивлять, что вопреки всѣмъ громамъ церкви на протяженіи столѣтій всѣ тѣ же первобытныя суевѣрія жили въ народной массѣ, почти не ослабѣвая. Еще одинъ писатель одиннадцатаго вѣка сдѣлалъ характерное замѣчаніе, что суевѣріе въ народѣ передается отъ отца къ сыну, какъ бы законная составная часть родительскаго наслѣдства.

Можно сказать даже больше. Можно съ основаніемъ утверждать, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ эта борьба ранней средневѣковой церкви противъ народнаго суевѣрія только способствовала росту зла, которое церковныя власти стремились искоренить. Не развивая этой темы во всѣхъ подробностяхъ, мы здѣсь отмѣтимъ лишь вліяніе, производившееся той же католической исповѣдальней. Извѣстенъ порядокъ совершенія исповѣди, который возобладалъ въ средневѣковой католической церкви благодаря религіозной не-

состоятельности какъ паствы, такъ и множества пастырей. Отсутствіе у католическихъ священниковъ сколько-нибудь достаточной подготовки для своего званія привело римскую церковь къ тому, что она всѣхъ ихъ вооружила, наконецъ, такъ называемыми Poenitentialia—исповѣдальными книгами, которыя для различныхъ областей составлены были въ различное время наиболѣе опытными мѣстными канонистами. Тутъ содержались подробные перечни грѣховъ и указывалась каноническая мѣра наказанія за нихъ. Въ эти исповѣдальныя книги вписаны были и тѣ безчисленныя суевѣрія, которыми страдало тогдашнее общество во всѣхъ его слояхъ: онѣ и служатъ намъ главнымъ источникомъ знакомства съ этой стороной духовной жизни ранняго средневѣковья. Лучшіе люди церкви сами видѣли, правда, опасность, крывшуюся въ введеніи такого рода Poenitentialia и предостерегали отъ нея духовниковъ: они совѣтовали не всѣхъ исповѣдниковъ спрашивать обо всемъ, такъ какъ иначе исповѣдь сама можетъ явиться источникомъ соблазна. Но если и въ другихъ случаяхъ духовники—насколько можно объ этомъ теперь судить—плохо повидимому считались съ подобными предостереженіями, то въ грѣхѣ суевѣрія имъ было всего труднѣе ограничиваться собственными признаніями кающихся, такъ какъ невѣжественная масса творила множество суевѣрныхъ дѣяній, даже не подозрѣвая, что она этимъ подвергаетъ душу свою опасности погибнуть. Въ мелкихъ подробностяхъ поэтому дознавался духовникъ у исповѣдника, не дѣлалъ ли онъ того-то и того-то, не прибѣгалъ ли онъ для исполненія своихъ желаній къ такимъ-то и такимъ волшебнымъ средствамъ, при чемъ вопросы его звучали полною вѣрою въ то, что эти преступные пути дѣйствительно для всякаго открыты. И такимъ образомъ мѣстныя суевѣрія, мѣстные пріемы волшебства мало-по-малу становились извѣстны цѣлымъ широкимъ областямъ, гдѣ введено было то или другое Poenitentiale. Не одинъ человѣкъ уходилъ изъ исповѣдальни съ головой, полной неслыханныхъ прежде вещей, и съ искушеніемъ въ случаѣ бѣды попробовать неизвѣстныя ему раньше волшебныя средства, сила которыхъ косвенно свидѣтельствовалась самой же церковью. Конечно, въ той же исповѣдальнѣ человѣкъ слышалъ и про кары, грозящія за подобные проступки противъ вѣры, равно какъ и про то, что всѣ эти грѣхи дѣлаютъ душу достояніемъ ада. Но какъ недостаточны были подобныя угрозы, чтобы удерживать людей, отъ искушенія пробовать силу волшебства на дѣлѣ, тому живымъ примѣромъ служатъ сами же клирики, которымъ поручено было искоренять эти изобрѣтенныя бѣсами магическія искусства: къ великому отчаянію церкви и соблазну вѣрныхъ въ ихъ собственной средѣ

постоянно встрѣчалось не мало лицъ, которыя для цѣлей волшебства упорно профанировали ввѣрявшіеся имъ священные предметы, какъ муро, гостію или богослужебныя книги, которыя крестили назначенныя для изведенія враговъ восковыя куклы и т. п. Что же касается постояннаго запугиванія сатаной, какъ средства религіознаго воспитанія народа, то ясно, что въ этой области духовной жизни оно могло вести лишь къ самымъ бѣдственнымъ послѣдствіямъ. Всякая сила вызываетъ передъ собою преклоненіе, а средневѣковый католицизмъ мало-по-малу сдѣлалъ изъ образа сатаны такую силу, которой въ концѣ-концовъ стала страшиться даже сама создавшая его римская церковь.

Но какъ ни суевѣрны были правящіе церковные круги въ первую, темную половину среднихъ вѣковъ, однако суевѣрію ихъ тоже находились свои предѣлы. По общему своему духовному развитію они стояли все же выше окружавшей ихъ среды, и нѣкоторыя изъ вѣрованій опекаемаго ими народа даже для нихъ оказывались черезчуръ наивны. При этомъ для насъ особенно знаменательнымъ является тотъ фактъ, что къ разряду подобныхъ «языческихъ нелѣпостей» церковное законодательство данной эпохи безъ колебаній относило между прочимъ и вѣру въ «стригъ», въ этихъ летающихъ по ночамъ женщинъ,—образъ, съ которымъ мы встрѣчались уже въ римскую эпоху и который еще въ гораздо болѣе сильной степени тревожилъ фантазію ранняго средневѣковья.

Намъ нѣтъ здѣсь надобности вдаваться въ подробное разсмотрѣніе вопроса, подавшаго въ свое время поводъ къ оживленной полемикѣ Зольдана [1]) противъ Якова Гримма, были ли эти «стриги», поминающіяся въ законодательныхъ памятникахъ съ VII вѣка, самостоятельнымъ произведеніемъ германской фантазіи, или онѣ достались среднимъ вѣкамъ по наслѣдству отъ античной древности, черезъ посредство духовенства, вѣрившаго всѣмъ сказкамъ латинской школьной литературы. Замѣтимъ только мимоходомъ, что новѣйшіе изслѣдователи рѣшительно склоняются на сторону перваго мнѣнія—мнѣнія Гримма. Имѣя свой глубокій корень въ такомъ распространенномъ психическомъ феноменѣ, какъ грезы о полетѣ во время сна, представленіе о летающихъ по ночамъ людяхъ въ различныхъ видахъ встрѣчается у всѣхъ народовъ и, несомнѣнно, существовало у германцевъ уже тогда, когда до слуха ихъ не доходило еще ни слова изъ сходныхъ греко-римскихъ повѣрій. Если же средневѣковыя стриги являются намъ съ латинскимъ именемъ и вообще съ антич-

---

[1]) Soldan's Geschichte der Hexenprozesse до послѣдняго времени являлась капитальнѣйшимъ трудомъ по нашему предмету, да и теперь не утеряла еще значенія.

ною окраской, если ихъ предводительницей церковные памятники называютъ, напримѣръ, римскую богиню луны Діану, то само по себѣ это ничему еще не служитъ доказательствомъ. Извѣстно, что церковные люди въ средніе вѣка упорно занимались переводомъ туземныхъ вѣрованій на языкъ школьной греко-римской миѳологіи и съ важностью ученыхъ разъясняли потомъ народу, что его Вотанъ не что иное, какъ тотъ же давно проклятый церковью демонъ Юпитеръ и т. п. Конечно, духовное просвѣщеніе германцевъ выигрывало немного отъ подобнаго знакомства съ преданіями о латинскихъ и греческихъ богахъ. Но несомнѣннымъ представляется и то, что латинская оболочка многихъ средневѣковыхъ суевѣрій, какъ они записаны въ памятникахъ литературы, совсѣмъ еще не даетъ намъ права утверждать, будто бы безъ латинской церкви средневѣковая фантазія должна была остаться отъ нихъ свободной. По поводу происхожденія вѣры въ стригъ Зольданъ находитъ возможнымъ говорить о зараженіи молодыхъ германскихъ обществъ тѣмъ ядомъ суевѣрія, который выработался въ разлагавшемся организмѣ Римской имперіи. Нѣтъ спора: ядъ этотъ оказалъ глубоко тлетворное вліяніе на новую европейскую цивилизацію. Но пагубное его дѣйствіе со всею силой сказалось позже, когда молодыя европейскія общества стали успѣшно создавать себѣ самостоятельную культуру. Что же касается элементарныхъ, первобытныхъ суевѣрій, то съ этой стороны германцамъ врядъ ли могло причинить много вреда столкновеніе съ побѣжденнымъ Римомъ: богато одаренные фантазіей, они уже съ своей далекой родины принесли неисчерпаемые ихъ запасы.

Во всякомъ случаѣ мы твердо знаемъ, что вѣра въ стригъ съ различными ихъ разновидностями царила въ раннее средневѣковье среди народа совсѣмъ съ иною силой, чѣмъ во времена Римской имперіи. Какъ мы про это говорили, въ античномъ обществѣ стригами занимались больше поэты, юристы же не находили для себя повода ими интересоваться. Напротивъ, въ средніе вѣка съ вѣрою въ стригъ серьезно приходилось считаться и свѣтскому и церковному законодательству.

Первое средневѣковое упоминаніе о стригахъ мы находимъ въ Салической Правдѣ, гдѣ говорится, что если кто обзоветъ свободнорожденную женщину стригой (stria) или если кто обзоветъ мужчину strioporcius (такъ называютъ, поясняетъ текстъ закона, того, кто якобы носитъ стригамъ котелъ, гдѣ онѣ варятъ свое варево) то это должно наказываться, какъ самое тяжкое оскорбленіе. Другое раннее упоминаніе о стригахъ встрѣчаемъ мы въ одномъ указѣ лангобардскаго короля Ротара отъ 643 года.

Указъ внушаетъ подданнымъ, что христіане не должны вѣрить, будто есть женщины, которыя выѣдаютъ у живыхъ людей внутренности, ибо это совершенно несбыточное дѣло, и что поэтому никто, паче же всего судъ, не долженъ предавать подобныхъ мнимыхъ стригъ смертной казни. На что способна была толкать народъ такая вѣра въ стригъ-людоѣдокъ, показываетъ намъ первый изъ Карловыхъ Саксонскихъ капитуляріевъ (около 787 года). «Если кто,—пишетъ Карлъ своимъ новообращеннымъ подданнымъ,—если кто, ослѣпленный дьяволомъ, по старому языческому повѣрью сочтетъ какого-нибудь мужчину или женщину за пожирающую людей стригу и въ такой вѣрѣ спалитъ ихъ, дастъ ихъ ѣсть другимъ или самъ будетъ ѣсть ихъ, то такого человѣка должно казнить смертью». Противъ того же повѣрья грозно вооружается далѣе одинъ ирландскій синодъ начала IX вѣка. «Христіанинъ, который вѣруетъ въ дѣйствительное существованіе ламій или иначе стригъ и распускаетъ про людей подобную молву, подлежитъ анаѳемѣ». На ряду съ стригой-людоѣдкой, какъ можно заключать по нѣкоторымъ не очень, впрочемъ, яснымъ церковнымъ памятникамъ, гдѣ стриги причисляются къ блудницамъ, средніе вѣка знали и Апулееву стригу, летающую по ночамъ не на каннибальскія оргіи, а на любовныя похожденія. Но, сверхъ того, народная фантазія крѣпко была заполонена и другими схожими образами, о которыхъ даютъ намъ очень любопытныя свѣдѣнія два крупныхъ памятника церковнаго законодательства изъ X и XI столѣтій—«Двѣ книги о церковной дисциплинѣ», составленныя аббатомъ Регино изъ Прюма около 906 года, и «Двадцать двѣ книги постановленій», изданныя около 1020 года однимъ изъ самыхъ видныхъ церковныхъ дѣятелей того вѣка, вормсскимъ епископомъ Буркардомъ.

Въ первомъ изъ этихъ памятниковъ среди другихъ статей, заимствованныхъ изъ разновременно обнародовавшихся законовъ противъ «суевѣрія», находится и знаменитый Canon Episcopi, которому впослѣдствіи суждено было играть такую роль въ «вѣдовской» литературѣ по вопросу о реальномъ существованіи вѣдовской секты [1]). Канонъ этотъ носитъ надписаніе: «О женщинахъ, кои разсказываютъ, будто онѣ ночною порой скачутъ съ демонами», и гласитъ такъ:

„Епископы и священники должны искоренить изъ своихъ приходовъ изобрѣтенное діаволомъ пагубное искусство гаданья и волшебства: кто изъ мужчинъ или женщинъ окажется виновнымъ въ подобныхъ преступленіяхъ, того они дол-

[1]) Canon Episcopi, т.-е. канонъ „Епископы“ — обычное обозначеніе каноновъ по первому ихъ слову.

жны, всячески опозоривъ, выгонять вонъ изъ своего прихода... Не должно также оставлять безъ вниманія и того, что нѣкоторыя преступныя женщины, совратившіяся вслѣдъ сатаны (1 Тимоѳ., 5, 15), становясь жертвами демонскаго мороченья, вѣрятъ и утверждаютъ, будто онѣ ночною порой скачутъ на разныхъ звѣряхъ съ Діаной, языческой богиней, и съ безчисленнымъ множествомъ другихъ женщинъ и будто онѣ проносятся такимъ образомъ въ ночномъ безмолвіи черезъ необозримыя пространства, повинуясь во всемъ велѣніямъ богини и являясь на службу по ея вызову въ назначенныя ночи. И пусть бы онѣ однѣ пропадали въ своемъ невѣріи, а то онѣ увлекаютъ на путь погибели и другихъ. Ибо безчисленное множество, вводимое въ соблазнъ такою ложью, вѣритъ, что это правда, и вмѣстѣ съ тѣмъ отклоняется отъ истинной вѣры и возвращается къ языческимъ заблужденіямъ, допуская, что есть какія-то божественныя существа въ мірѣ, кромѣ Единаго Бога. А потому священники въ порученныхъ имъ церквахъ со всякимъ тщаніемъ должны проповѣдывать народу, что это сущая ложь и что подобныя видѣнія вселяются въ душу маловѣрныхъ силою не божественнаго, а злого духа... Съ кѣмъ же, конечно, не бываетъ, что въ ночныхъ грезахъ онъ будто покидаетъ самого себя, и кто во снѣ не видывалъ того, чего не приходилось никогда видѣть на яву. Но кто же можетъ быть столь глупъ и тупоуменъ, чтобы все подобное, что происходитъ съ духомъ, относить и къ тѣлесному существованію... Итакъ, необходимо всѣмъ громогласно объявлять, что тотъ, кто вѣритъ чему-нибудь подобному, является отступникомъ отъ вѣры; а кто не имѣетъ правой вѣры въ Бога, тотъ ужъ не чадо Божіе, а чадо того, въ кого онъ вѣритъ, сирѣчь діавола“.

Еще подробнѣе знакомятъ насъ съ разными видами вѣры въ стригъ Буркардовы «Постановленія». Уже текстъ канона «Епископы», который вмѣстѣ со всѣмъ сборникомъ Регино былъ принятъ Буркардомъ въ 10-ю книгу его компилятивнаго труда, содержитъ любопытную прибавку. Согласно ей царицей стригъ въ иныхъ мѣстахъ считалась не Діана, а Иродіада—эта средневѣковая Иродіада (Саломея), женскій двойникъ Вѣчнаго Жида, осужденная за смерть Іоанна Крестителя вѣчно скитаться. Но, сверхъ 10-й книги, въ «Постановленіяхъ» стригами занимается и 19-я книга, куда Буркардъ помѣстилъ одно изъ руководствъ къ совершенію исповѣди, которому неизвѣстный его авторъ придалъ заглавіе Corrector. Изъ этого Corrector мы прежде всего узнаемъ, что поминаемыхъ въ Canon Episcopi женщинъ, скакавшихъ по ночамъ съ демонами, «народная глупость именовала striga holda». Будетъ ли это striga holda означать просто «добрая стрига», или это будетъ отзвукомъ того, что предводительницей подобныхъ стригъ въ Германіи считалась первоначально богиня Holda, потомъ лишь вытѣсненная Діаной, во всякомъ случаѣ отсюда ясно, что самъ народъ не придавалъ подобной скачкѣ на звѣряхъ какого-нибудь пагубнаго характера; Holda являлась для германцевъ милостивой богиней. Согласно этому и нашъ Corrector за подобный видъ вѣры въ стригъ налагаетъ сравнительно легкую, лишь годовую эпитемію. Гораздо строже онъ относится къ другимъ двумъ видамъ схожаго суевѣрія, которые въ немъ описываются слѣдующимъ образомъ:

„Не вѣрила ли ты тому, что многія совратившіяся вслѣдъ сатаны женщины выдаютъ за истину, будто въ безмолвной тишинѣ ночи, упокоившись въ по-

стели съ супругомъ на лонѣ твоемъ, ты способна, оставаясь тѣлесною, выйти чрезъ запертыя двери и проноситься съ другими жертвами того же заблужденія черезъ необозримыя пространства, при чемъ вы, якобы, можете безъ видимаго оружія умерщвлять крещеныхъ и искупленныхъ кровью Спасителя людей, поѣдать ихъ, сваривъ ихъ мясо, затѣмъ положивъ вмѣсто сердца тряпку или кусокъ дерева или другое что-нибудь въ такомъ родѣ, съѣденныхъ снова оживлять и пускать въ жизнь. Если вѣрила, то должна каяться на хлѣбѣ и на водѣ 40 дней, т.-е. великій постъ съ семью послѣдующими годами".

„Не вѣрила ли ты тому, во что иныя женщины нерѣдко вѣрятъ, будто ты съ другими діавольскими сосудами тоже въ безмолвной тишинѣ ночи чрезъ запертыя двери можешь улетать въ воздухъ подъ облака и тамъ биться съ другими, нанося имъ и получая отъ нихъ раны? Если вѣрила, то должна каяться три года по обычнымъ днямъ".

Итакъ, мы видимъ, что грезы о ночныхъ полетахъ, смѣшеніе которыхъ съ дѣйствительностью такъ строго осуждала церковь, носили очень пестрый характеръ и не сводились къ одному бреду людоѣдствомъ. Какъ то и нынѣ наблюдается у первобытныхъ народовъ, дѣтски наивная фантазія не знала вообще тогда рѣзкой границы между міромъ духовъ и міромъ живыхъ людей, и яркія сновидѣнія на почвѣ того или другого повѣрья постоянно дѣлали многихъ участниками въ приключеніяхъ обитателей воздушныхъ сферъ. Такъ, битвы стригъ подъ облаками врядъ ли случайно имѣютъ столь близкое сходство съ распространеннѣйшимъ въ Германіи повѣрьемъ о воздушномъ войскѣ Дикаго Охотника. Что же касается полетовъ «добрыхъ стригъ», то сравнительная миѳологія сближаетъ ихъ съ полетами тѣхъ добрыхъ фей, для которыхъ западно-европейская деревня вопреки всѣмъ протестамъ церкви до глубины среднихъ вѣковъ упорно накрывала въ Рождественскія ночи на улицѣ такъ называемыя tabulae fortunae, чтобы эти ночныя гостьи за угощеніе приносили благополучіе въ домъ ласковаго хозяина. «Дамою Изобилія» (Dame Habondo) прямо называется во французскихъ памятникахъ такая же царица стригъ, какъ та, что у Регино именуется Діаной, и характерной примѣтой сопровождающихъ ее bonnes femmes повѣрье дѣлаетъ ихъ склонность, забравшись въ чужую кухню, хозяйничать тамъ, словно у себя дома. Только церковная полемика, систематически отбрасывавшая все языческое въ область демоническаго, мало-по-малу придала всѣмъ этимъ разнообразнымъ повѣрьямъ однообразную сатанинскую окраску — пока наконецъ дѣло не пришло къ тому, что склонность къ ночному угощенію себя чужимъ виномъ для самой церкви стала представляться одной изъ главныхъ примѣтъ «вѣдьмы».

Но насъ отъ этого отдѣляютъ еще вѣка. Въ темномъ XI столѣтіи римская церковь, нѣсколько путаясь въ логикѣ, но въ общемъ совершенно вразумительно сама внушала народу, что сатанинскими добрые христіане должны считать не воздушныя похожденія живыхъ людей, а вѣру, будто подобныя похожденія въ

дѣйствительности возможны [1]). И этотъ взглядъ не былъ, подобно нѣкоторымъ инымъ изъ раннихъ проявленій средневѣковаго раціонализма, лишь достояніемъ отдѣльныхъ исключительныхъ умовъ среди тогдашнихъ церковныхъ дѣятелей. 10-я книга Буркардовыхъ «Постановленій», куда внесенъ былъ Canon Episcopi, осуждавшій вѣру въ полеты съ Діаной или Иродіадой, была принята Граціаномъ въ составъ его извѣстнаго Декрета и вмѣстѣ съ тѣмъ получила обязательную силу для всѣхъ вѣрныхъ католиковъ.

Здѣсь мы должны однако сдѣлать одну довольно важную оговорку. Въ эпоху Каролинговъ церковные соборы проклинали тѣхъ, кто распускаетъ слухи, будто стриги въ самомъ дѣлѣ существуютъ. Въ эпоху Коперника и Кеплера та же церковь склонна была всякаго человѣка, сомнѣвавшагося въ существованіи стригъ, самаго заподозрѣвать въ принадлежности къ ихъ числу. Такая противоположность, конечно, поразительна, но ею не слѣдуетъ увлекаться, какъ увлекались многіе историки нашего вопроса, которыхъ она побуждала сильно преувеличивать степень просвѣщенности церковныхъ и свѣтскихъ правителей въ концѣ перваго и въ началѣ второго тысячелѣтія по Р. Х., что спутывало въ этихъ трудахъ и общую историческую перспективу. Источникъ ихъ ошибки, какъ это ясно показалъ намъ Гансенъ, заключался при этомъ въ слѣдующемъ. Одно и то же слово «стрига» въ VII—XII и въ XV — XVII вѣкахъ связано было съ существенно различными образами. Для эпохи, когда свирѣпствовали процессы вѣдьмъ, всякая стрига являлась непремѣнно злой колдуньей: согласно этому «вѣдьма» въ тогдашнемъ церковно - юридическомъ языкѣ совершенно безразлично обозначалась то словомъ striga, то словомъ malefica. Женщины, летавшія по ночамъ, и напускали главнымъ образомъ, по мнѣнію столь компетентныхъ судей, какъ авторы Молота Вѣдьмъ, и бури съ градомъ, и болѣзни, и разныя другія пагубы, которыя намъ уже приходилось перечислять. Напротивъ, въ занимающую насъ сейчасъ эпоху два эти представленія — о колдовствѣ и о ночныхъ полетахъ—жили еще совсѣмъ раздѣльно, какъ это явствуетъ изъ памятниковъ права, гдѣ вопросъ о стригахъ соединяется еще иногда съ вопросомъ о наказаніи блудницъ, но никогда не смѣшивается съ вопросомъ о мѣрахъ противъ колдовства. Между тѣмъ привычка, образовавшаяся на изученіи позднѣйшей «вѣдовской» литературы, неизмѣнно заставляла историковъ и въ памятникахъ болѣе ранняго времени соединять со словомъ «стрига»

---

[1]) Внимательно прочтя приведенныя выше выдержки изъ Corrector, каждый, конечно, самъ замѣтитъ допущенную тамъ нелогичность въ формулировкѣ вопросовъ.

полный образъ вѣдьмы, благодаря чему общій смыслъ разбираемыхъ нами сейчасъ указовъ противъ вѣры въ стригъ и получалъ у нихъ не совсѣмъ правильное толкованіе. Такъ, Зольданъ на основаніи приведеннаго нами выше Саксонскаго капитулярія 787-го года, гдѣ Карлъ Великій повелѣвалъ карать не стригъ, пожиравшихъ людей, а людей, пожиравшихъ стригъ, приходитъ къ выводу, что уже въ Карлову эпоху «германскій духъ готовъ былъ навсегда порвать съ самою вѣрою въ волшебство», ибо «тутъ смерть грозитъ не волшебству, а вѣрѣ въ оное». На дѣлѣ же капитулярій Карла нисколько не касался вопроса о реальности дѣяній, приписывавшихся настоящимъ колдунамъ, и всѣ другія данныя показываютъ, что въ VIII вѣкѣ германскій духъ былъ еще очень далекъ отъ разрыва съ вѣрою въ ихъ возможность. Припомнимъ хотя бы приведенное нами выше обращеніе германскихъ епископовъ къ Карлову сыну, Людовику Благочестивому: въ немъ совершенно еще не слышно голоса скептицизма. Немного скептицизма отыщешь и въ трудахъ такихъ корифеевъ тогдашней теоретической мысли, какъ Рабанъ Мавръ или Гинкмаръ Реймскій.

Правда, отдѣльныя личности съ свѣтлой головой и крѣпкимъ характеромъ, пополняя великіе недочеты теоретическаго своего образованія въ школѣ практической жизненной дѣятельности, довольно рано стали доходить до относительнаго свободомыслія въ вопросѣ о возможныхъ границахъ волшебства. Такъ, ранѣе помянутый уже нами ліонскій епископъ Агобардъ, разсказавъ, что въ его епархіи «почти всѣ жители, знатные и незнатные, горожане и мужики, молодые и старые, увѣрены, будто градъ и громъ могутъ быть накликаны людьми», разражается противъ подобной мысли великимъ негодованіемъ. «Несчастный міръ подавленъ нынѣ такою глупостью, что христіане вѣрятъ нелѣпѣйшимъ вещамъ, въ какія раньше ни за что бы не повѣрили язычники, не вѣдавшіе Творца вселенной». Такъ, Регино въ помянутомъ нами сборникѣ на ряду съ вѣрою въ стригъ столь же строго осуждаетъ и вѣру въ оборотней. «Отъ истинной вѣры отпадаютъ и тѣ, кто полагаетъ, будто какая-нибудь иная сила, кромѣ Божіей, способна обратить живое существо изъ одного вида въ другой высшаго или низшаго порядка». Такъ, Буркардъ, осуждая вмѣстѣ съ Агобардомъ вѣру въ «наведеніе бурь» и вмѣстѣ съ Регино вѣру въ оборотней, присовокупляетъ еще къ тому же разряду недостойныхъ христіанина бредней вѣру въ дѣвушекъ-эльфовъ, увлекающихъ мужчинъ въ свои объятія, и даже вѣру въ то, будто кто-либо можетъ силою чаръ господствовать надъ человѣческой душой, обращая любовь въ ненависть и ненависть въ любовь. Но, помимо того, что въ другихъ случаяхъ тотъ же Регино и тотъ же Буркардъ, какъ

явствуетъ изъ собственныхъ ихъ постановленій, сами вѣрили въ реальную силу колдовства, даже въ помянутыхъ вопросахъ они немного находили себѣ сторонниковъ. Агобардъ могъ доказывать отъ Св. Писанія, что истиннымъ владыкой надъ бурями и градомъ является одинъ Господь; но это не мѣшало тому, что preces ad repellendam tempestatem (молитвы для отогнанія бурь) оставались обычной составною частью католическаго требника. Въ иныхъ мѣстахъ священникъ выходилъ при этомъ за околицу деревни въ сторону надвигавшейся тучи и читалъ свои заклинанія надъ пылающимъ костромъ, куда бросалась издревле ненавистная демонамъ сѣра. И если Буркардъ въ Вормсѣ запрещалъ своимъ духовнымъ сынамъ вѣрить, будто бы колдовствомъ можно приворожить къ себѣ человѣка, то про его современника и близкаго сосѣда трирскаго епископа Поппо мѣстная хроника (начала XII-го вѣка) глубоко убѣжденнымъ тономъ разсказываетъ слѣдующую исторію. Однажды нѣкая монахиня изъ монастыря Пфальцель близъ Трира по просьбѣ Поппо вышила для него пару туфель, чтобы надѣвать при богослуженіи. Но монашенка эта тайно была влюблена въ своего архіепископа и, прежде чѣмъ отослать ему туфли, она ихъ заворожила. Едва Поппо успѣлъ ихъ на себя надѣть, какъ вдругъ почувствовалъ, что въ сердцѣ его вспыхнула грѣховная страсть къ этой женщинѣ. Въ испугѣ и негодованіи Поппо сейчасъ же сбросилъ съ себя туфли и предложилъ надѣть ихъ одному изъ приближенныхъ. Чары и на того произвели свое дѣйствіе. Опытъ былъ затѣмъ повторенъ съ цѣлымъ рядомъ другихъ лицъ изъ епископской свиты, и всѣ подпадали подъ волшебное вліяніе туфель. Тогда Поппо изгналъ виновную монахиню изъ монастыря и измѣнилъ весь прежній его уставъ въ гораздо болѣе суровомъ духѣ. Онъ дѣйствовалъ при этомъ въ Пфальцелѣ съ такою безпощадною строгостью, что счелъ даже потомъ необходимымъ ради успокоенія совѣсти предпринять паломничество въ Святую Землю. И если въ Граціановомъ Декретѣ санкціонировался Canon Episcopi съ его осужденіемъ вѣры въ стригъ, то этотъ же Декретъ въ столь важномъ отдѣлѣ, какъ вопросъ о поводахъ къ разводу, санкціонировалъ и вѣру въ реальную возможность одного изъ главнѣйшихъ вѣдовскихъ преступленій — въ возможность чарами сдѣлать человѣка неспособнымъ быть мужемъ своей женѣ. Что же касается критическаго отношенія ранняго средневѣковья къ стригамъ въ томъ видѣ, какъ онѣ тогда существовали, то само по себѣ это отнюдь еще не служитъ доказательствомъ особой трезвости тогдашняго церковнаго міросозерцанія. Изъ всѣхъ тѣхъ представленій, которыя сплелись въ образѣ вѣдьмы, возможность для живыхъ людей летать по воздуху всегда наталкивалась на самый рѣзкій про-

тестъ со стороны простого здраваго смысла: законъ Ньютона таился въ глубинѣ здороваго сознанія за тысячи лѣтъ до своей научной формулировки. Смуту могли вносить здѣсь лишь собственные убѣжденные разсказы людей о совершавшихся ими якобы полетахъ; но эти расказни съ крайней легкостью опровергались свидѣтельствами лицъ, жившихъ съ такого рода ночными путешественниками подъ одной кровлей. И такимъ образомъ у насъ нѣтъ никакихъ основаній удивляться тому, какъ раннее средневѣковье на низкой степени своего культурнаго развитія могло относить всѣ эти бредни въ область сонной жизни. Истинною загадкой здѣсь остается то, какъ черезъ тысячу лѣтъ послѣ лангобардскаго короля Ротара духовные и свѣтскіе правители въ Западной Европѣ оказывались способны такъ сильно уступать этому своему отдаленному предшественнику въ степени «просвѣщенности», когда дѣло шло о совершенно схожихъ бредняхъ.

Но если подобное отрицательное отношеніе къ вѣрѣ въ стригъ даже для ранняго средневѣковья не можетъ признаваться какой-нибудь аномаліей, то нѣсколько труднѣе объяснить другое явленіе, которое тоже бросается въ глаза всякому, кто взглянетъ на изучаемую эпоху съ точки зрѣнія нашего вопроса. Дѣйствительно, за всю первую половину среднихъ вѣковъ Западная Европа безспорно погрязала въ глубочайшемъ невѣжествѣ, при которомъ интеллектуальная основа трепета передъ волшебствомъ, привычка видѣть всюду непосредственное вмѣшательство добрыхъ и злыхъ духовъ, оставалась въ полной неприкосновенности во всѣхъ слояхъ тогдашняго общества. Привычка эта далѣе не только не сдерживалась, но развивалась самою общественною воспитательницею, католическою церковью, сдѣлавшей изъ страха передъ демонами главное орудіе своей «соціальной педагогики». Въ подобной атмосферѣ каждый считалъ необходимымъ вѣчно держаться насторожѣ противъ опасностей, которыми отовсюду угрожало чужое чародѣйство. Зная все это, мы ждемъ, конечно, что данная эпоха окажется одной изъ худшихъ въ исторіи гоненій на злыхъ волшебниковъ. И между тѣмъ на дѣлѣ мы этого нисколько не находимъ. Отдѣльные случаи безчеловѣчной расправы съ людьми, заподозрѣнными въ колдовствѣ, мы, конечно, встрѣчаемъ и въ эту пору. О нихъ не разъ упоминаетъ Григорій Турскій, передавая исторію кровавыхъ распрей, терзавшихъ королевскій домъ Меровинговъ. И позже въ лѣтописяхъ намъ попадаются то тамъ, то сямъ извѣстія въ родѣ того, что «въ 1128-мъ году, когда графъ фландрскій Дитрихъ Эльзасскій исчахъ отъ непонятной болѣзни сердца и внутренностей, его приближенные схватили женщину, которая по ихъ предноложенію напустила эту

болѣзнь на графа, и сожгли ее живою», или что въ томъ же году «гентскіе граждане выпустили изъ одной ворожеи кишки и, вырвавъ изъ трупа желудокъ, носили его по городу». Иногда къ подобной расправѣ прилагали свою руку и установленныя общественныя власти. Изъ XI и XII столѣтія до насъ дошло нѣсколько фактовъ сожженія за колдовство по правильному судебному приговору. Но подобныя извѣстія за первую половину среднихъ вѣковъ оказываются у насъ всѣ на перечетъ, и сколько бы мы при этомъ ни относили на счетъ крайней скудости нашихъ источниковъ, все же остается несомнѣннымъ, что преслѣдованіе колдуновъ нигдѣ въ Европѣ не играло въ это время сколько-нибудь замѣтной роли въ народной жизни. Въ приливѣ религіозной ревности «колдуновъ рѣзали, какъ цыплятъ», по выраженію Аммiана Марцеллина, иные изъ императоровъ IV и V вѣка по Р. Х., когда въ Европѣ еще процвѣтала римская культура. Колдуній тысячами кидала въ пламя Европа XV и XVI вѣковъ, когда культура въ ней снова успѣла возродиться. Но въ промежуткѣ, въ ту пору, когда Европой правили «нечесаные неучи», она почти не обагряла своихъ рукъ колдовскою кровью.

Одинъ изъ самыхъ талантливыхъ изслѣдователей нашего предмета, не такъ давно скончавшійся Вильямъ Лекки, представилъ по этому поводу въ своей «Исторіи раціонализма» слѣдующія соображенія. Поразительно спокойное отношеніе къ волшебству самаго темнаго періода въ исторіи умственнаго развитія Европы онъ объясняетъ именно его темнотою. «На первый взглядъ,—говоритъ онъ,—конечно, кажется совершенно непонятнымъ, что въ данный историческій періодъ, когда суевѣріе было такъ могуче и разлито было такъ широко, казни за колдовство встрѣчаются сравнительно рѣдко. Никогда не бывало времени, когда человѣческій умъ былъ бы болѣе преисполненъ и затемненъ сверхъестественными представленіями и когда мысль о власти и повсемѣстномъ присутствіи бѣсовъ господствовала бы въ столь неограниченныхъ предѣлахъ. Тысячи случаевъ одержанія бѣсами, изгнанія ихъ, чудесъ и появленій дьявола вѣчно обращались въ общественной молвѣ. Ихъ принимали безъ малѣйшаго сомнѣнія, и они были самой обычной областью, въ которой упражнялась фантазія. Но, какъ это ни кажется для насъ теперь удивительнымъ, при самой твердой вѣрѣ въ дѣйствительность подобныхъ происшествій представленія эти не вызывали никакого терроризма. Самый избытокъ суевѣрія и служилъ суевѣрію коррективомъ. Всѣ вѣрили, что сатана вѣчно грозитъ добрымъ христіанамъ всякими опасностями; но точно такъ же всѣ твердо вѣрили, что крестнаго знаменія, нѣсколькихъ капель святой воды и т. п.

совершенно достаточно, чтобы немедленно обратить его въ постыдное бѣгство... Всѣ представленія объ окружающихъ насъ бѣсахъ, вся воспріимчивость къ чудесному, которыя столь роковымъ образомъ дѣйствовали на фантазію въ XV и въ XVI вѣкахъ, были уже тогда налицо. Но та безусловная вѣра, то безграничное и торжествующее легковѣріе, съ которымъ люди относились къ могуществу церковной обрядности, дѣлали эти представленія сравнительно безвредными. Будь общество немного менѣе суевѣрно, послѣдствія его суевѣрія оказались бы гораздо болѣе ужасными».

Отдавая полную справедливость остроумію такого психологическаго объясненія, мы все же должны будемъ, съ одной стороны, значительно его видоизмѣнить и съ другой дополнить анализомъ юридической стороны дѣла. Дѣйствительно, далеко не ко всѣмъ бѣдамъ, грозившимъ отъ нечистой силы, народъ въ надеждѣ на церковную обрядность относился съ такимъ легкимъ сердцемъ, какъ это представляетъ Лекки. Народъ, напримѣръ, твердо зналъ изъ опыта, что не всегда церковное заклятіе можетъ осилить бѣсовъ, сидящихъ въ тучѣ съ градомъ, и относился потому къ «наводчикамъ бурь» съ ненавистью, о которой даетъ намъ представленіе раньше помянутый уже нами трактатъ Агобарда «О безсмысленномъ мнѣніи народа касательно града и грома». «Эти полувѣрные,—разсказываетъ тамъ про свою паству Агобардъ,—чуть только заслышатъ громъ, сейчасъ же говорятъ: «вотъ онъ, наведенный вѣтеръ», и начинаютъ проклинать, говоря: «проклятъ языкъ, что его накликалъ. Чтобъ ему отсохнуть! И давно надо было бы вырѣзать его!» И подобныхъ стихійныхъ бѣдъ, которыя не отвращались ни человѣческими усиліями, ни церковными молитвами, раннее средневѣковье испило полную чашу. По очень распространенному и очень поверхностному объясненію процессы вѣдьмъ возникли именно въ XV вѣкѣ благодаря тѣмъ ужасамъ, которые пережила Европа въ эпоху черной смерти и столѣтней войны: разстроенное этимъ народное воображеніе стало вездѣ искать слѣдовъ сатанинскихъ козней. Но если бы такое объясненіе было достаточно, процессы вѣдьмъ неизбѣжно должны бы были возникнуть на много столѣтій раньше. Лютыя голодовки и свирѣпая моровая язва въ раннее средневѣковье были обычными гостями въ различныхъ областяхъ Европы, а венгерскіе или норманскіе набѣги и усобицы князей тоже не менѣе давали себя чувствовать народу, нежели шайки мародеровъ, грабившія Францію во время столѣтней войны. Все это и тогда народъ относилъ на счетъ нечистой силы, отъ всего этого церковь оказывалась неспособной его защитить, и если онъ все же не зналъ систематическаго преслѣдованія колдуновъ, то, очевидно, дѣло здѣсь заклю-

чалось не въ одномъ его безграничномъ легковѣріи. Да и само это народное легковѣріе вовсе не до такой ужъ степени введено было тогда римскою церковью въ желательное для нея русло. Въ борьбѣ съ постигшимъ его несчастіемъ человѣкъ, правда, прежде всего обычно прибѣгалъ къ церковнымъ средствамъ. Но если они оказывались безуспѣшны, то онъ не обинуясь обращался за помощью и къ другой инстанціи—къ хранителямъ преданій старой языческой религіи, знахарямъ и знахаркамъ, или же онъ шелъ покорно умолять того же колдуна, которому онъ былъ по его мнѣнію обязанъ свалившейся на голову бѣдой.

Итакъ, не отрицая, что вѣра въ великую власть церкви надъ духами не мало способствовала тому спокойному отношенію къ волшебству, которое такъ поражаетъ насъ въ раннемъ средневѣковьи, мы все же съ психологической стороны едва ли не главнымъ источникомъ подобнаго спокойствія должны, повидимому, считать самую распространенность волшебства. Какъ современное общество гораздо болѣзненнѣе относится ко всякому убійцѣ, нежели относилось общество тѣхъ временъ, когда убійство было явленіемъ совершенно зауряднымъ и когда никто не выходилъ изъ дому, не перепоясавшись мечомъ, такъ и колдунъ въ раннюю пору среднихъ вѣковъ вовсе не наводилъ на окружающихъ такого безотчетнаго, паническаго ужаса, какой народъ сталъ испытывать передъ нимъ позже, когда занятія колдовствомъ сдѣлались сравнительной рѣдкостью и загнаны были въ подпольный мракъ. Почти что всякій тогда немножко былъ причастенъ волшебству, и на особыхъ искусниковъ въ этомъ дѣлѣ злобствовалъ лишь тотъ, кто считалъ себя потерпѣвшимъ отъ ихъ искусства, кто былъ увѣренъ, что пострадалъ отъ ихъ преступныхъ покушеній.

И тутъ мы переходимъ съ чисто психологической на юридическую почву. Тутъ самъ собою поднимается вопросъ о томъ, какіе же пути были тогда открыты закономъ человѣку, чтобы бороться противъ подобныхъ покушеній, и какъ вообще была организована тогда общественная охрана личности или, иначе говоря, какой характеръ носило уголовное право Западной Европы въ ту эпоху. Простая юридическая справка по этому предмету значительно поможетъ намъ объяснить причины столь поражающаго насъ бездѣйствія судебной власти въ дѣлѣ преслѣдованія колдовства.

Въ основѣ дѣятельности тогдашняго суда, какъ извѣстно, лежала еще не государственная, а свойственная всѣмъ раннимъ періодамъ юридическаго развитія частно-правовая точка зрѣнія на преступленія. Помимо того случая, когда лихого человѣка схватывали на мѣстѣ преступленія, судъ собирался лишь по требованію

частнаго обвинителя. Wo kein Kläger, da kein Richter—таковъ былъ основной юридическій принципъ всей той эпохи. На частномъ обвинителѣ лежала и обязанность представить доказательства виновности лица, которое онъ оговорилъ, при чемъ если онъ проигрывалъ дѣло, то ему грозила та же кара, какой въ случаѣ осужденія подвергся бы обвиняемый. Оговоренный оправдывался на судѣ или путемъ присяги съ положеннымъ числомъ такъ называемыхъ соприсяжниковъ или же, по усмотрѣнію судей, онъ подвергался особому испытанію огнемъ, водой и т. п., и тогда судъ принималъ форму Божьяго Суда. Въ этихъ условіяхъ становится вполнѣ понятнымъ, почему въ первую половину среднихъ вѣковъ судамъ не часто приходилось вести процессы о колдовствѣ. Схватить колдуна или колдунью на мѣстѣ преступленія было, конечно, довольно мудренымъ дѣломъ. Преслѣдовать ихъ можно было такимъ образомъ лишь путемъ частнаго обвиненія. Но если въ припадкѣ ярости «сосѣди» оказывались нерѣдко способными обрушиться на заподозрѣннаго въ злостномъ колдовствѣ «сосѣда» и учинить съ нимъ варварскую расправу, то выступать отдѣльно съ доносомъ, за который въ случаѣ неудачи можно было самому поплатиться жизнью, немного находилось охотниковъ. Надо при этомъ еще замѣтить, что самый распространенный видъ судебнаго испытанія при обвиненіи въ колдовствѣ носилъ очень благопріятный для подсудимыхъ характеръ. Исходя изъ столь типичнаго для первобытной логики разсужденія, что люди, связавшіеся съ безплотными духами, сами должны проигрывать въ вѣсѣ сравнительно съ обыкновенными смертными, суды ранняго средневѣковья наиболѣе цѣлесообразнымъ пріемомъ въ такого рода процессахъ считали iudicium aquae frigidae. Подсудимаго съ связанными руками и ногами на веревкѣ бросали въ воду, и если онъ держался на поверхности воды, это являлось доказательствомъ его вины, если же онъ тонулъ, это являлось свидѣтельствомъ его невинности. А не тонуть въ такихъ условіяхъ человѣкъ могъ почти что только по злой волѣ палача, державшаго въ рукахъ другой конецъ веревки [1]).

[1]) Съ такою „пробой на холодную воду" мы встрѣчаемся и на процессахъ вѣдьмъ въ XVI столѣтіи (Hexenbad), гдѣ она служила однимъ изъ способовъ полученія нужныхъ для перехода къ пыткѣ „уликъ". Въ ближайшемъ родствѣ съ ней стоитъ другой также употребительный въ XVI столѣтіи пріемъ — взвѣшиваніе на вѣсахъ лицъ, заподозрѣнныхъ въ вѣдовствѣ. Судъ предварительно опредѣлялъ на глазъ, какой нормальный вѣсъ долженъ бы былъ имѣть при своемъ ростѣ подсудимый, и если тотъ вытягивалъ на вѣсахъ меньше, то это обстоятельство считалось противъ него уликой. Лежащая въ основѣ подобныхъ пробъ идея была знакома еще Плинію. Въ своей Естественной Исторіи онъ разсказываетъ про колдовское племя тибійцевъ, жившее на Черномъ морѣ: молва про нихъ гласила, что они легче воды и въ

На колдуновъ, впрочемъ, какъ намъ извѣстно, была и другая управа — епископская юрисдикція. Колдовство представляло такъ называемое delictum mixti fori: преступника судила тутъ то свѣтская, то церковная власть, смотря по тому, которая раньше налагала на него руку. Основной же юридическій принципъ церковнаго суда гласилъ, что римская церковь продолжаетъ жить по римскому праву, а римское право предписывало вести дѣла о преступленіяхъ религіознаго характера путемъ не обвинительнаго, но слѣдственнаго процесса. Такимъ образомъ церковныя власти и въ ту эпоху вполнѣ могли въ преслѣдованіи колдовства развивать собственную иниціативу. Но за время многовѣковаго спокойнаго владычества своего надъ обществомъ, безпрекословно подчинявшимся ея духовному авторитету, римская церковь отвыкла туго натягивать бразды своего правленія. Въ принципѣ требуя, чтобы и свѣтская власть въ дѣлахъ религіи руководилась римскимъ правомъ, церковь на практикѣ сама во многомъ подчинилась общему юридическому укладу окружавшей ее жизни и слабо занималась сыскомъ въ предѣлахъ собственной судебной компетенціи. Въ ея судахъ привычный населенію обвинительный процессъ тоже успѣлъ взять верхъ надъ завѣщанной Римомъ формою слѣдственнаго процесса. И такимъ образомъ мы здѣсь опять приходимъ къ тому же выводу, что первобытность общества сама и представляла для него главную гарантію отъ тѣхъ опасностей, которыми чревато первобытное суевѣріе. Если суды ранняго средневѣковья плохо оберегали личность отъ реальныхъ преступленій, они по крайней мѣрѣ не раздували мнимыхъ страховъ, подъ власть которыхъ такъ легко подпадаетъ всякое неразвитое общество.

Такой упорный, но въ то же время мягкій, мирный характеръ носила вѣра въ волшебство, когда въ XII столѣтіи ранѣе шедшая едва замѣтнымъ ходомъ общественная эволюція Европы — какъ то нерѣдко бываетъ съ эволюціонными процессами — вдругъ на извѣстной стадіи приняла бурное, революціонное теченіе. Въ нѣсколько поколѣній невѣдомая раннему средневѣковью гостья, пытливая разсудочность, мѣняетъ до неузнаваемости весь умственный обликъ молодыхъ европейскихъ націй, а вмѣстѣ съ этимъ и отношеніе ихъ къ духовному наслѣдію античной древности. Раньше оно хранилось

ней не тонутъ. У средневѣковыхъ церковныхъ писателей разумность iudicium aquae frigidae иногда обосновывается, впрочемъ, иначе. Такъ Гинкмаръ Реймскій объяснялъ дѣйствительность испытанія на воду тѣмъ, что послѣ крещенія Спасителя въ Іорданѣ вся вода на землѣ получила особую святость, благодаря чему она на судебномъ процессѣ и выталкиваетъ изъ своего лона злодѣевъ.

въ римской церкви почти лишь въ качествѣ драгоцѣнныхъ реликвій. Теперь оно снова обращается въ дѣйствительную жизненную силу, всасываясь въ плоть и кровь новой европейской культуры. Но если, становясь на широкую точку зрѣнія, съ данной эпохи мы и должны начинать исторію освобожденія европейскаго духа отъ тяжкаго рабства суевѣрію, то ближайшія послѣдствія помянутаго крутого перелома въ ходѣ культурнаго развитія Европы со многихъ сторонъ оказались совсѣмъ иными. Прежде чѣмъ пожать благіе плоды новаго умственнаго движенія, духовная жизнь Европы должна была пройти чрезъ несказанно мучительный періодъ, когда начавшій уже неудержимо работать, но не восторжествовавшій еще надъ вѣрою въ авторитеты разумъ самъ для себя нерѣдко былъ худшимъ изъ тирановъ и не найдя своихъ истинныхъ путей, не разрывалъ, а лишь съ неслыханною крѣпостью связывалъ сѣть помрачавшихъ человѣческія головы ложныхъ представленій. И трудно найти тутъ болѣе характерный эпизодъ, нежели исторія возникновенія процессовъ вѣдьмъ — безумство, которымъ Западная Европа обязана была именно этому промежуточному періоду въ развитіи теоретической, научной мысли.

IV.

Чтобы оправдать данное выше общее положеніе, чтобы объяснить, какимъ образомъ подъемъ умственной дѣятельности въ Европѣ могъ повести къ неслыханному обостренію самаго дикаго изъ суевѣрій, я долженъ буду прежде всего бѣгло напомнить ходъ церковной исторіи въ критическую для римскаго католицизма эпоху— съ XI по XIII вѣкъ.

Церковная жизнь Западной Европы въ раннее средневѣковье носитъ такой характеръ. Все общество во всѣхъ его слояхъ единодушно исповѣдуетъ католическую вѣру и очень гордится своимъ безукоризненнымъ православіемъ. Чего-нибудь похожаго на принципіальное невѣріе въ немъ нѣтъ и тѣни по той причинѣ, что міръ безъ Бога являлся для этой эпохи вещью, которую она прямо неспособна была себѣ представить. Но этой твердости религіозныхъ убѣжденій строго соотвѣтствуетъ ихъ полная пассивность. Не говоря уже про народную массу, вѣра которой сводится въ сущности къ вѣрѣ въ таинственную силу церковныхъ обрядовъ, такой пассивный характеръ носитъ и религіозная жизнь ея руководителей. Даже въ кругу высшаго духовенства и свѣтскихъ владѣтельныхъ особъ, гдѣ обсуждаются и вершатся возникающіе вопросы церковной жизни, ни у кого нѣтъ мысли, чтобы въ дѣлахъ религіи была какая-нибудь

надобность въ собственномъ разсужденіи. «Наивно думать,—писалъ еще въ XI вѣкѣ одинъ изъ богослововъ, — чтобы въ завѣщанной намъ отъ предковъ вѣрѣ хоть что-нибудь осталось непредусмотрѣннымъ». Такимъ же путемъ ведутся и рѣдкія тогда занятія научнымъ богословіемъ. На техническомъ языкѣ церковной исторіи эта пора въ развитіи западной богословской мысли опредѣляется какъ періодъ полнаго «традиціонализма», когда все богословіе держалось чисто «репродукціоннаго метода». «Въ сознаніи крайней молодости самостоятельной германской культуры» самые ученые люди того времени, какъ Алкуинъ, какъ Рабанъ Мавръ и др., сводили все толкованіе истинъ христіанской вѣры къ подбору текстовъ изъ Св. Писанія и «сентенцій», заимствованныхъ у отцовъ древней церкви. Своихъ самостоятельныхъ вопросовъ они при этомъ не рѣшались поднимать, недружелюбно относясь къ чрезмѣрной пытливости ума въ области вѣры. Odit Dominus nimios scrutatores... [1]).

Но съ достиженіемъ извѣстной духовной возмужалости общество начинаетъ утрачивать эту блаженную наивность вѣры. Въ исторіи его развитія XI вѣкъ можно сравнить съ тѣмъ возрастомъ, когда у молодого человѣческаго существа впервые пробуждается рефлексія съ ея мучительными, неотступными вопросами. Душевное состояніе множества мыслящихъ людей въ Европѣ этого времени живо рисуетъ намъ «Книга объ искушеніяхъ нѣкоего монаха», вышедшая изъ-подъ пера одного виднаго нѣмецкаго богослова, Отло. Отло рано рѣшилъ разстаться съ міромъ и удалился въ монашескую обитель. Но монастырь не далъ ему душевнаго спокойствія. Напротивъ, тутъ, въ стѣнахъ обители, за размышленіемъ о божественныхъ предметахъ и начались его внутреннія терзанія. Сомнѣнія въ всемъ обуреваютъ его душу: онъ сомнѣвается въ себѣ, въ Св. Писаніи и даже въ самомъ бытіи Божіемъ. «Правильно ли поступилъ онъ, удалившись въ монастырь? Можетъ ли онъ надѣяться, что обрѣтетъ здѣсь божескую благодать? Въ Св. Писаніи сказано: даже праведникъ едва спасается. Такъ не ограничено ли спасеніе немногими избранниками? Не напрасны ли поэтому всѣ молитвы и усилія? Не показываетъ ли Св. Писаніе, что Богъ поступаетъ съ людьми по полному своему произволенію и что Онъ часто не пріемлетъ тѣхъ, кто самъ его ищетъ? Да правду ли говоритъ Св. Писаніе? И наконецъ существуетъ ли Богъ? Не представляется ли Писаніе умнымъ, но глубоко нечестнымъ людскимъ измышленіемъ? И развѣ содержаніе его не отдѣляется бездной отъ дѣйствительной жизни? И если правда, что существуетъ всемогущій Богъ, то почему же

---

[1]) Чрезмѣрная пытливость не угодна Богу.

все преисполнено до такой степени противорѣчіями и дисгармоніей?» Въ своихъ мукахъ Отло обращается къ небу съ такой молитвой: «О, если Ты существуешь, Всемогущій, и если Ты вездѣсущъ, то молю Тебя, покажи мнѣ, кто Ты и какъ велика Твоя сила, исторгнувъ меня изъ этихъ искушеній, ибо долѣе переносить ихъ я не въ состояніи.» (См. A. Hauck, Kirchengeschichte Deutschlands, IV, 80.) Не всѣ, конечно, такъ болѣзненно реагировали на пробудившуюся рефлексію, какъ Отло. Типичной для XI вѣка фигурой можетъ, скорѣе, считаться пріятель Отло, Генрихъ. Онъ тоже размышлялъ уже надъ ученіями церкви и многое находилъ въ нихъ непонятнымъ. Но, дѣлясь съ Отло поднимавшимися въ его душѣ вопросами, онъ прибавлялъ: «Я нисколько не сомнѣваюсь въ истинѣ того, о чемъ я спрашиваю: я не могу только понять, какимъ образомъ это оказывается истиной». Зато, съ другой стороны, многіе, въ комъ пробудилась потребность осмыслить для себя свою вѣру, далеко не такъ успѣшно справлялись съ неизбѣжными здѣсь соблазнами, какъ въ концѣ-концовъ успѣлъ съ ними справиться Отло. Въ XI же вѣкѣ Европа услыхала голосъ Беренгара Турскаго, который говорилъ: Если мой разумъ, подобіе Божіе во мнѣ, приходитъ въ непримиримое столкновеніе съ авторитетами, то я согласенъ лучше погибнуть, чѣмъ подчинить свой разумъ простому указанію на авторитеты. И голосъ этотъ не остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. За этимъ первымъ «раціоналистомъ» явился и рядъ другихъ, гораздо болѣе рѣшительныхъ и дерзкихъ. Гамма вопросовъ, пробѣгавшихъ въ душѣ Отло, черезъ столѣтіе превращается въ гамму дѣйствительно исповѣдывавшихся еретиками мнѣній. Европа, которая въ теченіе ряда вѣковъ наслаждалась невозмутимымъ религіознымъ покоемъ, теперь знакомится со всѣми видами религіозной критики, идущей въ своихъ крайностяхъ до отрицанія Откровенія и даже до отрицанія самаго бытія Божія.

Такое пробужденіе разсудочности не ограничивается при этомъ лишь тѣснымъ кругомъ школьно-образованныхъ людей. Свѣтское общество, духовныя потребности котораго должна была удовлетворять римская церковь, тоже является къ XII вѣку далеко не тѣмъ, чѣмъ оно было въ ту пору, когда авторъ Heliand'а отъ его лица говорилъ: законъ, это—записанный мудрыми людьми обычай предковъ, а отъ обычаевъ своей страны никто не долженъ отступать ни въ чемъ. Церковная паства въ XII столѣтіи не представляетъ уже собой, какъ прежде, разъединенно жившихъ по замкамъ, хуторамъ и деревнямъ бароновъ и вилланов. То было время величайшей ломки старозавѣтнаго уклада жизни, черезъ какой когда-либо случалось проходить Европѣ. Это была Европа эпохи воз-

созданія городовъ и обратнаго перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, Европа эпохи крестовыхъ походовъ и новаго торговаго и умственнаго сближенія между Западомъ и Востокомъ. Прежняя застылость смѣнилась кипучей жизнью въ этотъ «второй періодъ великаго переселенія народовъ». Вилланы толпами покидали свои деревни, стремясь въ свободную городскую атмосферу; рыцари арміями плавали за моря отчасти изъ религіознаго рвенія, отчасти изъ интереса къ приключеніямъ и къ диковиннымъ чужимъ странамъ; купцы съ товарами бороздили изъ конца въ конецъ весь извѣстный тогда міръ; и многое, что было захвачено этимъ водоворотомъ, оказывалось навсегда потеряннымъ для наивной, спокойной вѣры «по завѣтамъ предковъ». Въ нѣсколько поколѣній городъ перерабатывалъ вилланов изъ жившихъ преданіями и фантазіей дѣтей природы въ разсудочную, скептическую буржуазію; рыцарь нерѣдко возвращался изъ Святой Земли съ душой, полной всякихъ сравненій и раздумья; и купецъ, заводившій связи съ восточными торговцами, быстро отвыкалъ видѣть въ не-католическомъ мірѣ только «поганыхъ». Такимъ образомъ сама жизнь доводила теперь множество «простыхъ людей» до психологической невозможности вѣрить, не размышляя. Отъ пастырей своихъ они при этомъ не получали по большей части никакихъ отвѣтовъ на волновавшіе ихъ новые религіозные вопросы, такъ какъ у большинства священниковъ едва хватало образованія на то, чтобы сносно справляться съ ритуаломъ. Къ тому же пастыри эти часто являлись для вѣрующихъ худшимъ источникомъ соблазна: нравы католической іерархіи въ это время дѣйствительно представляли изъ себя мало назидательнаго и находились въ вопіющемъ противорѣчіи съ тѣмъ, что она сама проповѣдывала народу. Благодаря всему этому свѣтское общество передовыхъ странъ Европы замѣтно ускользаетъ изъ рукъ церкви. Изъ собственной его среды выходятъ «никѣмъ не призванные учителя», которые громятъ нещадно вѣковой укладъ церковной жизни, и проповѣдь ихъ падаетъ на воспріимчивую почву. «Обвиненія, — такъ характеризуетъ эту эпоху Рейтеръ, — что проповѣдуемые католическими священниками догматы являютъ собой людской вымыселъ, что обряды католическаго культа—грубое суевѣріе, что таинства — сатанинское наважденіе, громкія рѣчи про обманы жрецовъ, творящихъ якобы за мессой Тѣло Христово, развитіе критическаго смысла при толкованіи Библіи — все это неизбѣжно будило во множествѣ людей дремлющую сознательность, смущало пробудившуюся и давало пищу всякимъ сомнѣніямъ какъ въ верхнихъ, такъ и въ низшихъ общественныхъ слояхъ тѣмъ болѣе, что классъ, противъ котораго направлялись такія обвиненія, самъ по себѣ воз-

буждалъ недоброжелательство не только у еретиковъ, но и у правовѣрныхъ.» (H. Reuter, Geschichte der religiösen Aufklärung im Mittelalter, I, 154.) Само собою разумѣется, что католическая іерархія съ своей стороны не оставалась спокойною свидѣтельницей такого рода возмущеній противъ ея авторитета. Съ XI вѣка Европа снова увидала гоненія за вѣру; съ XI вѣка въ ней снова запылали костры для нарушителей церковнаго единства. Но, несмотря на эти кары, число еретиковъ не убывало, и многіе свидѣтели совершавшагося въ религіозной жизни переворота съ печалью приходили къ мысли, что спасительному владычеству римской церкви надъ католическимъ міромъ грозитъ скорый конецъ.

Мрачныя опасенія эти однако не сбылись. Традиціонное церковное міросозерцаніе въ XII столѣтіи ни для кого еще не являлось вещью изжитой. Общество, въ сущности, еще совсѣмъ не пробовало имъ жить, и для защиты его отъ той критики, на которую умъ человѣческій былъ тогда способенъ, у церкви въ распоряженіи имѣлась не одна репрессія. Чтобы овладѣть броженіемъ религіозной жизни въ массахъ, чтобы обезпечить себѣ еще на нѣсколько столѣтій господство надъ умственной жизнью Западной Европы, церкви довольно было самой серьезно передумать то, чему она привыкла механически учить другихъ. Ей надо было лишь нѣсколько поступиться старовѣрческимъ принципомъ ubi deitas creditur, ratio non quaeritur [1]), и, сдѣлавъ своевременно эту уступку, она сама мало-по-малу совсѣмъ преобразилась. Изъ горнила испытаній, пережитыхъ ею въ XI—XII вѣкахъ, римская церковь вышла могучѣе, чѣмъ когда-нибудь, съ тремя крупными пріобрѣтеніями, составившими главную основу ея позднѣйшаго развитія. Она обогатилась новою церковною наукой—схоластикой, которая на время успѣла обратить разумъ изъ врага въ преданнаго служителя авторитета; она пріобрѣла новую народно-воспитательную организацію, Нищенствующіе монашескіе ордена, которые успѣли — опять-таки на время — возвратить Риму утерянныя было симпатіи народныхъ массъ; и, наконецъ, она создала новый церковно-полицейскій институтъ,—инквизицію, своими особыми средствами справлявшуюся съ тѣми изъ отщепенцевъ, на кого не оказывали достаточнаго дѣйствія ни доводы раціональной теологіи, ни нравственныя увѣщанія послѣдователей Доминика и Франциска. Эти три силы, родство которыхъ сказывается въ томъ, что главными дѣятелями какъ въ схоластической наукѣ, такъ и въ инквизиціонныхъ трибуналахъ оказывались члены тѣхъ же Нищенствующихъ орденовъ, наложили

[1]) Гдѣ дѣло идетъ о вѣрѣ въ Божество, тамъ не умствуютъ.

глубокую свою печать на весь ходъ умственной жизни въ Европѣ съ XIII до XVI вѣка. Имъ римская церковь обязана была самыми славными своими тріумфами. Но въ ихъ же совокуппомъ дѣйствіи кроется и объясненіе того, почему въ концѣ среднихъ вѣковъ изучаемый нами видъ суевѣрія—да и не онъ одинъ—далъ такіе ядовитые плоды, какихъ мы не встрѣчали въ темное раннее средневѣковье.

Въ виду опредѣляющаго вліянія, которое тутъ было оказано схоластикой, намъ слѣдуетъ присмотрѣться къ исторіи ея происхожденія нѣсколько поближе. Схоластика, т.-е. «школьное» богословіе—имя, которое она получила въ отличіе отъ стараго «положительнаго» богословія, довольствовавшагося простыми тезисами, простою передачею сентенцій Св. Писанія и отцовъ церкви—возникла въ видѣ компромисса между принципомъ авторитета и раціоналистическимъ теченіемъ XII вѣка. Компромиссъ этотъ являлся неизбѣжностью, ибо при новомъ состояніи человѣческаго сознанія уже самый принципъ церковнаго авторитета, передъ которымъ вѣрующій долженъ былъ склонять свой разумъ, приходилось защищать отъ того же разума. На аргументы въ пользу правъ разума приходилось отвѣчать аргументомъ же, что «самый смыслъ вѣры требуетъ подчиненія всякаго смысла вѣрѣ»: Ratio autem fidei est omnem rationem humanam fidei postponere. Въ подобныя пререканія церковь вступала, правда, неохотно, предпочитая въ борьбѣ съ послѣдовательными раціоналистами обращаться не столько къ аргументамъ, сколько къ такимъ могучимъ силамъ, какъ слѣпые консервативные инстинкты массъ или мистическое воспріятіе религіи болѣе тонкими натурами. Зато разумъ успѣшно проникалъ въ область религіи черезъ другія двери. Силою обстоятельствъ римская церковь скоро была вынуждена признать, что безъ его содѣйствія она сама не въ состояніи точно установить тотъ кругъ ученій, который долженъ покрываться эгидой ея священнаго авторитета. Дѣйствительно, въ XII столѣтіи было уже затруднительно съ прежнею строгостью охранять сентенціи отъ всякаго прикосновенія къ нимъ «діалектики». Еще въ эпоху Беренгара правовѣрные богословы оказывались способны въ защиту господствовавшаго взгляда на Пресуществленіе сразу ссылаться на авторитетъ Августина, Іеронима и Амвросія, не замѣчая, что эти три великіе учителя совсѣмъ поразному разсуждали въ данномъ вопросѣ. Но на той степени сознательности, съ какою изучалось богословіе въ эпоху Абеляра, подобныя «контроверсіи» между авторитетами у всѣхъ вставали передъ глазами. Абеляръ первый предъявилъ длинный ихъ перечень въ своемъ знаменитомъ Sic et Non; но Абеляръ сейчасъ же

указалъ и путь, которымъ можно было выйти изъ подобныхъ затрудненій съ наименьшимъ ущербомъ для принципа традиціонализма. Разрѣшеніе подобныхъ «контроверсій», писалъ онъ, найдется безъ труда, если за это дѣло возьмется логика, давая уразумѣть, что у разныхъ авторитетовъ одни и тѣ же слова имѣютъ разный смыслъ. Въ случаѣ же встрѣчи съ непримиримыми противорѣчіями остается дѣлать выборъ между авторитетами, опредѣляя сравнительный ихъ вѣсъ. И правовѣрные богословы съ радостью приняли этотъ методъ, предложенный—неизвѣстно съ какою искренностью—этимъ великимъ скептикомъ. Съ Петра Ломбардскаго, автора «Четырехъ книгъ сентенцій»—трудъ, комментированіемъ котораго университеты прилежно занимались до самаго конца среднихъ вѣковъ—логика получаетъ полныя права гражданства въ ортодоксальномъ преподаваніи богословія. Высшею своей гордостью школа теперь считаетъ неутомимый анализъ входящихъ въ сентенціи понятій и тонкость «дистинкцій», позволяющихъ уничтожать непримиримыя на видъ несогласія между авторитетами. Но, вынужденная ввѣрить охрану церковнаго преданія заботамъ университетскихъ «діалектиковъ», церковь не могла оставаться совсѣмъ глухой и къ той потребности, которая всего сильнѣе сказывалась именно у такихъ на логикѣ воспитанныхъ людей—къ потребности дать философское освѣщеніе самому содержанію сентенцій. Fides quaerit intellectum [1]), твердятъ школьные люди еще со времени Ансельма Кентерберійскаго, и церковь скрѣпя сердце соглашается снисходительно смотрѣть на подобные поиски. Такимъ образомъ на ряду съ доказательствами истинъ вѣры отъ Писанія и отъ авторитетовъ въ систему школьнаго богословія мало-по-малу вводятся и доказательства отъ разума, блестящіе примѣры которыхъ далъ въ свое время тотъ же Абеляръ. «Свѣтъ натуральнаго разума» заимствуется при этомъ изъ древней философіи, главнѣйшимъ образомъ изъ Аристотеля, который благодаря арабамъ къ XIII вѣку становится хорошо извѣстенъ Западной Европѣ и получаетъ отъ восхищенной школы титулъ Praecursor Christi in naturalibus [2]). Извѣстно опьяняющее дѣйствіе подобныхъ умозрѣній на только что проснувшуюся въ школѣ склонность размышлять. «Никакое разстояніе», — писалъ про Абеляра одинъ изъ современниковъ, — «никакая высота горъ, никакая глубина долинъ, никакія опасности на полныхъ разбойниками дорогахъ не могутъ удержать путниковъ, стекающихся къ нему со всѣхъ концовъ міра». Из-

[1]) Вѣра ищетъ разумѣнія.

[2]) Предтеча Христа въ области естественнаго.

вѣстно и то, какимъ полезнымъ союзникомъ для церкви оказался этотъ «натуральный разумъ», къ которому въ эпоху Абеляра правовѣріе относилось еще съ крайней подозрительностью. Съ гордостью церковь могла теперь говорить еретикамъ, что, возставая противъ ея ученій, они отказываются не только отъ званія христіанъ, какъ ослушники священнаго авторитета, но даже отъ званія разумныхъ существъ, ибо истинный разумъ самъ требуетъ того же, чему учатъ Откровеніе и авторитеты. Въ такихъ условіяхъ церковныя власти освобождаются, наконецъ, отъ стараго своего страха передъ духомъ раціонализма и сами благословляютъ состоявшійся на ихъ глазахъ союзъ между auctoritas и ratio. Пользуясь этой свободой и упиваясь со страстью новымъ еще наслажденіемъ мыслить, университетскіе богословы развиваютъ теперь кипучую умственную дѣятельность и за XIII столѣтіе превращаютъ «раціональную теологію» въ «царицу всѣхъ наукъ». Школа попрежнему остается вѣрна принципу, что fides praecedit rationi; но при Ѳомѣ Аквинскомъ и Дунсѣ Скоттѣ она уже не ограничивается съ философской стороны простымъ подыскиваніемъ разумныхъ доводовъ въ пользу незыблемо стоящихъ сентенцій. Взявъ эти раціоналистически интерпретированныя сентенціи за аксіомы, она смѣло дѣлаетъ изъ нихъ дальнѣйшіе логическіе выводы и, пополняя отъ «натуральнаго разума» неизбѣжные пробѣлы, она стремится такимъ путемъ создать вполнѣ законченную систему міросозерцанія. Въ рукахъ великихъ схоластиковъ раціональная теологія превращается въ свѣточъ, озаряющій всѣ области, въ которыхъ только можетъ идти работа человѣческаго ума. На судъ этой науки немедленно по достиженіи ею зрѣлости былъ призванъ и вопросъ о волшебствѣ со всѣми входящими сюда представленіями.

Вопросъ этотъ при выработкѣ цѣльной научной системы міросозерцанія необходимо подлежалъ коренному пересмотру, такъ какъ насчетъ него въ различныхъ кругахъ общества XII—XIII вѣковъ царило чрезвычайное разнорѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ, та рѣзкая перемѣна въ складѣ европейской жизни, о которой мы выше говорили, сказалась не только пробужденіемъ разсудочности: она съ неменьшей силой отозвалась и на работѣ народной фантазіи. Въ эпоху, когда Европой овладѣла такая охота странствовать,—когда дороги были полны и путешествующими рыцарями, и бродячими клириками, и переѣзжавшими изъ страны въ страну купцами, и переходившими изъ города въ городъ ремесленниками,—принялся странствовать и тотъ запасъ созданій народнаго творчества, который вѣками накоплялся по разнымъ уголкамъ крещенаго и некрещенаго міра. При этомъ встрѣчи были неизбѣжны, и такъ же неизбѣжно

было сліяніе мѣстныхъ повѣрій и легендъ въ картины невиданной прежде сложности и яркости. Особенно возбуждающимъ образомъ дѣйствовали здѣсь крестовые походы, открывшіе въ Европу доступъ произведеніямъ пылкой, цвѣтистой фантазіи Востока. Но свою лепту вносила тутъ и школа, которая съ небывалымъ усердіемъ читала теперь античную литературу и пускала въ общій оборотъ чудесные разсказы изъ греко-римской миѳологіи. Само собою разумѣется, что при той рѣзко демонической окраскѣ, которую носило еще въ эту пору и западное и восточное міросозерцаніе, крупная доля этой поэтической работы должна была достаться и на долю бѣсовъ. Особенно въ кругахъ, тянувшихъ къ монастырямъ, гдѣ живо было «древнее благочестіе», весь этотъ наивный лепетъ отовсюду собиравшихся народныхъ сказокъ осмысливался въ строго опредѣленномъ направленіи, и такимъ образомъ царство воздушныхъ обитателей вслѣдъ за землею заиграло теперь новой, разнообразной жизнью [1]).

Лучшимъ путеводителемъ по этому царству служитъ, безспорно, Dialogus Miraculorum Цезарія Гейстербахскаго — трудъ, выросшій изъ уроковъ Закона Божія, которые авторъ ея, извѣстный своими дарованіями и высокой нравственностью монахъ, по порученію духовнаго начальства давалъ монастырскимъ послушникамъ. Исторія литературы давно уже разложила Цезаріевы разсказы на составные элементы; Гриммъ и его ученики давно уже опредѣлили, какія западныя и восточныя преданія, повѣрья и легенды скрытно вдохновляли Цезарія, когда онъ, бесѣдуя съ боголюбивыми юношами о христіанскихъ добродѣтеляхъ и таинствахъ, сотнями рисовалъ на фонѣ католической догматики и этики поэтическія волшебныя картины. Мы тутъ находимъ и память о чудодѣйственной мантіи Вотана — этомъ германскомъ коврѣ-самолетѣ — и отзвуки гомеровской Одиссеи; передъ нами оживаютъ фигуры свѣтлыхъ эльфовъ и темной свиты карлика Альбериха; сказанія о Дикомъ Охотникѣ идутъ здѣсь на ряду съ мало-азіатской легендой о Теофилѣ и т. д. Но

---

[1]) Для роли школы характеренъ слѣдующій разсказъ извѣстнаго писателя XII вѣка Вальтера Мапа въ его сборникѣ De nugis curialium. Мапъ въ юности былъ студентомъ Парижскаго университета и говоритъ, что вопросъ о греко-римскихъ божествахъ служилъ предметомъ жестокихъ споровъ между школьниками, пока онъ не былъ рѣшенъ безповоротно не кѣмъ другимъ, какъ самимъ сатаной. Явившись на студенческій диспутъ, сатана заявилъ, что надо вѣрить Августину и прочимъ отцамъ древней церкви, ибо Церера, Вакхъ, Панъ, Пріапъ, фавны, сатиры, сильваны, дріады, наяды и ореады всѣ суть дѣйствительные бѣсы. И эта лекція сатаны въ Парижскомъ университетѣ не пропала даромъ. Довольно приглядѣться къ собственнымъ его портретамъ въ готическихъ соборахъ, чтобы безъ труда установить сходство съ античною фигурой фавна.

все это скомпоновано у Цезарія съ большою стройностью и выдержано въ христіанскомъ тонѣ. Насмѣшливые маленькіе кобольды — старинное порожденіе германской фантазіи — помогаютъ Цезарію обличить грѣхъ тщеславія. Ихъ трудно, конечно, не узнать въ разсказѣ о событіи въ одной изъ майнцскихъ церквей, гдѣ по молитвѣ нѣкоего святого мужа всѣ богомольцы увидѣли, какъ на пышномъ шлейфѣ надменной щеголихи «сидѣли бѣсы, ростомъ не больше крысы, черные, какъ арапчата, хихикая, хлопая въ ладоши и кувыркаясь, словно рыбки въ неводѣ». Но нельзя не отдать справедливости и мастерству, съ какимъ Цезарій воспользовался ими въ своихъ духовно-назидательныхъ цѣляхъ. Германской миѳологіи извѣстны были темные исполины, противники свѣтлыхъ Азовъ, загнанные своими побѣдоносными соперниками въ подземное царство. Образъ такого исполина дьяволъ принимаетъ у Цезарія, когда рѣчь заходитъ о людяхъ, осмѣливающихся сомнѣваться въ существованіи нечистой силы. Такъ онъ явился по вызову чернокнижца дерзкому скептику, рыцарю Фалькенштейну — и рыцарь послѣ этого остался навсегда безъ кровинки въ лицѣ. Повѣрье о Дикомъ Охотникѣ связывается у Цезарія съ разсужденіемъ о целибатѣ клириковъ и облекается въ слѣдующій видъ.

„Сожительница одного священника на смертномъ одрѣ своемъ убѣдительно просила, чтобы ей сшили новые крѣпкіе башмаки, говоря: „Въ нихъ меня пусть и похоронятъ, они мнѣ будутъ очень нужны". Воля ея была исполнена. На слѣдующую ночь послѣ ея похоронъ одинъ рыцарь, ѣхавшій съ своимъ оруженосцемъ, задолго до разсвѣта при яркомъ лунномъ блескѣ вдругъ услыхалъ раздирательный женскій вопль. Пока путники дивились, что бы такое это было, вдругъ къ нимъ стремглавъ бѣжитъ какая-то женщина съ крикомъ: „Помогите, помогите!" Рыцарь сейчасъ же соскочилъ съ коня и, очертивъ кругъ мечомъ, сталъ въ немъ и туда же ввелъ женщину, которую онъ тутъ успѣлъ признать. Одѣта была она въ одну рубашку да въ башмаки, о которыхъ мы поминали. И вотъ издалека, наводя трепетъ, доносятся какъ будто звукъ охотничьяго рога и голоса несущейся впереди гончей стаи. Когда при этихъ звукахъ женщина затрепетала, то рыцарь, узнавъ отъ нея, въ чемъ дѣло, отдалъ коня оруженосцу, а самъ на лѣвую руку намоталъ ея косу, а въ правую взялъ обнаженный мечъ. При приближеніи адскаго охотника женщина завопила рыцарю: „Пусти, я побѣгу, пусти, я побѣгу, вотъ онъ, вотъ онъ!" И такъ какъ рыцарь ея не выпускалъ, то несчастное созданіе начало неистово биться, пока не вырвалось, оставивъ на рукѣ рыцаря волосы. Дьяволъ, догнавъ ее, схватилъ и перебросилъ на своего коня поперекъ: руки и голова висѣли на одну сторону, а ноги на другую. Такъ онъ немного спустя попался на дорогѣ рыцарю, увозя свою добычу. Вернувшись утромъ къ себѣ домой, рыцарь разсказалъ, что съ нимъ было, и показалъ волосы. Но такъ какъ этому не соглашались вѣрить, то вскрыта была могила женщины, и на трупѣ ея дѣйствительно не оказалось волосъ. Случилось это въ архіепископствѣ Майнцскомъ".

Сказки про оборотней тоже нашли себѣ мѣсто въ душеспасительныхъ повѣствованіяхъ Цезарія. Дьяволъ у него скидывается и лошадью, и быкомъ, и кошкой, и собакой, и медвѣдемъ, и обезьяной, и ворономъ, и ястребомъ, и жабой. Но главные свои подвиги онъ все же производитъ подъ личиной человѣка. Смотря по своей

цѣли онъ принимаетъ въ Цезаріевыхъ разсказахъ самый различный образъ: то онъ является неуклюжимъ мужикомъ, то франтомъ солдатомъ, то арапомъ, то священникомъ, то легкаго поведенія дѣвицей и т. д. Впрочемъ, замѣчаетъ по этому поводу Цезарій, чѣмъ бы онъ ни являлся, спины у него обыкновенно не бываетъ. Это извѣстно твердо. Такъ говорила между прочимъ одна дѣвушка, къ которой повадился навѣдываться дьяволъ. Ей показалось странно, что онъ отъ нея всегда уходитъ, пятясь задомъ, и она его спросила, какъ это надо понимать. Licet corpora humana nobis assumamus, dorsa tamen non habemus [1])—такъ объяснилъ свое поведеніе вѣжливый гость. Пояснимъ съ своей стороны и мы, что эту особенность строенія Цезаріевъ бѣсъ дѣлитъ съ германскими лѣшими, которые тоже внутри оказывались пусты, «какъ дерево съ дупломъ или какъ квашня».

Съ небожителями античной и германской миѳологіи Цезаріевыхъ бѣсовъ сближаетъ ихъ способность нисколько не стѣсняться «тяжелою природой человѣческаго тѣла». Какъ Вотановы служительницы, валькиріи, переносили тѣла павшихъ героевъ въ свѣтлую обитель Валгаллы, такъ бѣсы у Цезарія постоянно подхватываютъ живыхъ и мертвыхъ грѣшниковъ и увлекаютъ въ мрачную область ада. Мы выше уже встрѣтились съ разсказомъ о похищеніи дьяволомъ тѣла священнической любовницы. Точно такъ же дьяволъ на ворономъ конѣ возилъ живого ростовщика Готшалька въ преисподнюю, чтобы показать заранѣе, гдѣ ему уготовано мѣсто. А вотъ разсказъ, который для насъ особенно интересенъ въ связи съ позднѣйшими воздушными путешествіями вѣдьмъ.

О женщинѣ-колдуньѣ, которую носили демоны.

Въ Газельтѣ, городѣ утрехтской епархіи, нѣкая презрѣнная женщина однажды, ставъ на бочку и прыгнувъ съ нея задомъ, такъ сказала: Я прыгаю теперь изъ-подъ власти Божіей подъ власть сатаны. Дьяволъ ее сейчасъ же подхватилъ, поднялъ на воздухъ и на глазахъ у многихъ какъ въ городѣ, такъ и за городомъ понесъ выше лѣсовъ туда, откуда она и до сего дня не вернулась.

Но бѣсъ подхватываетъ людей на воздухъ не только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ является орудіемъ небеснаго правосудія. Тотъ дьяволъ, который въ видѣ быка напалъ на звонаря изъ города Амеля, языкомъ взбросилъ его себѣ на спину и уволокъ на зубцы башни въ Изенбургѣ, сдѣлалъ все это, чтобы страхомъ принудить этого благочестиваго человѣка поклониться себѣ, какъ Богу. И дьяволъ въ образѣ женщины, который обнялъ сёстскаго кабатчика Генриха Гемму, взвился съ нимъ на воздухъ и такъ его тамъ стиснулъ, что тотъ сталъ чахнуть и черезъ годъ скончался, от-

[1]) Хоть мы и принимаемъ человѣческій видъ, но спины у насъ нѣтъ.

нюдь не каралъ Генриха за грѣхи: напротивъ, онъ дѣйствовалъ изъ мести за то, что Генрихъ не поддался его соблазнамъ и не хотѣлъ отвѣчать на его любовь.

И здѣсь опять Цезаріевы бѣсы выдаютъ свое происхожденіе. Подобно языческимъ богамъ и полубожественнымъ существамъ, они свободно вступаютъ въ любовныя сношенія съ земными обитателями и даже производятъ отъ нихъ потомство. Ut quid ergo exigis carnale coniugium, quod naturae tuae dignoscitur esse contrarium? спрашиваетъ въ одномъ изъ Цезаріевыхъ разсказовъ дѣвушка своего жениха, услышавъ отъ него признаніе, что онъ не кто иной, какъ дьяволъ. Tu tantum mihi consenti, отвѣчаетъ тотъ, nihil aliud a te nisi copulae consensum requiro. И цѣлымъ рядомъ разсказовъ Цезарій подтверждаетъ, что бѣсъ былъ правъ, что онъ можетъ быть женщинѣ настоящимъ мужемъ и что мужчинѣ онъ можетъ быть настоящею женою. Само собой разумѣется однако, что тутъ не остается и слѣда отъ свѣтлаго тона, въ которомъ миѳологія повѣствовала про земныя привязанности боговъ и полубоговъ. Если кого Цезаріевъ бѣсъ тутъ напоминаетъ, то лишь того же безобразнаго и навязчиваго фавна, съ которымъ, какъ мы замѣтили, онъ схожъ и по портретамъ. Бѣсъ безконечно похотливъ и, овладѣвъ разъ женщиной, онъ не даетъ ужъ ей покоя. Всѣ связи съ нимъ кончаются для людей пагубно, если несчастная жертва бѣса вовремя не припадаетъ къ стопамъ церкви. Опасность грозитъ при этомъ и окружающимъ. У боннскаго священника Арнольда изъ прихода св. Ремигія, разсказываетъ Цезарій, была красавица дочка, которую онъ берегъ какъ зѣницу ока и, уходя, всегда накрѣпко запиралъ въ свѣтелкѣ «изъ-за молодыхъ людей, особенно изъ-за боннскихъ канониковъ». Къ скучавшей дѣвушкѣ пробрался бѣсъ въ видѣ любезнаго кавалера и склонилъ ее на грѣхъ. Связь эта быстро извела несчастную: она стала сохнуть, разстраиваться умомъ и наконецъ во всемъ отцу призналась. Отецъ немедленно отправилъ ее подальше отъ дому, на другой берегъ Рейна. Бѣсъ, явившись и не найдя своей возлюбленной, набросился на самого священника: «Дрянной попишко, зачѣмъ ты увезъ у меня жену? Себѣ на горе ты это сдѣлалъ!» При этомъ онъ такъ ударилъ бѣднаго священника въ грудь, что у того кровь хлынула горломъ и онъ на третій день отдалъ Богу душу. Такъ переносилъ Цезарій на церковный фонъ старую миѳологію съ прибавкой кое-чего изъ той области нервной патологіи, изслѣдованіе которой доставило позднѣе такую славу Шарко и его школѣ.

Но, говоря про то искусство, съ которымъ Цезарій комбинируетъ въ своихъ разсказахъ самые разнородные элементы, мы от-

даемъ лишь должную дань его художественному вкусу и вовсе не хотимъ сказать, чтобы Цезарій сознательно перерабатывалъ народныя повѣрья въ нужныя для него формы. Напротивъ, главный интересъ Dialogus Miraculorum въ томъ и состоитъ, что для самого автора разсказы его являлись уже дѣйствительными событіями и притомъ не отдаленнаго, а недавняго прошлаго. Рыцарь Гергардъ послѣ многолѣтней безвѣстной отлучки вдругъ возвращается на спинѣ бѣса изъ дальней Индіи домой въ ту самую минуту, какъ вѣрная его супруга принимаетъ у себя новаго жениха, которому она не можетъ дольше отказывать въ согласіи на бракъ. Исторія литературы, конечно, въ правѣ видѣть здѣсь лишь средневѣковый варіантъ гомеровскаго разсказа о Пенелопѣ. Но для Цезарія все это произошло вовсе не такъ давно и совсѣмъ недалеко отъ Гейстербаха. «Внуки этого рыцаря до сихъ поръ обитаютъ въ родномъ ихъ городѣ Голенбахѣ, и въ городѣ рѣдкій человѣкъ не знаетъ этого происшествія». Такъ засвидѣтельствованы у Цезарія и другіе его разсказы. Про рыцаря Фалькенштейна Цезарій слышалъ отъ другого Цезарія, прюмскаго аббата, у котораго Фалькенштейнъ состоялъ въ свое время на службѣ. Цезарій называетъ по имени и чернокнижца, вызвавшаго къ Фалькенштейну дьявола: то былъ магъ Филиппъ, слава котораго гремѣла тогда по всему Рейну. Про бѣсовъ на шлейфѣ майнцской щеголихи Цезарію разсказывалъ одинъ почтенный майнцскій обыватель. Иное же записано Цезаріемъ и прямо со словъ людей, которымъ самимъ пришлось побывать у чорта въ лапахъ. «Богъ мнѣ свидѣтель,—пишетъ Цезарій въ предисловіи,—въ книгѣ моей нѣтъ ни одного измышленнаго происшествія. Если же что на дѣлѣ произошло не такъ, какъ у меня написано, то пусть за это отвѣчаютъ тѣ, кто мнѣ это передавалъ». И все, что мы знаемъ о характерѣ Цезарія, заставляетъ насъ вѣрить искренности такого заявленія. Кое-что, конечно, въ Цезаріевой книгѣ все-таки надо относить на долю «благочестиваго вымысла», который вовсе не считался предосудительною вещью среди монаховъ, дѣлившихся съ Цезаріемъ извѣстными имъ чудесами. Но роль вымысла при этомъ никакъ не слѣдуетъ преувеличивать. Дѣти деревни, въ которой не изсякъ еще тогда родникъ первобытнаго поэтическаго творчества, и въ то же время прилежные чтецы бревіарія, исполненнаго чудесными разсказами о пустынножителяхъ Востока, Цезарій и его собраты сами для себя проводили границу истины и сказки, возможнаго и невозможнаго совсѣмъ не тамъ, гдѣ мы ее сейчасъ проводимъ. Книга Цезарія—отзвукъ стоустой монастырской молвы. А всякому извѣстно, съ какою быстротою въ легковѣрной средѣ молвой создаются самые невѣро-

ятные разсказы, при чемъ сознательнаго обманщика напрасно было бы искать.

Среди легендъ, которыя путемъ такого коллективнаго творчества перерабатывались для современниковъ Цезарія въ aliqua ex his, quae nostris temporibus miraculose gesta sunt et quotidie fiunt [1]), особаго нашего вниманія заслуживаютъ еще разсказы о договорахъ съ сатаной. Литературная исторія этой темы хорошо изучена. Въ конкретный образъ подобный договоръ былъ облеченъ впервые восточною фантазіей еще въ V столѣтіи по Р. X. Современное бл. Августину малоазіатское сказаніе о чудесахъ Василія Великаго передаетъ намъ слѣдующую легенду. Одинъ рабъ влюбился въ сенаторскую дочь. Чтобы достичь цѣли своихъ желаній, онъ обратился къ заклинателю. Тотъ ночью привелъ его къ заброшенной языческой могилѣ, куда былъ вызванъ и дьяволъ. Дьяволъ обѣщалъ рабу свое содѣйствіе подъ условіемъ, что онъ письменно отречется отъ Христа и св. крещенія и признаетъ его, дьявола, своимъ истиннымъ владыкою. Съ помощью нечистой силы рабъ послѣ этого получилъ все, чего хотѣлъ. Но муки совѣсти заставили его покаяться въ своемъ грѣхѣ Василію Великому. Разсказъ кончается сценой, какъ по горячей молитвѣ святого грѣшникъ былъ прощенъ: грамота, содержавшая преступное отреченіе отъ Бога, упала съ неба къ ногамъ епископа, который тутъ же ее и уничтожилъ. На Западѣ особымъ успѣхомъ пользовалась другая, тоже греческая, версія этой легенды, гдѣ дѣйствіе переносится во времена императора Юстиніана и гдѣ героемъ является несправедливо оклеветанный епископскій экономъ Теофилъ. Грѣшникъ спасается здѣсь прямымъ заступничествомъ Пресвятой Дѣвы. Въ западной литературѣ сказаніе о Теофилѣ мы находимъ впервые у Павла діакона (VIII вѣкъ). Затѣмъ оно было переложено въ стихи монахиней Росвитой и стало излюбленнымъ сюжетомъ позднѣйшихъ театральныхъ представленій. При крупной своей начитанности Цезарій долженъ былъ, конечно, знать эту типичную легенду. Это однако нисколько не мѣшаетъ ему съ глубокимъ чувствомъ передавать необычайно схожее происшествіе, случившееся съ однимъ человѣкомъ изъ окрестностей Флореффіи въ Люттихской епархіи, «который долженъ еще и нынѣ здравствовать». Что же касается договоровъ съ сатаной, кончающихся не такъ благополучно, то въ Цезаріевомъ кругу они считались самой обыкновенной вещью. Въ XIII столѣтіи сатана самъ уже навязывается людямъ съ своими

[1]) кое-что изъ того, что произошло чудеснымъ образомъ въ наши дни и ежедневно происходитъ.

предложеніями, и современникамъ Цезарія вполнѣ обстоятельно было извѣстно, какія отношенія между сторонами создаются подобнымъ договоромъ: это точнѣйшій сколокъ съ феодальной связи между сеньеромъ и его вассаломъ, при которой вассалъ обязывался преданностью сеньеру, а сеньеръ бралъ его подъ свою высокую защиту. Одинъ аббатъ изъ Моримунды, разсказываетъ Цезарій, во дни своей юности былъ студентомъ въ Парижѣ. «Будучи тупъ умомъ и слабъ памятью, такъ что ему донельзя трудно было что-нибудь понять или запомнить, онъ былъ для всѣхъ посмѣшищемъ и всѣми почитался за идіота. Отъ этого онъ началъ приходить въ смущеніе, и сердце его терзалось жестокою печалью. Однажды ему случилось прихворнуть, и вотъ къ нему является сатана и говоритъ: Vis mihi facere hominium, et ego tibi dabo scientiam omnium litterarum [1]). Услышавъ это, юноша затрепеталъ и на соблазны дьявола отвѣтилъ: Redi post me, satanas, quia nunquam eris dominus meus, neque ego homo tuus» [2]). Какъ видимъ, обѣ стороны выражались совершенно опредѣленными терминами феодальнаго права. Цезаріевымъ современникамъ случалось видывать и подлинныя грамоты, гдѣ было писано подобное homagium. Въ городѣ Безансонѣ, какъ разсказывалъ Цезарію одинъ монахъ очевидецъ,—появилось разъ двое еретиковъ, которые совсѣмъ было склонили народъ отпасть отъ церкви своими удивительными знаменіями: они ходили по полу, усыпанному мукой, не оставляя никакого слѣда, они путешествовали по водѣ, какъ по сушѣ, и выходили невредимыми изъ пламени. Народъ стоялъ за нихъ горой, и епископъ безансонскій, «мужъ добрый и ученый», совсѣмъ не зналъ, какъ ему съ этими злодѣями бороться. Тогда онъ призвалъ къ себѣ одного изъ клириковъ, «великаго искусника въ чернокнижіи», и приказалъ ему узнать у дьявола, что это за люди, откуда они явились и какой силой творятъ свои чудеса.

Клирикъ сказалъ: „Владыко, я давно отрекся отъ такого искусства". Епископъ отвѣчалъ: „Ты видишь, въ какомъ я положеніи. Мнѣ придется или согласиться съ ихъ ученіемъ или быть побиту камнями. Итакъ, я приказываю тебѣ съ отпущеніемъ грѣховъ, чтобы ты мнѣ въ этомъ повиновался". Повинуясь епископу, клирикъ вызвалъ дьявола и на вопросъ того, зачѣмъ онъ призванъ, отвѣчалъ: „Я каюсь, что отступился отъ тебя. И такъ какъ впредь я обѣщаю тебѣ быть послушнѣе прежняго, то прошу тебя, скажи мнѣ, что это за люди, что за ученіе ихъ и какой силой они творятъ такія чудеса". Дьяволъ сказалъ: „Они мои, мною они посланы и проповѣдуютъ то, что я имъ вложилъ въ уста". Клирикъ спросилъ: „Почему же ничто не можетъ имъ причинить вреда, почему они въ водѣ не тонутъ и въ огнѣ не горятъ?" На это демонъ отвѣтствовалъ: „Грамотки мои,

---

[1]) Хочешь принести мнѣ вѣрноподданническую присягу, и я дамъ тебѣ знаніе всѣхъ наукъ.

[2]) Отыди отъ меня, сатана: никогда не будешь ты мнѣ властителемъ и не стану я твоимъ человѣкомъ.

на которыхъ написана ихъ вѣрноподданническая клятва, зашиты у нихъ подъ мышкой, между тѣломъ и кожей. Ихъ силою они творятъ чудеса; отъ этого ничто имъ и повредить не можетъ". Клирикъ освѣдомился: „А если ихъ оттуда удалить?" Дьяволъ отвѣтилъ: „Тогда все будетъ, какъ у другихъ людей". Выслушавъ это, клирикъ поблагодарилъ демона и сказалъ: „Теперь поди, я тебя послѣ снова позову".

Узнавъ отъ клирика такую тайну, епископъ сталъ дѣйствовать слѣдующимъ образомъ. Онъ предложилъ народу, чтобы еретики при немъ показали свои знаменія, обѣщаясь увѣровать, если увидитъ ихъ чудеса воочію. На площади зажженъ былъ костеръ. Но, прежде чѣмъ пустить на него еретиковъ, епископъ пригласилъ ихъ къ себѣ, чтобы освидѣтельствовать, нѣтъ ли на нихъ какого талисмана. Еретики охотно согласились подвергнуться такому освидѣтельствованію. Но предупрежденные епископомъ «ликторы» немедленно заглянули имъ подъ мышки, нащупали рубцы, взрѣзали ихъ ножами и извлекли зашитыя тамъ грамоты. Тогда епископъ вышелъ съ еретиками къ народу и предложилъ имъ становиться на костеръ. Тѣ стали теперь отказываться; епископъ же объяснилъ народу, въ чемъ заключалась ихъ хитрость, и предъявилъ снятыя съ нихъ грамоты. Охваченный яростью народъ тогда самъ бросилъ въ приготовленный огонь этихъ служителей дьявола.

Искусство «чернокнижія», о которомъ тутъ, какъ и во множествѣ другихъ разсказовъ, съ полною вѣрою поминаетъ Цезарій, тоже представляетъ собой характерное явленіе разбираемой нами эпохи. Какъ на ряду съ традиціоннымъ «положительнымъ» богословіемъ она увидѣла новое «раціональное» богословіе, такъ на ряду съ традиціоннымъ волшебствомъ теперь родилась или, вѣрнѣе, возродилась «раціональная», ученая, систематическая магія. На быстрое ея развитіе особенное вліяніе оказали опять-таки живыя сношенія западныхъ странъ съ арабами и евреями въ Испаніи, на югѣ Италіи и въ Палестинѣ. Отъ евреевъ Европа заимствовалась Каббалой—этимъ ученіемъ, выросшимъ изъ сліянія Библіи съ античнымъ неоплатонизмомъ и допускавшимъ возможность для человѣка являться повелителемъ міра стихійныхъ духовъ. Арабы, съ своей стороны, которые при фаталистической окраскѣ ислама, не видѣли ничего преступнаго въ гаданьи, усиленно занимались въ ту пору такими науками, какъ астрологія, некромантія, геомантія и т. п. Римская церковь равно проклинала и «оперативную» и «дивинаторную» магію. Но притягательная сила этихъ запретныхъ дисциплинъ была настолько велика, что цѣлыя вереницы клириковъ даже изъ отдаленныхъ мѣстностей непрерывно тянулись въ XIII столѣтіи за Пиринеи въ арабскія и еврейскія академіи—особенно въ пресловутый Толедскій университетъ. Оттуда кое-кто изъ нихъ при-

носилъ съ собой и теоретическіе трактаты касательно истиннаго устройства мірозданія, которые еще въ XVI столѣтіи оказывались способны кружить наклонныя къ мистицизму головы. Но большинство довольствовалось усвоеніемъ прикладной части еврейской Каббалы и арабской мантики и, сливая ее затѣмъ съ традиціонными пріемами западно-европейскаго волшебства, оно дарило соотечественниковъ многочисленными Libri praestigiorum, imaginum et ligaturarum — «черными книгами», этими энциклопедіями мірового суевѣрія. Здѣсь содержалось подробное описаніе міра духовъ съ точными указаніями, «чего какой демонъ желаетъ, чего страшится, какимъ именемъ призывается, какимъ принуждается» — вопросы, которыми ученая магія стала заниматься еще во времена бл. Августина. Здѣсь объяснялся смыслъ «большого и малаго круга», здѣсь содержалась далѣе и техника гаданья при помощи зеркалъ—видъ волшебства, въ основѣ котораго лежало, повидимому, знакомство съ особенностями гипнотическаго состоянія—при помощи мечей, иголокъ и шариковъ изъ слоновой кости, при помощи воды, огня и свинца, при помощи мертвыхъ головъ и т. п. Здѣсь были и снотолкованіе, и рецепты для приготовленія любовныхъ напитковъ, формулы наговоровъ и средства для открытія кладовъ и т. д., и т. д. Все это списывалось и изучалось въ тѣхъ же монастыряхъ и духовныхъ школахъ, которые одни служили тогда разсадниками книжной премудрости, и все это съ бродячими клириками, странствующими проповѣдниками-монахами и разсылавшимися по глухимъ приходамъ на пастырскую должность школьными недоучками мало-по-малу разбредалось по лицу Западной Европы, проникая въ самые глубокіе общественные слои. Очень характерно то указаніе, которое содержатъ по этому поводу позднѣйшія исповѣдальныя книги. При грѣхѣ суевѣрія, говорятъ онѣ, не должно считаться оправданіемъ то, что такъ часто приходится слышать отъ простыхъ людей: «меня де выучилъ этому одинъ монахъ».

Die Zauberei ist Gott unwert.
Sie sagen wohl: Mich hat's gelehrt
Ein Mönch, wie möcht's da böse sein?
Da sag'ich auf die Treue mein,
Dass man solchen Mönch oder Pfaffen
Also sollt strafen,
Dass sich Zehne stiessen daran,
Denn sie sind allesamt im Bann [1]).

[1]) Колдовство противно Господу. Знаю, что люди говорятъ: меня выучилъ этому одинъ монахъ, такъ что жъ здѣсь можетъ быть дурного? Но честь мнѣ въ томъ порука—такихъ монаховъ и поповъ надо бы было такъ карать, чтобы со страха у людей зубы стучали: ибо они подлежатъ анаѳемѣ.

Такъ съ своей стороны возмущался на это одинъ изъ свѣтскихъ поэтовъ XIV вѣка.

Какъ рисовались воображенію добрыхъ католиковъ дѣянія совершеннаго въ своемъ искусствѣ чернокнижца, покажетъ намъ отрывокъ изъ одной хроники XIII вѣка. Въ городъ Мастрихтъ, повѣствуетъ лѣтописецъ Альберихъ, пріѣхалъ однажды изъ Толедо нѣкій тамошній магистръ, чернокнижецъ, совершенно преданный дьяволу, и, сидя съ клириками за столомъ, сталъ показывать имъ свою силу: при немъ могли ѣсть лишь тѣ, кому онъ позволялъ, а другихъ онъ тутъ же за столомъ погрузилъ въ сонъ.

„Тогда къ нему пристало восемь легкомысленныхъ клириковъ, прося, чтобы онъ имъ помогъ въ достиженіи ихъ желаній. Онъ имъ отвѣтилъ, что этого не сдѣлаешь безъ круга, и начертилъ огромный кругъ съ таинственными знаками, куда и помѣстилъ всѣхъ восьмерыхъ. Внутри того же круга съ одной стороны онъ поставилъ три кресла и сказалъ клирикамъ, что тамъ возсядутъ три евангельскіе волхва. Внѣ круга же онъ устроилъ высокое сѣдалище и пышно убралъ его цвѣтами. Когда наступила полночь, онъ началъ свои дѣйствія. Онъ ободралъ одного кота и пополамъ разрубилъ двухъ голубокъ. Потомъ онъ вызвалъ тѣхъ трехъ демоновъ, которыхъ онъ выдавалъ за волхвовъ, а слѣдомъ за ними и могучаго ихъ князя, котораго онъ именовалъ Эпаномонъ. Онъ сказалъ демонамъ, что пригласилъ ихъ на малое угощеніе, чтобы они помогли присутствующимъ клирикамъ достичь своихъ желаній. Кота онъ далъ тремъ демонамъ въ кругу, и тѣ его въ одно мгновеніе проглотили, голубокъ же онъ преподнесъ великому демону, который тоже ихъ немедленно пожралъ. У него съ собой былъ хрустальный пузырекъ и онъ заклятіями принудилъ великаго демона стать крошечнымъ и войти въ пузырекъ, послѣ чего воскомъ запечаталъ пузырекъ, написавъ на печати альфу и омегу. Затѣмъ клирикамъ было предложено выразить свои желанія. Одинъ пожелалъ любви какой-то знатной женщины, и ему это было обѣщано. Другой сказалъ, что хочетъ быть въ милости у герцога Брабантскаго, и получилъ на это обѣщаніе и т. д... Послѣ того въ присутствіи клириковъ магистръ сталъ толковать съ своими демонами о Христѣ и о всѣхъ христіанахъ, говоря самыя непозволительныя вещи, чѣмъ были развращены и клирики. Изъ круга же онъ ихъ не выпускалъ до солнечнаго восхода. Да и тогда, переступая кругъ, каждый долженъ былъ говорить: „Deus homo factus est, in hoc honore vivo“; иначе демоны его бы утащили. И выходило, что тотъ, кто побуждалъ клириковъ отрицать таинство воплощенія, не могъ ихъ вывести въ цѣлости изъ круга безъ исповѣданія этого таинства. Тотъ, кто мнѣ это передавалъ, говорилъ, что слышалъ все это отъ двоихъ или троихъ изъ этихъ самыхъ клириковъ“.

Но то же самое движеніе, которое такъ возбудило и обогатило народную фантазію въ области сверхъестественнаго, имѣло и другія, ранѣе уже нами отмѣченныя послѣдствія. Европейское общество времени крестовыхъ походовъ не представляло изъ себя въ умственномъ отношеніи чего-нибудь однороднаго, и чѣмъ выше поднималась въ однихъ его слояхъ вѣра въ чудесное, тѣмъ рѣзче проявлялъ себя въ другихъ духъ критики и трезвой разсудочности. Эпоха Цезарія изъ Гейстербаха была съ тѣмъ вмѣстѣ эпохой Фридриха II Гогенштауфена, при дворѣ котораго цѣнились только тѣ, кто умѣлъ смотрѣть на міръ Божій собственными глазами, не довѣряясь чужимъ о немъ разсказамъ. Такимъ образомъ если въ рукахъ однихъ древніе авторы являлись только прибавочнымъ источ-

никомъ по демонологіи, то у другихъ занятія ими развивали чувство жизненной дѣйствительности и изощряли критическій смыслъ; если одни возвращались изъ Святой Земли съ запасомъ чудесныхъ разсказовъ и новыхъ реликвій, то у другихъ тѣ же путешествія убивали вѣру въ какія бы то ни было чудеса и реликвіи; если одни брали изъ арабско-еврейскихъ высшихъ школъ «практическую Каббалу» и мантику, то другіе оттуда же привозили любовь къ точнымъ наукамъ и такую философію, какъ философія Аверроеса— этого отъявленнаго вольнодумца, которому кисть благочестивыхъ средневѣковыхъ художниковъ отводила въ аду мѣсто рядомъ съ Магометомъ и Антихристомъ; и если одна часть общества въ началѣ XIII столѣтія зачитывалась и заслушивалась книгами въ родѣ Dialogus Miraculorum, то другая рѣшительно относила все это душеполезное чтеніе въ область сказокъ, съ полною ясностью заявляя, что она выросла изъ анимистическаго міросозерцанія. То, что мы наблюдали въ развитіи древней Греціи и Рима, то повторяется теперь и въ средніе вѣка. При самомъ скудномъ еще знаніи дѣйствительно управляющихъ природою законовъ, при дѣтски произвольныхъ о нихъ догадкахъ умъ человѣческій все же оказывается способенъ мыслить природу, какъ царство строгой закономѣрности, гдѣ нѣтъ мѣста сверхъестественному произволу. Демоны въ томъ видѣ, какъ ихъ описывалъ Цезарій—пугало, созданное собственнымъ людскимъ воображеніемъ; ночныя посѣщенія женщинъ бѣсомъ— кошмаръ, зависящій отъ неправильнаго пищеваренія; магія—отчасти пользованіе неизслѣдованными, загадочными еще для насъ естественными свойствами предметовъ, отчасти игра на силу внушенія, въ большей же своей части — самое безсовѣстное шарлатанство— подобныя идеи въ XIII вѣкѣ вовсе ужъ не были особенною рѣдкостью. «Хотя для всякаго, кто созерцаетъ истинную природу вещей, не можетъ не казаться недопустимымъ или — чтобы назвать это своимъ именемъ—не можетъ не казаться сказкой утвержденіе, будто бы яства или напитки способны пробуждать въ душѣ любовь или ненависть, поскольку тутъ не вліяетъ собственная глупость тѣхъ, кому они даются, но въ виду преступности намѣренія тѣхъ, кто занимается такими наговорами, въ виду того, что они все же желаютъ повредить, хотя и не могутъ, мы не находимъ возможнымъ оставлять ихъ безнаказанными», такъ объясняетъ смыслъ своихъ репрессивныхъ мѣръ противъ колдовства Фридрихъ II, свидѣтельствуя, что «просвѣщеніе» зародилось въ Европѣ раньше, чѣмъ это часто принимаютъ.

При такой смутѣ умовъ новая университетская наука, къ приговорамъ которой охотно стала теперь прилагать свою печать

римская церковь, необходимо должна была привлечь этотъ предметъ къ себѣ на судъ, и она отдала ему, дѣйствительно, должное вниманіе. Начиная съ Ѳомы Аквинскаго вопросъ о демонахъ и колдовствѣ занялъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ кругѣ проблемъ, надъ разрѣшеніемъ которыхъ трудилась по схоластическому методу европейская теоретическая мысль.

Съ принципіальной стороны, правда, вопросъ этотъ для университетской схоластики былъ простъ. Она сразу приняла въ немъ вполнѣ опредѣленное положеніе, грудью ставъ противъ современнаго ей натурализма съ его отрицаніемъ вмѣшательства волшебниковъ и демоновъ въ жизнь человѣка и природы. «Нѣкоторые утверждаютъ,—такъ высказался по этому поводу Ѳома Аквинскій, рѣшеніе котораго остается для римской церкви въ полной силѣ и по сіе время,—будто бы никакого волшебства въ мірѣ не существуетъ, кромѣ какъ въ представленіяхъ людей, относящихъ на его счетъ естественныя явленія, причины коихъ не понятны. Это однако противорѣчитъ авторитету святыхъ мужей, которые говорятъ, что демоны съ Божьяго попущенія имѣютъ власть и надъ тѣломъ и надъ воображеніемъ людей, почему съ ихъ помощью волшебники и могутъ производить нѣкоторыя знаменія. Возникаетъ же подобное мнѣніе изъ корня невѣрія, ибо они не вѣрятъ, чтобы демоны существовали гдѣ-нибудь, кромѣ народнаго воображенія. Они толкуютъ, будто человѣкъ относитъ насчетъ демоновъ страхи, порождаемые собственной его головой, и такъ какъ при сильномъ возбужденіи фантазіи въ чувствахъ являются тѣ образы, о которыхъ думаетъ человѣкъ, то отсюда людямъ и кажется иногда, будто они видятъ демоновъ. Но истинная вѣра отвергаетъ это, и мы, слѣдуя ей, вѣруемъ, что демоны суть падшіе съ неба ангелы, что по тонкости своей природы они способны дѣлать многое, чего мы не можемъ, и что есть люди, наводящіе ихъ на это, котóрые и называются лиходѣями (malefici)».

Итакъ, отнынѣ вѣра въ реальную возможность волшебства признавалась обязательной для всякаго послушнаго сына римско-католической церкви. Но передъ схоластикой съ тѣмъ вмѣстѣ возникала другая, гораздо болѣе сложная задача. Ей было необходимо выяснить отношеніе между научнымъ и популярнымъ взглядомъ на роль волшебства въ мірѣ, ей было необходимо опредѣлить, чему изъ безчисленныхъ разсказовъ про демоновъ и маговъ добрые католики имѣли право вѣрить и чтó они должны были отметать, какъ вещи несогласныя съ требованіями руководимаго вѣрою разума. Мы видѣли уже, что въ католической традиціи насчетъ предѣловъ вліянія нечистой силы не было ничего твердо установленнаго. Агобардъ признавалъ возму-

тительной нелѣпостью мысль, будто волшебники способны вызывать бури—и, несмотря на это, множество священниковъ заклинало демоновъ, сидящихъ въ грозовыхъ тучахъ; Буркардъ Вормскій осуждалъ вѣру въ духовъ, увлекающихъ мужчинъ въ свои объятія—и это не мѣшало Цезарію разсказывать гейстербахскимъ послушникамъ про любовныя похожденія демоновъ въ образѣ женщинъ и т. д.

Такая неопредѣленность тяготила теперь умы, желавшіе осмыслить для себя все, что совершается во вселенной. Очень характерной фигурой для этого переходнаго времени является Вильгельмъ Овернскій, извѣстный покровитель нищенствующихъ орденовъ, бывшій профессоромъ и затѣмъ епископомъ въ Парижѣ въ первой половинѣ XIII вѣка. Онъ твердо вѣрилъ въ полную реальность демоновъ. «Не подлежитъ сомнѣнію, что Аристотель заблуждался, не допуская существованія злыхъ духовъ». Онъ представлялъ себѣ ихъ очень грубо. Онъ былъ способенъ, напримѣръ, разсказывать, что «демоны особенно охотно живутъ по выгребнымъ ямамъ и ненавидятъ отходниковъ, какъ разрушителей своихъ храмовъ». Но вышколенная логически голова не позволяла ему при этомъ поддаваться очарованію жившихъ въ его невѣжественной паствѣ волшебныхъ сказокъ, и онъ съ презрѣніемъ ученаго отвергалъ множество изъ нихъ какъ недостойный бредъ. Apud scientes autem et rationales non audent fantasias huiusmodi ingerere vel suggerere, scientes sermonem sapientis, quo dictum est: frustra iacitur rete ante oculos pennatorum [1]). И въ то же время онъ чувствовалъ, что не имѣетъ здѣсь настоящей почвы подъ ногами. Бѣсы, конечно, могутъ одержать человѣка изнутри (possessio). Но могутъ ли они его одержать и извнѣ (obsessio) или совсѣмъ не могутъ? И если могутъ, то въ какихъ условіяхъ? «Насчетъ этого, — пишетъ онъ, — философія еще не постановила своего приговора, какъ вообще она не довела до полной ясности ни природы злыхъ духовъ, ни сферы ихъ злокозненныхъ дѣяній». Надъ приведеніемъ обоихъ этихъ вопросовъ въ должную ясность, надъ снабженіемъ адептовъ раціонализма въ богословіи необходимыми тутъ научными принципами схоластика и принялась теперь трудиться со всею свойственной ей настойчивостью и обстоятельностью—работа, которой хватило университетамъ на добрыхъ два столѣтія.

«Пространное ученіе схоластики объ ангелахъ и демонахъ,— пишетъ Гансенъ,—съ одной стороны черпавшее свой матеріалъ изъ пестрой смѣси древне-христіанскихъ представленій, сводомъ

[1]) Передъ людьми разума и науки они не смѣютъ распускать такія фантазіи по слову премудраго: Въ глазахъ всѣхъ птицъ напрасно разставляется сѣть (Притч. 1,17).

которыхъ служили труды мнимаго Діонисія Ареопагита и Августина, съ другой стремившееся сблизить и согласить Платоново ученіе о духахъ съ библейскимъ ученіемъ объ ангелахъ, представляетъ собой одно изъ самыхъ удивительныхъ скитаній человѣческаго ума по обширному и темному морю трансцендентализма. Когда теперь читаешь всѣ эти безконечныя разсужденія, гдѣ свѣтила средневѣковой науки съ глубокомысленнымъ видомъ и съ претензіей на полную достовѣрность стремятся установить, что̀ добрый или злой ангелъ можетъ и чего не можетъ, чего желаетъ и чего не желаетъ, что̀ знаетъ и чего не знаетъ, въ чемъ властенъ и въ чемъ невластенъ, гдѣ сравнивается сила добрыхъ и злыхъ духовъ и разбирается множество другихъ подобныхъ вопросовъ, то на читателя невольно нападаетъ сомнѣніе: да полно, принимали ли сами авторы всѣ эти хитросплетенныя, вымученныя дедукціи серьезно? И неужели подобная борьба съ нечеловѣческими трудностями, которыми они же загромоздили эту область демонической механики и психологіи, для нихъ имѣла дѣйствительное значеніе? Вѣдь все же знаменитые схоластики являются признанными корифеями средневѣковой науки,—науки, которая въ свою основу полагала разумъ, которая даже отождествляла разумъ и внутреннюю сущность человѣка и лишь желала его просвѣтлить и облагородить указаніями, почерпнутыми изъ Откровенія. То были люди, обладавшіе всѣмъ знаніемъ своего вѣка и стремившіеся слить его въ цѣльную систему; то были люди, которые и сейчасъ для значительной части человѣчества являются свѣточами мысли и недостижимыми образцами и которые такимъ образомъ даже въ наши дни играютъ довольно видную роль въ духовной жизни. Но нѣтъ: для нихъ этотъ отдѣлъ науки представлялся нисколько не менѣе серьезнымъ, чѣмъ всѣ другіе. Съ сознаніемъ глубочайшей важности своей задачи они пускали въ ходъ свое отнюдь не заурядное остроуміе, чтобы по методамъ античной философіи дѣлать выводъ за выводомъ изъ догматовъ католической религіи и скопившихся въ патристическую эпоху домысловъ и разсказовъ. Съ полною убѣжденностью вели они свою Сизифову работу, стараясь путемъ тончайшихъ логическихъ дистинкцій, путемъ неутомимаго анализа и синтеза внести систему въ тотъ безформенный комплектъ различныхъ представленій, который являла собой принятая безъ критики древне-христіанская традиція въ этой сферѣ, и результаты этого труда они провозглашали единственно законной, въ религіи почерпнутой системой міросозерцанія... И если бы тутъ дѣло шло лишь о простой игрѣ ума спекулятивными вопросами. Тогда на это сейчасъ не стоило бы совсѣмъ тратить вниманія. Но эта невоспитанность разсудка имѣла

роковое вліяніе и на жизнь. Признавая такое философствованіе, такія фантастическія комбинаціи изъ элементовъ покорно принятаго на вѣру христіанскаго преданія за безспорныя научныя данныя, царившая надъ всѣмъ средневѣковая теологія оперировала ими и въ практической дѣйствительности. Точная формулировка положеній богословской науки въ значительной мѣрѣ вызывалась потребностью правовѣрія рѣзче отгородиться отъ несогласныхъ съ нимъ взглядовъ, какъ они проявлялись въ ересяхъ, пошедшихъ боемъ съ XI вѣка на установленную церковь, и правовѣріе безъ колебаній дѣлало изъ школьныхъ теорій критеріи для оцѣнки жизненныхъ фактовъ. Та поразительная смѣлость, съ которой всемогущая, не контролируемая никакой другой духовной силой средневѣковая теологія съ молчаливаго согласія церковной власти предлагала въ руководство жизни свои выводы, часто не заключавшіе въ себѣ ни тѣни опытнаго элемента и покоившіеся всецѣло на преданіи, авторитетѣ и самыхъ шаткихъ заключеніяхъ по аналогіи, является одной изъ характернѣйшихъ чертъ этой заносчивой средневѣковой культуры— и какой рѣзкій контрастъ съ ней представляетъ наша современная нерѣшительность и боязливость, когда дѣло заходитъ о томъ, чтобы воспользоваться научными данными для перемѣнъ въ практическомъ міросозерцаніи или въ правовомъ строѣ».

Итоги этой напряженной работы, поскольку она входитъ въ область нашего вопроса, могутъ быть вкратцѣ представлены въ слѣдующемъ видѣ. Реальная возможность колдовства, какъ мы сказали, являлась для схоластиковъ вполнѣ неопровержимой. Кромѣ авторитета святыхъ отцовъ, они ссылались здѣсь на то, что противоположный взглядъ идетъ наперекоръ и дѣйствующему праву, и общепринятому мнѣнію и, наконецъ, опыту, почему онъ долженъ быть безусловно отвергнутъ. Съ другой стороны, въ качествѣ людей науки—scientes et rationales—схоластики столь же безусловно соглашались, что «всякій, кто созерцаетъ истинную природу вещей», имѣетъ право отвергать вульгарныя представленія о колдовствѣ, какъ нелѣпую сказку. Простонародное волшебство не знало никакой теоріи. Покоясь на ошибкахъ первобытной логики, оно центръ своей тяжести переносило на самыя свои «операціи», которымъ придавалось объективное значеніе. Такъ, въ «лигатурахъ» — въ дѣйствіяхъ надъ восковымъ изображеніемъ человѣка—важнѣйшей вещью оказывалась для народа сама кукла; такъ, въ разнаго рода колдовскихъ варевахъ народная магія главнѣйшее значеніе придавала тѣмъ специямъ, которыя туда входили, и т. п. Такихъ вещей схоластика нисколько не желала допускать. Все сверхъестественное въ природѣ для нея могло вытекать только изъ одного источника—

изъ вмѣшательства духовъ. Scientia atque virtute malorum angelorum magicae artes exercentur [1])—такова была здѣсь схоластическая аксіома. Non autem mulierculae illa faciunt sua naturali virtute aut rerum aliarum, quibus utuntur ministerio, sed ministerio daemonum [2])—это схоластика не уставала твердить на всѣ лады. Но, отвергая вульгарное представленіе о колдовствѣ, схоластика съ такой же рѣшительностью отвергала и ученую магію, стремившуюся заставить духовъ творить волю человѣка. Внѣ силы Божіей, учила она, нѣтъ силы, которая могла бы заставить духовъ себѣ служить, и если духи какъ будто повинуются иногда велѣніямъ волшебниковъ, то это лишь иллюзія: въ сущности они всегда помогаютъ колдунамъ по своей доброй волѣ. Спрашивается однако: какое у демоновъ можетъ быть разумное основаніе предоставлять по временамъ свою силу и знанія въ распоряженіе тѣхъ или иныхъ потерянныхъ людей? или, иначе говоря, на чемъ же покоится дѣйствительная возможность колдовства? Въ отвѣтъ на это схоластики, примыкая къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ бл. Августина и привлекая къ дѣлу неясный библейскій текстъ: «мы заключили союзъ со смертью и съ преисподнею сдѣлали договоръ» (Исаія, 28, 15), пускаютъ въ ходъ ранѣе уже намъ встрѣчавшееся представленіе о договорахъ съ сатаной. Всѣ тѣ магическіе формулы, пріемы и начертанія въ родѣ большого и малаго круга, которыми полны были черныя книги, по этому ученію имѣютъ одинъ смыслъ: ихъ надо понимать, какъ условленные между демонами и волшебниками знаки, по которымъ адская сила является на вызовъ связавшихся съ нею нечестивцевъ. Согласіе же демоновъ оказывать свое содѣйствіе человѣку всегда должно быть куплено, и покупается оно слѣдующей цѣной. Суть сатаны—гордыня. Въ гордынѣ онъ возсталъ противъ Господа, за что и былъ низверженъ въ преисподнюю. Но и послѣ паденія онъ не смирился. Ему мучительно видѣть тѣ почести, которыя воздаются Богу земными твореніями; ему хотѣлось бы, чтобы люди несли свое поклоненіе къ его собственнымъ ногамъ. Сатана—завистникъ божества или, по выраженію того же бл. Августина, «божія обезьяна». Изъ-за своей гордыни онъ и вступаетъ съ людьми въ сдѣлки: кто отречется отъ Господа и признаетъ своимъ истиннымъ повелителемъ его, тому онъ съ своей стороны берется помогать въ достиженіи всѣхъ желаній. Такимъ образомъ всякое колдовство непремѣнной своей основой имѣетъ договоръ съ сатаной. Magi miracula faciunt per privatos contractus initi foederis cum daemonibus.

---

[1]) Магія дѣйствуетъ знаніями и силой злыхъ духовъ.

[2]) Эти бабенки творятъ такія вещи не по естественной своей силѣ и не съ помощью предметовъ, которыми онѣ пользуются, а силой демоновъ.

Договоръ этотъ можетъ быть ясно формулированъ или можетъ подразумѣваться (pactum expressum и pactum implicitum): сатанѣ достаточно, чтобы человѣкъ чего-нибудь у него попросилъ, ибо всякая обращенная къ сатанѣ просьба является измѣной Богу. Но внѣ такого договора колдовство раціональнаго объясненія имѣть не можетъ. Сатана обычно строго соблюдаетъ обязательство помогать своимъ поклонникамъ. Дѣлаетъ это онъ однако вовсе не по добросовѣстности—такого качества ему, какъ отцу лжи, приписывать нельзя—а по расчету. Начни дьяволъ вести себя иначе, это скоро бы огласилось, и онъ не могъ бы никого склонить на договоръ съ собой.

Въ какомъ же видѣ сносятся демоны съ земными своими поклонниками и вообще какой видъ могутъ они принимать, когда хотятъ вмѣшаться въ людскія дѣла? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, схоластикѣ прежде всего необходимо было тщательно изслѣдовать истинный характеръ ихъ собственной природы. Ранніе схоластики, опять-таки примыкая къ бл. Августину, полагали, что всѣ духи, населяющіе воздушныя сферы, имѣютъ свои особыя тѣла очень тонкаго эфирнаго строенія, съ той разницей между демонами и ангелами, что у демоновъ послѣ паденія тѣла сдѣлались нѣсколько грубѣе. На этомъ основаніи такіе богословы, какъ выше помянутый нами Вильгельмъ, епископъ парижскій, сомнительно относились къ разсказамъ, какими полонъ Dialogus Miraculorum, гдѣ бѣсы являются на каждомъ шагу въ различныхъ воплощеніяхъ. Тотъ же Вильгельмъ Парижскій однако прибавлялъ, что хотя по его разумѣнію бѣсамъ никакъ нельзя перевоплощаться и получать земное тѣло, но онъ съ истинной радостью готовъ будетъ отказаться отъ своего взгляда, если ему приведутъ въ пользу подобной возможности достаточные философскіе аргументы. И у схоластики классическаго періода въ такого рода аргументахъ не оказалось недостатка. Развитіе раціональной теологіи прежде всего обнаружило неправильность прежней отправной точки въ разсужденіяхъ по этому предмету. Всѣ корифеи схоластической науки признали, что по природѣ своей и ангелы и демоны суть духи вполнѣ безплотные, что ихъ субстанція подходитъ очень близко къ субстанціи человѣческой души, отличаясь отъ нея лишь большей мощью. На ряду съ этимъ схоластика въ лицѣ Ѳомы Аквинскаго рѣшительно заявила, что было бы непростительной дерзостью толковать явленія ангеловъ и демоновъ во плоти, засвидѣтельствованныя такимъ количествомъ «авторитетныхъ» писателей, иначе, какъ буквально. Какимъ же образомъ философскій умъ могъ бы себѣ представить процессъ подобнаго воплощенія духовъ? Отвѣтъ Ѳомы Ак-

винскаго на данный вопросъ связанъ съ заимствованнымъ схоластикой изъ древней философіи взглядомъ на истинную природу всякаго движенія. Что духъ способенъ двигать тѣло, тому живымъ примѣромъ являются всѣ одушевленныя существа. Чтò же и движетъ ихъ, какъ не духъ? Стоитъ лишь духу ихъ покинуть, и они превращаются въ неподвижную массу. Но и въ неодушевленной природѣ конечнымъ источникомъ движенія служитъ то же духовное начало. «Матерія и духъ» являлось для схоластики почти такимъ же противоположеніемъ, какъ наше «матерія и сила». Движеніе всѣхъ «низшихъ тѣлъ» на землѣ для Θомы Аквинскаго обусловливалось движеніемъ небесныхъ свѣтилъ; свѣтила же, по его ученію, двигались силою ангеловъ. Подобныя движенія въ природѣ, конечно, строго закономѣрны: они идутъ по даннымъ Создателемъ для естества уставамъ. Закономѣрность эта однако не препятствуетъ тому, что человѣкъ, какъ существо духовное, по своей волѣ можетъ производить извѣстныя перемѣщенія неодушевленныхъ элементовъ. И, признавая такую способность за человѣкомъ, почему бы мы должны были отказывать въ ней безплотнымъ духамъ болѣе могучаго порядка? Значитъ, какъ ангелы, такъ и демоны, несомнѣнно, должны обладать возможностью производить по своей волѣ извѣстное движеніе въ стихіяхъ. Если же это такъ, то и вопросъ объ ихъ явленіяхъ во плоти рѣшается безъ всякаго труда. Плоть эту они созидаютъ для себя, сгущая атмосферу — добрые ангелы въ высшихъ, особенно чистыхъ ея слояхъ, злые же въ нижнихъ — и прибавляя кое-какіе элементы изъ водяныхъ паровъ и изъ земли. Физіологія такого рода тѣлъ долгое время представляла одну изъ любимыхъ темъ, надъ которыми изощрялось схоластическое остроуміе. Чтобы духи способны были изъ элементовъ «новыя творить природы», этого схоластика не допускала. Образованіе органическаго вещества лежало для нея внѣ области, на которую могло простираться какое бы то ни было искусство, и плоть духовъ все же оказывалась лишь механическимъ аггрегатомъ частицъ. Но если подобныя тѣла мало чѣмъ отличались отъ автоматовъ, то автоматы эти построены были по мнѣнію схоластиковъ настолько совершенно, что внѣшнимъ образомъ могли воспроизводить всѣ главныя функціи дѣйствительнаго человѣческаго тѣла. Они могли и двигаться, и говорить, и ѣсть, не обладая однако присущей лишь организмамъ способностью переваривать пищу. Точно такъ же обстояло съ ними дѣло и въ половой сферѣ. Схоластика не видѣла для науки никакихъ поводовъ отвергать все множество ходившихъ по свѣту разсказовъ о демонахъ въ роли succubus и incubus. Не только аггрессивный Θома Аквинскій, выражавшій прямое негодо-

ваніе на скептицизмъ, который проявляли по этому поводу иные изъ его современниковъ, но даже осторожный, наблюдательный Альбертъ Великій считалъ, что факты эти подтверждены вполнѣ достаточными свидѣтельствами. Verissime legitur de incubis et succubis daemonibus, et vidimus personas cognitas ab eis et loca, in quibus vix unquam per noctem potest dormire vir, quin veniat ad eum daemon succubus. Что же касается «раціональнаго» объясненія возможности такого рода происшествій, то оно, какъ мы видѣли, было подъ рукою. Схоластика не отрицала даже возможности того, что отъ подобныхъ связей у женщинъ могутъ родиться дѣти. Конечно, говорила она, если искусственное тѣло демоновъ неспособно усваивать проглоченную для вида пищу, то оно тѣмъ паче неспособно воспроизводиться. Но здѣсь наука можетъ принять другое объясненіе. Дѣти, прижитыя отъ демона какой-нибудь связавшеюся съ нимъ женщиной, въ сущности будутъ всегда дѣтьми какого-нибудь связавшагося съ тѣмъ же демономъ мужчины. Демонъ же при своей быстротѣ и ловкости является тутъ передаточной инстанціей. Считая такую гипотезу наиболѣе удачной, схоластика предоставляла здѣсь на выборъ и другія. Но тема эта, подробная разработка которой въ схоластической философіи развертываетъ во всемъ блескѣ столь характерный для схоластики «метафизическій матеріализмъ», настолько отвратительна, что лучше съ ней разстаться поскорѣе.

Итакъ, извѣстная намъ статья въ Corrector Буркарда, гдѣ налагалось церковное покаяніе за вѣру въ любовныя сношенія съ неземными женщинами, теперь оказывалась плодомъ простого недомыслія. И судъ церковный отнынѣ не колеблясь сталъ дѣлать практическіе выводы изъ столь солидно обоснованныхъ теорій. Въ 1274 году смежилъ навѣки очи «Ангелъ Школы» Ѳома Аквинскій; онъ не дожилъ всего лишь года, чтобы видѣть, какъ одинъ изъ вѣрныхъ его учениковъ впервые отправилъ на югѣ Франціи живую женщину въ огонь по обвиненію въ распутствѣ съ демонами. Прошло еще немного времени, и цѣлый орденъ Храмовниковъ оказался передъ лицомъ папскаго и королевскаго суда виновнымъ въ такой же гнусности. Но подозрѣніе въ ней логически распространялось на всѣхъ, кто уличался въ занятіяхъ какими бы то ни было видами колдовства. Въ самомъ дѣлѣ, разъ всякое колдовство предполагало неизбѣжно заключеніе союза съ сатаной, то какъ же было не предположить, что плотскій союзъ легко могъ являться увѣнчаніемъ возникавшей на этой почвѣ pestifera familiaritas—особенно если къ услугамъ сатаны обращались люди, которымъ трудно было иначе удовлетворять свои любовныя вожделѣнія, напримѣръ, уродливыя старухи? Такъ эти представленія о колдов-

ствѣ, о любовныхъ сношеніяхъ съ духами и о договорѣ съ сатаной, которыми народная фантазія играла порознь, усиліями систематизирующей науки мало-по-малу были обращены въ смыкающіяся звенья одной и той же неразрывной цѣпи.

Но возвратимся къ нашему ближайшему предмету. Какія же услуги могутъ оказывать демоны вѣрнымъ своимъ поклонникамъ или, другими словами, гдѣ надо проводить границы волшебства? Въ этомъ вопросѣ схоластика рекомендуетъ крайнюю осторожность, ибо по ея наблюденіямъ демоны, стремясь привлечь къ себѣ возможно большее количество людей, постоянно обманываютъ ихъ насчетъ своего дѣйствительнаго могущества. Имъ хочется, чтобы люди полагали, будто они способны творить такія же чудеса, какъ Богъ. Но думать такъ и приписывать творенію способности, принадлежащія одному Творцу, значитъ впадать въ смертный грѣхъ. Смертнымъ грѣхомъ является, напримѣръ, часто внушаемое демонами мнѣніе, будто они способны предсказывать будущее. Если бы это было вѣрно, во что бы обратилось основное ученіе католической церкви о свободѣ воли? Полное знаніе будущаго принадлежитъ одному Богу. Однако, продолжаетъ схоластическая теорія, угадывать кое-что, поскольку это служитъ наиболѣе вѣроятнымъ выводомъ изъ даннаго положенія вещей, способны даже люди, а тѣмъ паче такія существа, какъ демоны. Не надо забывать, что при своемъ сотвореніи они были одарены, въ качествѣ ангеловъ, особеннымъ умомъ и что за долгіе вѣка, протекшіе съ того момента, они успѣли скопить громадный опытъ. Такимъ образомъ въ тѣхъ сферахъ, гдѣ явленія опредѣляются не свободной волей людей и ангеловъ, а правильной причинною зависимостью, демоны оказываются способны заглядывать далеко въ будущее. Daemones subtilissimi sunt in talium futurorum praecognitione, quae determinata in suis causis sunt. Отсюда выводъ, что къ «дивинаторной магіи» наука не должна относиться съ безусловнымъ скептицизмомъ.

Въ кругу дѣяній, приписывавшихся молвой «оперативной магіи», схоластика рѣшительно брала подъ свое покровительство возможность для колдуновъ напускать психическія и физическія болѣзни. Прямого воздѣйствія демоновъ на безсмертную человѣческую душу схоластика, правда, не допускала—опять-таки въ связи съ ученіемъ о полной свободѣ воли. Но демонамъ, по ея взгляду, никакъ нельзя отказывать въ способности проникать въ тѣло и нарушать его физическое благосостояніе, а чрезъ посредство тѣлесныхъ органовъ разстраивать и психическія функціи. Въ частности «дьявольское наважденіе», обманы демонами человѣческихъ чувствъ являлись для нея вещью, стоящей внѣ сомнѣнія, хотя изобразить механическую

сторону подобнаго процесса схоластики считали задачей почти непреодолимой трудности. Такъ же благопріятны оказались выводы схоластической философіи для тѣхъ, кто вѣрилъ, что колдуны способны накликать бури. Классическое разрѣшеніе этого вопроса далъ Ѳома Аквинскій въ своихъ Комментаріяхъ на книгу Іова.

„Принимая во вниманіе, что сказанное бѣдствіе было наведено сатаной, необходимо исповѣдывать, что съ Божьяго попущенія демоны могутъ волновать воздухъ, поднимать вѣтры и вызывать паденіе небеснаго огня. Ибо хотя тѣлесная матерія не принимаетъ формы ни по волѣ добрыхъ, ни по волѣ злыхъ ангеловъ, подчиняясь въ этомъ лишь Творцу, но что касается передвиженія, то тѣлесное вещество создано, чтобы повиноваться веществу духовному (ad motum localem natura corporea nata est spirituali obedire), какъ это обнаруживается на человѣкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, по простому приказанію его воли члены его движутся, чтобы исполнить рѣшенное волей. Итакъ, все, что можетъ быть достигнуто простымъ передвиженіемъ, то по естественной своей силѣ могутъ творить не только добрые, но и злые духи, если не встрѣтятъ со стороны Божества препятствій. Вѣтры же и дожди и другія воздушныя явленія могутъ происходить отъ простого движенія растворенныхъ земныхъ и водяныхъ паровъ, такъ что производить ихъ своей естественной силой демоны вполнѣ способны".

Если же демоны по своей естественной силѣ оказывались на это вполнѣ способны, то какъ же можно было спорить, что наведеніе бурь и грозъ, града и морозовъ должно было включаться въ кругъ дѣяній, доступныхъ колдовству? Негодованіе, которое въ свое время высказывалъ по поводу такой вѣры Агобардъ, теперь оказывалось столь же неосновательнымъ, какъ и гнѣвъ Буркарда на вѣру въ любовныя сношенія съ agrestes feminae.

Зато дѣйствительное существованіе оборотней схоластика рѣшительно отказывалась допускать, несмотря на множество съ виду вполнѣ достовѣрныхъ свидѣтельствъ. Глубокое философское изслѣдованіе предмета вполнѣ здѣсь подтверждало ранѣе уже вынесенный церковью приговоръ: «Кто думаетъ, что какая-нибудь иная сила, кромѣ Божіей, способна обратить одно живое существо въ другое высшаго или низшаго порядка, тотъ, несомнѣнно, отпалъ отъ вѣры и хуже, чѣмъ язычникъ». Такое превращеніе немыслимо безъ нарушенія законовъ естества, т.-е. является чудомъ, а подлинныя чудеса доступны лишь Творцу и ангеламъ, когда Творецъ имъ это поручаетъ. Приписывать чудеса демонамъ значитъ впадать въ ересь, очень похожую на манихейство. Разсказы очевидцевъ про оборотней согласно этому относились схоластикой совсѣмъ въ другую главу демонологіи: здѣсь для нея дѣло шло, несомнѣнно, о «дьявольскомъ наважденіи», о власти демоновъ надъ человѣческими чувствами. Схоластикѣ и здѣсь однако приходилось дѣлать одну существенную оговорку. Чтобы библейскій разсказъ о магахъ фараона, обратившихъ свои жезлы въ змѣевъ, могъ тоже разъясняться ссылкой на иллюзіи, это она считала неправдоподобнымъ и прибѣгала здѣсь къ другой теоріи, построенной еще бл. Августиномъ, впослѣдствіи

же подробно развитой арабскимъ философомъ Авиценой. Демоны, говорила схоластика, не будучи способны обращать одно существо въ другое, могутъ однако дѣлать очень похожія на это вещи. Змѣи фараоновыхъ волшебниковъ, конечно, не сотворены были демонами, но все же можно полагать, что это были настоящіе змѣи. Развѣ не видимъ мы на каждомъ шагу, что въ мясѣ или въ овощахъ, или въ различныхъ жидкостяхъ при извѣстныхъ условіяхъ какъ будто ни откуда берутся черви или мухи? И развѣ мы не можемъ такимъ путемъ сами плодить червей и мухъ, давая въ сущности только возможность развиваться невидимымъ для глаза, но несомнѣнно ранѣе уже присутствовавшимъ ихъ зародышамъ? Если же всякій человѣкъ способенъ производить подобныхъ мелкихъ гадовъ какъ бы изъ ничего, то почему же не допустить, что демоны при своемъ умѣ и богатствѣ опытомъ могутъ различать въ природѣ зародыши всяческихъ существъ и, создавая искусственно благопріятную для ихъ развитія среду, могутъ съ крайней быстротой вызывать ихъ къ жизни, какъ они вызвали почти моментально къ бытію помянутыхъ въ Исходѣ змѣевъ. Смѣшивая же другъ съ другомъ различные извѣстные имъ элементы тѣлъ или вводя въ тѣло прибавочные элементы, они оказываются даже способны совершать и нѣчто похожее на превращеніе одного тѣла въ другое. Такимъ образомъ для схоластически образованнаго судьи народныя обвиненія противъ колдуновъ, что они напускаютъ гусеницъ и мошку, не заключали въ себѣ ничего безсмысленнаго, и судъ теперь легко разбирался даже въ гораздо болѣе удивительныхъ съ виду фактахъ. На одномъ изъ процессовъ о колдовствѣ конца XIII вѣка подсудимая, 56-лѣтняя старуха показала ученому судьѣ доминиканцу Гюго изъ Боньеля, что она много уже лѣтъ спитъ съ демономъ, что она разъ родила отъ него чудище — верхняя половина, какъ волкъ, нижняя, какъ змѣя,—что она кормила свое порожденіе младенцами, которыхъ похищала по ночамъ, но что черезъ два года чудище куда-то безъ вѣсти пропало. Раньше подобное показаніе, вѣроятно, было бы сочтено простымъ бредомъ. Но опытный схоластикъ, знакомый съ ученіемъ о зачатіи отъ incubus'овъ и съ теоріей Авицены, не усмотрѣлъ здѣсь, очевидно, ничего противнаго разсудку: старуха была передана имъ въ руки свѣтской власти, какъ уличенная преступница, и сожжена на площади въ Тулузѣ.

Труднѣе всего достался схоластикѣ вопросъ о томъ, согласно ли съ католицизмомъ мнѣніе, что демоны способны своей силой носить тѣла людей по воздуху. Про вѣру въ стригъ схоластикѣ при этомъ не приходилось распространяться. Canon Episcopi, гдѣ вѣра эта такъ рѣзко осуждалась, былъ принятъ въ дѣйствующій

кодексъ каноническаго права, и схоластика преклонялась передъ его авторитетомъ. Однако, и помимо стригъ, литература и молва полны были разсказовъ про воздушныя путешествія то праведника на спинѣ бѣса, то грѣшника въ его когтяхъ. Какъ же должна была смотрѣть на нихъ наука?

Въ общемъ схоластика склонялась тутъ очень замѣтно въ сторону отрицательнаго отвѣта. Правда, въ самомъ представленіи о томъ, что духи своей силой могутъ двигать земныя тѣла, для нея не было ничего противорѣчащаго разсудку. Ad motum localem natura corporea nata est spirituali obedire... Но духи при этомъ не могутъ нарушать предустановленныхъ для тѣлъ законовъ. Между тѣмъ ясно, что человѣческое тѣло отнюдь не предназначено природой для летанья. Отсюда выводъ, что было бы неосторожно приписывать ангеламъ и демонамъ способность своею силой увлекать тѣла людей въ воздушныя пространства.

А книга пророка Даніила, гдѣ повѣствуется, какъ ангелъ, взявши пророка Аввакума за темя и поднявъ за волосы, въ одно мгновеніе перенесъ его изъ Іудеи въ Вавилонъ и поставилъ надъ рвомъ львинымъ? А евангельскій разсказъ объ искушеніи Христа, читающійся въ Вульгатѣ такъ: Assumpsit eum diabolus in sanctam civitatem et statuit eum super pinnaculum templi? А многочисленныя упоминанія о «восхищеніяхъ» (raptus), которыя встрѣчаются въ Св. Писаніи и въ достовѣрныхъ житіяхъ святыхъ? На этотъ счетъ Альбертъ Великій и Ѳома Аквинскій предлагали такія объясненія. Текстъ, относящійся къ Аввакуму, они не признавали необходимымъ понимать буквально. Они считали возможнымъ допустить, что ангелъ несъ Аввакума «въ бурномъ орканѣ», который онъ поднялъ своею силой. И если даже допустить, что тутъ произошло превышеніе естественной ангельской силы, то вѣдь не надо забывать, что дѣло здѣсь идетъ о добромъ духѣ, которому могло быть поручено и совершеніе настоящаго чуда. Въ исторіи искушенія Христа, гдѣ дѣло идетъ уже не объ ангелѣ, а о сатанѣ, Альбертъ Великій и Ѳома Аквинскій примыкали къ древней экзегезѣ и заявляли, что на ихъ взглядъ тутъ лучше всего держаться Іоанна Златоуста, по мнѣнію котораго Христосъ просто согласился послѣдовать по землѣ за сатаной. Что касается «восхищеній», то изъ упоминаемыхъ Писаніемъ случаевъ въ двухъ—про Іезекіиля и про Іоанна—прямо сказано, что они уносились съ земли только душой. Апостолъ Павелъ самъ говоритъ, что онъ не знаетъ, былъ ли онъ восхищенъ съ тѣломъ или безъ тѣла: такъ что на этомъ текстѣ тоже нельзя ничего строить. И наконецъ всѣ достовѣрные случаи изъ житій святыхъ допускаютъ толкованіе при помощи Августиновой теоріи о полетахъ phantasticum.

Но далеко не всѣ видные богословы XIII вѣка столь сдержанно относились къ вопросу о людскихъ полетахъ, какъ Альбертъ Великій и Ѳома Аквинскій. Такіе авторитеты, какъ кардиналъ Гюго де-Сенъ-Шеръ, рѣшительно настаивали на необходимости вполнѣ буквально понимать и разсказъ про Аввакума, и текстъ Вульгаты, гдѣ говорится объ искушеніи Христа. Особенно же горячо стояли за положительное рѣшеніе даннаго вопроса тѣ члены Нищенствующихъ орденовъ, которымъ приходилось работать непосредственно въ народной средѣ. Они указывали своимъ университетскимъ собратамъ, что факты похищенія демонами живыхъ людей повторяются постоянно, что они засвидѣтельствованы вполнѣ надежно и что наукѣ на это не слѣдуетъ закрывать глаза. «Такіе случаи,—писалъ, напримѣръ, доминиканецъ Ѳома изъ Шантемпре послѣ тридцатилѣтней дѣятельности въ качествѣ проповѣдника и исповѣдника,—такіе случаи нерѣдки и въ наше время. Мнѣ самому приходилось слыхать про женщинъ, которыя, находясь съ виду какъ будто въ агоніи, были похищаемы демонами, клавшими на ихъ мѣсто подобія ихъ тѣлъ. Подобія погребались за настоящіе трупы, а женщинъ этихъ потомъ встрѣчали среди живыхъ людей». Ссылаясь на достовѣрнѣйшій источникъ, на показаніе очевидцевъ изъ францисканцевъ и доминиканцевъ, онъ далѣе разсказывалъ слѣдующую исторію. Дочь графа Шваненбурга въ Германіи каждую ночь была похищаема демонами часа на два. Одинъ изъ ея братьевъ, вступившій въ францисканскій орденъ, однажды попробовалъ помѣшать такому похищенію. Когда приблизился урочный часъ, онъ крѣпко стиснулъ ее въ своихъ объятіяхъ; но это было тщетно, и демоны вырвали сестру изъ рукъ брата-монаха. И зачѣмъ въ этомъ сомнѣваться, продолжалъ Ѳома, который самъ учился богословію въ Кельнѣ и въ Парижѣ. Развѣ же не признаетъ бл. Августинъ, что демонъ, называвшійся у язычниковъ Діаной, дѣйствительно перенесъ Ифигенію изъ Авлиды въ Тавриду, оставивъ на ея мѣстѣ лань? Въ виду крупнаго вѣса такихъ свидѣтельствъ и аргументовъ схоластика и не рѣшалась произнести по вопросу о полетахъ окончательнаго приговора, ставя при немъ отмѣтку: non liquet [1]). А такъ какъ римскій католицизмъ слѣдовалъ правилу, завѣщанному бл. Августиномъ: In necessariis unitas, in dubiis libertas [2]), то Dialogus Miraculorum со всѣми его воздушными путешествіями свободно продолжалъ служить въ монастыряхъ самой употребительной книгой для чтенія во время общихъ трапезъ.

---

1) Не ясно.

2) Въ необходимомъ—единство; въ сомнительномъ—свобода.

Однако если бы все это была истина, если бы демоны дѣйствительно обладали такой естественною силой, то какъ же ихъ союзники, волшебники, не оказываются несравненно могущественнѣе самыхъ могущественныхъ земныхъ властителей? Какъ же волшебники съ помощью демоновъ не приведутъ къ своимъ ногамъ вселенную? На этотъ аргументъ, къ которому охотно обращались скептики въ родѣ Агобарда, схоластика отвѣтствовала спокойно: причина въ томъ, что демоны могутъ творить дѣянія, на которыя они способны, только въ томъ случаѣ, если на это воспослѣдуетъ Божеское попущеніе, а попущеніе это дается имъ далеко не всегда. Но зачѣмъ думать, что оно хоть когда-нибудь имѣетъ мѣсто? Какъ будто Провидѣніе само не можетъ покарать грѣшника или испытать праведника? И не согласнѣе ли съ евангельскимъ ученіемъ считать, что истинному христіанину не должны быть страшны никакія чары? Опытъ показываетъ, возражала на это схоластика, что чародѣйство существуетъ и что его жертвами становятся не только дурные, но и добрые сыны церкви. Спрашивать же, зачѣмъ Провидѣніе это попускаетъ, значитъ, по слову Писанія, стремиться plura sapere quam oporteat. Iudicia Dei occulta sunt. Пути Господни неисповѣдимы.

Таковы были главнѣйшие результаты изысканій, произведенныхъ схоластикою въ области нашего вопроса. Возможность колдовства, въ которой слишкомъ поспѣшные умы готовы были уже признать лишь мнѣніе неразвитой черни, теперь была провѣрена научнымъ методомъ, поставлена на новыя основы и въ такомъ видѣ объявлена communis opinio theologorum. При трудностяхъ, съ которыми тогда была сопряжена популяризація науки, этотъ усвоенный схоластиками взглядъ не сталъ, правда, съ тѣмъ вмѣстѣ и взглядомъ всѣхъ умственно расшевелившихся людей. Во многихъ кругахъ общества упорно сохранялась ранѣе уже сложившаяся привычка смѣяться надъ разсказами о томъ, якобы бѣсы дѣйствительно отравляютъ земное существованіе добрыхъ христіанъ. Припомнимъ, что крайне скептически настроенный по отношенію къ бѣсамъ Roman de la Rose Жана де-Мена, этого «Вольтера и Рабле XIII вѣка», сразу завоевалъ себѣ громкую извѣстность и оставался любимѣйшимъ чтеніемъ французской буржуазіи до самаго конца среднихъ вѣковъ. Но этотъ смѣхъ возбуждалъ въ схоластикахъ приблизительно такое же чувство, съ какимъ современное намъ естествоиспытаніе смотритъ на недовѣріе невѣжественнаго люда къ теоріямъ въ родѣ происхожденія болѣзней отъ микроорганизмовъ: жалкое недомысліе, которое при случаѣ можетъ обращаться въ прямую общественную опасность.

Для тона отношеній между средневѣковою университетскою

наукой и «натурализмомъ» намъ стоитъ познакомиться со вступительной главой въ трактатѣ Герсона De erroribus circa artem magicam. Указанный трактатъ выросъ изъ рѣчи, которую этотъ знаменитый канцлеръ парижскаго университета держалъ однажды къ лиценціатамъ медицинскаго факультета на тему: врачу, исцѣлися самъ.

„Въ естественной философіи является правдоподобнымъ, согласно же истинамъ вѣры является несомнѣннымъ, что демоны существуютъ. Такого взгляда держались самые возвышенные изъ философовъ: Гермесъ Трижды-Великій, Платонъ и всѣ послѣдователи его доктрины, Апулей, Порфирій и другіе. Это намъ ясно показываютъ собственные ихъ труды, равно как трудъ Августина „О градѣ Божіемъ". Тезисъ, что демоны существуютъ, на философской почвѣ гораздо легче защищать, нежели противоположный, ибо при этомъ остаются неприкосновенными разсказы о чудесныхъ происшествіяхъ, которые передаются достовѣрными историками у всѣхъ рѣшительно народовъ. Имъ всѣмъ противопоставлять упорное отрицаніе значитъ переходить въ дерзости всякія границы и колебать основы человѣческаго общежитія и гражданскаго союза, такъ какъ той силой, которая людей соединяетъ, скрѣпляетъ и сливаетъ въ одно цѣлое, служатъ взаимное довѣріе и готовность другъ друга слушать. У христіанъ же отрицаніе демоновъ и того, что они могутъ творить въ природѣ очень многое, представляетъ ученіе, которое осуждено, какъ ошибочное, нечестивое и противное Св. Писанію. Итакъ, смѣха достойны, но достойны и суровой кары тѣ, кто издѣвается надъ богословами, лишь только они заводятъ рѣчь о демонахъ и дѣйствіями демоновъ объясняютъ различныя явленія, какъ будто бы это было вещью баснословной. Проистекаетъ же подобное заблужденіе у нѣкоторыхъ образованныхъ людей частью отъ недостатка вѣры, частью же отъ слабости и порчи разсудка. Душа ихъ настолько занята чувственнымъ, занята тѣломъ и заботами о немъ или же умъ ихъ настолько погруженъ въ изысканіе частныхъ, осязательныхъ причинъ, что они оказываются совершенно не въ состояніи разумѣть вопросы объ универсальномъ, о первыхъ сущностяхъ и о духовномъ, и теряютъ способность къ тонкому, возвышенному мышленію. Платонъ еще сказалъ, что величайшимъ препятствіемъ къ познанію истины является такая склонность вѣрить лишь чувствамъ, не возвышаясь надъ ихъ свидѣтельствомъ. Такъ же говорили и Цицеронъ, и Августинъ въ трудѣ „Объ истинной религіи", и Альбертъ Великій, и Вильгельмъ Парижскій: этому учитъ насъ и опытъ".

Но схоластика не останавливалась на этомъ въ своей полемикѣ противъ натурализма. Даже столь благородный представитель ея, какъ Герсонъ, не стѣснялся причислять тѣхъ, кто не вѣритъ въ силу магіи, къ лику грубѣйшихъ матеріалистовъ, отрицающихъ Божество и всякое духовное начало въ мірѣ.

„Таковы были,—продолжаетъ онъ,—въ средѣ евреевъ саддукеи, которые по свидѣтельству Іосифа и Іеронима отрицали существованіе духовъ; таковы были нѣкоторые философы отъ непріязни, какъ говоритъ Цицеронъ; таковы были эпикурейцы; таковы и всѣ другіе, кто избираетъ скотскую жизнь, кто не представляетъ себѣ ничего внѣ тѣлеснаго и протяженнаго. Отъ ихъ лица говорятъ Экклезіастъ и Премудрый въ Книгѣ Премудрости глава 2-я. Глядя на нихъ, подумаешь, что сами они отъ чьихъ-то заклятій сошли съ ума. Въ себѣ самихъ не признаютъ они разсудка, не признаютъ духовныхъ, сверхчувственныхъ явленій: совсѣмъ какъ Навуходоносоръ, который воображалъ себя воломъ, или другіе маньяки, изъ которыхъ инымъ представляется, будто они пѣтухи, другимъ—будто они коты и т. д. Къ числу ихъ относился тотъ безумецъ, который рекъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ, ибо если есть Богъ, то онъ есть духъ, если же нѣтъ ни одного духа, то нѣтъ и Бога".

Итакъ, не вѣрить въ демоновъ значитъ не вѣрить въ Бога. Не вѣрить въ демоновъ значитъ уподобляться тѣмъ «неправо умствую-

щимъ», которымъ Книга Премудрости влагала въ уста такія рѣчи: «Жизнь наша — прохожденіе тѣни, и нѣтъ намъ возврата отъ смерти; ибо положена печать, и никто не возвращается. Будемъ же наслаждаться настоящими благами и спѣшить пользоваться міромъ, какъ юностью. Увѣнчаемся цвѣтами розъ прежде, нежели они увяли. Будемъ притѣснять бѣдняка праведника, не пощадимъ вдовы и не постыдимся многолѣтнихъ сѣдинъ старца. Сила наша да будетъ закономъ правды...» Иначе говоря, тотъ, кто не вѣритъ въ демоновъ, является для Герсона врагомъ всѣхъ божескихъ и человѣческихъ уставовъ.

При такой постановкѣ дѣла въ столь вліятельныхъ кругахъ средневѣковому натурализму было гораздо благоразумнѣе не высказывать свои сомнѣнія слишкомъ открыто. И такъ какъ скептицизмъ не побуждаетъ своихъ адептовъ искать пальмъ мученичества, то они и слѣдовали голосу благоразумія. О нихъ мы чаще узнаемъ изъ раздраженныхъ нападокъ богослововъ, нежели изъ собственныхъ ихъ нападокъ на спиритовъ. Къ тому же послѣдовательная критика общаго схоластическаго міросозерцанія была для нихъ далеко не подъ силу. Въ распоряженіи ученыхъ приверженцевъ союза между разумомъ и авторитетомъ стояла школа, обезпечивавшая непрерывную, всестороннюю разработку усвоеннаго ими порядка идей, тогда какъ свободомысліе при строгомъ отношеніи къ нему церковной власти могло себя проявлять лишь изолированными вспышками. И такимъ образомъ, когда свѣтское общество къ концу среднихъ вѣковъ начало предъявлять съ своей стороны запросъ на ученое образованіе, то почерпать его оно сначала было принуждено изъ популярныхъ обработокъ тѣхъ же «Итоговъ Теологіи». Отсюда и выносило оно ту картину мірового строя, которую съ такою силой изобразилъ своей огненной кистью знатокъ подобной литературы, авторъ Божественной Комедіи.

Такъ создалась интеллектуальная атмосфера, въ которой могли возникнуть процессы вѣдьмъ. Теперь посмотримъ, какимъ путемъ они дѣйствительно возникли.

V.

Научныя мечты Вильгельма, епископа парижскаго, къ XV вѣку, какъ мы видѣли, сбылись вполнѣ. Схоластика оправдала всѣ возлагавшіяся на нее надежды и съ ясностью раскрыла природу злыхъ духовъ и способы вмѣшательства ихъ въ человѣческую жизнь. Но при своемъ абстрактномъ, умозрительномъ характерѣ «раціональная теологія» главнѣйшимъ образомъ изслѣдовала въ этой области предѣлы мыслимыхъ возможностей. Изслѣдованіе же соот-

вѣтственной дѣйствительности падало не на школу. При свѣтѣ новыхъ научныхъ данныхъ этимъ предметомъ долженъ былъ заниматься церковный судъ, на которомъ искони лежала обязанность охранять общество отъ «изобрѣтеннаго дьяволомъ пагубнаго искусства волхвованія».

Но въ лонѣ воинствующаго католицизма схоластической эпохи и судъ церковный являлся уже не прежнимъ миролюбивымъ и распущеннымъ учрежденіемъ, какимъ онъ сдѣлался въ періодъ безраздѣльнаго господства римской церкви надъ всей духовной жизнью Западной Европы. Для сколько-нибудь успѣшной борьбы противъ ересей, одолѣвавшихъ ее съ XII вѣка, церкви нельзя было довольствоваться той формою процесса, которую она усвоила себѣ подъ давленіемъ свѣтскихъ юридическихъ порядковъ. Въ самомъ дѣлѣ, мыслимо ли было допускать, чтобы еретики развивали свою преступную дѣятельность безъ всякой помѣхи, пока противъ нихъ не выступитъ какой-нибудь добрый католикъ съ частною жалобой? При этихъ обстоятельствахъ папская курія начинаетъ настоятельно внушать епископамъ, что истинное право церкви есть римское право и что согласно этому власти церковныя должны заниматься «инквизиціей», должны сами отыскивать скрывающихся въ обществѣ нарушителей божескихъ законовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ курія обращается и къ носителямъ свѣтской власти съ требованіемъ, чтобы они съ своей стороны оказывали всяческое содѣйствіе церковнымъ слѣдователямъ и приговаривали къ смертной казни всѣхъ, кого церковный судъ сочтетъ того достойнымъ: церковь сама попрежнему не проливала крови. Законность казней за вѣру подтверждалась опять-таки ссылкой на судебную практику Римской имперіи. Опытъ однако скоро показалъ, что старый механизмъ епископскаго суда даже при возстановленіи слѣдственнаго процесса являлся ненадежнымъ орудіемъ въ дѣлѣ искорененія ересей. Судъ этотъ велъ свои процессы медленно, съ широкою оглаской, позволявшей множеству виновныхъ спасаться бѣгствомъ, и часто съ недостаточной энергіей. Тогда римская курія, не отмѣняя епископской юрисдикціи по дѣламъ вѣры, рѣшила создать для ихъ разбора еще особый судебно-полицейскій органъ—такъ называемыхъ «папскихъ слѣдователей по дѣламъ о еретическомъ нечестіи».

Принципы, положенные въ основу новаго учрежденія, были тѣ же, которыми и понынѣ руководятся абсолютныя государства въ борьбѣ со всякой считающейся ими опасной для себя тайной пропагандой: централизація, соединеніе сыска и суда въ однѣхъ рукахъ, тайный доносъ, тайное разбирательство, лишеніе подсудимаго обычныхъ судебныхъ гарантій. На языкѣ средневѣковой папской куріи

это именовалось «вести дѣла summarie, simpliciter et de plano, absque advocatorum et iudiciorum strepitu et figura». Оправдывался такой упрощенный порядокъ «святостью» возложенной на инквизиторовъ обязанности (sanctum officium) и въ средневѣковыхъ условіяхъ онъ принималъ слѣдующія формы.

«Папскіе инквизиторы» всѣ свои полномочія получали непосредственно отъ папскаго престола и только передъ нимъ обязаны были отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ. При трудности и отвѣтственности задачи инквизиторовъ ихъ полагалось избирать съ большою осторожностью, изъ людей, обладавшихъ безупречной репутаціей, жизненной опытностью и тонкимъ богословскимъ образованіемъ; послѣднее являлось необходимѣйшей для инквизитора вещью, такъ какъ иначе онъ не могъ бы строго различать виды ересей [1]) и срывать съ заподозрѣнныхъ личину притворства. Въ условіяхъ XIII вѣка лица, соединявшія въ себѣ такія качества, скорѣе всего отыскивались въ составѣ только что возникшихъ тогда нищенствующихъ орденовъ, доминиканцевъ и францисканцевъ. Держать въ своихъ рукахъ sanctum officium осталось привилегіей этихъ орденовъ, особенно доминиканцевъ, и въ послѣдующее время. Прибывъ въ ту область, которую надлежало очистить отъ еретическаго яда, такого рода папскій инквизиторъ прежде всего сзывалъ народъ къ себѣ на проповѣдь: присутствіе на ней приносило 40-дневное отпущеніе грѣховъ. На этой проповѣди онъ въ силу полученной отъ папы власти повелѣвалъ всѣмъ обитающимъ въ данной округѣ духовнымъ и свѣтскимъ людямъ, чтобы они въ недѣльный срокъ указали ему лицъ, на которыхъ у нихъ есть малѣйшее подозрѣніе въ отступничествѣ отъ вѣры,—которыя превратно говорятъ о таинствахъ и церкви или вообще въ своемъ поведеніи и нравахъ чѣмъ-нибудь отличаются отъ добрыхъ католиковъ. Отъ этой обязанности доносить не дѣлалось ни для кого изъятій. Отъ нея не освобождала никакая степень близости и родства: мужъ долженъ былъ доносить на жену и жена на мужа, родители должны были доносить на дѣтей и дѣти на родителей. Доносчику обезпечивалась полная тайна его имени во избѣжаніе возможныхъ репрессалій и обѣщалась трехгодовая индульгенція. За укрывательство, напротивъ, грозило отлученіе отъ церкви—кара, которая влекла тогда за собой очень тяжелыя послѣдствія. Доносы, продиктованные фанатизмомъ, ненавистью или страхомъ, обычно

[1]) Насколько сложной задачей это являлось, можно судить по извѣстному Directorium Inquisitorum, составленному въ XIV вѣкѣ испанскимъ инквизиторомъ Эймерикомъ. Въ печатномъ его изданіи алфавитный перечень ересей занимаетъ 12 убористыхъ страницъ. На одну букву А приходится 54 названія.

не заставляли себя ждать. Разсмотрѣвъ ихъ, инквизиторъ приводилъ доносчиковъ къ присягѣ и послѣ этого, смотря по обстоятельствамъ, касательно однихъ изъ оговоренныхъ наряжалъ дополнительное слѣдствіе, другихъ же прямо привлекалъ въ свой трибуналъ къ отвѣту. Взявъ подозрительное лицо подъ стражу, инквизиторъ вручалъ подсудимому въ видѣ обвинительнаго акта выдержки изъ сдѣланныхъ на него доносовъ и предлагалъ, не дознаваясь объ именахъ доносчиковъ, давать свои объясненія по существу дѣла. Въ случаѣ, если такія объясненія въ глазахъ судьи оказывались недостаточными, онъ для раскрытія всей истины прибѣгалъ къ понудительнымъ мѣрамъ. Такими легальными понудительными мѣрами, назначенными къ тому, чтобы сломить упорное отнѣкиванье подсудимыхъ и нежеланіе назвать сообщниковъ, служили тюремное заключеніе въ тяжелыхъ цѣпяхъ, изнуреніе человѣка путемъ голода, жажды и безсонницы и наконецъ пытка въ собственномъ смыслѣ слова. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ ту эпоху, когда вводилась инквизиція, другіе европейскіе суды еще не знали пытки, какъ узаконеннаго слѣдственнаго пріема. Если она иногда и примѣнялась, то это разсматривалось обществомъ, какъ грубая тиранія, и церковь первая рѣшительно воспрещала всѣмъ членамъ духовенства имѣть малѣйшее касательство до пытки. Но измѣнившіяся обстоятельства заставили и церковь измѣнить свой взглядъ на это средство. Ссылаясь на то, что въ римскомъ правѣ пытка была допущена по дѣламъ объ оскорбленіи Величества и что еретики вполнѣ подходятъ подъ соотвѣтственныя статьи римскаго кодекса, какъ оскорбители Divinae Maiestatis, папская курія предписала инквизиторамъ не смущаться прежними ея запретами и примѣнять пытку въ борьбѣ съ еретическимъ нечестіемъ вездѣ, гдѣ только отъ нея можно ждать для церкви пользы. Само собою разумѣется, что инквизиція не заставила повторять такое разрѣшеніе два раза, и въ скоромъ времени допросъ въ застѣнкѣ сталъ душой всего инквизиціоннаго процесса.

Облеченные столь исключительными полномочіями, новые папскіе трибуналы своей единственной задачей должны были имѣть борьбу противъ еретиковъ. Всѣ прочія религіозныя преступленія и проступки попрежнему оставались въ вѣдѣніи нормальныхъ, т.-е. епископскихъ судовъ. Но еретичество какъ въ популярныхъ представленіяхъ конца среднихъ вѣковъ, такъ и въ научныхъ умозрѣніяхъ оказывалось въ столь близкомъ родствѣ съ преступными занятіями волшебствомъ, что инквизиція не находила для себя никакихъ основаній, получивъ въ руки доносъ на колдуна, признавать себя здѣсь некомпетентной и отсылать доносчика къ агентамъ мѣст-

наго епископа. Это соединеніе въ рукахъ инквизиціонныхъ трибуналовъ сыска по колдовскимъ и еретическимъ дѣламъ имѣетъ, впрочемъ, для насъ такую важность, что намъ необходимо болѣе подробно познакомиться съ обстоятельствами, въ которыхъ оно осуществилось.

Извѣстно, съ какою легкостью религіозныя сообщества, вынуждаемыя силой гоненія искать покрова тайны, дѣлаются жертвой самой невѣроятной клеветы. Припомнимъ здѣсь хотя бы тѣ толки, которые въ свое время ходили среди населенія Римской имперіи про собиравшихся потихоньку въ катакомбахъ христіанъ. Одинъ изъ первыхъ христіанскихъ апологетовъ, Минуцій Феликсъ, сводитъ ихъ въ слѣдующую ужасную картину.

„Аѳиняне,—такъ говоритъ въ діалогѣ „Октавій" язычникъ, нападающій на христіанъ,—изгнали изъ своего города нѣкоего Протагора за то, что онъ разсуждалъ о богахъ слишкомъ по-философски, не такъ, какъ подобаетъ гражданину, и сожгли его произведенія. А мы, мы будемъ терпѣть, чтобы какая-то гнусная секта безнаказанно нападала на боговъ? Чтобы, собирая изъ подонковъ общества грубыхъ и невѣжественныхъ людей, въ особенности женщинъ, которыхъ свойственная ихъ полу слабость позволяетъ такъ легко соблазнять, она ихъ превращала въ кощунственныхъ заговорщиковъ и собирала на ночныя собранія, гдѣ творятся ужасы? Эти люди, которые ищутъ тьмы и бѣгутъ свѣта, которые ничего не говорятъ открыто и шепчутся только другъ съ другомъ, на что они способны?.. Развратъ составляетъ ихъ религію. Они зовутъ другъ друга братьями и сестрами, придавая этимъ священнымъ именемъ простому блуду вкусъ кровосмѣшенія—такъ жаждутъ они подобныхъ преступленій. Будь это неправда, объ этомъ бы не толковали. Разсказываютъ также, что по какому-то непостижимому суевѣрію они обожаютъ освященную голову осла: истинно достойная ихъ религія... Церемонія, которая совершается при допущеніи новаго члена къ ихъ таинствамъ, не менѣе ужасна. Предъ новичкомъ кладутъ младенца, закатаннаго въ тѣсто, чтобы скрыть отъ человѣка убійство, которое его заставляютъ совершить. По командѣ онъ долженъ нѣсколько разъ вонзить въ такое тѣсто ножъ; кровь льется изъ-подъ каждаго удара, они жадно ее сосутъ—и это преступленіе является залогомъ всеобщаго молчанія о тайнѣ... Извѣстно тоже, каковы ихъ совмѣстныя трапезы. Въ праздничный день они всѣ собираются вмѣстѣ—мужчины, женщины, дѣти, братья, сестры, люди всякаго возраста и пола. Наѣвшись и напившись вдоволь, когда отъ мяса и вина въ нихъ разгорится сладострастіе, они бросаютъ кусокъ собакѣ, привязанной къ свѣтильнику. Кусокъ этотъ бросается такъ, чтобы собака не могла его схватить иначе, какъ перепрыгнувъ черезъ пламя и опрокинувши его. Освободившись такимъ путемъ отъ единственнаго свидѣтеля своихъ преступленій, они предаются ужаснѣйшему свальному грѣху".

И эти дикія розсказни повторялись даже среди образованныхъ язычниковъ съ крайнимъ упорствомъ: Аѳинагоръ, Юстинъ и Татіанъ должны были точно такъ же защищать христіанъ противъ взводившихся на нихъ обвиненій въ безбожіи, въ кровосмѣшеніи и въ людоѣдствѣ.

Ту участь, которую своевременно претерпѣвали христіане среди римскихъ язычниковъ, пришлось испытать и еретикамъ въ средѣ римскихъ католиковъ. Главнымъ противникомъ римскаго католицизма съ XI по XIII столѣтіе являлось еретическое ученіе катаровъ. Катары были дуалисты, глядѣвшіе на весь матеріальный міръ, какъ

на царство духа тьмы, который хитростью заточилъ туда искры божества—безсмертныя человѣческія души. Въ сознаніи массы правовѣрныхъ католиковъ это преломлялось въ томъ видѣ, что катары истиннымъ своимъ повелителемъ признавали не Бога, а сатану. Считая плоть нечистой, катары отвергали святость брака. Полное человѣческое совершенство для нихъ лежало въ строжайшемъ цѣломудріи. Отсюда выводъ массы, что катары, презирая бракъ, проповѣдуютъ распутство. Въ несложной обрядности катаровъ на первомъ мѣстѣ стояло духовное крещеніе (consolamentum), переводившее человѣка изъ разряда ищущихъ въ разрядъ «совершенныхъ». На голову вновь принимаемаго члена одинъ изъ старшихъ «совершенныхъ» въ молитвенномъ собраніи возлагалъ руки, затѣмъ надъ нимъ читалась первая глава Евангелія отъ Іоанна, послѣ чего ему давался поцѣлуй мира. Въ воображеніи правовѣрныхъ католиковъ этимъ поцѣлуемъ всякій вступавшій въ секту катаровъ обмѣнивался съ самимъ сатаной: для нихъ это былъ тотъ самый поцѣлуй, которымъ во многихъ мѣстностяхъ Европы принято было скрѣплять homagium—извѣстный уже намъ терминъ для присяги, дѣлавшей ленника «человѣкомъ» новаго господина. Отвергая всѣ католическія таинства, катары удержали однако обрядъ благословенія хлѣбовъ. Такой благословенный хлѣбъ они брали съ собой, пускаясь въ дорогу. Имъ они всячески старались снабжать во время гоненія братьевъ, которымъ приходилось бѣжать на далекую чужбину. Существовало даже мнѣніе, что если брату приходится умирать, не сподобившись принять духовнаго крещенія, то этотъ хлѣбъ можетъ считаться замѣною consolamentum. Хлѣбъ этотъ въ разсказахъ про катаровъ обращается въ волшебный порошокъ, который катары носятъ при себѣ, употребляя вмѣсто причастія: и кто его попробуетъ, тотъ неизбѣжно впадаетъ въ ересь. О томъ же, какъ готовился подобный порошокъ, лучше всего послушать монаха Павла Шартрскаго, писавшаго въ концѣ XII вѣка на основаніи свидѣтельствъ «очевидцевъ».

„Ночью съ фонарями въ рукахъ они собирались въ домѣ одного изъ своихъ и наподобіе литаніи выкликали имена демоновъ, пока вдругъ демонъ не спускался къ нимъ въ видѣ какого-нибудь животнаго. Какъ только появлялось это видѣніе, всѣ свѣточи тушились, и каждый торопливо хваталъ первую подъ руку попавшуюся женщину, чтобы совершить съ ней грѣхъ. Была то мать или сестра, или монахиня—имъ это было не только все равно, но святость и монашество дѣлали даже грѣхъ гораздо слаще. Младенецъ, явившійся на свѣтъ отъ такого непотребства, на восьмой день въ ихъ собраніи по языческому обычаю дѣлался жертвой очистительнаго огня: разведя огромное пламя, они на немъ спаливали ребенка. Пепелъ его собирался и сохранялся ими съ такимъ же благоговѣніемъ, съ какимъ у христіанъ сохраняются Св. Дары, назначенные для напутствія отходящимъ изъ этой жизни. И въ этомъ порошкѣ была такая сила дьявольскаго обмана, что кто изъ этой секты его хотя бы разъ попробовалъ немножко, тому ужъ невозможно было никогда возвратиться умомъ своимъ на путь истинной вѣры“.

Въ первыхъ разсказахъ про гнусности, которыя творятся на шабашахъ еретиковъ — въ «синагогахъ сатаны», какъ окрестило католическое правовѣріе молитвенныя собранія катаровъ — дьяволъ является еретикамъ еще въ человѣческомъ образѣ, въ видѣ арапа или даже въ образѣ ангела свѣта. Но позже утвердилось мнѣніе, что чаще всего дьяволъ при этомъ принимаетъ образъ чернаго кота, заставляя лобызать себя не въ губы, а подъ хвостъ. Иначе средневѣковая наука при незнакомствѣ съ греческимъ языкомъ, затруднялась объяснить самое названіе «катары» (отъ греческаго *καθαρός*—чистый). Cathari dicuntur a cato, quia, ut dicitur, osculantur posteriora cati, in cuius specie, ut dicunt, apparet eis Lucifer [1]) — такъ писалъ Doctor Universalis, профессоръ богословія въ парижскомъ университетѣ, схоластикъ Аланъ изъ Лилля. Явленіе сатаны въ видѣ кота—опять-таки со словъ очевидцевъ—не разъ описывалось въ литературѣ очень картинно. Въ урочный часъ еретики сбираются на шабашъ въ синагогу. Къ потолку синагоги прикрѣплена длинная веревка. Всѣ ждутъ. И вотъ по этой веревкѣ задомъ съ поднятымъ хвостомъ спускается огромный черный котъ. Это ихъ божество, это ихъ повелитель. Всѣ бросаются лобызать его самымъ позорнымъ образомъ. Затѣмъ огонь въ синагогѣ потухаетъ, и начинается неслыханная оргія. На ряду съ образомъ кота сатана любилъ принимать также образъ гигантской жабы. Тогда онъ требовалъ, чтобы его лобызали прямо въ уста — и Вильгельмъ парижскій серьезно размышлялъ о томъ, почему свыше «попускаются» такіе поцѣлуи.

Выработавшись сначала въ примѣненіи къ катарамъ, эта картина еретическаго шабаша дѣлается затѣмъ шаблономъ, который прилагался ко всѣмъ сектантамъ, нарушавшимъ спокойствіе римской церкви. Когда же за дѣло взялась инквизиція, то поднялась и степень достовѣрности такого рода фактовъ. Изъ разсказовъ «очевидцевъ и бывшихъ членовъ секты» они теперь превратились въ судебныя показанія, записанныя со словъ виновныхъ слѣдователями, облеченными полнымъ довѣріемъ папскаго престола. Въ Германіи катары никогда не имѣли большой силы. Въ ней преобладали секты раціоналистическаго характера въ родѣ вальденцевъ, мечтавшихъ о возрожденіи на землѣ чистой евангельской нравственности. И тѣмъ не менѣе первый германскій инквизиторъ, Конрадъ изъ Марбурга, всякаго обвиненнаго въ ереси человѣка допрашивалъ насчетъ того, не давалъ ли онъ поцѣлуй мира жабѣ, коту или

---

[1]) Катары зовутся такъ отъ кота: ибо, какъ говорятъ, они цѣлуютъ въ задъ кота, въ видѣ коего, какъ говорятъ, является имъ Люциферъ.

другимъ страшилищамъ. Отвѣты, которые удавалось вымучивать Конраду, мы узнаемъ изъ буллы папы Григорія IX отъ 1233-го года, составленной на основаніи донесеній германской инквизиціи въ Римъ. Для куріи являлось доказаннымъ, что нѣмецкіе еретики въ своихъ «школахъ» занимаются тѣми же гнусностями, которыми занимались катары въ «синагогахъ». Булла Григорія IX даетъ намъ вообще одну изъ самыхъ разработанныхъ картинъ еретическаго шабаша. Приведенный впервые на шабашъ новичокъ прежде всего лобызаетъ дьявола въ образѣ жабы. «Жаба эта всегда бываетъ достаточной величины: иногда съ утку или съ гуся, чаще же съ цѣлую печь». Затѣмъ навстрѣчу новичку выходитъ мертвенно-блѣдный человѣкъ, съ черными, какъ уголья, глазами, худой невѣроятно, одна кожа да кости. Съ нимъ тоже новичокъ обмѣнивается поцѣлуемъ. Поцѣлуй этотъ холоденъ, какъ ледъ, и послѣ него изъ сердца новичка сразу изглаживается всякая память объ истинной вѣрѣ. Затѣмъ собраніе садится за пирушку. Послѣ пирушки изъ статуи, «которая всегда стоитъ въ еретическихъ школахъ», поднимается черный котъ. Но къ цѣлованію кота допускаются лишь «совершенные». Прочіе же еретики только склоняютъ передъ котомъ головы, прося его о милости и обѣщая ему повиновеніе. За обожаніемъ кота слѣдуетъ неизбѣжная оргія въ кромѣшной тьмѣ. Тьма эта разсѣевается отъ новаго явленія дьявола. На этотъ разъ онъ принимаетъ до пояса видъ человѣка, отъ котораго исходитъ ослѣпительное сіяніе, ниже же пояса онъ остается однако шершавъ, какъ котъ. Онъ благодаритъ «мастера», представившаго предъ его очи новичка, за вѣрную службу и такъ далѣе. А въ жизни, прибавляетъ булла, эти гнусные люди прикидываются добрыми католиками. Каждый годъ на Пасху они тоже являются къ причастію. Но они не потребляютъ гостію, а принеся ее во рту домой, выплевываютъ въ помойную яму, позоря своего Спасителя.

Сходный шаблонъ былъ принятъ инквизиціей и на процессѣ ордена храмовниковъ. Этимъ еретикамъ тоже пришлось признаться, что они плюютъ на крестъ, покланяются дьяволу въ видѣ идола или въ видѣ кота и предаются разнузданному разврату. Оргіи у храмовниковъ носили, впрочемъ, еще болѣе сатанинскій характеръ, чѣмъ у другихъ еретиковъ. Мѣсто женщинъ у этихъ рыцарей-монаховъ заступали демоны—succubus'ы.

Какимъ же образомъ на свѣтѣ отыскивались люди, способные вступать въ такія отвратительныя сообщества? Для добрыхъ католиковъ казалось несомнѣннымъ, что дѣло не могло тутъ обходиться безъ колдовства. Первое же гоненіе на катаровъ въ началѣ XI

вѣка родило легенду о ихъ волшебномъ порошкѣ, заставлявшемъ забывать истинную вѣру. Извѣстные намъ безансонскіе еретики, у которыхъ подъ мышкой былъ зашитъ договоръ съ сатаной, совращали народъ своими знаменіями. Мы видѣли, какъ они пользовались характерной для всѣхъ колдуновъ потерей въ удѣльномъ вѣсѣ. Они кружили добрымъ католикамъ головы, ходя по водѣ какъ по сушѣ и не оставляя слѣдовъ на полу, усыпанномъ мукою. Огонь оказывался безсиленъ противъ еретиковъ не въ одномъ Безансонѣ. Въ другихъ мѣстахъ тоже записаны были случаи, когда еретикъ не горѣлъ на кострѣ, пока къ костру не выносили Св. Даровъ. Приведенный у насъ выше разсказъ монаха Альбериха про подвиги толедскаго чернокнижца въ Мастрихтѣ тоже стоитъ въ прямой связи съ исторіей распространенія ересей. Отъ этихъ восьми клириковъ, развращенныхъ чернокнижцемъ, и пошла, по словамъ Альбериха, секта люциферанъ. Вообще у монаховъ-лѣтописцевъ было что поразсказать про гнусную дружбу демоновъ съ еретиками. Въ 1233 году, заноситъ въ свою хронику тотъ же Альберихъ, въ Германіи сожжено было несчетное множество еретиковъ, при чемъ одна особенно дорогая сердцу Люцифера дружка съ костра была подхвачена демонами и исчезла безъ слѣда. Онъ же передаетъ намъ еще болѣе поразительный случай, обнаружившійся на большомъ процессѣ, который инквизиція вела въ 1239 году противъ катаровъ въ окрестностяхъ Шалона на Марнѣ. Нѣкая еретичка показала тамъ суду, какъ она однажды въ страстную пятницу демонами перенесена была въ Миланъ, чтобы прислуживать за трапезой тамошнимъ катарамъ. А чтобы мужъ не замѣтилъ ея отсутствія, одинъ изъ демоновъ скинулся ею и остался дома рядомъ съ мужемъ... Однимъ словомъ, къ тому времени, какъ инквизиція выступила на сцену, популярное мышленіе не знало уже строгаго различія между еретикомъ и колдуномъ: все это были люди, связавшіеся съ нечистой силой.

Нѣсколько иначе подступали къ вопросу тѣ исключительные знатоки вѣры, тѣ бывшіе слушатели богословскихъ факультетовъ, которые наполняли трибуналы инквизиціи. Они не зачисляли всѣхъ еретиковъ въ категорію колдуновъ; зато во всякомъ колдовствѣ они видѣли нѣчто еретическое, что дѣлали такія преступленія подсудными sancto officio. Въ самомъ дѣлѣ, наука твердо установила, что колдовать возможно лишь силой демоновъ, что всякое колдовство предполагаетъ договоръ съ сатаной и отреченіе отъ Бога. Каждый колдунъ, слѣдовательно, могъ разсматриваться, какъ отщепенецъ отъ церкви. А ввѣренное инквизиціи negotium fidei въ томъ и заключалось, чтобы вернуть церкви полное единство. Значитъ, если

инквизиторъ того хотѣлъ, онъ могъ въ своихъ проповѣдяхъ обязывать населенiе доносомъ не только на катаровъ или на вальденцевъ, но и на всѣхъ invocatores daemonum, на всѣхъ, кто «заключаетъ съ демонами открытые или молчаливые договоры».

Такъ понимали свои полномочiя первые дѣятели инквизицiи и такъ они учили своихъ преемниковъ. Замѣтимъ, что въ рукахъ высоко-образованныхъ людей, какими были папскiе слѣдователи, Ars inquirendi haereticos скоро приняло ученый, систематическiй характеръ. Различныя Summa de officio inquisitionis, Practica inquisitionis, Directorium inquisitorum и такъ далѣе, гдѣ обобщался судебный опытъ ряда инквизицiонныхъ трибуналовъ, къ концу среднихъ вѣковъ представляли изъ себя особый отдѣлъ юридической литературы, и уже самыя раннiя изъ нихъ содержатъ въ себѣ Interrogatoria ad sortilegos, divinos et invocatores daemonum. Въ этомъ отдѣлѣ, посвященномъ колдовству, мы находимъ все содержанiе «черныхъ книгъ», вращавшихся въ обществѣ XIII вѣка. Знакомство съ безчисленными видами гаданья и оперативной магiи входило непремѣннымъ составнымъ элементомъ въ образованiе совершеннаго инквизитора.

Но оказалось, что инквизиторы тутъ поторопились. Дѣла о колдовствѣ были извѣстны римской церкви какъ нельзя лучше, когда она еще не вѣдала никакихъ еретиковъ. Дѣла эти всегда разбирались епископскимъ судомъ, и нѣкоторые изъ епископовъ, повидимому, совсѣмъ не склонны были допускать вмѣшательства новыхъ папскихъ агентовъ и въ эту область. По крайней мѣрѣ мы находимъ, что въ 1260 году папа Александръ IV счелъ нужнымъ обратиться къ инквизиторамъ съ такимъ предостереженiемъ: «Порученное вамъ дѣло вѣры,—писалъ имъ папа,—настолько важно, что вамъ не слѣдуетъ отвлекаться отъ него преслѣдованiемъ другого рода преступленiй. Поэтому дѣла о гаданьѣ и колдовствѣ надобно вести инквизицiоннымъ порядкомъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда они опредѣленно отзываются ересью; во всѣхъ же прочихъ случаяхъ ихъ надо оставлять за учрежденными для того ранѣе судами».

Принципъ былъ выставленъ. Но надобно было еще найти конкретныя формулы, соотвѣтствующiя принципу, надобно было установить признаки колдовскихъ дѣянiй, которыя haeresim sapiunt manifeste. У корифеевъ схоластики на это не отыскивалось прямыхъ отвѣтовъ. Въ своемъ абстрактно-философскомъ порядкѣ идей они не имѣли повода касаться этого вопроса, который получилъ теперь такую практическую важность, они не имѣли повода точно анализировать соотношенiе между ересью и колдовствомъ. Такимъ образомъ ученые канонисты здѣсь были предоставлены собственнымъ силамъ.

Одной изъ самыхъ удачныхъ попытокъ рѣшить вопросъ долгое время почиталась записка, составленная въ началѣ XIV вѣка знаменитымъ болонскимъ юристомъ Ольдрадо да Понте для папскихъ комиссаровъ, которымъ было поручено заняться дѣломъ нѣкоего Іоанна изъ Партимаха. Этого Іоанна схватила инквизиція за то, что онъ, добиваясь благосклонности одной дамы, далъ выпить ей наговорнаго зелья. Іоаннъ, пользуясь своими связями, подалъ въ Римъ жалобу, доказывая свою неподсудность инквизиціонному трибуналу. Папа поручилъ разсмотрѣть основательность претензіи двумъ епископамъ, которые съ своей стороны и консультировали Ольдрадо. Ольдрадо велъ разсужденіе такимъ путемъ. Онъ исходилъ изъ опредѣленія ереси, составленнаго еще бл. Августиномъ и принятаго въ такъ называемый Декретъ: haereticus est, qui falsas vel novas opiniones gignit vel sequitur [1]). Согласно этому существенными признаками ереси для него являлись, съ одной стороны, error in ratione [2]), съ другой—pertinacia in voluntate [3]). Итакъ, не всякое обращеніе къ демонамъ должно признаваться «пахнущимъ ересью» и подсуднымъ инквизиціи. Тутъ дѣло зависитъ, во-первыхъ, отъ того, о чемъ человѣкъ демоновъ проситъ. Такъ, спрашивать демоновъ о будущемъ, конечно, ересь, ибо знаніе будущаго принадлежитъ одному Богу, и вопрошающій приписываетъ такимъ образомъ демону божескія свойства. Но обращаться къ демонамъ за тѣмъ, зачѣмъ къ нимъ обратился Іоаннъ, отнюдь не можетъ признаваться еретическимъ дѣяніемъ. Іоаннъ хотѣлъ при помощи дьявола соблазнить добродѣтельную женщину. Конечно, это тяжкій грѣхъ; но заблужденія тутъ нѣтъ, такъ какъ качество искусителя и по церковному ученію является однимъ изъ главныхъ качествъ дьявола: «искусителемъ» прямо называетъ сатану Св. Писаніе. Съ другой стороны, продолжалъ Ольдрадо, необходимо различать, въ какой формѣ обращался человѣкъ за содѣйствіемъ къ демонамъ. Если онъ — какъ то было въ случаѣ Іоанна — пытался имъ приказать, то тутъ опять-таки нѣтъ «вкуса ереси». Но трудно не считать ересью, если человѣкъ при этомъ предъ демонами унижался и воздавалъ имъ почести, которыя приличествуютъ лишь Богу или святымъ.

Папскіе комиссары признали доводы Ольдрадо убѣдительными и объявили Іоанна не подлежащимъ инквизиціонному суду. Инквизиція, съ своей стороны, тоже не стала пускаться въ принципіальныя препирательства съ Ольдрадо. Она лишь твердо стояла на

[1]) Еретикъ тотъ, кто создаетъ или усвоиваетъ ложныя или новыя мнѣнія.
[2]) Заблужденіе разума.
[3]) Упорство воли.

одномъ: что она можетъ всѣхъ виноватыхъ въ занятіяхъ волшебствомъ брать къ себѣ на допросы и что ей самой должно быть предоставлено выясненіе того, какія формы принимало въ различныхъ случаяхъ invocatio daemonum, былъ ли тутъ ясно выраженный или молчаливый договоръ, и какъ поступки колдуна относились къ культу «латріи» или «дуліи». И въ этомъ ей со стороны римской куріи не было отказа. Мало того: многіе изъ преемниковъ Александра IV сами поощряли инквизицію безъ всякаго стѣсненія выслѣживать и судить колдуновъ извѣстнымъ намъ упрощеннымъ порядкомъ, ссылаясь на то, что иначе отъ волшебства скоро совсѣмъ не станетъ никому житья: такъ быстро умножалось, по ихъ мнѣнію, число людей, которые «заключали союзъ со смертью и съ преисподнею дѣлали договоръ».

Adorare daemones, baptizare imagines et talia sunt valde gravia peccata et modernis temporibus multum incipiunt pullulare [1])—эти характерныя для XIV вѣка жалобы заслуживаютъ нашего полнаго вниманія. Стала ли Западная Европа къ этому времени дѣйствительно колдовать сильнѣе, чѣмъ она колдовала прежде, на это источники наши не позволяютъ намъ дать отвѣта. Во всякомъ случаѣ и въ раннее средневѣковье Европа была съ колдовствомъ достаточно знакома. Но несомнѣнно, что въ XIV вѣкѣ она сильнѣе трепещетъ передъ колдовствомъ, чѣмъ трепетала раньше. Съ одной стороны, самое колдовство принимаетъ въ ней гораздо болѣе мрачный, сатанинскій характеръ. Научная разработка вопроса о волшебствѣ въ высшей школѣ успѣла принести свои плоды. Черезъ монаховъ-проповѣдниковъ, служившихъ посредниками между университетами и народной массой, «теорія договора» стала знакома самымъ глухимъ мѣстностямъ Европы и вызвала соотвѣтственный прогрессъ въ практикѣ волшебства. «Продажа души чорту» изъ области легендъ теперь переходитъ въ очень распространенную операцію. Мы знаемъ, какъ разросся образъ сатаны къ XIV вѣку—довольно вспомнить Данте или фрески на кладбищѣ въ Пизѣ—и сила эта манила къ себѣ всѣхъ, чье сердце снѣдалось отчаяніемъ, гнѣвомъ, злобой или страстью. Принесеніе сатанѣ жертвъ—отъ черной бабочки до некрещенаго младенца — вызовы сатаны, черная месса, подписка кровью вѣрноподданнической присяги, дикія преступленія съ цѣлью снискать особую благосклонность ада—на все это

[1]) Воздавать божескія почести демонамъ, крестить восковыя фигуры и тому подобное—все это тяжкіе грѣхи, весьма умножающіеся въ новое время. (По средневѣковому взгляду дѣйствія надъ восковой фигурой человѣка только въ томъ случаѣ могли отзываться на человѣкѣ, если такая фигура была предварительно окрещена священникомъ, какъ живой младенецъ.)

въ концѣ среднихъ вѣковъ дѣйствительно пускались отчаянныя головы. Съ другой стороны, тѣ же успѣхи богословской науки, равно какъ общее накопленіе опыта, сильно ослабили прежнюю спасительную вѣру въ мѣры, которыя своевременно выработала католическая церковь для огражденія своихъ чадъ отъ козней нечистой силы. Уже Ѳома Аквинскій признаетъ, что церковныя заклятія одолѣваютъ демоновъ не при всякой «тѣлесной порчѣ». Но онъ высказываетъ еще убѣжденіе, что «экзорцизмъ» не можетъ оставаться безсильнымъ, если онъ примѣняется именно къ тому случаю, для котораго онъ былъ съ самаго начала предназначенъ. Позднѣе же схоластика дѣлаетъ и дальнѣйшія уступки очевидности. «Опытъ показываетъ,— говорятъ доктора богословія въ XIV вѣкѣ, — что съ попущенія Божія демоны иногда не отступаютъ ни передъ какими заклятіями и экзорцизмами. Въ подобныхъ случаяхъ снять порчу можетъ собственно лишь тотъ колдунъ, который ее напустилъ, или связавшійся съ тѣми же демонами его товарищъ. Но обращаться къ колдуну за чѣмъ бы то ни было, хотя бы за избавленіемъ отъ его же чаръ, значитъ впадать въ смертельный грѣхъ».

При такихъ обстоятельствахъ обществу оставался одинъ путь. Оно должно было усиленно бороться противъ колдуновъ земными средствами, оно должно было рукою правосудія нещадно вырывать подобныхъ «лиходѣевъ» изъ своей среды. А рука правосудія въ концѣ среднихъ вѣковъ ложилась на всѣхъ, кто приходилъ съ нимъ въ столкновеніе, съ иною тяжестью, чѣмъ въ раннее средневѣковье.

Exempla trahunt. Слѣдственный процессъ съ судебной пыткою недолго оставался исключительной принадлежностью главной носительницы средневѣковой культуры, римской церкви. «Легисты», наполнившіе въ эпоху процвѣтанія университетовъ совѣты государей, скоро вывели на ту же дорогу и свѣтскій судъ. Съ конца XIII вѣка одно европейское государство за другимъ переходитъ отъ стараго обвинительнаго процесса къ сыску, дѣлая изъ застѣнка необходимую принадлежность слѣдственной камеры, и вмѣстѣ съ этимъ въ исторіи Европы открывается періодъ, «когда суды являлись худшей угрозой для свободы, чести и счастья гражданъ, нежели всякій деспотическій произволъ» (Вэхтеръ).

Наука именемъ религіи осуждаетъ малѣйшее сомнѣніе въ существованіи колдовства. Папскій престолъ мечетъ противъ колдуновъ буллы, объявляя отлученными отъ церкви ipso facto «всѣхъ, кто приноситъ демонамъ жертвы и покланяется имъ, кто замыкаетъ демоновъ въ кольца, зеркала и пузырьки, кто вопрошаетъ демоновъ о будущемъ, проситъ у нихъ содѣйствія и за столь гнусныя вещи платитъ имъ гнуснымъ холопствомъ». Общество въ страхѣ всюду

видитъ колдуновъ и усердно на нихъ доноситъ. Суды съ помощью пытки почти у всякаго оговореннаго вырываютъ признаніе въ винѣ. Количество процессовъ все растетъ. Каждый процессъ является новымъ подтвержденіемъ правоты науки и папскаго престола. Каждый процессъ все больше раскрываетъ глаза людямъ на тѣ опасности, которыми постоянно грозитъ имъ нечистая сила. Какъ же могли бы они въ такую пору не толковать о томъ, что «новое время кишитъ колдунами» и какъ бы они стали отказываться въ борьбѣ противъ колдовства отъ услугъ такого учрежденія, какъ инквизиція, блестяще доказавшая совершенство своей организаціи на побѣдоносной борьбѣ съ еретиками? Valde rationabiliter posset ecclesia statuere, quod talia facientes, etsi non haberent errorem fidei in intellectu, si facerent hoc precise propter aliquod pactum cum demone habitum, velut heretici punirentur, et forsitan expediret, ut propter gravitatem pene homines a talibus arcerentur [1]),—такія пожеланія раздавались изъ среды самого общества, и въ этомъ духѣ составленъ былъ цѣлый рядъ папскихъ буллъ на протяженіи XIV и XV вѣка.

Къ чему же однако намъ останавливаться съ исключительнымъ вниманіемъ на папской инквизиціи? Развѣ же инквизиціонный процессъ съ пыткой не сталъ теперь преобладающей формой уголовнаго правосудія въ Европѣ? И развѣ одной этой перемѣны въ европейскомъ судоустройствѣ не достаточно, чтобы объяснить, какъ могли въ концѣ среднихъ вѣковъ увидѣть свѣтъ истинные процессы вѣдьмъ? Почему намъ не присоединиться просто къ давно высказанному положенію, по которому «процессы вѣдьмъ являются законнымъ чадомъ юриспруденціи»? Можетъ быть правы католическіе историки, говоря, что міръ обязанъ былъ появленіемъ вѣры въ вѣдьмъ не богословамъ, а юристамъ? Всѣ элементы бреда вѣдьмами, всѣ эти безчисленные разсказы про оборотней и стригъ и т. п., вопреки просвѣтительнымъ стараніямъ церкви, упорно жили въ невѣжественной народной массѣ. Извѣстныя печальныя событія XIV вѣка съ черною смертью во главѣ придали работѣ народной фантазіи особенно болѣзненную, мрачную окраску. А тутъ явилась пытка—способъ дознанія, который часто даже самаго добросовѣстнаго судью лишалъ возможности отличить болѣзненный бредъ отъ истины. Зачѣмъ же трогать здѣсь схоластику? Зачѣмъ искать нужнаго объясненія въ какихъ-то дебряхъ, когда оно у всѣхъ передъ глазами?

«Раціональная юриспруденція» конца среднихъ вѣковъ, родная

---

[1]) Церковь могла бы съ полной цѣлесообразностью постановить, чтобы тѣ, кто занимается подобными вещами, даже въ томъ случаѣ, если при этомъ не оказывается заблужденія разума, карались бы какъ еретики, разъ тутъ имѣетъ мѣсто договоръ съ дьяволомъ. И слѣдовало бы тяжестью такой кары отпугивать отъ этого людей.

сестра «раціональной теологіи», конечно, дѣлитъ съ ней отвѣтственность за появленіе процессовъ вѣдьмъ. Культура умиравшей Римской имперіи заразила юность европейской науки пе только спиритизмомъ. Оттуда же заимствована была наукой идея государства, обладающаго правомъ во имя общаго блага творить любое насиліе надъ отдѣльной личностью. И спора нѣтъ, что если бы пытка къ началу новой исторіи не стала обычной принадлежностью ученаго суда, то европейская цивилизація осталось бы чиста отъ смраднаго пятна гоненія на вѣдьмъ. Но факты неоспоримо свидѣтельствуютъ и о томъ, что одна ссылка на пытку еще ничего не объясняетъ намъ въ происхожденіи процессовъ о вѣдовствѣ. Только въ рукахъ судьи-схоластика, пріученнаго школой чураться эмпиризма и матеріализма, пытка оказалась способной переработать всѣ относящіяся сюда безсвязныя народныя представленія въ одну цѣльную, потрясающую картину.

Дѣйствительно, развѣ въ самой Римской имперіи всѣ элементы позднѣйшаго бреда вѣдьмами не находились ужъ налицо? И развѣ имперія, особенно въ христіанскую свою пору, стѣснялась при допросѣ колдуновъ прибѣгать къ жесточайшимъ формамъ пытки? Драконовскимъ духомъ дышатъ указы императора Констанція о мѣрахъ для конечнаго искорененія волшебства въ христіанскомъ мірѣ. Библія говоритъ: «Чародѣевъ не оставляй въ живыхъ», твердили Констанцію окружавшіе его аріане — и императоръ поступалъ по соотвѣтствію. Всякій видъ волшебства, хотя бы самый невинный, какъ амулеты противъ какой-нибудь болѣзни, теперь карался смертью. Что же касается вредоносныхъ маговъ, «которые преступно распоряжаются стихіями и губятъ своихъ ближнихъ», то въ борьбѣ съ ними Констанцій не останавливался ни передъ какими жестокостями. Онъ повелѣвалъ судамъ хватать заподозрѣнныхъ въ подобныхъ преступленіяхъ лицъ по первому доносу, пытать ихъ накрѣпко и въ случаѣ скораго признанія кидать звѣрямъ или распинать на крестѣ, а въ случаѣ упорнаго запирательства рвать у нихъ желѣзными крючьями мясо съ костей. И тѣмъ не менѣе до самаго конца Римской имперіи колдуны все же оставались простыми колдунами. Они не стали «сектой», не стали распутничать съ нечистымъ, не полетѣли никуда на шабашъ. По временамъ, какъ при самомъ Констанціи или при Валенсѣ, имъ приходилось очень плохо. Но то были отдѣльныя вспышки деспотическихъ жестокостей, и въ общемъ Римская имперія не можетъ указать ничего подобнаго позднѣйшему двухвѣковому преслѣдованію вѣдьмъ. Тѣ же условія находимъ мы и въ средневѣковой Византіи. И тамъ душа народной массы кишѣла суевѣріемъ; и тамъ колдунъ, попавъ на судъ, не

избѣгалъ рукъ заплечныхъ мастеровъ; и все это не привело однако Византію къ знакомству съ «вѣдовствомъ». Но самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ здѣсь представляются, конечно, непосредственныя наблюденія надъ ходомъ различныхъ колдовскихъ процессовъ на томъ же западѣ Европы въ XIV вѣкѣ.

Дѣла о колдовствѣ въ разныхъ мѣстахъ шли тогда очень различнымъ порядкомъ. Въ отсталыхъ странахъ и свѣтскій и епископальный судъ еще придерживались стараго «обвинительнаго» процесса. На ряду съ этимъ другія страны и въ свѣтскихъ и въ епископальныхъ трибуналахъ усвоили уже слѣдственный процессъ съ пыткой. Наконецъ, колдунами занимался также судъ инквизиціи, особенности котораго намъ извѣстны. Ходъ дѣлъ, которыя велись старымъ обвинительнымъ порядкомъ, насъ возращаетъ къ раннему средневѣковью: процессы рѣдки, кары мягки, доносъ является рискованною вещью. Много жесточе дѣйствуютъ свѣтскіе и епископальные суды, которые успѣли уже обзавестись застѣнкомъ. Число процессовъ возрастаетъ, исходъ ихъ обыкновенно бываетъ неблагопріятенъ для обвиняемыхъ, общество замѣтно привыкаетъ пользоваться обвиненіемъ въ колдовствѣ, какъ средствомъ мести. Но тѣмъ не менѣе и въ свѣтскихъ и въ большинствѣ епископальныхъ судовъ ходячія представленія о колдовствѣ за это время не обогащаются никакими новыми чертами. Предъ нами тутъ однообразной вереницей проходятъ люди, обвинявшіеся въ томъ, что подъ вліяніемъ страсти, ревности или злобы они готовили все тѣ же наговорныя зелья, восковыя куклы, амулеты и т. д. Нигдѣ въ указанныхъ судахъ процессы эти не проявляютъ также наклонности принимать массовый характеръ. На скамьѣ подсудимыхъ являются отдѣльныя лица или небольшія группы соумышленниковъ, оправданіемъ или обвиненіемъ которыхъ все и кончается. Зато процессы, которые велись епископами изъ нищенствующихъ монаховъ и еще болѣе процессы папской инквизиціи въ томъ же XIV вѣкѣ—даже до черной смерти—явственно начинаютъ мѣнять свою окраску, заставляя насъ чувствовать близость настоящихъ процессовъ вѣдьмъ.

Дѣйствительно, чѣмъ чаще дѣла о колдовствѣ попадаютъ въ руки судей-демонологовъ, знакомыхъ со всѣми установленными наукой возможностями въ этой сферѣ, тѣмъ омерзительнѣе становятся фигуры колдуновъ. Если бы колдуны занимались лишь тѣмъ, за что ихъ прежде обвиняли! А то схваченная въ Новарѣ инквизиціей чертовка, которая тамъ извела столько дѣтей, призналась, что, заключая съ адомъ договоръ, она топтала крестъ ногами и на колѣняхъ молилась сатанѣ. Или взять «дьявольское гнѣздо», накрытое въ Ирландіи францисканцемъ Рихардомъ Ледредомъ, епископомъ

оссорійскимъ, въ 1324 году. Ихъ было тамъ 12 душъ—семь женщинъ и пять мужчинъ, изъ нихъ одинъ духовный, и всѣ они оказались на судѣ ужасными haeretici sortilegae, diversis utentes sortilegiis, quae sapiebant diversas haereses [1]). Душой компаніи была знатная дама Алиса Кителеръ, «волшебница, по силѣ равнявшаяся самымъ могучимъ волшебникамъ Англіи и даже всего міра». Весь этотъ скопъ отрекся отъ Христа и церкви, ругался надъ таинствами, по ночамъ на перекресткахъ приносилъ дьяволу жертвы, и дьяволъ самъ являлся къ нимъ то какъ арапъ, то какъ черная собака, то какъ котъ. Но какъ бы онъ ни являлся, они безбожно съ нимъ распутничали. Звался ихъ главный дьяволъ Robinus filius artis. Онъ частенько жаловалъ и на домъ къ своей возлюбленной, госпожѣ Алисѣ, когда одинъ, когда съ пріятелями. Что они тамъ творили—это перо отказывается передавать. Въ черепѣ обезглавленнаго преступника изъ мозга некрещенаго младенца съ прибавкой травъ и всякой несказанной мерзости варили эти колдуны свои зелья, отъ которыхъ плохо приходилось добрымъ христіанамъ. Сама Алиса всѣхъ четырехъ своихъ мужей отправила съ помощью ада на тотъ свѣтъ. Алиса, правда, ускользнула отъ рукъ епископа, убѣжавъ въ Англію. Но кое-кому изъ гнусныхъ ея сообщниковъ пришлось отправиться по заслугамъ на костеръ. Прежде всего была брошена въ огонь горничная Алисы, Петронилла: et haec est prima sortilega haeretica inter tot et tantas, quae unquam combusta fuit in Hibernia [2]), такъ кончаетъ свой разсказъ о ней хроника XIV вѣка. Итакъ, оказывалось, что «еретическіе колдуны», эта вновь установленная колдовская разновидность, по мѣстамъ собиралась на такіе же шабаши, какъ и настоящіе сектанты. Чаще всего съ этимъ приходилось встрѣчаться южно-французской инквизиціи, работавшей въ странѣ особенно зараженной ересями, и въ инквизиціонные архивы для справокъ грядущимъ инквизиторамъ были занесены на этотъ счетъ дѣйствительно поразительные факты. Такъ, въ 1335 году на большомъ процессѣ въ Тулузѣ, гдѣ колдуны судились вмѣстѣ съ еретиками, инквизитору Пьеру Гюи пришлось выслушать отъ двухъ «еретическихъ колдуній» признаніе такого рода. Ужъ 20 лѣтъ тому назадъ, говорили онѣ, былъ ими заключенъ страшный договоръ съ адомъ. Было то ночью, на перекресткѣ, и сатана явился тутъ въ видѣ пламени. Послѣ этого каждую субботу онѣ стали впадать въ волшебный сонъ и улетать на шабашъ. На шабашѣ, гдѣ сатана при-

[1]) Еретическими колдунами, занимавшимися разными видами колдовства, которые отзывались различными ересями.

[2]) То было первая еретическая колдунья изъ всѣхъ, кои когда-либо были сожжены въ Ирландіи.

нималъ поклоненіе въ видѣ гигантскаго козла, конечно шла обычная оргія—распутство участниковъ между собой и съ сатаной. Изъ угощенья же особымъ лакомствомъ являлось мясо младенцевъ, стащенныхъ ночью. Но этотъ шабашъ былъ въ то же время и своего рода «школой». Сатана тутъ преподавалъ всѣ тайны колдовского искусства: какъ поднимать бури, какъ напускать болѣзни и т. д. Все это взятыя инквизиторомъ колдуньи показали изъ-подъ пытки. Добромъ же онѣ не захотѣли этихъ показаній подтвердить. Одна изъ нихъ прямо стала объяснять, что она женщина больная и что подобныя видѣнія мучили ее ночью, какъ кошмаръ, и даже иногда днемъ, какъ галлюцинаціи. Въ виду необыкновенности дѣла инквизиторъ пригласилъ на совѣтъ нѣсколькихъ «мудрыхъ и ученыхъ мужей». Въ результатѣ совѣщанія отговорки колдуній были признаны дьявольской хитростью, и подсудимыя были отданы въ руки свѣтской власти, которая и озаботилась ихъ сожженьемъ.

Надъ этимъ показаніемъ «мудрымъ и ученымъ мужамъ» дѣйствительно приходилось задуматься. Разсказъ тулузскихъ колдуній объ ихъ полетахъ на шабашъ, гдѣ онѣ пожирали младенцевъ, очень напоминалъ народное повѣрье о стригахъ-людоѣдкахъ, а эти бредни были давно уже осуждены церковью, и предписаніе сажать за нихъ на хлѣбъ и на воду съ тѣхъ поръ неоднократно церковью подтверждалось. Такъ относились къ дѣлу Руководства по церковной дисциплинѣ, такъ относились и люди науки.

„Иные утверждаютъ, что нѣкая царица ночи или Иродіада устраиваетъ ночныя сборища для пира и для службы, гдѣ по заслугамъ она однихъ наказываетъ, другимъ же расточаетъ похвалы. Туда же, говорятъ они, ламіями приносятся младенцы, и однихъ сборище немедленно рветъ на куски и пожираетъ, другихъ же предсѣдательница милуетъ и возвращаетъ въ колыбели. Кто можетъ быть однако такъ слѣпъ, чтобы не видѣть, что это злостное издѣвательство демоновъ надъ человѣческими чувствами? Не даромъ это случается лишь съ бѣдными женщинами да съ глупыми, слабыми въ вѣрѣ мужчинами. Если же съ человѣкомъ, страдающимъ подобнымъ ослѣпленіемъ, потолковать покрѣпче и раскрыть ему глаза, то злой духъ съ легкостью побѣждается и отгоняется. Лучшее лѣкарство противъ подобной болѣзни — имѣть твердую вѣру, не слушать такой лжи и не обращать никакого вниманія на всѣ эти прискорбныя глупости".

Противъ такого разсужденія, представленнаго въ свое время Іоанномъ Салисберійскимъ, никто изъ образованныхъ людей съ тѣхъ поръ не считалъ возможнымъ спорить, и сама инквизиція неукоснительно предлагала нетвердымъ въ вѣрѣ людямъ вопросъ, не прегрѣшали ли они также и противъ Canon Episcopi. Но, съ другой стороны, колдуньи не поминали никакой царицы ночи. То, что они описывали, почти во всемъ сходилось съ обыкновенной картиной шабаша еретиковъ. А еретическіе шабаши самой же инквизиціей были доказаны документально. Пьеръ Гюи и его консультанты рѣшили вопросъ въ томъ смыслѣ, что показаніямъ колдуній надо дать

вѣру. Но дѣло по существу во всякомъ случаѣ оставалось темнымъ. Народное воображеніе сильно занято было теперь картиной шабаша, и инквизиторы имѣли въ рукахъ факты, что нѣкоторые негодяи готовы были отречься отъ Христа только за тѣмъ, чтобы попасть на сатанинскія вакханаліи. Такъ, въ Каркассонѣ въ 1352 году семь человѣкъ признались инквизитору, что они въ духѣ обожали Козла, надѣясь быть взятыми на шабашъ, но по маловѣрію не могли этого достигнуть. Но кого бралъ дѣйствительно сатана на шабаши, какъ туда можно было попадать и, въ частности, насколько усердно шабаши посѣщались «еретическими колдунами»,—насчетъ всего этого инквизиція не дѣлала еще никакихъ заключеній, не обладая въ достаточномъ количествѣ нужнымъ судебнымъ матеріаломъ.

Та медленность, съ которой разъяснялись эти вопросы, та медленность, съ которой инквизиція доходила до представленія о вѣдунахъ и вѣдьмахъ, какъ особой «сектѣ», въ значительной мѣрѣ обусловливалась тѣмъ, что инквизиціоннымъ трибуналамъ долгое время приходилось работать въ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ. Намъ теперь ясно, какъ выросли позднѣйшія сказанія о вѣдьмахъ. Мы видимъ, что тутъ слились три различныхъ элемента—вѣра въ колдовство, вѣра въ ужасные еретическіе шабаши и вѣра въ летающихъ по ночамъ то кровожадныхъ, то распутныхъ, то просто падкихъ до угощенія женщинъ. Вѣра въ летающихъ по воздуху людей играла при этомъ первостепенно важную роль. Стоило выдернуть изъ ткани эту нить, и отъ ученія о «сектѣ вѣдьмъ» ничего не оставалось. Разбросанныхъ по свѣту «еретическихъ колдуновъ» возможно было слить въ одно сообщество наподобіе катаровъ и вальденцевъ лишь при одномъ условіи, что для нихъ открыты не только земные, но и воздушные пути. Иначе всѣ оговоры со стороны сообщниковъ—главный источникъ питанія для процессовъ вѣдьмъ—неизмѣнно бы разбивались о доказательства матеріальной невозможности для указанныхъ лицъ находиться въ данное время на данномъ мѣстѣ. Но если въ Европѣ XIV и XV вѣка было не мало мѣстностей, гдѣ «стриги» занимали народную фантазію съ такой же силой, какъ при Буркардѣ Вормскомъ или при Іоаннѣ Салисберійскомъ, то въ общемъ мѣстности эти совсѣмъ не совпадали съ тѣми, гдѣ приходилось вести свою работу инквизиціи. Тѣ области Европы, гдѣ живо было первобытное міросозерцаніе, не вѣдали у себя и язвы ересей и не нуждались въ заботахъ инквизиціонныхъ трибуналовъ. Ереси были порожденіемъ передовыхъ странъ съ сильно развитой городской культурой, какъ южная Франція и сѣверная Италія. Изъ горожанъ главнымъ образомъ состояли ряды катаровъ, которыхъ современники нерѣдко обозначали

просто названіемъ ткачи. Города составляли точно такъ же и главную арену дѣятельности вальденцевъ и ломбардскихъ бѣдныхъ. Но, разрушая наивность вѣры, толкая людей на путь раціонализма, городская атмосфера естественно разрушала вмѣстѣ съ тѣмъ и наивность суевѣрій. Какъ это было въ Римской имперіи, такъ это было и въ средніе вѣка. Стригамъ и оборотнямъ въ городскихъ стѣнахъ не находилось нужнаго простора.

Въ Европѣ XIV - XV вѣка были однако двѣ страны, которыя совмѣщали въ себѣ не совмѣщавшіяся въ другихъ мѣстахъ условія—крайнюю умственную отсталость населенія и изобиліе въ его средѣ еретиковъ. Странами этими являлись Альпы и Пиринеи. Центрально расположеннымъ Альпамъ и принадлежитъ печальная честь считаться истинной колыбелью «процессовъ вѣдьмъ».

Разбросанные по недоступнымъ горнымъ высямъ и долинамъ, почти оторванные отъ прочаго міра, среди грозной природы, могуче дѣйствовавшей на фантазію, альпійскіе охотники и пастухи являлись въ ту эпоху, быть можетъ, самыми вѣрными хранителями запаса первобытныхъ общеевропейскихъ повѣрій. «Альпы кишатъ суевѣріемъ», писалъ въ началѣ XV вѣка доминиканецъ Нидеръ, и современникъ его тирольскій судья Винтлеръ въ своей поэмѣ «Цвѣты Добродѣтели» при описаніи альпійскихъ суевѣрій нашелъ матеріала почти на тысячу стиховъ. Съ особенною силой держалась въ Альпахъ вѣра въ домовыхъ, которые по ночамъ вступаютъ въ любовныя сношенія съ людьми, и въ ночные полеты, при чемъ для этого нетрудно указать и физіологическія причины. Такъ называемое Alpdrücken и яркій до галлюцинаціи бредъ летаньемъ до сихъ поръ остаются, наравнѣ съ кретинизмомъ, особенно характерными для Альпъ болѣзнями. Къ вѣрѣ въ полеты Винтлеръ возвращается неоднократно. «Многіе мажутъ саломъ кадушки, чтобы летать по воздуху». «Многіе такъ проворны, что въ одну минуту пролетаютъ сотни миль». «Иные ѣздятъ по воздуху на телятахъ и на козлахъ, на камняхъ и на палкахъ». Для правильнаго освѣщенія вопроса замѣтимъ здѣсь, что образованный судья-поэтъ самъ все это относилъ въ область болѣзненнаго бреда. Онъ былъ не важный богословъ: онъ, напримѣръ, не вѣрилъ, чтобы колдуньи были способны накликать бури. Но тутъ онъ толковалъ строго согласно съ Canon Episcopi. «Ни одинъ человѣкъ не летаетъ, но инымъ грезится, будто они летаютъ. Это мы знаемъ по злымъ, нечистымъ людямъ: они летаютъ, а сами остаются дома, какъ это подтверждается несомнѣнными свидѣтельствами. Ихъ тѣло не трогается съ мѣста, они уносятся только душой, грезя, будто они и въ самомъ дѣлѣ улетѣли. Такъ ихъ опутываетъ сатана, чтобы они ему тѣмъ крѣпче

вѣрили. Ибо кто предается сатанѣ, тому грезится, будто онъ все время летаетъ».

Но эти Альпы, столь густо населенные всякими призраками, лежали въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Ломбардіей и Провансомъ, главными центрами ранней средневѣковой культуры, главными очагами ересей, главнымъ театромъ подвиговъ инквизиціи. Черезъ Альпы перекочевывали еретики изъ Южной Франціи въ сѣверную Италію, и та же недоступность, которая такъ пагубно отзывалась на умственности коренного населенія, дѣлала изъ альпійскихъ долинъ естественное убѣжище для катаровъ и вальденцевъ, когда на родинѣ гоненіе вспыхивало съ особой силой. Сюда они спасались, чтобы переждать, пока церковные громы стихнутъ, здѣсь они оставались нерѣдко и на прочное жительство. Въ Альпахъ до сихъ поръ еще существуютъ общины вальденцевъ. Само собою разумѣется, однако, что инквизиція неспособна была глядѣть на это, сложа руки. Ея французскіе и итальянскіе дѣятели вслѣдъ за еретиками тоже узнали дороги въ Швейцарію и Савойю. Въ XV вѣкѣ съ одной стороны Альпъ Туринъ и Комо, съ другой Женева и Лозанна снабжаются постоянными инквизиціонными трибуналами, которые по твердо установившемуся къ тому времени порядку за сыскомъ о еретикахъ не забываютъ освѣдомляться у населенія и про людей, замѣченныхъ въ преступныхъ занятіяхъ волшебствомъ. Тѣ и другіе представлены были на этомъ новомъ поприщѣ инквизиціонной дѣятельности очень богато и разнообразно, и здѣсь наконецъ инквизиціи удалось довести до полной ясности то, что только чуялось ей въ самой Италіи и Франціи. Здѣсь для нея впервые стало несомнѣннымъ, что нѣкоторые изъ «еретическихъ колдуновъ» подобно настоящимъ еретикамъ, образовали особое сообщество, держащее свои шабаши и занимающееся преступной пропагандой.

Haeretici fascinarii, stregones, strigae haereticae, strigimagae, или же Gazarii (простонародное швейцарское искаженіе имени катары) и Waudenses (pays de Vaud)—такими пестрыми названіями, дававшимися по различнымъ примѣтамъ, обозначаетъ инквизиція этихъ новыхъ еретиковъ, которыхъ она принялась усиленно жечь съ первыхъ десятилѣтій XV вѣка. При этомъ новые Waudenses сначала строго различаются отъ старыхъ Valdenses или ліонскихъ бѣдныхъ, близко знакомыхъ инквизиціи съ XIII вѣка. Съ теченіемъ времени однако различіе между ними мало-по-малу исчезаетъ. Факты показываютъ инквизиціи, что въ колдовской странѣ вальденцы сами превратились въ завзятыхъ колдуновъ, и такимъ образомъ латинское названіе Valdensis на ряду съ французскимъ Vaudois становится господствующимъ обозначеніемъ для членовъ вновь открытой

секты. О точности названія здѣсь инквизиціи не приходилось, впрочемъ, особенно заботиться, такъ какъ этихъ еретиковъ никакъ нельзя было смѣшать съ другими. Ихъ главною особенностью служила способность летать по воздуху, которой они пользовались, чтобы собираться на свои шабаши изъ самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстъ. Errores Gazariorum seu illorum, qui scobam vel baculum equitare probantur [1]) — таково заглавіе одного изъ первыхъ трактатовъ, гдѣ сохранилось описаніе новой ереси. Что же касается гнусностей, которыя продѣлывались этими вальденцами или летучими колдунами на своихъ шабашахъ, то онѣ затмевали все извѣстное про ранѣе бывавшихъ еретиковъ.

Сама инквизиція сразу обезпокоилась сдѣланнымъ въ Швейцаріи открытіемъ и принялась искать слѣдовъ новой секты по другимъ мѣстамъ,—конечно, съ отличавшимъ всегда подобные поиски успѣхомъ. По Ронѣ вверхъ поднялась инквизиція изъ Франціи въ Швейцарію; по Ронѣ внизъ стали спускаться процессы противъ Valdenses ydolatrae изъ Швейцаріи во Францію. Въ 1433 году мы встрѣчаемъ уже большой процессъ такого рода въ Ліонѣ, и скоро слово Vauderie или Vaudoisie стало знакомо всей Франціи, сначала ея югу, а затѣмъ и сѣверу. Avoir été en Vauderie на языкѣ французскихъ памятниковъ XV вѣка значитъ «летать на шабашъ». Однако инквизиція нѣсколько запоздала съ своимъ открытіемъ. Въ глухихъ альпійскихъ мѣстностяхъ она, положимъ, могла жечь летучихъ колдуновъ десятками. Ей удалось тамъ скоро поставить и свѣтскую власть на свою точку зрѣнія. Автономныя крестьянскія общины въ Валлисѣ подъ руководствомъ сіонскаго епископа уже въ 30-хъ годахъ XV вѣка жгли своихъ вѣдьмъ съ примѣрнымъ усердіемъ. Но когда инквизиція объявила свою новость такимъ странамъ, какъ коренная Франція и Германія, она столкнулась тамъ съ враждебнымъ недовѣріемъ. То была середина XV вѣка, когда старый престижъ римскаго престола и его главныхъ агентовъ, нищенствующихъ монаховъ, успѣлъ уже померкнуть. Европа видѣла Magnum Scandalum Ecclesiae, Европа пережила соборное движеніе, и чтобы не выпустить окончательно національныя церкви изъ-подъ своего вліянія, Риму приходилось идти на всякія сдѣлки съ свѣтскимъ государствомъ, которое теперь высоко подняло голову и взяло инквизицію подъ строгій свой надзоръ. Вмѣстѣ съ этимъ давно таившійся въ обществѣ духъ критики сталъ заявлять о себѣ съ неслыханною дерзостью. Монахи-проповѣдники привыкли запу-

[1]) Заблужденія газаріевъ или тѣхъ, что ѣздятъ, какъ доказано, на метлахъ или на палкахъ.

гивать народъ чертями. Насмѣшливая буржуазія теперь на это замѣчала, что адъ и черти похожи на сказки, сочиненныя духовенствомъ, чтобы съ удобствомъ переводить въ свой карманъ чужія деньги. Но и среди самого духовенства новые инквизиціонные процессы наткнулись на протесты. Приходское католическое духовенство въ своей массѣ до самаго конца среднихъ вѣковъ не пользовалось благами высшаго богословскаго образованія и само, повидимому, успѣло отчасти заразиться разъѣдавшимъ свѣтское мышленіе ядомъ эмпиризма. А тутъ еще присоединялась та ненависть, которую оно издревле питало къ нищенствующимъ орденамъ, вырывавшимъ у него изъ рукъ и вліяніе и доходы. Такимъ образомъ инквизиціи приходилось являться свидѣтельницей, какъ «пагубные, неученые проповѣдники» осмѣливались говорить своей паствѣ: «Ты не долженъ вѣрить, будто въ самомъ дѣлѣ есть такія колдуньи, что въ просторѣчіи зовутся вѣдьмами, и будто отъ нихъ бываетъ вредъ людямъ, скотинѣ и плодамъ земнымъ чрезъ бури. Все это бываетъ отъ другихъ причинъ, намъ непонятныхъ, или съ попущенія Божія черезъ демоновъ, но никоимъ образомъ не черезъ колдуній». Но, чтó для инквизиціи было особенно прискорбно, подобныя же рѣчи можно было слышать и отъ иныхъ людей, стоявшихъ на очень высокой ступени образованности. «Я знаю, — такъ писалъ объ этомъ одинъ изъ убѣжденнѣйшихъ гонителей вѣдовства, — что много есть людей, обладающихъ великой репутаціей, ученостью и познаніями, которые считаютъ этихъ несчастныхъ заслуживающими не столько кары, сколько состраданія, и полагаютъ, что такъ называемая ими меланхолія и галлюцинаціи подобныхъ женщинъ требуютъ успокоительнаго питья и молитвъ, а вовсе не пламени костра». Подобныхъ скептиковъ надобно было переубѣдить. Надобно было раскрыть самому обществу глаза на весь объемъ грозившей ему опасности. Для этого же надо было предъявить ему матеріалы, скопившіеся въ архивахъ инквизиціи. Иначе, какъ признавали сами инквизиторы, общество было, конечно, въ правѣ относиться подозрительно къ законности новыхъ процессовъ. Дѣло это, говорили они, безспорно совсѣмъ особаго рода (haec materia valde singularis est). Для профановъ все тутъ представляется совершенно невѣроятнымъ. А для того, кто пріобрѣлъ тутъ опытъ, напротивъ, всякое сомнѣніе кажется безуміемъ, и всякая попытка остановить карающую руку правосудія тяжкимъ грѣхомъ противъ рода человѣческаго.

При такихъ обстоятельствахъ въ срединѣ XV столѣтія возникаетъ особый отдѣлъ богословской литературы, посвященный задачѣ исцѣлить общество отъ недовѣрія, съ которымъ оно отнеслось къ тому, что говорила инквизиція de possibilitate et etiam de realitate

et veritate своего новаго открытія. Самые ранніе изъ дошедшихъ до насъ ея образчиковъ относятся къ 1450 году. Ими являются помянутый уже анонимный трактатъ Errores Gazariorum seu illorum qui scobam vel baculum equitare probantur и сочиненіе каркассонскаго инквизитора профессора Іоанна Винети Tractatus contra daemonum invocatores. Лучшій знатокъ этой литературы Гансенъ указываетъ далѣе добрый десятокъ различныхъ авторовъ—французовъ, итальянцевъ, испанцевъ и нѣмцевъ—издавшихъ болѣе или менѣе объемистые труды по этому предмету еще до появленія въ 1487 году знаменитаго Malleus Maleficarum, успѣвшаго затмить всѣ сходныя работы настолько, что съ него долгое время принято было начинать всю исторію преслѣдованія вѣдьмъ. Однако, несмотря на быстро пріобрѣтенный великій вѣсъ, Молотъ Вѣдьмъ не разбилъ окончательно предъявлявшихся скептиками возраженій, и доминиканскіе богословы употребили еще около пятидесяти лѣтъ, чтобы распутать всѣ софизмы, на которые пускались противники инквизиціонныхъ взглядовъ. Такимъ образомъ въ общемъ на выработку строго научнаго представленія о вѣдьмахъ понадобилось почти что цѣлое столѣтіе экспериментовъ въ застѣнкѣ и размышленія надъ ними по монашескимъ кельямъ.

Въ главныхъ своихъ чертахъ однако картина новой опасности, которою неистощимый въ своихъ козняхъ адъ угрожалъ «успѣвшему состариться міру», была уже твердой рукой начертана въ самыхъ раннихъ изъ упомянутыхъ нами трактатовъ. Почти на нашихъ глазахъ,—такъ повѣствовали всему католическому міру ихъ авторы—съ Божьяго попущенія возникло неслыханное по своей гнусности и разрастающееся съ страшной быстротой новое еретическое сообщество (insolita quaedam haeretica pravitas). Основано оно не такъ, какъ всѣ другія секты, преступными людьми, но непосредственно сатаною, которому Богъ далъ на это власть въ виду того, что свѣтъ никогда еще не утопалъ до такой степени въ грѣхахъ и беззаконіи. Секта эта губитъ людей не только ядомъ превратнаго ученія. Нѣтъ, она изводитъ добрыхъ христіанъ всѣми тѣми бѣдствіями, какія способна накликать на людей и на людское добро черная магія. Члены ея злѣйшіе изъ когда-либо виданныхъ колдуновъ, въ распоряженіе которыхъ адъ предоставляетъ все свое искусство и силу. Что касается подходящаго имени для этой новой секты, то инквизиція, какъ мы упомянули, долго его искала, пока наконецъ не рѣшила, что этихъ опаснѣйшихъ изъ всѣхъ «лиходѣевъ» удобнѣе всего просто обозначать именемъ malefici и maleficae, ибо сравнительно съ ними всѣ прочіе «лиходѣи и лиходѣйки» теряли всякое значеніе. Во Франціи они долго звались Vaudois, пока и

тамъ это не вытѣснено было старымъ, общимъ названіемъ колдуновъ—sorciers. Въ Италіи народъ сталъ обозначать новыхъ еретиковъ словомъ stregones и stregulae. Германія ихъ окрестила именемъ Hexen и Hexenmeister. Мы съ своей стороны будемъ ихъ обозначать словами «вѣдуны» и «вѣдьмы».

Эти еретики, какъ и всѣ прочіе, періодически собираются на шабаши. Кому близко, тотъ приходитъ туда пѣшкомъ; а дальніе силою демоновъ приносятся по воздуху. Зачѣмъ это? Отвѣтъ здѣсь простъ. Сатана остался сатаной. Сердце его попрежнему гложетъ ненасытная гордыня, и онъ не можетъ утѣшиться, что кончились языческія времена, когда ему по всей землѣ открыто приносилось поклоненіе на алтаряхъ и въ храмахъ. Открытое служеніе сатанѣ при бдительности и строгости властей въ христіанскомъ мірѣ стало невозможно. И вотъ онъ пустился на такую новую хитрость, устраивая съ помощью ея многолюднѣйшія собранія своихъ поклонниковъ. Самое путешествіе на шабашъ описывается у инквизиторовъ съ необычайной живостью и наглядностью. Заманиваютъ людей въ секту, разсказываютъ они, иногда сами демоны; но чаще человѣкъ же развращаетъ человѣка. Воспользовавшись подходящимъ настроеніемъ, соблазнитель разсказываетъ своей жертвѣ, что у него можно выучиться, какъ жить, не зная отказа ни въ какомъ желаніи. Для этого надобно только посѣтить одно потайное собраніе, гдѣ встрѣтишь отличное общество и гдѣ къ тому же насмотришься всякихъ диковинокъ. Получивши согласіе, соблазнитель даетъ своему новому ученику небольшую палочку, которую удобно взять между ногъ, и мазь, завернутую въ тряпочку или въ кусокъ бумаги. Въ такой-то день и часъ, говоритъ онъ, я за тобой зайду и тебя кликну; если же меня самого что-нибудь задержитъ, я пошлю за тобой одного своего пріятеля. Пріятелемъ этимъ, поясняютъ наши трактаты, всегда оказывается демонъ. У каждаго такого еретика имѣется daemon familiaris, заступающій мѣсто ангела-хранителя. Въ урочный часъ наставникъ съ демономъ являются къ неофиту. Берутся палочки, намазываются мазью, и воздушные путешественники, согнувшись, выскальзываютъ черезъ окошко или черезъ печную трубу въ поднебесную высь. Въ трубу, конечно, взрослому человѣку не пролѣзть. Но путешественники не даромъ при этомъ приговариваютъ что-нибудь въ родѣ Va de par le dyable, va или Sathan, n'oublye pas ta mamie. Дьяволъ съ непостижимой, неуловимой для глаза быстротой раздвигаетъ и снова сдвигаетъ кирпичи въ трубѣ—quoniam daemon est mirabilis artifex [1]). Летящіе взвиваются высоко.

[1]) Ибо демонъ дивный искусникъ.

Путь ихъ пролегаетъ «черезъ нижніе слои средней атмосферы». Тамъ уже очень холодно, и отъ ужасной скорости движенія больно бываетъ и сердцу, и груди и глазамъ, хотя дьяволъ и устраиваетъ разныя приспособленія, чтобы прикрыть и заслонить несущихся на шабашъ. Сами они лишь смутно различаютъ тѣ мѣстности, надъ которыми имъ приходится пролетать. Новичку строго-настрого наказывается, чтобы онъ не поминалъ Бога и святыхъ и не осѣнялъ себя знаменіемъ креста: иначе паденіе неизбѣжно. «Достигши мѣста, они тамъ занимаются тѣмъ, что изложено въ слѣдующей главѣ; по окончаніи же всего они снова берутъ намазанные палочки и ворочаются куда хотятъ или куда хочетъ демонъ. И на всемъ пути туда и назадъ они держатъ палочки между ногъ. И замѣть, читатель, что при первомъ полетѣ нерѣдко демонъ всю дорогу несетъ ихъ, оставаясь видимъ; въ другихъ же случаяхъ обыкновенно онъ носитъ ихъ, не принимая видимаго образа; бываетъ также, что одной палочки оказывается довольно для двоихъ, и чаще всего наставникъ и ученикъ вмѣстѣ летаютъ на собраніе и съ собранія».

Самая картина шабаша въ основѣ ничѣмъ не отличается отъ той, которую удалось установить Пьеру Гюи еще въ началѣ XIV вѣка. Мы тутъ находимъ тѣ же составныя части: обожаніе сатаны и надругательство надъ христіанской вѣрой, оргію съ обязательнымъ пожираніемъ младенцевъ и «школу» съ проповѣдью сатаны о томъ, какъ члены секты должны себя вести въ жизни, и съ наставленіемъ въ колдовскомъ искусствѣ. Но полтора вѣка прошли для инквизиціи не даромъ. То, что прежде только неясно намѣчалось, теперь ей стало извѣстно съ мельчайшими подробностями и, главное, теперь все это было тонко продумано съ богословской точки зрѣнія. Вотъ старая вѣдьма представляетъ только что соблазненную ею юницу предъ очи предсѣдателя собранія. Если та изъ бѣдныхъ, изъ низшаго сословія, то этотъ «отецъ гордыни» почти не хочетъ съ ней и говорить. Глухимъ, отрывистымъ голосомъ, похожимъ на собачій лай, онъ заявляетъ, что отъ такой дряни нельзя ждать никакого толку для секты: никогда не сумѣетъ она совершить великаго злодѣйства, не будетъ отъ нея достаточно бѣдствій для христіанскаго міра. Наставница ходатайствуетъ за неофитку, и сатана приказываетъ, наконецъ, вновь приведенной отречься отъ Христовой церкви. Та отрекается отъ Бога и Христа, отъ Пресвятой Дѣвы и всѣхъ святыхъ, отъ Таинствъ и отъ вѣры. Она даетъ клятвенное обѣщаніе ходить въ церковь только для виду, только для виду позволять себя кропить святой водой, прибавляя

каждый разъ: sire, ne te desplaise, только для виду принимать причастіе. За глазами же христіанъ она обязывается всячески осквернять и гостію и святую воду. Затѣмъ на землѣ дѣлается крестъ и принимаемая въ секту топчетъ его ногами. Затѣмъ приносится освященная гостія, и принимаемая ее оскверняетъ. Et in contemptum praecipue magni magistri mundi, ut loquitur praesidens, denudat recepta sua posteriora et denudata coelo ostendit. Послѣ того такая неофитка молитвенно опускается на колѣни передъ сатаной и приноситъ ему вѣрноподданическую присягу (homagium): въ знакъ крѣпостной зависимости она лобызаетъ ему руку или ногу, вручая при этомъ какой-либо даръ—зажженную свѣчу изъ чернаго воска или монету. Тогда «президентъ» поднимается, поворачиваясь къ ней задомъ; и съ непристойнымъ поцѣлуемъ она навѣки отдаетъ ему душу, клянясь при этомъ никогда не признаваться въ своемъ дѣяніи на судѣ. «Вотъ почему члены этой секты такъ рѣдко и то по страшному принужденію въ этомъ сознаются. Демонъ же, какъ было и раньше помянуто, никогда не заключаетъ договора, особенно pactum expressum, иначе, какъ съ отдачей ему души, въ залогъ чего онъ получаетъ какую-нибудь частицу тѣла: палецъ, волосы, ногти или же чаще всего немного крови, ибо (какъ говоритъ Августинъ) демонъ любитъ пролитую человѣческую кровь». Съ своей стороны демонъ даетъ вновь принятой или обѣщаніе исполнить какое-нибудь ея завѣтное желаніе или даръ совершать что-либо особенное. Ничего дѣйствительно особеннаго, т.-е. чудеснаго, спѣшатъ прибавить излагаемые трактаты, демонъ, конечно, ни для кого сдѣлать не можетъ. Но, пользуясь людскимъ невѣжествомъ, онъ выдаетъ за чудеса тѣ совершенно понятныя вещи, которыя онъ способенъ съ Божьяго попущенія совершать по своему естественному уму и силѣ. Такъ демонъ иногда даетъ своимъ поклонникамъ богатства. Но что же тутъ удивительнаго? Во-первыхъ, онъ знаетъ массу кладовъ; затѣмъ же онъ ужасный воръ. Чего онъ только не продѣлываетъ съ Божьяго попущенія надъ бѣднымъ людомъ своими разбоями, ростовщичествомъ и всякимъ утонченнымъ вымогательствомъ! Жалуемыя имъ милости демонъ тоже скрѣпляетъ какимъ-нибудь вещественнымъ знакомъ—колечкомъ или грамоткой, писанной на невѣдомомъ языкѣ. Съ этимъ колечкомъ или грамоткой связана та особая сила, которой обладаетъ та или другая вѣдьма. Далѣе демонъ говоритъ неофиткѣ «почти что проповѣдь» о томъ, что нѣтъ безсмертія души, нѣтъ и загробныхъ мукъ, и, спустившись съ своего высокаго сѣдалища, уводитъ ее съ собой въ кусты, чтобы она отдалась тамъ ему и тѣломъ. Онъ съ ней продѣлываетъ самое омер-

зительное непотребство—и новая вѣдьма наконецъ вполнѣ готова. Въ нѣкоторыхъ разсказахъ сюда еще прибавлятся, какъ дьяволъ кладетъ новой сектанткѣ особую мѣтину на кожѣ: stigma diaboli или sigillum diabolicum.

Съ такой же педантической обстоятельностью излагаютъ наши трактаты весь ходъ шабаша, осмысливая каждую его подробность. На шабашѣ проливается кровь младенцевъ и нѣкоторые родители отдаютъ на растерзаніе собственныхъ своихъ дѣтей. Совсѣмъ, какъ писано въ псалмѣ 105-омъ: «Приносили сыновей своихъ и дочерей своихъ въ жертву бѣсамъ; проливали кровь невинную, кровь сыновей своихъ и дочерей своихъ, которыхъ приносили въ жертву идоламъ ханаанскимъ». Какая же жертва, дѣйствительно, можетъ быть пріятнѣе демонамъ, нежели человѣческая кровь? Вѣдьмы особенно усердно губили младенцевъ, не успѣвшихъ получить крещенія. Прежде всего, поясняютъ наши авторы, вѣдьмамъ такихъ младенцевъ губить и всего легче, ибо только крещеніе ставитъ человѣка подъ особую охрану божественной силы. А затѣмъ нетрудно видѣть, въ чемъ заключается при этомъ для вѣдьмъ особый интересъ. Всякая неомытая крещеніемъ отъ первороднаго грѣха душа становится достояніемъ ада. Между тѣмъ свѣтопреставленіе можетъ наступить только тогда, когда число спасенныхъ достигнетъ извѣстнаго, предустановленнаго предѣла. И такимъ образомъ гибель некрещеныхъ младенцевъ отодвигаетъ для всѣхъ злодѣевъ срокъ, когда имъ придется предстать за свои преступленія на страшный судъ. Самыя сильныя волшебныя средства готовились вѣдьмами по наущенію сатаны такимъ путемъ. Вѣдьма, явившись на Пасхѣ къ причастію, не проглатывала гостію, а, потихоньку выплюнувъ ее въ руку, приносила домой и этой гостіей кормила посаженную въ горшочекъ жабу. Изъ жабы этой потомъ выпускалась кровь, сама же жаба обращалась въ пепелъ. И эта жабья кровь и жабій пепелъ являлись могучимъ волшебнымъ средствомъ. Но какъ же? Развѣ раціональная теологія не доказала, что въ волшебствѣ сами предметы не имѣютъ никакого значенія, что волшебство совершается исключительно силою демоновъ? Конечно такъ, отвѣчали инквизиторы: только невѣжды способны думать иначе. Но дьяволъ постоянно морочитъ колдуновъ, внушая имъ убѣжденіе, будто они колдуютъ сами, силою волшебныхъ предметовъ, и въ данномъ случаѣ смыслъ такого обмана совершенно ясенъ. Дьяволъ толкаетъ этимъ людей на величайшее, на преступнѣйшее кощунство: гнуснѣйшему животному отдается высочайшая христіанская святыня... Но я не буду повторять всѣхъ мерзостей, любовно передававшихся инквизиторами

про вѣдьмъ и шабашъ: quae hic papyrus ad longum capere non potest, sed neque omnia opus est aperire [1]).

На ряду съ описательнымъ элементомъ, съ разсказомъ о вещахъ, quae ex experientia pendent et practica, главнѣйшіе изъ упомянутыхъ трактатовъ всѣ заключаютъ въ себѣ и теоретическую сторону—разборъ вещей, quae cernunt rationem et scientiam. Иначе это не могло и быть. Для людей, получившихъ ученую степень на теологическомъ факультетѣ, какими являлись инквизиторы, ничто не считалось доказаннымъ, пока не было установлено, что тутъ нѣтъ никакого противорѣчія съ схоластической «разумной вѣрой». Такимъ образомъ въ Молотѣ Вѣдьмъ, напримѣръ, разборъ вопросовъ An sit catholicum credere въ каждый изъ ужасовъ, разсказывавшихся про вѣдьмъ, занимаетъ, пожалуй, больше мѣста, нежели «практическая» сторона дѣла. Въ общемъ, конечно, задача эта не представляла для инквизиторовъ никакихъ трудностей. Они являлись тутъ только популяризаторами давнишнихъ пріобрѣтеній схоластической науки. Реальная возможность всѣхъ видовъ колдовства, приписывавшихся вѣдьмамъ, явленія демоновъ во плоти, договоръ съ дьяволомъ, распутство съ дьяволомъ—все это, какъ мы видѣли, уже въ XIII столѣтіи стало communis opinio theologorum. Съ тѣхъ поръ въ теченіе двухъ столѣтій все это догматически излагалось въ университетахъ. Все это, съ другой стороны, давно успѣло проникнуть и въ дѣйствующее право римской церкви: объ этомъ, какъ о вещахъ, не подлежащихъ спору, упоминали папы въ цѣломъ рядѣ буллъ, и облеченное исключительнымъ довѣріемъ папскаго престола Sanctum Officium къ концу XV вѣка успѣло уже препроводить на костеръ многія тысячи людей за колдовство и за распутство съ дьяволомъ. Спорить противъ такихъ возможностей значило, несомнѣнно, errare in intellectu, т.-е. при легкости, съ которой производило въ еретики XV столѣтіе, это значило впадать въ ересь. Такъ это и понимали инквизиторы. Основный тезисъ Молота Вѣдьмъ гласилъ: Haeresis maxima est opera maleficarum non credere [2]). Но въ новомъ инквизиціонномъ ученіи о вѣдьмахъ былъ съ точки зрѣнія ортодоксальности одинъ чрезвычайно щекотливый пунктъ—настолько щекотливый, что нѣкоторые ученые-монахи изъ соперничавшихъ съ доминиканцами орденовъ на этомъ основаніи пробовали самихъ же инквизиторовъ зачислить въ разрядъ еретиковъ. Пунктъ этотъ представляли

[1]) Самое полное, самое цвѣтистое изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ описаній шабаша даютъ акты процесса, который испанская инквизиція вела въ началѣ XVII вѣка въ Логроньо. Пространное извлеченіе изъ этихъ актовъ интересующіеся могутъ найти въ книгѣ Baissac, Les Grands Jours de la sorcellerie, chap. VI.

[2]) Не вѣрить въ дѣянія вѣдьмъ—величайшая ересь.

собой полеты вѣдьмъ на шабашъ. Разсказы подсудимыхъ о полетахъ инквизиторы признавали за реальность. Противники же ихъ доказывали, что, разсуждая такимъ образомъ, инквизиторы впадають въ противорѣчіе съ освященнымъ вѣками авторитетомъ Canon Episcopi и, слѣдовательно, являются пособниками дьявола въ злѣйшемъ его обманѣ. При этомъ они ссылались и на то, что самъ Ѳома Аквинскій не допускалъ, будто бы по своей естественной силѣ бѣсы способны вообще носить по воздуху «не предназначенныя для летанья тяжелыя человѣческія тѣла». Такого рода вещь переходила для него скорѣе въ разрядъ чудесъ: а небо никогда не поручаетъ творить чудеса бѣсамъ.

Къ указаннымъ возраженіямъ инквизиторы относились необычайно раздражительно, чувствуя, что они затрогиваютъ жизненный нервъ предпринятаго ими дѣла. Сколько вреда, говорили они, натворило неправильное толкованіе поминаемаго канона! Какую смѣлость придало оно еретикамъ, какую нерѣшительность внесло въ суды, какъ подготовило оно пути для распространенія нечестивой идолопоклоннической секты! Люди простые, не проходившіе ни философіи, ни богословія и не познавшіе изъ словесъ святыхъ отцовъ и докторовъ силу духовныхъ субстанцій надъ тѣлами, пусть никогда не позволяютъ себѣ ссылаться на этотъ канонъ, если они не хотятъ погубить свою душу. Пусть они только помнятъ, что всякому, кто ставитъ инквизиціи какія-нибудь помѣхи, церковь грозитъ за это отлученіемъ. А свѣдущіе въ богословіи люди пусть, сверхъ того, потрудятся понять, что Canon Episcopi представляетъ собой по отношенію къ полетамъ вѣдьмъ casum diversum et non adversum.

Въ самомъ дѣлѣ, эта статья церковнаго законодательства запрещаетъ вѣрить, будто есть женщины, которыя по ночамъ на различныхъ животныхъ носятся въ воздухѣ съ богинею Діаной или, какъ говорятъ другіе, съ Иродіадой—и вѣра эта, конечно, представляетъ сплошную ткань нелѣпостей. Діаны, какъ богини, вовсе нѣтъ. Что же касается Иродіады, то съ какой стати эта проклятая злодѣйка могла бы получить попущеніе на вылеты изъ ада, гдѣ она предана вѣчнымъ мукамъ? Далѣе, что это за звѣри, которые могутъ носиться по воздуху съ необыкновенной быстротой? И какъ себѣ надобно представлять—въ какомъ мѣстѣ вселенной находятся тѣ стойла, гдѣ эти летучія животныя проводятъ день? Однимъ словомъ, все это, несомнѣнно, бредни, все это дьявольское наважденіе, какъ то и говоритъ Canon Episcopi. Но столь же несомнѣнно, что къ вѣдьмамъ все это не имѣетъ никакого отношенія. Помянутый канонъ не можетъ разсматриваться, какъ запрещеніе вѣрить въ

вѣдьмъ, по той простой причинѣ, что въ ту пору, когда онъ увидѣлъ свѣтъ, свѣтъ самъ еще не видѣлъ ничего похожаго на вѣдьмъ. Канонъ былъ изданъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ, а вѣдовское сообщество какъ это можно предполагать съ достаточными основаніями, возникло не ранѣе 1400 года. И вѣдьмы нисколько не похожи на тѣхъ женщинъ, о которыхъ говоритъ канонъ. Вѣдьмы не знаютъ никакой Діаны или Иродіады; съ другой же стороны, о мнимыхъ спутницахъ Діаны никто никогда не говорилъ, чтобы онѣ отрекались отъ Христа, покланялись дьяволу и творили съ нимъ непотребство. Про нихъ никто не говорилъ также, чтобы онѣ занимались колдовствомъ. И наконецъ, канонъ говоритъ лишь о женщинахъ, а въ вѣдовскомъ сообществѣ на ряду съ женщинами оказываются и мужчины: на шабашъ слетаются не однѣ вѣдьмы, туда демоны приносятъ и вѣдуновъ. Ясно отсюда, что можно признавать реальными полеты вѣдьмъ, нисколько не нарушая авторитетъ Декрета. Что же касается сомнительнаго отношенія нѣкоторыхъ великихъ докторовъ къ способности демоновъ носить по воздуху человѣческія тѣла, то высказано оно было ими съ оговорками. Они нисколько не отвергали, что восхищеніе Христа сатаной можно толковать и буквально. И долгій опытъ церковнаго суда не позволяетъ сомнѣваться, что за демонами необходимо признавать такую силу. «Объ этомъ, — говорятъ авторы Молота Вѣдьмъ, — имѣются безчисленныя свидѣтельства людей, которымъ или самимъ приходилось летать такимъ путемъ, или случалось своими глазами видѣть, какъ демоны подхватывали человѣка. Мы сами между Страсбургомъ и Кельномъ собрали довольно подобныхъ случаевъ. И наконецъ разъ даже у простого народа подобные разсказы можно слышать каждый день, то что же тутъ тратить время на прибавочные аргументы? (Et quia publica fama de huiusmodi transvectionibus etiam apud vulgares continue volat, non expedit plura ad hoc probandum de his insistere)».—Мы видимъ здѣсь, что доминиканскіе богословы твердо усвоили себѣ оба принципа, знакомые намъ изъ приводившейся выше рѣчи Герсона. Гордо глядя съ высоты схоластической науки на презрѣнный здравый смыслъ, не смѣющій ни въ чемъ отрѣшиться отъ непосредственнаго свидѣтельства чувствъ, они не забывали въ то же время и положенія, что всякій, кто отказывается вѣрить тому, чему всѣ вѣрятъ, является врагомъ человѣческаго общежитія, quam mutua fides et credulitas unius ad alterum consonat, coniungit agglutinatque [1]). Инквизиторы не спорили,

[1]) Легковѣріе средневѣковыхъ теологовъ — прямой результатъ той обработки, которую умъ ихъ получалъ въ высшей школѣ—не знало себѣ рѣшительно никакихъ предѣловъ. Авторы Молота Вѣдьмъ, Шпренгеръ и Инститоръ, оба были профессо-

впрочемъ, что иногда путешествія на шабашъ происходятъ только въ воображеніи. Но даже въ такихъ случаяхъ, когда окружающіе показывали, что они не спускали глазъ съ женщины, увѣрявшей, будто она летала на шабашъ, и могутъ засвидѣтельствовать, что она въ дѣйствительности все время оставалась на постели, инквизиціонные трибуналы вовсе не склонны были оправдывать подсудимую. Развѣ же не сказалъ бл. Августинъ: delectari falso crimine crimen est? [1]). Авторамъ Молота было притомъ же извѣстно, что вовсе не слѣдуетъ противополагать другъ другу женщинъ, участвующихъ въ шабашѣ только воображеніемъ, и женщинъ, переносящихся туда тѣлесно. «Вѣдьмы бываютъ на своихъ собраніяхъ то такъ, то сякъ — иногда только въ воображеніи во время сна, иногда же реально. Если по какому-нибудь случаю онѣ не желаютъ перенестись туда тѣлесно и тѣмъ не менѣе хотятъ знать, что дѣлали ихъ соучастницы, то онѣ дѣйствуютъ слѣдующимъ образомъ: призвавъ имя всѣхъ дьяволовъ, онѣ ложатся на лѣвый бокъ и тогда у нихъ изо рта поднимается зеленоватый паръ, въ которомъ онѣ и видятъ во всѣхъ подробностяхъ все, что тамъ происходитъ. Если же онѣ хотятъ перенестись тѣлесно...» но этотъ рецептъ намъ уже достаточно извѣстенъ.

Съ Canon Episcopi нашимъ трактатамъ приходилось считаться и по другому поводу. Кромѣ полетовъ женщинъ, этотъ канонъ строжайше осуждалъ и вѣру въ оборотней; а между тѣмъ какъ собственныя признанія подсудимыхъ, такъ и свидѣтельскія показанія, повидимому, устанавливали неопровержимо, что множество своихъ злодѣйствъ вѣдьмы совершали, скинувшись кошкой или другими звѣрями. По ранамъ, нанесеннымъ такому звѣрю, потомъ нерѣдко удавалось открыть и настоящую виновницу смерти ребенка или другого преступленія: тема извѣстнаго Петроніева разсказа постоянно повторяется въ инквизиціонныхъ актахъ. Изъ этого затрудненія

рами университета, что не мѣшало имъ нисколько заносить въ свой трактатъ такого рода разсказы. Одинъ изъ инквизиторовъ пріѣхалъ въ нѣкій городъ, почти опустошенный жестокой моровой язвой. Въ народѣ говорили, что одна недавно похороненная женщина заглатываетъ свой саванъ и что моръ не кончится, пока она его совсѣмъ не проглотитъ. По совѣту инквизитора бургомистръ велѣлъ разрыть могилу, и оказалось, что дѣйствительно покойница заглотала почти половину савана. При видѣ этого бургомистръ выхватилъ мечъ, снесъ трупу голову и вышвырнулъ ее далеко изъ могильной ямы. Моръ послѣ этого сразу прекратился. Инквизиторъ же, произведя дознаніе, убѣдился, что покойница послѣдніе годы жизни занималась страшнымъ колдовствомъ.—Надо замѣтить, впрочемъ, что въ занимающей насъ инквизиціонной литературѣ трудно указать границу между легковѣріемъ авторовъ и сознательной „благочестивой ложью“.

[1]) Наслаждаться воображаемымъ преступленіемъ—преступленіе.

инквизиторы выходили при помощи такихъ догадокъ. Они прибѣгали къ знакомой намъ августиновской теоріи о путешествіяхъ человѣческаго phantasticum и предлагали смотрѣть на дѣло такимъ образомъ. Въ видѣ адской кошки бродитъ собственно только phantasticum вѣдьмы; сама же она въ это время остается погруженной въ особенно глубокій сонъ, грезя, что бродитъ кошкой. Всѣ злодѣянія, которыя она потомъ на себя взводитъ, въ сущности совершаетъ сопровождающій невидимо такую кошку дьяволъ: онъ душитъ младенцевъ въ колыбели и т. п. Если же рана, нанесенная подобной призрачной кошкѣ, потомъ оказывается на тѣлѣ колдуньи то здѣсь надобно видѣть опять продѣлку того же дьявола. Въ ту самую минуту, какъ вѣдьмѣ грезится, будто она получаетъ рану, дьяволъ дѣйствительно наноситъ ея тѣлу ударъ въ соотвѣтственное мѣсто. Во всякомъ случаѣ рана на тѣлѣ такой колдуньи служитъ судебнымъ доказательствомъ, и преступленія, которыя совершилъ оборотень, должны караться, какъ будто бы они были совершены самой колдуньей. Отвѣтственной за дѣйствія является, конечно, не тѣло, а душа. Впослѣдствіи, однако, въ эпоху полнаго расцвѣта вѣдовскихъ процессовъ теологи изъ лагеря инквизиціи рѣшились взглянуть на дѣло проще. Ссылаясь на то, что неудобный для нихъ канонъ въ концѣ-концовъ не обладаетъ догматическимъ значеніемъ, они позволили себѣ прямо заявить, что тѣ, кто хочетъ вѣрить въ способность самихъ вѣдьмъ скидываться различными звѣрями, тотъ можетъ держаться такого мнѣнія, не рискуя погубить свою душу. Такимъ образомъ мало-по-малу почти что всѣ народныя суевѣрія взяты были подъ свою защиту богословами изъ доминиканцевъ, доказавшихъ ихъ полное согласіе съ католическою вѣрой. Кое-что, впрочемъ, и они все-таки отвергали за несообразность. Такъ, разбираемые нами трактаты учатъ, что «ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ вѣрить современнымъ идолопоклонникамъ, хотя бы они добровольно это заявляли, будто бы дьявольская сила позволяетъ имъ черезъ запертыя двери проникать въ дома, чтобы умерщвлять дѣтей, или въ погреба для угощенья себя виномъ. Ибо не во власти демона сдѣлать, чтобы два тѣла оказывались въ одно и то же время на одномъ и томъ же мѣстѣ». А дѣло тутъ просто въ томъ, что дьяволъ морочитъ самихъ вѣдьмъ: онъ имъ отводитъ глаза и незамѣтно отпираетъ предъ ними двери. И отрицательный и положительный тезисъ доказываются очень пространно съ обычными ссылками на Св. Писаніе, а также на Ѳому Аквинскаго и Альберта Великаго—эту красу доминиканскихъ богослововъ.

Доказывая неприложимость стараго церковнаго запрещенія вѣрить въ летучихъ женщинъ къ вопросу о существованіи вѣдовской

секты, авторы наши, какъ мы видѣли, ссылались между прочимъ на то, что въ сектѣ этой участвуютъ не однѣ женщины, но и мужчины. Съ другой стороны, они однако сами признавали, что въ противоположность прочимъ еретическимъ сообществамъ въ «колдовской ереси» мужчины оказывались въ ничтожномъ меньшинствѣ. Такимъ образомъ Шпренгеръ и Инститоръ прямо даютъ своему классическому труду названіе Malleus Maleticarum: Consequenter haeresis dicenda est non maleficorum, sed maleficarum, ut a potiori fiat denominatio.

Откуда вообще идетъ такое преобладаніе женщинъ среди людей, которымъ народное суевѣріе приписывало связь съ нездѣшними силами? Почему у всѣхъ европейскихъ народовъ, пока они вѣрили въ колдовство, рѣчь чаще шла о знахаркахъ и колдуньяхъ, нежели о знахаряхъ и колдунахъ? «Причины этого, — говоритъ Яковъ Гриммъ въ своей Германской Миѳологіи, — мнѣ кажется, надобно искать въ цѣломъ рядѣ внѣшнихъ и внутреннихъ условій. Женщины, а не мужчины занимались собираніемъ медицинскихъ травъ и варкой ихъ, какъ вообще онѣ варили пищу. Ихъ тонкія, мягкія руки лучше годились на то, чтобы готовить мази, ткать бинты, перевязывать раны. Имъ средніе вѣка приписывали особый даръ чертить и читать буквы. Безпокойная жизнь мужчины была занята войной, охотой, земледѣліемъ и ремесломъ: у женщинъ больше было досуга и нужнаго опыта, чтобы вникать въ пріемы волшебства. У женщинъ сильнѣе и впечатлительнѣе воображеніе: издревле въ нихъ чтился внутренній священный даръ провидѣть будущее. Женщины являлись жрицами и прорицательницами, и сѣверныя преданія сохранили до нашихъ дней иныя славныя имена. Точно такъ же сомнамбулизмъ и въ наше время встрѣчается по большей части среди женщинъ. Можно понять и то, почему волшебное искусство являлось преимущественно удѣломъ старыхъ женщинъ: умерши для любви и для труда, онѣ могли всецѣло погружаться въ тайны чародѣйства». Въ эпоху господства грубой силы, прибавимъ мы, у женщинъ было больше и поводовъ пробовать дѣйствительность наговорныхъ средствъ. На этотъ путь толкала ихъ сама физическая ихъ слабость. Замѣтимъ, что по даннымъ уголовной статистики ядъ и сейчасъ является преимущественно женскимъ орудіемъ сведенія житейскихъ счетовъ. Что же касается въ частности бреда пожираемыми на шабашахъ младенцами, то онъ естественно долженъ былъ производить особыя опустошенія среди тѣхъ «бабокъ», которыя служили повитухами.

Но инквизиція по-своему смотрѣла на то, почему сѣти ея улавливали больше вѣдьмъ, нежели вѣдуновъ, и обстоятельное изложеніе ея взглядовъ въ Молотѣ Вѣдьмъ явилось добавочной причи-

ной того, что въ полный расцвѣтъ процессовъ о вѣдовствѣ жертвами ихъ оказывались почти исключительно женщины. Судъ,—такъ говорила устами Шпренгера и Институтора средневѣковая монашеская премудрость, — конечно, по такимъ дѣламъ скорѣе долженъ давать ходъ доносу на женщину, чѣмъ на мужчину, ибо склонность къ подобнымъ преступленіямъ глубоко коренится въ женской природѣ. Въ подтвержденіе этого Шпренгеръ съ Институторомъ пишутъ настоящій обвинительный актъ противъ дочерей Евы, которыя всегда смущали душу людей, занятыхъ умерщвленіемъ плоти. «Изъ сокровищницы своей начитанности составители Молота трудолюбиво сносятъ на множествѣ страницъ все, что только можно сказать противъ женщинъ. Помимо особенно богатаго такимъ матеріаломъ Ветхаго завѣта, они заимствуютъ свое оружіе у главныхъ представителей аскетизма въ древне-христіанской литературѣ—у Іеронима, у Лактанція, у Златоуста—привлекая, впрочемъ, сюда же и Катона, и Цицерона, и Сенеку, и, наконецъ, Сократа и Теофраста. Даже гомеровская Елена и сирены являются у нихъ обвинительницами своего пола. «Если мы станемъ изучать исторію, то увидимъ, что почти всѣ царства на свѣтѣ погибали изъ-за женщинъ». Въ доказательство этому приводятся Елена, Іезавель и Клеопатра. «Если бы не женская извращенность, міръ былъ бы свободенъ отъ множества опасностей». «Женщина горьче смерти», цитуютъ наши авторы изъ книги Іисуса Сираха... Женщины, по ученію Молота, далеко превосходятъ мужчинъ въ суевѣріи, въ мстительности, въ тщеславіи, въ лживости, въ страстности и въ ненасытной чувственности. Не обладая физическою силою, онѣ въ дьяволѣ ищутъ себѣ помощника и вступаютъ въ секту вѣдьмъ, чтобы удовлетворять своей жаждѣ мщенія; будучи тѣломъ и душой слабѣе мужчинъ, онѣ стремятся изъ зависти брать надъ мужчинами верхъ при помощи чародѣйства. Такъ какъ женщина по внутреннему своему ничтожеству всегда слабѣе въ вѣрѣ, чѣмъ мужчина, то она гораздо легче отъ нея и отрекается, на чемъ и строится вся секта вѣдьмъ. Главнѣйшая причина умноженія вѣдьмъ это вѣчныя ссоры между замужними и незамужними женщинами изъ-за мужчинъ. Но ненасытное ихъ сладострастіе приводитъ и къ тому, что ради удовлетворенія своей похотливости онѣ отдаются самимъ демонамъ». Правда,— говоритъ Молотъ,— встрѣчаются и мужчины, которые творятъ грѣхъ съ «дьяволихами». Но между ними это сравнительная рѣдкость—по особой Божіей милости, ради того, чтобы не осквернять слишкомъ глубоко полъ, къ которому принадлежало вочеловѣчившееся Божество.

Жалобы пострадавшихъ, признанія самихъ виновныхъ, собранныя опытнѣйшими дѣятелями столь опытнаго трибунала, какъ инкви-

зиція, поразительное совпаденіе въ отвѣтахъ различныхъ вѣдьмъ на общіе повсюду допросные пункты, доказанная несостоятельность всѣхъ апріорныхъ, псевдо-научныхъ возраженій — кто-жъ будетъ послѣ этого такъ дерзокъ, чтобы упорно сомнѣваться въ реальномъ существованіи вѣдьмъ? «Сомнѣнія, — писали инквизиторы, — тутъ носятъ характеръ ереси. Они идутъ вразрѣзъ съ смысломъ Св. Писанія и причиняютъ церкви несносный вредъ. Это тлетворное недовѣріе, лишая свѣтскую руку способности разить, позволило вѣдьмамъ безнаказанно просуществовать столь долгіе годы, отчего онѣ и расплодились настолько, что теперь нѣтъ уже возможности ихъ до конца искоренить». Итакъ, вмѣсто того, чтобы чинить помѣхи инквизиціи, пусть общество само поднимется съ ней заодно на безпощадную борьбу съ самыми заклятыми врагами Христова имени, какихъ когда-либо видѣлъ міръ. Властямъ, которыя проявятъ тутъ преступное бездѣйствіе, тяжко придется на Страшномъ Судѣ, когда имъ надо будетъ держать отвѣтъ передъ Всевышнимъ: кровь всѣхъ несчастныхъ жертвъ, погубленныхъ адомъ по ихъ нерадѣнію, будетъ громко вопіять противъ нихъ къ небу. Вѣнцы небесные, напротивъ, уготованы для тѣхъ, кто въ мѣру своихъ силъ поможетъ, церкви очистить міръ отъ новой страшной язвы.

Но свѣтскій судъ, привыкшій судить только обыкновенныхъ колдуновъ, конечно, окажется неискусенъ въ дѣлахъ такого рода. Поэтому инквизиторы считаютъ необходимымъ подѣлиться съ ожидаемыми свѣтскими сотрудниками сокровищами своей опытности и преподать имъ подробныя наставленія насчетъ того, какъ надобно вести вѣдовскіе процессы, чтобы дьявольски лукавые преступники не ускользали отъ рукъ правосудія. Въ основу при этомъ полагается такое разсужденіе. Конечно, вѣдуны и вѣдьмы суть еретики, т.-е. подлежатъ ближайшимъ образомъ компетенціи духовнаго суда. Однако, такъ какъ они являются съ тѣмъ вмѣстѣ опаснѣйшими колдунами, то свѣтскій судъ съ своей стороны тоже долженъ налагать на нихъ руку. Но только процессы о нихъ онъ долженъ вести не въ обычной свѣтской формѣ, а въ формѣ еретическаго процесса, усвоивъ себѣ принципъ haereticus haereticum accusat [1]). Casus particularis новой секты, говорятъ они, occultus est multum et latens atque secretissimus, neque potest attingi de communi cursu, nisi per propriam confessionem aut per complices, qui soli et accusatores et testes in eo casu esse possunt et debent [2]). Инквизиція свидѣтельство-

[1]) Отъ еретиковъ можно принимать обвиненія противъ сообщниковъ.

[2]) При полной необыкновенности и глубокой таинственности этихъ совершенно исключительныхъ дѣлъ обычная судебная процедура здѣсь ни къ чему не можетъ привести. Уликами являются здѣсь или собственное признаніе или показанія соучастниковъ, которые здѣсь могутъ и должны являться и обвинителями и свидѣтелями.

вала далѣе всѣмъ своимъ долговременнымъ опытомъ, что признанія и имена сообщниковъ тутъ можетъ вырывать лишь сила жесточайшей пытки: singularitas istius casus exposcit tormenta singularia [1]). Отказаться здѣсь отъ такой пытки, — говорила она,—значило бы extinguere et sepelire materiam istam [2]), значило бы сдѣлать невозможнымъ раскрытіе злодѣяній секты. Люди, которые возстаютъ противъ подобной пытки, открыто помогаютъ дьяволу, презирая завѣты Бога Живаго, и сами навлекаютъ на себя великое подозрѣніе въ принадлежности къ той же сектѣ. Заступничества ихъ нельзя объяснить себѣ иначе, какъ тѣмъ, что, боясь сами попасть на судъ, они заранѣе противъ него протестуютъ. Добромъ тутъ никакой судъ никогда не дойдетъ до истины, ибо — по признанію самихъ вѣдьмъ — онѣ на шабашѣ связываютъ себя самою страшной клятвой не сознаваться въ принадлежности къ сектѣ, въ особенности же не выдавать сообщниковъ. Не мало можно привести примѣровъ, когда «вальденцы» самихъ себя еще соглашались обличить безъ пытки, но на вопросы о сообщникахъ отвѣчали такимъ упорнымъ отнѣкиваньемъ, котораго не могла одолѣть никакая пытка. Такъ вѣрны остаются они на собственную свою погибель той клятвѣ, которую приносятъ демону и единомышленникамъ. «Особенность этого рода судебныхъ дѣлъ требуетъ и особенныхъ пытокъ также по той причинѣ, что здѣсь ведется особенное состязаніе не столько противъ человѣка, сколько противъ демона, который имѣетъ величайшую власть надъ этими еретиками, справедливо покинутыми Богомъ за то, что они несправедливо покинули Бога, своего Творца. Демонъ влагаетъ въ ихъ уста и подсказываетъ отвѣты; демонъ говоритъ чрезъ нихъ— какъ Духъ Святой послѣ своего сошествія въ видѣ огненныхъ языковъ глаголалъ черезъ апостоловъ, когда тѣ говорили передъ царями и владыками земными». Но мы здѣсь можемъ остановиться. Какъ эти принципы, такъ и техника допроса вѣдьмъ, которую въ назиданіе свѣтскимъ судьямъ подробно излагаетъ Молотъ, намъ ужъ достаточно извѣстны по описанію процессовъ вѣдьмъ въ эпоху ихъ полнаго разгара, въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Старанія, положенныя папской инквизиціей на выработку особыхъ формъ для совершенно «особенныхъ» вѣдовскихъ процессовъ, не пропали даромъ, и даже тѣ страны, которыя съ XVI вѣка стали жестоко клясть и папъ и инквизицію, въ преслѣдованіи вѣдьмъ строго остались вѣрны принципамъ доминиканскаго Молота, ибо всѣмъ было ясно, что отступить отъ нихъ значило бы дѣйствительно extinguere et sepelire

[1]) Исключительность этихъ дѣлъ требуетъ и исключительныхъ пытокъ.

[2]) Потушить и похоронить все дѣло.

materiam istam... А вѣра въ вѣдьмъ, разъ появившись на свѣтъ не такъ легко давала себя похоронить.

Въ своей извѣстной «Исторіи нѣмецкой общественной жизни на исходѣ среднихъ вѣковъ» Бухвальдъ находилъ возможнымъ дать Молоту Вѣдьмъ такое толкованіе. Замѣтивъ, что многострадальный XV вѣкъ вообще отличался наклонностью къ психическимъ заболѣваніямъ, онъ предлагаетъ и въ авторахъ Молота видѣть прежде всего психопатовъ. «Если мы хотимъ,—пишетъ онъ,—правильно понять доминиканцевъ, составившихъ эту ужасную книгу, то мы не должны упускать изъ виду, что бредъ вѣдьмами является одной изъ формъ маніи преслѣдованія. Между тѣмъ безчисленное количество случаевъ, собранныхъ врачебной практикой, свидѣтельствуетъ, что именно подобныя заболѣванія могутъ очень долгое время протекать почти незамѣтно: только тогда, когда болѣзнь окончательно обострится, становится ясно и то, что она вліяла на поступки паціента еще въ то время, когда онъ находился въ обладаніи всѣми своими правами и должностями. Но средніе вѣка проявляли исключительную безпомощность относительно случаевъ психическаго заболѣванія, передъ которыми они становились совершенно втупикъ. Ужасно видѣть, какъ они обращались съ умалишенными. Гамбургъ, который уже въ 1375 году завелъ у себя такъ называемую Thorenkiste, т.-е. особую тюрьму для сумасшедшихъ, далеко обогналъ въ этомъ случаѣ культуру остальной Германіи. Въ другихъ городахъ на умалишенныхъ смотрѣли, какъ на обыкновенныхъ преступниковъ, и только въ XV столѣтіи при госпиталяхъ стали тоже заводить карцеры для «непослушныхъ больныхъ». Спокойнымъ сумасшедшимъ предоставлялось бродить на волѣ. Когда въ какую-нибудь общину заходилъ такого рода душевно-больной изъ чужой округи, то его выводили за околицу и тамъ заставляли *поклясться*, что онъ больше не вернется, угрожая въ случаѣ нарушенія присяги вторично выгнать уже побоями и розгой. Въ 1451 году городъ Франкфуртъ одного сумасшедшаго, который въ своей болѣзни ругался на причастіе, приказалъ высѣчь, а въ 1490 году онъ даже пыталъ въ тюрьмѣ сумасшедшаго Конца Фогеля, страдавшаго вдобавокъ проказой. Между вмѣняемостью и невмѣняемостью эта эпоха не умѣла провести сколько-нибудь точной границы. Поэтому нельзя считать особенно удивительнымъ, что помянутые доминиканцы, которые страдали только одной навязчивой идеей, въ другихъ же отношеніяхъ вполнѣ обладали разсудкомъ, не были признаны невмѣняемыми и что ихъ трудъ, результатъ тяжелой душевной болѣзни, могъ повліять на законодательство».

Строки эти очень характерны для впечатлѣнія, которое испытываетъ всякій, кто начинаетъ знакомиться съ спеціальной «вѣдовской» литературой. Вся она неизбѣжно представляется современному читателю продуктомъ болѣзненнаго бреда. Въ соображеніяхъ Бухвальда есть также и положительная цѣнность: они намъ помогаютъ понять, откуда инквизиторы получали свои добровольныя и «добросовѣстныя» свидѣтельства о фактахъ совершенно чудовищной невѣроятности [1]). Но по существу дѣла догадку Бухвальда, конечно, приходится признать совершенно несостоятельной. Довольно принять въ расчетъ тотъ фактъ, который не былъ извѣстенъ Бухвальду, что Молотъ Вѣдьмъ для своего времени не былъ нисколько оригиналенъ. Онъ лишь подвелъ итоги тому, что ранѣе него уже внушалось обществу въ теченіе почти сорока лѣтъ. «Отъ своего разумѣнія мы въ трудъ нашъ внесли очень мало—почти что ничего», такъ скромно заявляютъ сами творцы этого знаменитаго произведенія. Въ подобныхъ же условіяхъ было бы совершеннымъ произволомъ допускать, будто всѣ эти нѣмцы и французы, итальянцы и испанцы, которые независимо другъ отъ друга съ такимъ упорствомъ рисовали въ своихъ трудахъ однѣ и тѣ же ужасныя картины, всѣ были одинаково повреждены въ своемъ умѣ тяжелою душевною болѣзнью. Конечно, этихъ упорныхъ тружениковъ оккультизма, которые сумѣли внести систему въ безсвязный простонародный бредъ давними пугалами человѣческой фантазіи, никто не согласится признать за здравомыслящихъ людей. Но если они являются для насъ «скорбными главой», то этотъ видъ разстройства все же входитъ не въ вѣдѣніе медицины, а въ область исторіи образованія. Если міръ Божій могъ такъ уродливо отражаться въ ихъ сознаніи, то виноваты тутъ были ихъ же собственные труды, приложенные къ тому, чтобы усвоить книжную премудрость, необходимую для совершенныхъ инквизиторовъ. Dialogus Miraculorum, Bonum universale de apibus и Legenda Aurea за время монастырскаго новиціата; схоластика съ ея извѣстными намъ методами и выводами за время университетскаго ученья; Directoria Эймерика и другихъ искоренителей всякаго вольномыслія и въ то же время всякаго колдовства—

---

[1]) Вотъ небольшой образчикъ тѣхъ добровольныхъ показаній, которыя особенно цѣнились инквизиторами. Авторы Молота пишутъ: Novimus vetulam, tres successive abbates, ut publica omnium fratrum fama in illo monasterio etiam in hodiernum diem refert, non solum in his (дѣло идетъ объ inordinatus amor) maleficiasse, sed et interemisse, quartum iam simili modo dementasse. Quod et ipsa publica voce fatetur nec veretur dicere: feci et facio, nec desistere a meo amore poterunt, quia tantum de meis stercoribus ederunt (quantitatem per extensum brachium demonstrando). Quia nobis non aderat ulciscendi et inquirendi super eam facultas, ideo adhuc superest.

вотъ умственная пища, которою годы и годы насыщали себя эти «собаки Господа» (Domini canes), оттачивая зубы на враговъ церкви. Rabies theologica—вотъ и старинное названіе того недуга, къ которому предрасполагала такая пища. Этой-то специфической болѣзни и обязана была Западная Европа своимъ знакомствомъ съ проклятой сектой вѣдьмъ. Этой-то rabies theologica и продиктованъ былъ Malleus Maleficarum—книга, гдѣ отъ каждаго листа, отъ каждаго корявaго силлогизма пахнетъ кровью и жаренымъ человѣческимъ мясомъ.

VI.

Оккультистическая литература XV вѣка, сводомъ которой являлся Молотъ Вѣдьмъ, могла гордиться высокимъ покровительствомъ. На ряду съ мотивированной «аппробаціей» Кельнскаго богословскаго факультета, который держалъ въ своихъ рукахъ только что зародившуюся тогда въ Германіи книжную цензуру, ко всякому изданію Молота обычно прилагался текстъ буллы Summis desiderantes affectibus, данной въ 1484-омъ году Шпренгеру и Институру папою Иннокентіемъ VIII.

«Иннокентій, епископъ, рабъ рабовъ Божіихъ, желая всѣми силами души, чтобы при немъ вѣра католическая процвѣтала и возрастала болѣе, нежели когда-либо, и чтобы всякое еретическое нечестіе было далеко изгнано изъ предѣловъ вѣрныхъ», обращался въ этой буллѣ къ Германіи съ такого рода пастырскимъ увѣщаніемъ.

„Къ великому прискорбію нашему, дошелъ до насъ неложный слухъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Верхней Германіи, какъ-то: въ провинціяхъ, городахъ, земляхъ, мѣстностяхъ и епархіяхъ Майнцской, Кельнской, Трирской, Зальцбургской и Бременской округи, множество лицъ обоего пола, забывая о собственномъ спасеніи и уклоняясь отъ католической вѣры, распутничаютъ съ демонами incubus'ами и succubus'ами и своими нашептываніями, чарованіями, заклинаніями и другими безбожными, суевѣрными, порочными, преступными дѣяніями губятъ и изводятъ младенцевъ во чревѣ матери, зачатіе животныхъ, урожай на поляхъ, виноградъ на лозахъ и плоды на деревьяхъ, равно какъ самихъ мужчинъ и женщинъ, домашнюю скотину и вообще всякихъ животныхъ, а также виноградники, сады, луга, пастбища, нивы, хлѣба и всѣ земныя произрастанія; что они нещадно терзаютъ какъ внутренними, такъ и наружными жестокими болѣзнями мужчинъ и женщинъ, домашнюю скотину и другихъ животныхъ; что они тѣмъ же мужчинамъ не позволяютъ производить, а женщинамъ зачинать дѣтей и лишаютъ мужей и женъ способности исполнять свой супружескій долгъ; что, сверхъ того, они кощунственными устами отрекаются отъ самой вѣры, полученной при св. крещеніи, и что они по подстрекательству врага рода человѣческаго дерзаютъ совершать и еще безчисленное множество всякаго рода несказанныхъ злодѣйствъ и преступленій, вводя въ опасность погибнуть свои души, оскорбляя божеское величіе и служа пагубнымъ примѣромъ и соблазномъ для многаго множества людей. И хотя возлюбленные сыны наши, Генрихъ Инститоръ и Яковъ Шпренгеръ изъ ордена Братьевъ Проповѣдниковъ, профессора богословія, были назначены и состоятъ въ силу нашей апостольстой грамоты слѣдователями по дѣламъ

о еретическомъ нечестіи, первый—въ вышесказанныхъ частяхъ Верхней Германіи, обнимающихъ, какъ надо понимать, и провинціи, и города, и земли, и епархіи и другія такого рода мѣстности, а второй—въ нѣкоторыхъ областяхъ вдоль Рейна, однако иные клирики и міряне въ этихъ странахъ, не въ мѣру высоко ставя свое разумѣніе, нагло и упорно утверждаютъ, что такъ какъ въ наказной грамотѣ не поименованы точно и въ отдѣльности ни такого рода вышесказанныя провинціи, города, земли, епархіи и другія мѣстности, ни лица въ нихъ, ни преступленія такого рода, то все это сюда и не подходитъ и что поэтому вышепоименованнымъ инквизиторамъ въ вышесказанныхъ провинціяхъ, городахъ, епархіяхъ, земляхъ и мѣстностяхъ нельзя заниматься сыскомъ и что ихъ не должно допускать къ наказанію, заключенію въ тюрьму и исправленію помянутыхъ лицъ за вышесказанныя злодѣйства и преступленія. Благодаря этому въ вышесказанныхъ провинціяхъ, городахъ, епархіяхъ, земляхъ и мѣстностяхъ подобныя провинности и преступленія и остаются безнаказанными, за что душамъ тѣхъ людей грозитъ очевидная опасность потерять вѣчное спасеніе".

Въ виду такого положенія дѣлъ папа именемъ апостольскаго своего авторитета строжайше повелѣвалъ, чтобы посланнымъ имъ инквизиторамъ никто не смѣлъ впредь чинить никакихъ помѣхъ. Онъ подтверждалъ, что инквизиторы по всѣмъ дѣламъ такого рода имѣютъ право привлекать къ себѣ на судъ и подвергать заслуженной карѣ лицъ всякаго общественнаго положенія, какъ бы оно ни было высоко; что они могутъ проповѣдовать народу во всѣхъ и каждой изъ приходскихъ церквей Верхней Германіи такъ часто, какъ имъ заблагоразсудится, и что они вообще вольны принимать при исполненіи своихъ обязанностей всѣ мѣры, какія сочтутъ полезными. Папа затѣмъ обращался къ епископу Страсбургскому и поручалъ ему неумолимо карать ослушниковъ, которые вновь начали бы тормозить дѣло инквизиціи: въ случаѣ же сопротивленія онъ долженъ былъ привлекать къ содѣйствію руку свѣтской власти.

Булла эта издавна служитъ въ спеціальной литературѣ предметомъ ожесточенныхъ препераній между писателями «свободомыслящаго» и клерикальнаго лагеря. Тогда какъ первые долгое время представляли ее чѣмъ-то въ родѣ Великой Хартіи процессовъ вѣдьмъ, сигналомъ къ массовой ихъ организаціи, вторые упорно утверждаютъ, что взглядъ этотъ является характернымъ образчикомъ того, насколько партійное пристрастіе способно искажать исторію. По существу дѣла, говорятъ они, булла эта почти не имѣетъ отношенія къ вопросу о томъ, слѣдуетъ ли вѣрить въ реальность «вѣдовства». Она отнюдь не носитъ какого-нибудь догматическаго характера. Она является чисто юридическимъ актомъ, рѣшавшимъ спорный вопросъ о предѣлахъ компетенціи двухъ данныхъ инквизиторовъ. Что касается приведеннаго въ ней длиннаго перечня колдовскихъ преступленій, то онъ составленъ не отъ лица папы; по общему правилу, въ основу всѣхъ подобныхъ буллъ полагался вызвавшій ея появленіе докладъ мѣстныхъ агентовъ папскаго престола. И если даже допустить, что Иннокентій VIII самъ вполнѣ вѣрилъ въ дѣйствитель-

ность того, о чемъ ему писали Шпренгеръ и Институторъ, то все же толковать о томъ, будто бы папа склонилъ общественное мнѣніе на сторону инквизиторовъ, «бросивъ на чашу вѣсовъ всю тяжесть своего непогрѣшимаго авторитета», значитъ лишь обнаруживать полное незнакомство съ основами церковнаго католическаго ученія о папской власти. Папа непогрѣшимъ, когда онъ говоритъ ex cathedra. Въ данномъ же случаѣ Иннокентій VIII говорилъ несомнѣнно extra cathedram. А несогласіе съ папой, когда онъ говоритъ extra cathedram, т.-е. какъ простой смертный, на главу коего не изливается тогда «харизма непогрѣшимости», никогда не служило препятствіемъ католику оставаться добрымъ сыномъ церкви. И надобно еще замѣтить, что самая опасная сторона ученій Молота Вѣдьмъ, его теорія, что колдуны могутъ слетаться на колдовскіе шабаши, въ буллѣ не помянута ни словомъ.

Приведенный нами традиціонный взглядъ, по которому папа Иннокентій VIII съ своею буллой Summis desiderantes долженъ считаться главнымъ виновникомъ варварскаго истребленія такого множества ни въ чемъ неповинныхъ человѣческихъ существъ, конечно, страдаетъ въ высокой степени неточностью и преувеличеніемъ. Булла эта отнюдь не явилась «сигналомъ» къ массовому гоненію на вѣдьмъ. Какъ мы уже видѣли, задолго до ея выхода въ свѣтъ инквизиція успѣла поставить на костеръ цѣлыя вѣдовскія гекатомбы. И въ отношеніи папскаго престола къ борьбѣ, предпринятой инквизиторами противъ колдуновъ, булла Summis desiderantes также не представляла собою ничего новаго. При болѣе тщательномъ изслѣдованіи вопроса она оказывается только однимъ изъ цѣлаго ряда совершенно съ ней сходныхъ папскихъ указовъ, которые мы и отмѣтили въ своемъ мѣстѣ. Особая ея слава зависитъ лишь отъ того, что она увидѣла свѣтъ послѣ изобрѣтенія Гутенбергомъ печатнаго станка. Рукописныхъ предшественницъ ея пришлось разыскивать въ пыли архивовъ, тогда какъ эта булла, при помощи печати обойдя весь католическій міръ, осталась у всѣхъ въ живой памяти. Наконецъ, булла, не высказываясь прямо насчетъ того, слѣдуетъ ли вѣрить въ полеты вѣдьмъ, (къ чему, надо замѣтить, у ней не было и повода, такъ какъ полеты сами по себѣ не составляли особаго вида преступленій), не отрѣзала добрымъ католикамъ возможности спорить противъ этого опаснѣйшаго пункта въ новомъ открытіи папскихъ инквизиторовъ. И этой возможностью дѣйствительно воспользовались нѣкоторые изъ богослововъ и юристовъ, которые и послѣ выхода въ свѣтъ буллы поддерживали необходимость толковать всѣ показанія вѣдьмъ о ихъ воздушныхъ пу-

тешествіяхъ на шабашъ согласно Canon Episcopi, т.-е. какъ простыя иллюзіи, вызываемыя дьяволомъ. Но было бы ошибочно и умалять значеніе этой буллы до тѣхъ предѣловъ, къ которымъ желаютъ свести его католическіе историки. Въ какомъ своемъ качествѣ папа Иннокентій требовалъ, чтобы никто не препятствовалъ его инквизиторамъ судить и карать вѣдьмъ, какъ имъ заблагоразсудится,— говорилъ ли онъ это, какъ непогрѣшимый Summus Magister или какъ погрѣшимый Summus Rector, — этотъ вопросъ имѣетъ, конечно, большое значеніе для совѣсти современныхъ вѣрующихъ католиковъ; но съ исторической точки зрѣнія онъ лишенъ всякаго интереса. Средневѣковому обществу, когда папа обращался къ нему съ своими приказаніями, не полагалось вдаваться въ такую критику, и сколько вѣса имѣлъ папскій авторитетъ въ XV столѣтіи, столько его и оказывалось на сторонѣ инквизиціонной теоріи и практики вѣдовскихъ процессовъ. «Допускать, что инквизиторы, карая столь жестоко вѣдьмъ, сами могутъ являться жертвами заблужденія, это что же значитъ? Это значитъ клеветнически обвинять саму римскую церковь въ величайшей небрежности, хуже того, — въ величайшей жестокости и беззаконіи, ибо инквизиторы дѣйствуютъ лишь какъ делегаты римскаго первосвященника, къ которому главнымъ образомъ и относится все, что они дѣлаютъ, справедливо или несправедливо, особенно если это творится съ его вѣдома. Поэтому если бы судъ ихъ былъ неправеденъ, то это являлось бы виной самого первосвященника, разъ онъ молчитъ и позволяетъ имъ дѣйствовать». Такъ разсуждалъ относительно сомнѣній въ существованіи секты вѣдьмъ столь компетентный человѣкъ, какъ Де-Спина, Magister Sacri Palatii въ Римѣ; такъ неизбѣжно должна была разсуждать и масса общества. Авторы Malleus Maleficarum въ видѣ предисловія при каждомъ его изданіи прилагали буллу Summis desiderantes. Курія, съ своей стороны, по поводу этого не заявляла ни малѣйшаго неудовольствія. Могло ли же при этомъ общество глядѣть на Молотъ Вѣдьмъ иначе, какъ на книгу, вполнѣ отвѣчающую взглядамъ самого главы церкви?

Но какъ бы то ни было, какую бы долю мы ни приписывали тутъ буллѣ папы Иннокентія VIII, созданный инквизиторами новый отдѣлъ теологическо-юридической литературы успѣлъ къ началу XVI вѣка проложить себѣ широкую дорогу въ среду образованнаго общества. Молотъ Вѣдьмъ отнюдь не предназначался для «простыхъ людей». Въ приложенной къ нему «аппробаціи» Кёльнскихъ богослововъ прямо говорилось: «Трактатъ сей надлежитъ давать въ руки лишь ученымъ ревнителямъ по вѣрѣ, кои могутъ оттуда почерпнуть

рядъ здравыхъ и зрѣлыхъ совѣтовъ насчетъ конечнаго истребленія вѣдьмъ, а также богобоязненнымъ и совѣстливымъ пастырямъ душъ, наставленія коихъ будутъ воспламенять потомъ и въ сердцахъ паствы ненависть къ столь пагубной ереси». Да никому, кромѣ глубоко посвященныхъ въ книжную премудрость людей, и не по силамъ было одолѣть это обширное, тяжеловѣсное, насыщенное схоластическими тонкостями сочиненіе, написанное на варварской латыни. И, несмотря на это, къ 20-мъ годамъ XVI вѣка Молотъ выдержалъ въ Германіи, во Франціи и въ Италіи по меньшей мѣрѣ 13 изданій, что при ничтожной емкости тогдашняго книжнаго рынка свидѣтельствуетъ о поразительномъ успѣхѣ книги. Kauf und lies es, das Geld wird dich nicht gereuen [1])—стоитъ на обложкѣ одного изъ нѣмецкихъ изданій Молота, и ученые ревнители по вѣрѣ, очевидно, не оставались глухи къ такому приглашенію.

Мы безъ труда обнаруживаемъ и въ жизни слѣды вліянія, произведеннаго на умы Молотомъ и примыкающей къ нему литературой. Вѣдьмы въ томъ видѣ, какъ ихъ описывали инквизиторы, согласно выраженному въ Молотѣ благочестивому желанію, становятся предметомъ бесѣдъ съ церковной каѳедры. Самъ Гейлеръ изъ Кайзерсберга, краса нѣмецкихъ духовныхъ ораторовъ конца среднихъ вѣковъ, счелъ нужнымъ посвятить вѣдьмамъ рядъ проповѣдей, гдѣ онъ толкуетъ о нихъ въ духѣ, о которомъ мы можемъ составить себѣ понятіе по слѣдующимъ небольшимъ отрывкамъ. Не надо думать, просвѣщаетъ Гейлеръ людей, которые по скудости своего образованія не имѣли никогда случая заглядывать въ схоластическіе трактаты, чтобы вѣдьмы сами могли производить то, что онѣ производятъ. Дѣло тутъ обстоитъ иначе.

„Бѣсъ заключилъ съ иными изъ людей договоръ и далъ имъ слова и знаки. Стоитъ имъ сдѣлать знакъ и произнести слово — и бѣсъ готовъ исполнить, чего они желаютъ. Такъ что бѣсъ производитъ колдовскія дѣянія въ угоду вѣдьмамъ. Возьми примѣръ, и ты это поймешь. Когда вѣдьма хочетъ навести бурю или градъ, она беретъ метлу, становится въ ручей и метлой перекидываетъ воду себѣ черезъ голову: такъ и выходитъ градъ. Однако отъ перебрасыванія воды черезъ голову и отъ слова градъ пойти не можетъ. Но бѣсъ, лишь только онъ завидитъ такой знакъ и заслышитъ слово, тамъ въ воздухѣ и въ вѣтрѣ принимается вѣдьмѣ помогать и поднимаетъ бурю. Да, скажетъ иной, а я этому вовсе не вѣрю. Я вѣрю, что, стоитъ мнѣ перекреститься, и нѣтъ мнѣ до вѣдьмъ дѣла. Не могутъ онѣ этого. Вотъ неразумныя рѣчи. Мы же своими глазами видимъ, что это въ самомъ дѣлѣ бываетъ. Конечно, не онѣ это дѣлаютъ—это правда—дѣлаютъ это не онѣ, но бѣсъ въ угоду имъ можетъ это производить, разъ онъ видитъ знакъ и слышитъ слово, которому онъ ихъ научилъ...“

„Ну вотъ, ты спрашиваешь меня: какъ долженъ я объ этомъ думать? могутъ ли вѣдьмы изсушать коровъ и вынимать у нихъ молоко, такъ что тѣ не даютъ больше молока? и могутъ ли онѣ доить молоко изъ топорища или изъ шила? Я говорю: да, съ помощью бѣса онѣ все это могутъ. Какъ же это выходитъ? Въ природѣ существуетъ извѣстный законъ, что бѣсъ можетъ вещественные пред-

---

[1]) Купи и прочти: о деньгахъ не пожалѣешь.

меты переносить съ одного мѣста на другое съ помощью свойственной ему силы, полученной имъ отъ Всемогущаго Бога. Такъ, бѣсъ способенъ большую скалу перенести, какъ перышко... Отсюда и выходитъ, что когда вѣдьма сядетъ на вилы, смажетъ ихъ и скажетъ нужное слово, то она ѣдетъ, куда хочетъ. Не въ вилахъ тутъ, конечно, сила и не въ мази: дѣлаетъ это бѣсъ, который везетъ вѣдьму на вилахъ, какъ только запримѣтитъ свое таинство и свой знакъ. Такъ же обстоитъ дѣло и съ коровами. Молоко есть вещественный предметъ, а, какъ мы сказали, бѣсъ съ попущенія Божія можетъ любой вещественный предметъ переправить съ одного мѣста на другое. Итакъ, бѣсъ можетъ вынуть молоко изъ коровы, извлечь его изъ ея тѣла и перенести въ другое мѣсто, разъ онъ завидитъ сдѣланный вѣдьмой знакъ. И когда вѣдьма воображаетъ, будто она доитъ топорище, бѣсъ можетъ въ одно мгновеніе перенести туда молоко и лить ей въ подойникъ. А такъ какъ онъ остается при этомъ невидимъ, то вѣдьма и думаетъ, будто молоко бѣжитъ изъ дерева или изъ топорища".

Должнымъ вниманіемъ почтили Молотъ Вѣдьмъ и свѣтскіе юристы. Трудное это дѣло — вѣдьмы, писалъ въ началѣ XVI вѣка флорентинскій юристъ Павелъ Грилландъ, особенно изъ-за вопроса о полетахъ. Доктора права по большей части думаютъ, что онѣ не переносятся тѣломъ, а являютъ собой лишь жертву дьявольскаго наважденія, какъ о томъ говорилъ Canon Episcopi. Теологи же доказываютъ противное, блестяще подтверждая свое мнѣніе доводами отъ разума, ссылками на авторитеты и примѣрами. Самъ я, продолжаетъ Грилландъ, сначала долго держался перваго мнѣнія, но потомъ мой судейскій опытъ заставилъ меня уступить очевидности и признать, что вѣдьмы переносятся на шабашъ тѣлесно. И подобныя обращенія ранѣе сомнѣвавшихся юристовъ въ вѣру Молота оказываются въ началѣ XVI вѣка довольно частыми по всѣмъ европейскимъ странамъ. Гохштедтскій ландфогтъ Ульрихъ Тенглеръ, авторъ чрезвычайно цѣнившагося въ XVI вѣкѣ судебнаго руководства Laienspiegel, въ первомъ его изданіи не считалъ еще нужнымъ преподавать свѣтскимъ судьямъ никакихъ указаній, какъ надо вести процессы вѣдьмъ. Но настоянія сына, который былъ профессоромъ богословія въ Ингольштадтѣ, заставили его потомъ измѣнить взглядъ на дѣло, и во второмъ изданіи имъ была включена обширная глава «О ереси, гаданіи, чернокнижіи, колдовствѣ, вѣдьмахъ и т. п.». Что вѣдьмы, писалъ при этомъ во введеніи Тенглеръ, производятъ градъ, напускаютъ на людей и на животныхъ болѣзни, летаютъ по воздуху огромные концы, творятъ распутство съ нечистыми духами и дѣлаютъ другія противохристіанскія вещи, «это по человѣческому разуму трудно понять, трудно это постичь и трудно этому повѣрить. Потому у юристовъ въ этомъ были сомнѣнія и шли толки, не пустяки ли это». Но, продолжаетъ онъ, недавно папскіе инквизиторы изъ опыта своего такъ обстоятельно раскрыли и обсудили всѣ эти исторіи въ разныхъ латинскихъ и нѣмецкихъ книгахъ, въ особенности же въ Malleus Maleficarum, что съ ними приходится согласиться. И, подчиняясь такому авторитету, Тенглеръ прямо пере-

несъ въ свой Laienspiegel всѣ главныя процессуальныя указанія Молота Вѣдьмъ. Такимъ же проводникомъ въ свѣтское право инквизиторскихъ взглядовъ на вѣдовство являлся далѣе знаменитый нидерландскій юристъ XVI вѣка Іодокъ Дамгудеръ. Наконецъ, и германскій имперскій уголовный кодексъ, изданный при Карлѣ V, несмотря на всю свою относительную осторожность въ постановленіяхъ о репрессіи колдовства, все же заплатилъ дань если не Молоту, то буллѣ Summis desiderantes, признавъ реальность и договора съ дьяволомъ, и распутства съ дьяволомъ.

Но Молотъ Вѣдьмъ подѣйствовалъ на голову не только церковнымъ проповѣдникамъ и юристамъ. Среди литературныхъ сторонниковъ реальности всего, что въ немъ разсказывалось о вѣдьмахъ, мы находимъ и медиковъ и даже нѣкоторыхъ изъ гуманистовъ, этихъ злѣйшихъ враговъ схоластики. Такъ, славный poëta laureatus Генрихъ Бебель почтилъ своимъ стихотворнымъ предисловіемъ сборникъ проповѣдей нѣкоего Тюбингенскаго священника Плантша, гдѣ излагалась вся инквизиторская теорія вѣдовства. Такъ, видный итальянскій гуманистъ Пико де ла Мирандола (племянникъ знаменитаго Пико) съ большою похвалой отзывался о трудѣ Шпренгера и Институтора. Въ это же время вѣдьмы получаютъ и воплощеніе свое въ образахъ художественной фантазіи. Вѣдьму рисуетъ Альбрехтъ Дюреръ, шабашъ съ различными варіаціями неоднократно рисуетъ Гансъ Бальдунгъ Гринъ, и тема эта послѣ нихъ усердно разрабатывается, особенно въ дешевой гравюрѣ, назначенной для сбыта среди простонародья. Такимъ-то образомъ за первую четверть XVI столѣтія уродливая, зловѣщая фигура вѣдьмы становится вполнѣ привычной всѣмъ слоямъ западноевропейскаго общества безъ всякаго изъятія.

Намъ остается еще, однако, осмыслить для себя одинъ съ виду загадочный фактъ, нашедшій отраженіе въ литературной судьбѣ Молота Вѣдьмъ. Немедленно по выходѣ своемъ въ свѣтъ этотъ трудъ Шпренгера и Институтора почтенъ былъ достодолжнымъ вниманіемъ: какъ мы сказали, къ 1520 году онъ былъ по разнымъ странамъ напечатанъ 13 разъ. Но съ третьяго десятилѣтія XVI в. интересъ къ нему видимо ослабѣваетъ. Только въ 1574 году онъ перепечатывается снова—и снова съ большимъ успѣхомъ: къ прежнимъ 13 изданіямъ теперь до 1669 г. прибавляется еще 16. Только къ концу XVI столѣтія у Шпренгера съ Институторомъ являются и достойные соперники. Изъ «классиковъ» вѣдовской литературы Боденъ выпустилъ свой трудъ (De magorum daemonomania seu detestando lamiarum ac magorum cum satana commercio) въ 1580 году, Бинсфельдъ (De confessionibus maleficarum et sagarum) въ 1589 году,

Ремигій (Daemonolatria) въ 1595 г. и, наконецъ, Дельріо (Disquisitiones magicae) въ 1599 году. Средина же XVI вѣка была, напротивъ, ознаменована необычайнымъ успѣхомъ труда доктора Вейера (De praestigiis daemonum et incantationibus ac veneficiis), гдѣ авторъ клеймилъ процессы вѣдьмъ, какъ гнусныя судебныя убійства. Такую же кривую описываетъ за XVI столѣтіе и дѣйствительное гоненіе на вѣдьмъ. Поскольку нашъ, правда очень недостаточный, статистическій матеріалъ позволяетъ намъ дѣлать тутъ выводы, къ срединѣ XVI вѣка преслѣдованія вѣдьмъ значительно проигрываютъ въ силѣ сравнительно съ концомъ XV столѣтія. Зато къ концу XVI вѣка они мало-по-малу снова разгорается съ тѣмъ, чтобы достичь высшей напряженности въ началѣ XVII столѣтія. Только тогда они становятся знакомы и такимъ странамъ, которыя никогда не видывали у себя папскихъ инквизиторовъ, какъ Англія, Шотландія и скандинавскія государства; только тогда они становятся во всей Западной Европѣ явленіемъ не исключительнымъ, а совершенно обыденнымъ; только тогда счетъ жертвъ приходится вести на тысячи. Шпренгеръ и Институторъ въ XV столѣтіи хвалились еще тѣмъ, что за пять лѣтъ сожгли въ Германіи цѣлыхъ 48 вѣдьмъ. Въ XVII столѣтіи во многихъ небольшихъ нѣмецкихъ территоріяхъ пять десятковъ вѣдьмъ нерѣдко отправлялись на костеръ уже за одинъ разъ.

Итакъ, разгаръ процессовъ вѣдьмъ отдѣленъ отъ выхода въ свѣтъ буллы Инокентія VIII и Malleus Maleficarum болѣе чѣмъ столѣтіемъ, при чемъ мы вовсе не видимъ передъ собой правильнаго, постепеннаго усиленія бреда. Напротивъ, онъ одно время какъ бы готовился потухнуть, вмѣсто чего однако на дѣлѣ ему суждено было разгорѣться съ неслыханною силой. Основываясь на этомъ, католическіе историки, какъ Янсенъ и Дифенбахъ, и предлагаютъ съ своей стороны такое объясненіе для тѣхъ безумно жестокихъ гоненій, которыми ознаменованы были конецъ XVI и начало XVII вѣковъ. Для нихъ папскій престолъ и инквизиція оказываются здѣсь совершенно не при чемъ. Надо припомнить, говорятъ они, въ какое время вышла булла Инокентія VIII и Молотъ Вѣдьмъ. То была пора, когда не безъ вины самой же католической іерархіи, которая тоже успѣла обмірщиться, авторитетъ папы и римскихъ инквизиторовъ былъ въ конецъ расшатанъ. То была пора, когда все образованное европейское общество бредило такъ называемымъ гуманизмомъ и въ знакъ своей умственной зрѣлости нещадно издѣвалось надъ церковью и въ частности надъ тѣми самыми монахами, которые держали въ своихъ рукахъ инквизицію. То была пора, когда въ Европѣ подготовлялась катастрофа,

обрушившаяся на нее въ видѣ реформаціи. И кто же изъ людей, не ослѣпленныхъ партійнымъ пристрастіемъ, повѣритъ, будто бы протестантскіе трибуналы, которые въ разгаръ процессовъ вѣдьмъ своей жестокостью далеко превосходили современную имъ инквизицію, дѣйствовали такъ подъ вліяніемъ буллы, изданной однимъ изъ папъ конца XV вѣка? Кальвинъ на всѣхъ перекресткахъ провозглашалъ папу антихристомъ. Но тотъ же Кальвинъ въ Женевѣ такъ расправлялся съ мнимыми колдунами, какъ никогда не расправлялась инквизиція. И между тѣмъ намъ предлагаютъ вѣрить, будто Кальвинъ замуровывалъ живыхъ женщинъ потому, что находился подъ вліяніемъ буллы Summis desiderantes! Шотландія до перехода въ кальвинизмъ не знала ничего похожаго на массовое преслѣдованіе вѣдьмъ. Ноксъ и его ученики, вскормленные въ Женевѣ млекомъ кальвиновой теологіи, впервые заразили Шотландію этой язвой. И намъ тѣмъ не менѣе предлагаютъ вѣрить, будто вина за это падаетъ не на кальвинистовъ, а на доминиканцевъ, написавшихъ сотнею лѣтъ раньше Молотъ Вѣдьмъ! Нѣтъ, если первые вѣка новой исторіи были запятнаны безумно жестокимъ гоненіемъ на вѣдьмъ, то виновато здѣсь было не то, что въ эту эпоху осталось стараго, а то, что въ ней дѣйствительно было ново. Прославленное обновленіе религіозной жизни Западной Европы гуманизмомъ и протестантизмомъ, прославленная реформація,—вотъ новый факторъ, обострившій до послѣдней степени исконный общечеловѣческій страхъ передъ колдовствомъ. Въ началѣ XVI вѣка Европа попробовала обойтись безъ тяготившей ее опеки римской церкви. И тутъ сказалось съ полной ясностью, какъ благодѣтельна и какъ необходима была для европейскаго общества эта культурная опека. Вырвавшись на свободу, общество это быстро дичаетъ, и можетъ быть самымъ рѣзкимъ, самымъ характернымъ проявленіемъ этого одичанія служитъ именно невиданное въ прежнія времена развитіе процессовъ вѣдьмъ.

Въ самомъ дѣлѣ, — продолжаютъ клерикальные историки, — средневѣковую католическую церковь принято упрекать, что она съ своими обрядами, богомольями, чудотворными иконами, мощами и т. п. держала общество въ рабствѣ суевѣрію, и въ высшую заслугу гуманизму и реформаціи вмѣняютъ, что они помогли разбить эти вѣковыя цѣпи. Не будемъ переходить на догматическую почву, не будемъ разбирать, почему и понынѣ римская церковь особое почитаніе таинствъ, святыхъ, мощей, иконъ относитъ въ область вѣры, а не суевѣрія. Посмотримъ только на другую сторону. Взглянемъ на то, что́ реформація поставила на мѣсто этихъ народныхъ «суевѣрій», взглянемъ на то, въ какой мѣрѣ враждеб-

ныя католицизму силы въ XVI столѣтіи дѣйствительно содѣйствовали народному «просвѣщенію».

Протестантскіе писатели очень охотно повторяютъ слова Лютера, сказанныя по поводу одного легендарнаго житія Іоанна Златоуста: «Вы смѣетесь на такое вранье и никто изъ васъ не хочетъ ему вѣрить. Но счастье ваше, молодые люди, что вамъ возсіялъ свѣтъ. А лѣтъ двадцать тому назадъ посмѣй кто-нибудь хоть слово въ этой легендѣ объявить выдумкой, его бы обратили въ пепелъ». Протестантамъ, во-первыхъ, не слѣдовало бы выдавать за фактъ простую полемическую выходку. Церковь католическая никогда не приравнивала легендъ догматамъ вѣры и никого не заставляла всякое слово въ нихъ считать за истину. Она только не позволяла дерзко надъ ними насмѣхаться. И если говорить о терпимости къ критикѣ, то развѣ можно сравнивать широкую толерантность церкви XV вѣка съ той узкой сектантской нетерпимостью къ чужому мнѣнію, которая воцарилась въ Европѣ подъ вліяніемъ реформаціоннаго духа. Чтобы убѣдиться въ этомъ, довольно взглянуть на судьбу гуманизма: какъ онъ свободно развивался въ эпоху церковнаго единства и какъ быстро расколъ церковный обратилъ его въ мертвое буквоѣдство. Но главное: если въ протестантскихъ странахъ теперь позволены были самыя грубыя издѣвки надъ тѣмъ, что цѣлые вѣка служило предметомъ народнаго почитанія, то слѣдуетъ ли отсюда, чтобы протестантская паства стала менѣе суевѣрна, чѣмъ католическая? И на этотъ вопросъ приходится отвѣтить рѣшительнымъ: нѣтъ. Протестантизмъ нисколько не ослабилъ народнаго суевѣрія. Онъ только направилъ его въ другое, гораздо болѣе опасное русло. Въ свѣтлыя чудеса святыхъ новая религія запрещала вѣрить. Зато тѣмъ болѣе пышнымъ цвѣтомъ распустилась въ ея лонѣ вѣра въ чудеса мрачнаго характера, особенно же мысль о непрерывномъ вмѣшательствѣ въ людскую жизнь адской силы. Возьмемъ въ самомъ дѣлѣ народную литературу на родинѣ протестантизма въ Германіи, какъ она сложилась къ тому времени, когда реформація успѣла принести свои плоды, т.-е. во второй половинѣ XVI вѣка. Что жъ это за унылая картина! «Книги о святыхъ», пишетъ одинъ изъ современниковъ, «которыя говорятъ намъ о любви и милосердіи Божіемъ и наставляютъ насъ въ подвигахъ христіанскаго милосердія, теперь совсѣмъ не въ такомъ ходу и почетѣ, какъ у старыхъ добрыхъ христіанъ. Всякій покупаетъ себѣ теперь книжки, картины и стихи о дьяволѣ и о темныхъ колдовскихъ, дьявольскихъ искусствахъ. Я самъ зналъ одного портного, у котораго было 40 или 50 такого рода книжекъ и листовъ, напечатанныхъ за годъ или за два. И

онъ еще хвалился своимъ собраніемъ, какъ будто бы это было пристойное христіанское дѣло держать у себя въ домѣ такія срамныя сказки о чортѣ». «Ужъ много лѣтъ у насъ печатается и продается безъ перерыва безчисленное множество листовъ и книжекъ о вѣдьмахъ, чародѣяхъ и всякой бѣсовской нечисти, а также о чудесахъ и знаменіяхъ, которыя якобы у насъ случаются. Все это дикій вздоръ, которому раньше не повѣрилъ бы ни одинъ разумный человѣкъ и которымъ теперь упиваются почти что всѣ, старые и молодые, простые люди и высокопоставленныя особы, считая все это за истинную правду. Міръ ослабѣлъ въ вѣрѣ, зато какъ онъ окрѣпъ въ суевѣріи, во всякихъ бредняхъ о чортѣ, о привидѣніяхъ и чудесныхъ знаменіяхъ. Боже милостивый, чѣмъ же это можетъ кончиться!» И наше собственное знакомство съ дошедшими до насъ остатками этой литературы,—говоритъ Янсенъ,—заставляетъ насъ безъ оговорокъ подписаться подъ такою характеристикой. Когда читаешь эту литературу, то въ голову невольно приходитъ извѣстный діалогъ Лукіана «Любитель вранья» и вмѣстѣ съ Лукіаномъ хочется воскликнуть: «Ужъ если вы не имѣете никакого уваженія къ себѣ самимъ, то пожалѣли бы вы по крайней мѣрѣ молодыхъ людей и посовѣстились бы забивать ихъ голову такими нелѣпыми, страшными сказками. Вѣдь, разъ онѣ овладѣютъ дѣтскимъ воображеніемъ, онѣ потомъ всю жизнь не будутъ давать людямъ покоя, заставляя ихъ трепетать передъ шорохомъ каждаго листа и дѣлая ихъ жертвой всякаго суевѣрія и страха передъ духами».

Вотъ нѣсколько образчиковъ этой умопомрачающей литературы изъ богатаго собранія, помѣщеннаго Янсеномъ въ его извѣстной «Исторіи нѣмецкаго народа» [1]). Особый обширный ея отдѣлъ образуютъ трактаты о «знаменіяхъ». Знаменій этихъ, съ гордостью заявляютъ протестантскіе проповѣдники, небо никогда не являло столько, сколько оно являетъ съ тѣхъ поръ, какъ на землѣ снова возсіялъ свѣтъ истиннаго Евангелія. «Я думаю,—писалъ извѣстный проповѣдникъ Мускулусъ въ своемъ трактатѣ «О Мезехѣ и Кедарѣ, о Гогѣ и Магогѣ» и т. д. (1577 г.),—что если бы собрать всѣ чудесныя знаменія, записанныя у всѣхъ историковъ отъ сотворенія міра, то ихъ не наберется столько — и столь разнообразныхъ и странныхъ—сколько ихъ огласилось у насъ въ печати за послѣднія 40 лѣтъ». На первомъ мѣстѣ по частотѣ стояли среди этихъ знаменій рожденія различныхъ чудищъ. Въ морѣ и въ рѣкахъ вылавливались такія твари, которыя не виданы были отъ вѣка: рыбы

[1]) Съ этимъ отдѣломъ Янсеновой работы стоитъ познакомиться всякому, кого интересуетъ вопросъ о происхожденіи современной „лубочной“ литературы.

съ папскими головами, съ монашескими капуцами и іезуитскими шапочками и т. п. Еще въ началѣ реформаціи Тибръ выбросилъ уродливое существо, въ которомъ — по толкованію Меланхтона — самъ Богъ изобразилъ ужасы папства, дабы остеречь добрыхъ христіанъ отъ римскаго антихриста и его челяди. Около того же времени у одной коровы во Фрейбергѣ родился теленокъ съ виду, какъ монахъ. Весь міръ, писалъ по этому поводу Лютеръ, долженъ затрепетать передъ такимъ страшнымъ знаменіемъ. «Трепещутъ же люди, когда имъ случится увидать дьявола или привидѣніе или услыхать таинственные стуки. А это вѣдь пустяки сравнительно съ такою страстью, гдѣ самъ Богъ показываетъ свое откровеніе. Онъ ясно говоритъ этимъ теленкомъ, сколь онъ враждебенъ монашеству. Паписты здѣсь, какъ въ зеркалѣ, должны увидать, чѣмъ они являются для Бога и за что ихъ почитаетъ небо». «Всякая беременная женщина, — писалъ одинъ изъ вѣрныхъ лютеровыхъ учениковъ, — должна помышлять о своихъ грѣхахъ и каяться, ибо не можетъ она знать, какой отъ нея будетъ плодъ и не появится ли отъ нея ради особой кары всѣхъ окружающихъ пороковъ и въ нѣмецкой землѣ какое-нибудь изъ тѣхъ твореній, которыя описаны и нарисованы въ книжкѣ Элуцидарій, находящейся у всѣхъ въ рукахъ». А въ этомъ Элуцидаріи, являвшемся тогда дѣйствительно одной изъ самыхъ распространенныхъ народныхъ книгъ, повѣствовалось: «Въ странѣ Индіи есть люди съ песьими головами и разговариваютъ лаемъ; иные бываютъ тамъ обоего пола — сразу мужчина и женщина; всѣ они могутъ рожать дѣтей, какъ женщины, и производить, какъ мужчины; правая грудь у нихъ мужская, а лѣвая женская... Въ странѣ Сициліи у иныхъ такія уши, что покрываютъ все тѣло. — Въ Эѳіопіи у иныхъ бываютъ рога, длинные носы и козьи ноги», и т. д. Но видно, многія беременныя женщины каялись плохо, такъ какъ «самые достовѣрные листки» въ эпоху реформаціи сообщали случаи рожденія въ Германіи чудищъ хуже описанныхъ въ Элуцидаріи. Въ Бахарахѣ, напримѣръ, жена одного пьяницы родила въ 1595 г. младенца съ змѣинымъ хвостомъ длиной въ три локтя. Когда отецъ явился изъ шинка, чудище бросилось на него, какъ ястребъ, и, обвившись кругомъ него, умертвило ядовитыми укусами. Извѣстій же о томъ, какъ женщины рождали поросятъ, ослятъ или волчатъ и какъ, обратно, неразумные скоты рождали человѣческія существа, нельзя было и перечесть. Небо слѣдило тогда даже за нарядами и выражало свое неодобреніе новымъ модамъ тѣмъ, что иные младенцы изъ чрева матери выходили уже, къ ужасу людскому, въ брыжжахъ и франтовскихъ шароварахъ.

Auch wird kein Missgeburt uns heut
Für Augen gestellt, die uns nicht bedeut
Ein Straf, und dass zu dieser Frist
Kein greulicher Monstrum zu finden ist
Denn der Mensch, so durch Adam Fall
Verderbt ist durchaus überall [1]).

Съ такимъ же ревнiемъ раздувало протестантское духовенство народный страхъ передъ кометами и другими необычайными небесными явленiями. Еще въ XV столѣтiи извѣстный математикъ Iоганнъ Мюллеръ изъ Кенигсберга (Регiомонтанусъ) сдѣлалъ кометы предметомъ точныхъ астрономическихъ изысканiй. Но протестантскiе пасторы XVI вѣка не желали объ этомъ слышать. Они считали своею священной обязанностью «разъяснять словомъ и писанiемъ страшное значенiе кометъ, вливая этимъ спасительный ужасъ передъ судомъ Божiимъ». «Иные говорятъ, — восклицалъ одинъ изъ рьяныхъ проповѣдниковъ,—будто истолкованiемъ кометъ должны заниматься не проповѣдники, а математики. Но мнѣ до этихъ людей нѣтъ дѣла. Пусть они строятъ кислыя рожи и всячески ругаются, какъ они выучились отъ отца своего дьявола: я не зарою даннаго мнѣ отъ Бога таланта въ землю». И всякое явленiе кометы сопровождалось запугиванiемъ народа по всѣмъ церквамъ. «Труба гремитъ, левъ рыкаетъ, кто смѣетъ не слушать». Особенными знаменiями почтило протестантскую церковь небо, когда папа Григорiй сталъ вводить свой исправленный календарь. Нѣкоторые изъ протестантскихъ проповѣдниковъ сейчасъ же поняли, въ чемъ дѣло. Затѣяно это, поясняли они народу, «чтобы Христосъ спутался и не зналъ, когда собственно наступитъ срокъ второго пришествiя, и чтобы папѣ не приходилось трепетать и можно было дольше на свободѣ безнаказанно продолжать свое живодерство, богохульство и всякое непотребство. Богъ да покараетъ этого прохвоста». И чтобы удержать протестантовъ отъ принятiя этого злостнаго календаря, который антихристъ Григорiй выпустилъ въ свѣтъ, ища крови и гибели бѣдныхъ евангелическихъ христiанъ, мѣсяцъ самъ сталъ ихъ предостерегать. Это видѣли въ разныхъ мѣстахъ. Такъ, въ одной деревнѣ онъ снизошелъ на землю къ людямъ и, грозно глядя, съ кровавымъ ликомъ, нѣсколько разъ ясно выговорилъ: «Горе, горе, кровь, кровь, папа и iезуиты».

«Чтобы предохранить по крайней мѣрѣ простыхъ людей отъ свирѣпствующаго безбожнаго эпикурейскаго невѣрiя и влить въ сердца ихъ спасительный страхъ и трепетъ», иные изъ проповѣд-

---

[1]) Какое бы уродливое рожденiе ни оказывалось теперь предъ нашими глазами, всякое знаменуетъ кару и свидѣтельствуетъ, что нѣтъ хуже урода, чѣмъ человѣкъ, въ конецъ испорченный грѣхопаденiемъ Адама.

никовъ считали особенно пригодными разсказы о чудесахъ изъ царства мертвыхъ, и въ извѣстіяхъ о возстаніяхъ мертвецовъ, призывавшихъ людей къ покаянію и обличавшихъ ихъ пороки, въ протестантской литературѣ также не было недостатка.

«Въ Гоншоттенѣ во Фландріи возстали однажды изъ могилъ три отвратительные мертвеца и стали призывать къ покаянію. У одного изъ нихъ тѣло какъ будто все было охвачено огнемъ. Другой скрежеталъ зубами и вопіялъ ужаснымъ голосомъ: Горе, горе безбожникамъ. Затѣмъ они исчезли, и могилы закрылись. А бургомистръ и дума поторопились письменно запечатлѣть память о столь великомъ, неслыханномъ и чудесномъ знаменіи и разослали вѣсть по всѣмъ окрестнымъ селеніямъ и городамъ».

Но невозможно перечислить всѣхъ знаменій, которыми запугивали протестантскіе проповѣдники народъ, стремясь извлечь его изъ той бездны безнравственности, куда его столкнуло отрицаніе католическаго ученія о спасительности добрыхъ дѣлъ. (Напомню, что я передаю здѣсь лишь взгляды католическихъ ученыхъ.) Въ 1557 году вышелъ нѣмецкій переводъ написаннаго первоначально по-латыни трактата пастора Конрада Вольфарта: Gottes unergründliche Wunderwerke in seltsamen Geschöpfen, Missgeburten, in Erscheinungen an dem Himmel, auf der Erde, in den Wassern. Фоліантъ этотъ долженъ былъ послужить «избраннымъ для духовнаго упражненія и христіанскаго размышленія, а злымъ во обличеніе ихъ невѣрія». «Хотя читатели,—такъ говорилось въ предисловіи,—встрѣтятъ тутъ много такихъ вещей, о которыя можетъ преткнуться разумъ и которымъ неопытные люди съ трудомъ согласятся повѣрить, какъ-то: что волы, змѣи и собаки говорили, что деревья и горы переходили изъ одного вида въ другой, что на бузинѣ выросталъ виноградъ, а на дубѣ хлѣбъ, что женщина превращалась въ мужчину, что море горѣло и въ немъ появлялись новые острова и т. п., но они должны передъ этимъ смиренно склониться. Ибо всѣ эти чудеса заимствованы изъ достовѣрныхъ книгъ; нѣкоторыя же изъ нихъ авторъ видѣлъ своими глазами или слышалъ отъ правдивыхъ людей». «Человѣческій разсудокъ, дорогой читатель, не долженъ стремиться слишкомъ глубоко испытывать дѣла Творца: это я тебѣ настоятельно напоминаю. Ибо дѣла Божіи чудны, велики и непостижимы, какъ то свидѣтельствуетъ рабъ Божій Іовъ и какъ то неустанно восклицаетъ пророкъ Давидъ въ назиданіе и въ примѣръ всѣмъ вѣрнымъ».

А какимъ пышнымъ цвѣтомъ распустились въ Западной Европѣ разные виды магіи, когда европейское общество привыкло не стѣсняться церковными проклятіями противъ занятій ею. Какое не-

счетное количество «магическихъ трактатовъ, а также маленькихъ книжекъ для простонародья» выбрасывалъ печатный станокъ на книжный рынокъ въ срединѣ XVI вѣка. Мы тутъ находимъ руководства къ таинственнымъ искусствамъ, авторами которыхъ объявляются Адамъ и Авель, Енохъ, Авраамъ и Соломонъ, ангелъ Рафаилъ или же Альбертъ Великій и т. д., и т. д. И кто жъ далъ новый толчокъ эксплуатаціи народнаго невѣжества? Развѣ не тѣ же гуманисты? Развѣ они, топча ногами Аристотеля, не упивались писаніями Ямблиха и Михаила Пселла? И развѣ они свое знаніе еврейскаго языка примѣняли лишь къ филологической интерпретаціи Ветхаго завѣта, а не были съ тѣмъ вмѣстѣ прилежными чтецами Каббалы и всей еврейской каббалистической литературы? Весь древне-языческій и восточный демонизмъ снова теперь ожилъ среди этихъ «умственно-эмансипированныхъ» людей. А слѣдомъ за ними тѣмъ же ядомъ заражались и другіе. «У насъ,— писалъ во второй половинѣ XVI вѣка извѣстный ученый Преторій,—волшебныя книги и общество волшебниковъ почитаются самымъ интереснымъ развлеченіемъ». Гуманисты и протестанты не вѣрили въ чудотворныя иконы. Но это не мѣшало имъ глубоко вѣрить въ «чудотворную медицину» школы Парацельса, строившуюся на астрологіи и каббалистикѣ. Добрые протестанты не пріобрѣтали себѣ больше чудотворныхъ реликвій. Но это не мѣшало имъ пріобрѣтать себѣ для защиты отъ волшебства другіе талисманы въ родѣ знаменитыхъ альрауновъ—земляныхъ человѣчковъ, которые якобы родились въ землѣ изъ слезъ, проливаемыхъ преступниками у подножія висѣлицы и торговля которыми являлась доходною статьей для палачей. Какую яркую картинку умственнаго убожества даетъ хотя бы одно слѣдующее письмо, посланное въ 1575 году изъ «озареннаго свѣтомъ Евангелія» Лейпцига въ столь же просвѣщенную Ригу.

„Милый братъ,—пишетъ одинъ зажиточный лейпцигскій горожанинъ,—прежде всего посылаю тебѣ мою братскую любовь, преданность и пожеланіе всего лучшаго. Я получилъ твое письмо и могъ изъ него убѣдиться, что у тебя, милый братъ, съ домомъ и дворомъ дѣла идутъ плохо, что всякая скотина, волы, свиньи, коровы, лошади и овцы, у тебя дохнетъ, что пиво и вино киснетъ въ погребахъ, что жить тебѣ становится не на что и что ко всему этому у тебя пошли нелады съ твоей хозяйкой. Все это донельзя прискорбно было отъ тебя слышать. Поэтому я крайне озаботился твоей судьбой и пошелъ посовѣтоваться о тебѣ къ людямъ, которые свѣдущи въ подобныхъ дѣлахъ, чтобы узнать, откуда могли съ тобой приключиться такія бѣды. Они мнѣ отвѣчали, что такое несчастье идетъ тебѣ, конечно, не отъ Бога, а отъ злыхъ людей, и что нельзя тебѣ иначе пособить, какъ доставши альруника или земляного человѣчка: если онъ будетъ у тебя въ домѣ или во дворѣ, то все скоро пойдетъ у тебя по-другому. Тогда я дальше принялся о тебѣ хлопотать и пошелъ къ людямъ, у которыхъ такія вещи есть, а именно къ нашему палачу, и далъ ему за это немного, не мало 64 талера, да еще на чай его помощнику. Теперь этотъ альруникъ долженъ быть подаренъ тебѣ изъ любви и преданности, и ты долженъ на-

учиться, какъ поступать съ нимъ согласно тому, что я пишу тебѣ въ этомъ письмѣ. Когда ты получишь въ своемъ домѣ этого земляного человѣчка, то три дня оставь его въ покоѣ и не притрогивайся къ нему, а черезъ три дня возьми его и выкупай въ теплой водѣ. Этой водой ты долженъ потомъ окропить твою скотину и пороги твоего дома, черезъ которые ты съ твоими шагаешь, и тогда скоро у тебя все пойдетъ иначе, и ты снова вернешь себѣ все добро, если ты будешь прибѣгать за помощью къ этому земляному человѣчку. Купай его четыре раза въ годъ и какъ выкупаешь, то завертывай его снова въ его шелковую одежду и клади къ своему самому нарядному платью, а больше ничего съ нимъ не дѣлай. Вода, въ которой ты будешъ его купать, особенно еще хороша для родильницы, которая не можетъ родить: ей надо дать полную ложку такой воды, и она родитъ съ радостью и благодарностью. И если у тебя будетъ дѣло въ судѣ или въ городскомъ совѣтѣ, то спрячь земляного человѣчка себѣ подъ правую мышку, и ты всегда выиграешь дѣло, будь оно правое или неправое. И затѣмъ Господь съ тобою. Лейпцигъ, воскресенье на масленицѣ 1575 г. Гансъ N.

Можно представить себѣ по этому образчику, какое суевѣріе, какой страхъ передъ волшебствомъ царили въ болѣе низкихъ слояхъ народной массы.

И новоявленная протестантская религія нисколько не стремилась къ тому, чтобы ослабить въ обществѣ эти чувства: напротивъ, она-то всего болѣе и помогла имъ достигнуть тѣхъ чудовищныхъ размѣровъ, до какихъ дѣло дошло къ концу XVI вѣка. Извѣстно, какую роль играетъ сатана въ лютеранской теологіи. Съ ея ученіемъ о несвободѣ воли она вся строится на борьбѣ неба и ада за человѣческую душу. Для выведеннаго Лютеромъ догматическаго зданія существованіе сатаны является такою же необходимостью, какъ и бытіе Божіе. Не даромъ же въ своемъ «Большомъ Катехизисѣ» онъ говоритъ о Христѣ лишь 63 раза, тогда какъ сатана появляется подъ его перомъ 67 разъ. Но своего догматическаго сатану Лютеръ себѣ представлялъ притомъ же со всѣми аттрибутами простонароднаго языческаго бѣса. Онъ рѣдко употреблялъ слово сатана, предпочитая простонародное имя Teufel. И этотъ чортъ, котораго Лютеръ безчисленное количество разъ видалъ своими глазами во всякихъ видахъ, являлся для него «княземъ міра сего» въ самомъ буквальномъ, въ самомъ осязательномъ смыслѣ. Все физическое и моральное зло, какое только существуетъ въ мірѣ, или, вѣрнѣе, все, что Лютеръ признавалъ за зло,—все для него было дѣломъ чорта. При каждомъ сомнѣніи, родящемся въ его душѣ, Лютеръ явственно слышитъ голосъ чорта. Чортъ говоритъ для него устами папы и епископовъ, чортъ же подсказываетъ *новыя ученія* и не согласнымъ съ Лютеромъ протестантамъ. Чортъ поднимаетъ войны и мятежи. Чортъ напускаетъ всякія болѣзни. «Если есть столько глухихъ, хромыхъ, слѣпыхъ, то все это по злобѣ чорта. И точно такъ же не слѣдуетъ сомнѣваться, что чума, лихорадка и всякія другія повѣтрія и язвы всѣ идутъ отъ него, какъ онъ же поднимаетъ бури, напускаетъ пожары и вызываетъ

дороговизну, уничтожаетъ хлѣбъ и плоды въ полѣ.» «По-моему всѣ слабоумные и сумасшедшіе повреждены въ своемъ разсудкѣ чортомъ. Если же врачи приписываютъ иногда такого рода болѣзни естественнымъ причинамъ, то происходитъ это оттого, что они не понимаютъ, до чего чортъ силенъ и могучъ». «Всѣ мы всѣмъ нашимъ тѣломъ и имуществомъ подлежимъ власти чорта. Мы только гости въ мірѣ, гдѣ онъ является царемъ и божествомъ. Поэтому и хлѣбъ, который мы ѣдимъ, и питье, которое мы пьемъ, и платье, которое мы носимъ, и даже воздухъ, и все, чѣмъ живетъ наша плоть, ему подвластны». Согласно этому для Лютера почти не существуетъ понятія «несчастный случай». Утонулъ человѣкъ — конечно, его утопилъ чортъ. Человѣкъ чуть не задохся, подавившись кускомъ хлѣба: конечно, его пробовалъ уморить чортъ. «Все это дѣлаетъ чортъ, который подстерегаетъ каждаго изъ насъ. А міръ не вѣритъ, что это чортъ. Онъ воображаетъ, что это случай». Разсказамъ о томъ, какъ чортъ утаскиваетъ грѣшниковъ и свертываетъ имъ шею, Лютеръ вѣритъ безусловно. Онъ часто поминаетъ такія исторіи въ своихъ проповѣдяхъ и прибавляетъ: «Все это ничуть не пустые и вздорные разсказы, чтобы пугать людей: это поистинѣ ужасныя происшествія, а не дѣтскія сказки, какъ полагаютъ умники.» Лютеръ вѣритъ и въ то, что чортъ можетъ приживать съ женщинами дѣтей. Лютеръ, конечно, вѣритъ безусловно и въ силу колдуновъ. «Вѣдьмы это злыя чортовы б...., которыя воруютъ молоко, поднимаютъ бури, ѣздятъ на козлахъ и метлахъ, летаютъ на плащахъ, портятъ и калѣчатъ всячески людей, мучатъ дѣтей въ колыбели, разстраиваютъ супружество и производятъ всякое такое чародѣйство. Онѣ могутъ придавать вещамъ другой видъ, такъ что кажется волъ или корова тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ человѣкъ; онѣ могутъ воспламенять людей къ любви и разврату и могутъ дѣлать много всякихъ такихъ бѣсовскихъ штукъ». «Чортовы распутники колдуны часто дѣлаютъ такъ, что гроза ударяетъ въ скотину, въ хлѣбъ, въ дома и въ дворы не потому, чтобы чортъ и самъ безъ колдуновъ этого не могъ. Но такъ какъ онъ князь міра, то онъ желаетъ себѣ божескихъ почестей и изъ-за этого беретъ себѣ людей на службу». Когда въ 1538 г. Спалатинъ ему разсказалъ, какъ въ Альтенбургѣ одна дѣвочка, испорченная колдуньей, плакала кровью, Лютеръ заявилъ: «Такихъ надо безъ всякаго промедленія казнить смертью. Юристы хотятъ имѣть слишкомъ много свидѣтельствъ и пренебрегаютъ тѣми, что у всѣхъ на глазахъ. Недавно у меня было брачное дѣло: жена хотѣла ядомъ извести мужа такъ, что того стало рвать ящерицами. На пыткѣ она ничего не отвѣчала: такіе колдуны нѣмы и презираютъ наказанье:

чортъ не даетъ имъ говорить. Но ихъ поступки достаточно ихъ обличаютъ, и на нихъ надо показывать примѣры на страхъ другимъ. Къ вѣдьмамъ и колдуньямъ, которыя воруютъ куриныя яйца изъ гнѣздъ, масло и молоко, не надо имѣть никакого снисхожденія. Я самъ бы сталъ охотно ихъ жечь,—какъ писано въ Законѣ, что жрецы начинали побивать камнями преступниковъ». Какъ проповѣдовалъ Лютеръ, «этотъ новый Илія и Павелъ», такъ проповѣдовали и другіе, пошедшіе по его стопамъ протестантскіе пророки и апостолы. «Кто пораздумаетъ какъ слѣдуетъ о грозной власти чорта», восклицалъ одинъ изъ нихъ, «тотъ не станетъ говорить вмѣстѣ съ міромъ: не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. Нѣтъ, онъ тогда воскликнетъ со мною вмѣстѣ, что чортъ, князь тьмы, чернѣе и страшнѣе всего, что только можно изобразить». И протестантское церковное перо неутомимо рисовало передъ глазами вѣрныхъ весь міръ, какъ царство дьявола или, вѣрнѣе, іерархіи дьяволовъ. Всѣ нравственныя поученія въ новой церкви принимаютъ демоническую окраску. Всякій порокъ воплощается въ фигурѣ особаго дьявола. Такъ возникаютъ проповѣди и трактаты подъ заглавіемъ: Saufteufel, Tanzteufel, Hurenteufel, Fluchteufel, Hosenteufel и т. д., и т. д. Богатое собраніе такихъ трактатовъ было издано въ 1569 году подъ характернымъ заглавіемъ: Theatrum Diabolorum. Въ немъ содержалось 20 такихъ «чертей», число которыхъ къ третьему изданію «Театра» успѣло возрасти до 34. Вводный трактатъ носилъ заглавіе Der Teufel Selbst и разбиралъ всѣ общіе вопросы демонологіи, которымъ давались грубо суевѣрныя рѣшенія. Книга эта, гласила введеніе, «полезна не только простымъ христіанамъ, но и ученымъ людямъ, какъ пасторы, капелланы и другіе настоятели церквей, а также, можно прибавить, и для ученыхъ юристовъ и медиковъ. Ибо она на множествѣ примѣровъ показываетъ, какъ чортъ посягаетъ не только на человѣческую душу, но и на тѣло, и на имущество». Различные черти расположены тутъ «насколько возможно въ порядкѣ десяти Божіихъ заповѣдей», и такимъ образомъ книга эта съ ея ученіями и наставленіями образуетъ «немаловажную часть нашего христіанскаго катехизиса». «И все это украшено множествомъ разныхъ любопытныхъ исторій, изреченій, поговорокъ, стиховъ и притчъ, такъ что даже свѣтскіе люди, которымъ св. Писаніе и творенія учителей церкви скоро надоѣдаютъ, прочтутъ это легко и съ удовольствіемъ».

На очень видномъ мѣстѣ въ этомъ «Театрѣ» фигурируетъ Zauberteufel пастора Милихія. «Нѣкоторые не въ мѣру умничающіе предиканты», писалъ тамъ авторъ,—«утверждаютъ, что не слѣдуетъ много

проповѣдовать о волшебствѣ, такъ какъ это ни къ чему: не всякій знаетъ, есть ли волшебство и въ чемъ оно заключается; а говоря о немъ много, пожалуй, натолкнешь на болѣе съ нимъ близкое знакомство и на занятія имъ. На это въ отвѣтъ я говорю, что по многимъ и многимъ мѣстностямъ это необходимо. Тамъ проповѣдникъ долженъ прилежно толковать народу о колдовствѣ во всѣхъ его видахъ и формахъ, чтобы люди, которые этого не знаютъ, поняли, что за вещь колдовство, какъ оно разнообразно и какой это грѣхъ передъ Господомъ». Милихій давалъ при этомъ расписаніе, по какимъ воскресеньямъ о чемъ надо проповѣдовать: когда о чернокнижцахъ, когда о заклинателяхъ, когда о вѣдьмахъ, которыхъ онъ изображалъ со всѣми классическими ихъ аттрибутами. И воззванія ревнителей, подобныхъ Милихію, не оставались тщетны. Отъ конца XVI и отъ XVII вѣка до насъ дошелъ цѣлый рядъ Hexenpredigten, которыя ихъ авторы сочли достойными увѣковѣченія въ печати. Всѣ онѣ дышатъ несказаннымъ суевѣріемъ и жестокостью. Всѣ онѣ взываютъ къ судамъ, требуя безпощаднаго гоненія на вѣдьмъ и угрожая за нерадивость небеснымъ проклятіемъ. И оба главныхъ протестантскихъ толка — лютеранскій и кальвинистскій—соперничаютъ при этомъ въ подобной ревности о вѣрѣ. Одинъ изъ самыхъ безжалостныхъ подстрекателей къ травлѣ на вѣдьмъ былъ славный кальвинистскій теологъ XVI вѣка Ламбертъ Даней. Если власти не будутъ всѣми мѣрами искоренять вѣдьмъ, говорилъ онъ, то вѣдьмы сами истребятъ всѣхъ христіанъ. «Въ нѣкоторыхъ странахъ онѣ уже стали такъ дерзки и заносчивы, что отъ нихъ можно открыто слышать: намъ бы найти только какого-нибудь знатнаго и знаменитаго человѣка въ полководцы, такъ мы при нашей многочисленности могли бы пойти въ походъ на очень могущественнаго короля и побѣдить его своимъ искусствомъ». Что-жъ удивительнаго — такъ заключаютъ католическіе историки свой обвинительный актъ—что къ исходу XVI вѣка народъ былъ окончательно запуганъ и сбитъ съ толку. Что-жъ удивительнаго, что ему всюду теперь мерещились привидѣнія, черти и колдуны? «Кто же у насъ не видывалъ и не слыхивалъ всякаго рода привидѣній, ихъ стоновъ и воя, шороха, стука бросаемыхъ ими предметовъ, хлопанья крышками гробовъ, разверзанія могилъ и тому подобныхъ вщей? И развѣ не видимъ мы ежедневно многихъ видѣній въ воздухѣ, на землѣ и на водѣ, когда предстоитъ кому-нибудь утонуть или вообще потерпѣть несчастіе?». Такъ восклицалъ въ 1591 г. Іоаннъ Мюнстерскій. Таково было и поведеніе народа. «До чего мы дошли?»—писалъ въ 1602 году Преторій. «Стоитъ у насъ приключиться какой-нибудь бѣдѣ съ человѣкомъ или со скотиной, сейчасъ

кто-нибудь восклицаетъ: Нѣтъ, это не спроста. Тогда одинъ начинаетъ думать на того, другой на другого. Сначала объ этомъ шепчутся потихоньку, потомъ кричатъ и громко: Такой-то или такой-то это сдѣлалъ. Такъ бѣда солится бѣдой и горе громоздится на горе!» Такъ и пришло дѣло къ тому, что возможность обвиненія въ колдовствѣ стала висѣть надъ головою каждаго, какъ Дамокловъ мечъ. Такъ и образовалось положеніе, при которомъ «честный человѣкъ съ добрымъ именемъ дѣйствительно могъ гораздо безопаснѣе, безмятежнѣе и спокойнѣе жить среди турокъ и татаръ, нежели среди нѣмецкихъ христіанъ» (Мейфартъ).

Протестантскіе историки, говоритъ Дифенбахъ, подводя итоги спору, желаютъ возложить отвѣтственность за все это на Иннокентія VIII и Malleus Maleficarum. Нѣтъ, если уже искать тутъ личность, которая всего болѣе виновна, то личность эта Лютеръ. И если искать книгу, которая больше всего содѣйствовала распространенію такого бреда, то книга эта—Малый Лютеровъ катехизисъ. Какъ ни прискорбно было появленіе Malleus, но оно не было особенно опасно, такъ какъ это была книга для немногихъ. Напротивъ, катехизисъ съ дѣтства вдалбливался въ голову всякому протестанту, пріучая его вѣчно бояться козней сатанинской силы и превращая для него ученіе о колдовствѣ въ догматъ вѣры. А проповѣдь церковная и популярная протестантская литература довершали дѣло. И какой рѣзкій контрастъ съ протестантскимъ раздуваніемъ страха передъ чортомъ представляетъ народно-воспитательная политика римской церкви. Какъ мало и какъ осторожно говоритъ о дьяволѣ и о волшебствѣ Канизіевъ катихизисъ. Какъ рѣдки католическія проповѣди, гдѣ поминалось бы о вѣдьмахъ. Что же касается такъ называемой протестантской Teufelliteratur, то она по достоинству была оцѣнена современнымъ ей католическимъ духовенствомъ. Его совѣты побудили, напримѣръ, Альбрехта V Баварскаго безусловно запретить въ своей странѣ книжки, гдѣ въ заглавіи фигурируетъ чортъ, причемъ герцогъ далъ этому и слѣдующую справедливую мотивировку: «Хотя повидимому такія книжки и преслѣдуютъ цѣль обузданія пороковъ, но въ сущности онѣ способствуютъ лишь укрѣпленію царства того, чьимъ именемъ онѣ надписаны». Если же, несмотря на подобную разумную политику римской церкви, иныя изъ католическихъ территорій Германіи устраивали въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вв. не менѣе злыя гоненія, чѣмъ протестантскія страны, то объясненіе этому налицо. У насъ есть цѣлый рядъ свидѣтельствъ, что въ это время и католическія страны до мозга костей поражены были тайною протестантской пропагандой и совершенно ускользали изъ-подъ духовнаго руководства оставшихся

вѣрными Риму пастырей. Такое же объясненіе подходитъ и къ католической Франціи, гдѣ стихнувшіе было процессы вѣдьмъ вспыхнули съ новой силой въ эпоху религіозныхъ войнъ, когда Францію разъѣдалъ ядъ гугенотскихъ ученій. Извѣстно, какъ de Bèze, этотъ кальвинистскій Меланхтонъ, громилъ французскіе парламенты за слабость, которую они проявляютъ въ преслѣдованіи вѣдьмъ.

Во всемъ этомъ не мало правды, но еще больше партійнаго искаженія истины. Факты заслуживаютъ здѣсь полнаго вниманія, но въ приведенной исторической конструкціи они, если можно такъ выразиться, поставлены по большей части вверхъ ногами.

Коснемся сначала вопроса о гуманизмѣ и о его вліяніи на ростъ суевѣрія въ XVI столѣтіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что среди первыхъ представителей свѣтскаго образованія, такъ называемыхъ гуманистовъ, много выдающихся людей платили жестокую дань самымъ различнымъ видамъ суевѣрія. Буркхардтъ въ своей извѣстной книгѣ «Культура Возрожденія» приводитъ множество характерныхъ примѣровъ относительно итальянскихъ гуманистовъ. Ихъ можно привести цѣлыя сотни и относительно гуманистовъ въ другихъ странахъ. Мы видѣли уже, что взгляды Шпренгера и Институтора на реальность вѣдовства нашли себѣ убѣжденныхъ сторонниковъ въ лицѣ такихъ дѣятелей гуманизма, какъ Пико де ла Мирандола и какъ Генрихъ Бебель. Діалогъ Пико, посвященный этому вопросу, былъ встрѣченъ въ кругу его пріятелей съ большимъ интересомъ и удостоился похвалъ. «Пико доказалъ намъ истину того, что большинство привыкло почитать за глупость и за бабьи сказки», И здѣсь намъ нечему удивляться. Гуманизмъ на мѣсто изученія Св. Писанія, отцовъ церкви и схоластическаго комментарія на нихъ поставилъ изученіе древней литературы. Но если античная литература нисколько не помѣшала самому обществу, которое ее создало, покончить жизнь въ оковахъ суевѣрія, то почему бы «возрожденіе древности» должно было немедленно освободить отъ этихъ оковъ человѣческую душу? И католическій ученый демонизмъ своими корнями уходилъ въ античную философію эпохи паденія имперіи. Гуманисты съ умственнымъ складомъ Пико только черпали изъ первоисточника то же, что Шпренгеръ съ Институторомъ брали изъ вторыхъ рукъ. Ихъ суевѣріе и было особенно опасно потому, что оно подновляло и оживляло богатый его запасъ, сохраненный церковью. Но въ гуманизмѣ шли и другія теченія. Какъ выдающіеся умы древности въ разные ея періоды по-разному смотрѣли на область сверхъестественнаго, такъ различались въ отношеніи къ нему и поклонники древности, гуманисты. За Пико мы не должны забывать Эразма, который по поводу договора съ дьяволомъ, какъ

основы колдовства, не обинуясь заявлялъ — по крайней мѣрѣ въ частной перепискѣ, — что это чистѣйшая выдумка монаховъ. И точно такъ же авторы Epistolae obscurorum virorum, какъ можно судить по ихъ тону, вопреки трудамъ Пико спокойно продолжали относить вѣдьмъ къ бабьимъ сказкамъ. Общимъ принципомъ гуманистовъ было sapere audete, и тотъ же Буркхардтъ показываетъ намъ, съ какимъ успѣхомъ, слѣдуя этому принципу, умъ человѣческій, несмотря на частныя грубыя ошибки, сталъ было высвобождаться изъ сѣти античной и средневѣковой демономаніи, когда религіозное движеніе XVI вѣка безвременно пресѣкло свободную гуманистическую работу, потребовавши снова несовмѣстимой съ нею тяжелой жертвы—sacrificium intellecti.

Иное дѣло реформація. Ея вліянія на ревность, съ которою Европа въ концѣ XVI вѣка стала заниматься преслѣдованіемъ вѣдьмъ, ни одинъ безпристрастный историкъ не станетъ отрицать. Но объясненіе этого факта лежитъ не тамъ, куда указываютъ Янсенъ и Дифенбахъ. Реформація дѣйствовала здѣсь не тѣмъ, въ чемъ она разошлась съ католицизмомъ, а тѣмъ, въ чемъ она оставалась ему вѣрна. И если вѣдьмъ въ концѣ XVI столѣтія погибало несравненно больше, чѣмъ вѣкомъ раньше, то виновато въ этомъ было не ослабленіе, а усиленіе церковно-школьной опеки надъ общественною жизнью.

Дѣйствительно, первый періодъ реформаціи, когда она шла еще рука объ руку съ гуманизмомъ, когда она вмѣстѣ съ нимъ провозглашала sapere audete, когда она громила богословскіе факультеты съ ихъ раціональной теологіей, какъ «ослиные заводы и чортовы училища», и требовала освобожденія религіи отъ всякихъ «людскихъ вымысловъ», этотъ періодъ сопровождался отнюдь не обостреніемъ страха передъ вѣдьмами и колдовствомъ. Напротивъ, какъ мы замѣтили, бредъ вѣдьмами въ эту пору видимо стихаетъ. Не случайно въ томъ же 1520 году, когда Лютеръ устроилъ знаменитое аутодафе папской буллы, изданія Молота Вѣдьмъ прерываются на цѣлыя полстолѣтія. Тамъ, гдѣ осталось неприкосновенной папская инквизиція, она, положимъ, свирѣпствовала и въ это время. Но въ странахъ, какъ Германія и Франція, которыя въ эту эпоху навсегда отказываются отъ услугъ Sancti Officii, нормальные суды не проявляли большой охоты принимать отъ инквизиціи такое наслѣдство, какъ процессы вѣдьмъ. Бредъ вѣдьмами всегда легко вспыхивалъ въ робкихъ или одаренныхъ особо впечатлительной фантазіей натурахъ. Но къ чести новыхъ европейскихъ обществъ—и вообще къ чести человѣческой природы — надо признать, что во всѣ періоды процессовъ вѣдьмъ не мало находилось людей, которые упорно отка-

зывались вѣрить въ реальность вѣдовства. Мы видѣли, что открытіе инквизиторами вѣдовской секты было встрѣчено въ широкихъ кругахъ общества сомнѣніемъ и ропотомъ. «Ахъ, пусть все зло, которое ты накликаешь, падетъ на собственную твою сѣдую голову», этотъ невольный крикъ, который вырвался у одной женщины изъ простонародья во время проповѣди Институтора о вѣдьмахъ, очень характеренъ. Не даромъ Шпренгеру съ Инститоромъ пришлось просить у папы особой буллы, чтобы освободиться отъ помѣхъ со стороны людей, «не въ мѣру высоко ставящихъ свое разумѣніе». И первый періодъ реформаціи былъ золотымъ временемъ для такого рода людей, противопоставлявшихъ личное свое разумѣніе авторитету церковной школы. Пусть Лютеръ самъ былъ до мозга костей зараженъ тѣмъ суевѣріемъ, главными носителями котораго являлись его бывшіе собраты, нищенствующіе монахи. Но въ молодомъ протестантизмѣ вопросъ о колдовствѣ и вѣдьмахъ нисколько еще не являлся «дѣломъ вѣры». Папскія буллы мѣшали Эразму открыто заявлять, что онъ считаетъ договоръ съ сатаной простою выдумкой монаховъ-инквизиторовъ. Но никакой авторитетъ не мѣшалъ горячему поклоннику «виттенбергскаго соловья» Гансу Саксу въ 30-хъ годахъ XVI вѣка пѣть самому:

Des Teufels Ehe und Reutterey
Ist nur Gespenst und Fantasey [1]).

Какъ поступаете вы въ подобныхъ случаяхъ? запрашивала въ 1531 г. Ульмская дума Нюренбергскую по поводу одной колдуньи. «Мы,—отвѣчала Нюренбергская дума,—никогда не считали колдованья за что-нибудь серьезное и всегда находили, что въ немъ ничего настоящаго нѣтъ... Поэтому подобныхъ лицъ мы только попросту отъ себя выгоняли». И въ то время, когда на богословскихъ факультетахъ въ Германіи оказывалось больше профессоровъ, нежели охотниковъ ихъ слушать, и когда — по словамъ легата Алеандра—девять десятыхъ Германіи кричали «Лютеръ», а послѣдняя десятая «смерть римской куріи», такіе взгляды могли высказываться городскими думами совершенно безопасно. Да и по другимъ странамъ Европы католическому духовенству приходилось тоже бороться съ ересями, сравнительно съ которыми столь страшная въ глазахъ Шпренгера «ересь невѣрія въ вѣдьмъ» отступала далеко на задній планъ. Процессы вѣдьмъ и въ эту пору совсѣмъ не прекратились. Вѣра въ вѣдьмъ съ половины XIV вѣка трудами инквизиторовъ слишкомъ широко уже успѣла распространиться, и въ томъ же самомъ 1531 году, къ которому относится приведенная нами переписка двухъ нѣ-

[1]) Браки съ бѣсомъ и полеты съ нимъ не больше, какъ фантазія и призракъ.

мецкихъ думъ, съѣздъ представителей швейцарскихъ кантоновъ въ Баденѣ ужасается, какъ это «по всей странѣ оказывается столько колдуній и вѣдьмъ, что и сказать нельзя». И все же безъ давленія со стороны людей науки, со стороны высшей школы и прикрывавшей ее своимъ авторитетомъ церкви люди житейскаго здраваго смысла способны были сдерживать такое суевѣріе въ узкихъ сравнительно границахъ.

Но, какъ извѣстно, результаты реформаціоннаго движенія —по крайней мѣрѣ ближайшіе его результаты—были совсѣмъ не тѣ, о которыхъ мечтали многіе въ его началѣ. Вмѣсто единой обновленной церкви безъ папы и епископовъ, гдѣ каждый вѣрующій долженъ былъ являться самъ священникомъ, не признающимъ другого авторитета, кромѣ яснаго, какъ солнце, Слова Божія, Европа оказалась раздѣленной на нѣсколько церквей, при чемъ каждая изъ новыхъ гораздо больше походила на старую средневѣковую церковь, отъ которой она откололась, нежели на предносившійся раннему протестантизму идеалъ религіознаго общежитія. Силой вещей свобода вѣры, являвшаяся лозунгомъ протестантизма въ его боевое время, превратилась въ пустое слово. Новыя церкви учатъ, что человѣкъ спасается не тѣмъ путемъ, который указываетъ католическая церковь. Но ихъ ученіе носитъ при этомъ такой же догматическій и нетерпимый характеръ, какъ и ученіе католической церкви. Каждая изъ нихъ провозглашаетъ себя ноевымъ ковчегомъ, внѣ коего нѣтъ душѣ человѣческой спасенія. Тѣ же остались у нихъ и пріемы созиданія подобнаго догматическаго ковчега. Протестантизмъ началъ съ войны противъ схоластики. Протестантизмъ кончилъ созданіемъ нео-схоластики, мало чѣмъ разнившейся отъ классической схоластики и заводившей умъ человѣческій въ такія же дебри. Новая протестантская теологія такъ же покоится на благочестивомъ союзѣ auctoritas и ratio, какъ и средневѣковое школьное богословіе. Правда, кругъ Откровенныхъ истинъ ею проводится уже, чѣмъ проводился онъ въ средневѣковой схоластикѣ. Протестантизмъ отвергъ авторитетъ церковнаго преданія, равно какъ притязанія папской церкви на боговдохновенность ея догматическихъ постановленій. Зато тѣмъ непреклоннѣе стоялъ онъ на обязательности для каждаго вѣрующаго человѣка преклонять свой разумъ предъ каждымъ словомъ, которое находится въ подлинникѣ Св. Писанія. Сдѣлавъ себѣ изъ Св. Писанія, «какъ оно было продиктовано Духомъ Святымъ», главный оплотъ противъ католицизма, протестантская университетская теологія гораздо ревностнѣе охраняла Библію отъ всякаго прикосновенія къ ней критики, чѣмъ современные ей католическіе экзегеты, стремившіеся доказать, что Библіей нельзя довольствоваться въ

виду ея недостаточности въ дѣлѣ церковнаго ученія и затруднительности для правильнаго пониманія. Когда въ началѣ XVII столѣтія въ одной Гамбургской школѣ ректоръ допустилъ диспутъ на тему an Novum Testamentum barbarismis scateat [1]), то мѣстныя духовныя власти послали по этому поводу запросъ въ Ниттенбергскій теологическій факультетъ, и факультетъ отвѣтилъ: «Говорить о томъ, что въ рѣчахъ и посланіяхъ Св. Апостоловъ могутъ находиться soloecismi, barbarismi и нечистый греческій языкъ, значитъ задѣвать Духа Святаго, глаголавшаго и писавшаго черезъ нихъ, и кто упрекаетъ Св. Писаніе въ какихъ-нибудь barbarismi, какъ мы теперь опредѣляемъ слово barbarismus, тотъ оказывается повиненъ въ немаломъ богохульствѣ». Необходимость «диспутировать съ папистами», необходимость опровергать ихъ rationes, необходимость противопоставить ихъ законченному міросозерцанію такую же законченную систему скоро возстановила во всѣхъ правахъ среди протестантскихъ теологовъ и проклятую было Лютеромъ языческую философію. И въ протестантскихъ университетахъ XVI и XVII вв. будущіе ученые толкователи Слова Божія готовились къ своему призванію на томъ же Аристотелѣ. Правда, теперь изъ «философіи» строже, чѣмъ когда-либо, устраняется все, что въ ней оказывалось несогласнаго со Словомъ Божіимъ. Уставъ перваго изъ вновь основанныхъ протестантскихъ университетовъ—Марбургскаго—прямо гласилъ, что всѣ предметы, теологія, юриспруденція, медицина и «свободныя науки», должны преподаваться adhibito in omnibus, praesertim in mathematicis censore tutissimo, nempe verbo Dei [2]). «Проклятъ будь всякій, кто станетъ въ чемъ-нибудь учить несогласно съ Библіей». И этой цензурѣ самъ Меланхтонъ строго подвергъ всѣ свои университетскіе учебники, на которыхъ воспитывался въ Германіи цѣлый рядъ студенческихъ поколѣній. Говоря, напримѣръ, объ анатоміи, Меланхтонъ не забываетъ указать, что при сотвореніи у Адама должно было быть 13 реберъ, тогда какъ у мужчинъ и у женщинъ сейчасъ ихъ оказывается одинаково по 12. Онъ опредѣляетъ и мѣсто, гдѣ должно было находиться исчезнувшее ребро. Упомянувъ, что нѣкоторые изъ греческихъ философовъ признавали множественность міровъ, Меланхтонъ съ горячностью заявляетъ, что ab his portentosis opinionibus abhorrere auribus atque animis sana ingenia decet [3]). Помимо того, что разумъ не позволяетъ намъ представить нѣсколько міровыхъ си-

[1]) Не грѣшитъ-ли языкъ Новаго завѣта варваризмами.

[2]) Съ приложеніемъ ко всему, а наипаче къ математическимъ наукамъ, надежнѣйшей цензуры, а именно цензуры Слова Божія.

[3]) Отъ столь чудовищныхъ взглядовъ всѣ здравомыслящіе люди должны отвращаться и слухомъ и душой.

стемъ (что же между ними? пустота?), такая гипотеза противорѣчитъ Библіи. Въ Библіи прямо сказано, что, сотворивъ нашъ міръ, Богъ почилъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, т.-е. никакихъ міровъ болѣе не творилъ. «Къ этому же аргументу о единствѣ міра слѣдуетъ присоединить еще слѣдующее очень крѣпкое подтвержденіе. Одинъ сынъ Божій, Господь нашъ Іисусъ Христосъ и Онъ, придя въ міръ, только однажды умеръ и воскресъ. И нигдѣ больше Онъ себя не являлъ, и нигдѣ больше Онъ не умиралъ и не воскресалъ. Итакъ, непозволительно воображать, будто Христосъ неоднократно умиралъ и воскресалъ, и нельзя думать, будто въ какомъ-нибудь иномъ мірѣ люди сподобливаются вѣчной жизни безъ познанія Сына Божія» (Initia doctrinae physicae. Corp. Ref., XIII). Само собою разумѣется, что и Коперникова система оказывается для Меланхтона непріемлемой. Онъ излагалъ въ своей физикѣ освященную вѣками систему Птоломея, которая не противорѣчила, какъ Коперникова система, буквальному толкованію повелѣнія Іисуса Навина: Стой солнце и остановись луна. Всѣ знаютъ, какъ инквизиція заставляла отрекаться Галилея. Но совершенно напрасно думать, что протестантскіе университеты въ этомъ отношеніи были менѣе строги, чѣмъ инквизиція. Для Кеплеровыхъ теорій ихъ двери тоже были наглухо закрыты [1]). Но, выправивъ тщательно Аристотеля по Библіи, протестантская школа опять признала его въ такомъ очищенномъ видѣ непререкаемымъ авторитетомъ. Въ 1569 году курфирстъ Пфальцскій вздумалъ было пригласить знаменитаго Рамуса, вынужденнаго бѣжать изъ Франціи, профессоромъ философіи въ свой Гейдельбергскій университетъ. Университетъ запротестовалъ. Рамусъ—такъ гласило представленіе профессоровъ курфирсту — учитъ философіи совсѣмъ по особенному. «А между тѣмъ университетъ нашъ, какъ и другія академіи въ Германіи и во всей Европѣ, искони слѣдовалъ аристотелевой философіи, которая испытана опытомъ 2000 лѣтъ и всегда почиталась, да и нынѣ почитается за превосходнѣйшую. Согласно съ этимъ и при курфиршеской реформѣ университета (при переходѣ Пфальца въ протестантизмъ) было постановлено, чтобы мы твердо и неизмѣнно держались этой философіи; согласно съ этимъ и наши магистры и баккалавры при полученіи степени даютъ обязательство

[1]) Даже въ концѣ XVII вѣка правовѣрные протестанты открещивались отъ Картезіанской философіи между прочимъ и по слѣдующей причинѣ. Декартъ, говорили они, виновенъ въ томъ, „что онъ причисляетъ землю къ звѣздамъ, а солнце, искони почитавшееся планетой, объявляетъ неподвижною звѣздой, что онъ обращаетъ луну въ родъ земли, приписывая ей горы и долины, и что онъ, наконецъ, движеніе, которое столько тысячъ лѣтъ принадлежало солнцу, передаетъ землѣ“. (Mastricht, Novitatum Cartesianarum gangraena. 1675.)

слѣдовать ученіямъ Аристотеля и распространять ихъ по мѣрѣ силъ». Какъ мы отсюда видимъ, конецъ XVI столѣтія въ исторіи университетскаго образованія приходится относить еще къ среднимъ вѣкамъ. Оставшись на тѣхъ же основныхъ устояхъ, высшая протестантская школа вырабатывала естественно и тотъ же умственный типъ, какъ ея средневѣковая предшественница. Въ школьныхъ свѣтилахъ того времени насъ поражаетъ то же соединеніе полной готовности преклонять свой разумъ предъ каждымъ словомъ, гдѣ они видятъ Откровеніе, и безграничной увѣренности въ силѣ этого презрѣннаго разума, когда дѣло идетъ о дедуктивныхъ выводахъ изъ освященныхъ авторитетомъ данныхъ. Philosophandum est, sed ne quid nimis, philosophandum est, sed non solum, philosophandum est, sed recte, philosophandum est, sed sobrie et submisse [1])—такъ говорятъ руководители школы, когда рѣчь заходитъ о взаимномъ отношеніи философіи и богословія. Для нихъ философія является попрежнему только «служанкой теологіи». Но тонъ ихъ становится совсѣмъ другимъ, когда имъ приходится пользоваться «діалектикой» въ интересахъ того, что каждый изъ нихъ считаетъ истинной религіей, истинной теологіей. Чисто діалектическое препирательство по вопросу, входитъ ли первородный грѣхъ въ «субстанцію» человѣческой природы или является ея «акциденціей», способно было такъ разгорячать тогда людей, что они осыпали другъ друга не только проклятіями, но и побоями. Въ графствѣ Мансфельдскомъ, разсказываетъ по этому поводу одинъ изъ современниковъ, многочисленные диспуты, устроенные правительствомъ, чтобы согласить поссорившихся изъ-за этого вопроса теологовъ, привели лишь къ тому, что распря захватила все населеніе. Повсюду люди другъ друга спрашивали: Bistu een Occidenter oder Substansioner? и затѣмъ: fiengen sie nicht nur an mit einander zu disputieren, sondern schlugen oftmahls sich auf das Grausameste. И если мы внимательно посмотримъ, въ чемъ заключалось то нечестіе, за которое католики, лютеране и кальвинисты такъ усердно объявляли тогда другъ друга исчадіями ада, то мы увидимъ, что главную роль играла при этомъ не критика дѣйствительнаго пониманія религіи противной стороной, а критика тѣхъ дедуктивныхъ выводовъ, которые каждая изъ религіозныхъ партій сама дѣлала изъ положеній противной стороны. Лютеранская церковь признавала тяжкимъ грѣхомъ мысль, будто душа хотя бы самаго добродѣтельнаго кальвиниста способна обрѣсти вѣчное спасеніе. Для

---

[1]) Надобно философствовать, но не слишкомъ, надобно философствовать, но не только, надобно философствовать, но правильно, надобно философствовать, но скромно и покорно.

нея всякій кальвинистъ былъ хуже язычника, такъ какъ онъ былъ повиненъ въ богохульствѣ, въ грѣхѣ противъ Духа Святаго. Богохульство же кальвинистовъ заключалось для лютеранскаго теолога главнѣйшимъ образомъ въ томъ, что Божество у кальвинистовъ оказывалось злымъ. Правда, кальвинисты сами утверждали, что они ничему подобному не учатъ. Но развѣ это не является яснымъ выводомъ изъ кальвинистскаго ученія о предопредѣленіи грѣшниковъ къ вѣчнымъ мукамъ? И когда свѣтскіе государи, имѣвшіе несчастіе управлять подданными разныхъ религіозныхъ толковъ, начали требовать, чтобы пасторы на церковныхъ каѳедрахъ «воздерживались взаимно отъ всякихъ оскорбительныхъ кличекъ и не приписывали другой сторонѣ никакихъ несообразныхъ и безбожныхъ утвержденій, которыхъ та сама не признаетъ и которыя только получаются путемъ вывода изъ ея ученій», то многими теологами это объявлено было несноснымъ посягательствомъ на свободу совѣсти и вещью несовмѣстимой съ честнымъ исполненіемъ пастырскаго долга. «Большую цѣну надо придавать своимъ гипотезамъ, чтобы изъ-за нихъ рѣшиться сжечь человѣка живымъ»—такъ формулировалъ Монтэнь свое отношеніе къ церковному ученію о вѣдовствѣ. Но это замѣчаніе Монтэня приложимо не только къ данному частному случаю. Никогда школьная наука не была такъ нетерпима и заносчива, какъ въ его время. Никогда она не требовала съ такой надменностью, чтобы предъ ея дедукціями преклонялось все—не только простой здравый смыслъ или житейская эмпирія, но даже математическое доказательство. Никогда въ университетахъ не бушевала такъ rabies theologica, никогда не было въ нихъ столько людей, которые во имя своихъ гипотезъ готовы были бросать живыхъ людей въ огонь, при чемъ ихъ извиненіемъ служитъ лишь то, что нерѣдко они и сами готовы были за свои гипотезы становиться на костеръ. Все это, правда, было прямымъ наслѣдствомъ среднихъ вѣковъ. Но все это подъ вліяніемъ религіознаго раскола неслыханно обострилось.

Но главное отличіе эпохи реформаціи отъ среднихъ вѣковъ состоитъ въ томъ, что теперь эта школьная «софистика» получила иное значеніе для общественной жизни, нежели прежде. Извѣстно, въ чемъ заключалось одно изъ главныхъ обвиненій протестантизма противъ римской церкви. Римъ, говорили протестанты, съ своимъ ученіемъ объ opus operatum превратилъ христіанскаго пастыря душъ въ жреца, посредствующаго между небомъ и землей, и совершенно позабылъ, что главная обязанность духовенства въ христіанской церкви должна заключаться въ преподаваніи народу истинъ вѣры. Если римская церковь на каѳедрѣ или въ исповѣдальнѣ о чемъ-нибудь бесѣдовала съ народомъ, то исключительно

о богоугодныхъ дѣлахъ и богоугодномъ поведеніи, оставляя его въ полномъ невѣдѣніи касательно догматовъ вѣры. Народы, управлявшіеся Римомъ, по имени считались христіанскими, но въ сущности оставались крещеными язычниками, такъ какъ нельзя быть христіаниномъ, не зная, во что надлежитъ вѣровать христіанину. И въ обвиненіяхъ этихъ было не мало справедливаго. Римская церковь въ принципѣ никогда, правда, не отрицала, что знаніе истинъ, сообщенныхъ въ Откровеніи, является необходимымъ условіемъ вѣчнаго спасенія, и всегда смотрѣла на себя, какъ на наставницу народовъ. Но, просуществовавъ долгіе вѣка въ знакомыхъ намъ условіяхъ, когда дѣйствительное усвоеніе вѣрующими христіанскаго міросозерцанія являлось полной невозможностью, она и позже, въ болѣе счастливыя времена, была весьма наклонна руководиться въ своихъ поступкахъ теоріей, которую можно бы назвать теоріей спасенія черезъ представительство. Съ эпохи расцвѣта схоластической науки у римской церкви было двѣ очень различныхъ вѣры—ученая и простенькая, обиходная, взаимное отношеніе которыхъ рельефно представляетъ тотъ же Герсонъ въ извѣстномъ намъ трактатѣ «De erroribus circa artem magicam». Иные говорятъ, пишетъ онъ тамъ, что церковь сама допускаетъ своего рода магію. Чѣмъ отличаются, въ самомъ дѣлѣ, отъ этого такія вещи, какъ хожденія на богомолья, почитаніе иконъ, святая вода и свѣчи или экзорцизмы? «Признаюсь, невозможно отрицать, что среди простыхъ христіанъ много ввелось обычаевъ подъ видомъ религіи, отказъ отъ которыхъ былъ бы болѣе согласенъ съ истинной святостью. Но церковь это допускаетъ, во-первыхъ, потому, что этого окончательно все равно не искоренишь, а затѣмъ потому, что неразумная по временамъ вѣра простыхъ людей признаетъ своей нормой вѣру старшихъ членовъ церкви, которою она и исправляется, и очищается, и оздоровляется. Этою вѣрою простые люди все же руководятся въ указанныхъ дѣяніяхъ по крайней мѣрѣ по общему намѣренію—конечно, если они мыслятъ благочестиво и покорно, т.-е. по-христіански, и если они проявляютъ полную готовность подчиняться указываемымъ имъ истинамъ... Но тотъ упрекъ, который дѣлается необразованной толпѣ, нисколько не относится къ сонму теологовъ и ученыхъ мужей». И средневѣковая церковь отнюдь не торопилась уничтоженіемъ этого различія между вѣрой простыхъ людей и вѣрой сонма теологовъ. Ея взглядъ на значеніе раціональной теологіи въ церковной жизни рельефнѣе всего проявляется въ планѣ, который одно время серьезно обсуждался въ Римѣ—уничтожить во имя обезпеченія единства вѣры всѣ богословскіе факультеты, кромѣ парижскаго. Согласно этому и отъ своихъ па-

стырей душъ римская церковь не находила нужнымъ требовать спеціальной богословской подготовки. Даже въ концѣ среднихъ вѣковъ люди, прошедшіе курсъ богословскаго факультета, являлись среди членовъ католическаго духовенства рѣдкимъ исключеніемъ. Университетское образованіе массы священниковъ не шло далѣе кратковременнаго пребыванія на «артистическомъ» факультетѣ Множество же ихъ никогда и не переступало за порогъ университетской аудиторіи. «Церковныя визитаціи», которыя производились въ эпоху реформаціи новыми протестантскими и старыми католическими властями, съ полною ясностью показываютъ намъ, что и въ XVI столѣтіи епископы давали часто свое рукоположеніе такимъ же «пастырямъ душъ», съ какими мы познакомились въ раннее средневѣковье. Знаніе литургическаго языка, знакомство съ ритуаломъ, требникъ, исповѣдальная книга,—и католическій священникъ былъ готовъ. Замѣтимъ здѣсь, что Лютеръ сѣлъ писать свой Большой и Малый катехизисъ послѣ произведенной имъ въ Саксоніи церковной визитаціи подъ впечатлѣніемъ того, что представляли собою саксонскіе деревенскіе священники. То, что впослѣдствіи стало необходимой принадлежностью всякой элементарной школы, явилось въ свѣтъ, какъ курсъ христіанскаго богословія для сельскаго духовенства.

Все это было измѣнено торжествомъ протестантизма. Дѣленіе церкви на «старшихъ» и на духовныхъ малолѣтокъ, спасающихся по вѣрѣ «старшихъ», теорія объективной силы таинствъ, придававшая іерархіи жреческій характеръ, ученіе о роли добрыхъ дѣлъ въ спасеніи душевномъ—все это было объявлено у протестантовъ горькимъ плодомъ многовѣковаго «вавилонскаго плѣненія церкви» Римомъ. Всѣ члены церкви равны передъ лицомъ неба; всякій истинный христіанинъ—священникъ передъ Богомъ; никто не можетъ найти душевнаго спасенія никакимъ инымъ путемъ, какъ черезъ благодать, ниспосылаемую по личной вѣрѣ, и наставленіе народа въ вѣрѣ одно дѣлаетъ «пастыря душъ» истиннымъ пастыремъ — таковы были новые протестантскіе принципы. На мѣсто католическаго sacerdos протестантизмъ во главѣ церковныхъ общинъ ставитъ «проповѣдника» (Praedicans, Prediger), вмѣняя ему въ обязанность говорить съ вѣрующими не по-католически только объ opera и mores, но раскрывать предъ ними христіанское ученіе во всей его догматической полнотѣ. Согласно съ этимъ возвышаются и требованія къ образовательной подготовкѣ членовъ духовнаго сословія. Первое время, правда, протестантизму въ этомъ отношеніи приходилось очень трудно. Въ странахъ, принявшихъ реформацію, часть католическихъ священниковъ не захотѣла мѣнять вѣру

и покинула свои приходы: других новыя церковныя власти сами должны были отстранить за круглое невѣжество и безпутство; между тѣмъ университеты по большей части находились въ запустѣніи, и такимъ образомъ среди перваго поколѣнія протестантскихъ пасторовъ значительное число взято было прямо изъ начетчиковъ - міранъ, наскоро подготовленныхъ по догматическимъ вопросамъ. Иные же приходы долгое время и совсѣмъ оставались безъ всякаго призора. Но во второй половинѣ вѣка протестантскія страны успѣли справиться съ своей задачей. Никто не представляется къ посвященію, не пройдя хоть элементарнаго курса на богословскомъ факультетѣ, и къ началу XVII вѣка предложеніе ученыхъ богослововъ во многихъ мѣстностяхъ уже превышаетъ церковный спросъ на нихъ. «Ученыхъ теперь столько, словно они сыплются съ неба, особенно studiosi theologiae. Всѣ университеты переполнены и все кишитъ магистрами и кандидатами». И новые пасторы ревностно занимаются наставленіемъ народа въ вѣрѣ. Даже въ глухихъ сельскихъ приходахъ каждый пасторъ, кромѣ воскресной проповѣди долженъ былъ говорить еще хоть одну проповѣдь въ недѣлю. Въ большихъ же городахъ прихожанамъ предлагалось 9 проповѣдей въ недѣлю — три въ воскресенье и по одной на каждый будній день.

Но вѣра «сонма теологовъ» становилась теперь всеобщимъ достояніемъ не только путемъ проповѣди. Мы раньше уже говорили про то, какой странный характеръ представляетъ на первый взглядъ школа ранняго средневѣковья. Она была церковной, она готовила почти что однихъ клириковъ, и въ то же время она почти что не учила богословію. Мы указали и на то, въ какой тѣсной связи стояло это съ характеромъ самой церкви въ ту эпоху, когда отъ истиннаго христіанства въ ней сохранялись почти что только одна обрядность и буква стараго церковнаго законодательства. Но и въ дальнѣйшемъ развитіи средневѣковой школы такое противорѣчіе между церковной теоріей, гласившей, что всѣ науки имѣютъ цѣну лишь постольку, поскольку онѣ служатъ нуждамъ богословія, и между жизненной дѣйствительностью отнюдь не изгладилось. Та же начальная школа, какъ и при Карлѣ Великомъ, съ псалтыремъ, святцами, церковнымъ пѣніемъ, но безъ всякаго катехизиса; затѣмъ латинскіе авторы для упражненія въ латинскомъ языкѣ, послѣ того артистическій факультетъ, занятый изученіемъ греческой аристотелевой философіи, и, наконецъ, для малаго числа избранныхъ одинъ изъ «высшихъ факультетовъ», теологическій, юридическій или медицинскій — такова была лѣстница средневѣковаго образованія въ университетскую эпоху. «Раціональная теологія» при

этомъ признавалась безусловно царицей всѣхъ наукъ. Ея нуждами оправдывалось и то положеніе, которое успѣлъ занять въ системѣ средневѣковаго образованія Аристотель. Но до ея высотъ поднимались лишь единицы; сама же она не снисходила на низшія ступени школы, и такимъ образомъ на практикѣ питомцы средневѣковыхъ университетовъ въ массѣ своей оказывались вскормленными на остаткахъ греческой философіи, а не на богословской наукѣ. Средневѣковый юристъ или медикъ твердо зналъ школьнаго Аристотеля; но о религіи онъ зналъ почти лишь то, что ему приходилось слыхать въ церкви,—если онъ не пополнялъ потомъ самъ такого пробѣла въ образованіи путемъ самостоятельнаго чтенія. Да и множество священниковъ стояли къ «раціональной теологіи» въ такомъ же отношеніи. Не даромъ Шпренгеру съ Инститоромъ приходилось такъ плакаться на невѣждъ-проповѣдниковъ, которые позволяли себѣ утверждать, будто никакихъ колдуній или вѣдьмъ на дѣлѣ нѣтъ, и не даромъ въ назначенный для священниковъ и для юристовъ Молотъ Вѣдьмъ они должны были переписывать длинные отрывки изъ схоластической «пневматологіи»: съ выводами Ѳомы Аквинскаго въ этой отрасли науки тогда среди общества мало кто былъ обстоятельно знакомъ. Къ концу же среднихъ вѣковъ, когда Аристотель былъ потѣсненъ въ университетахъ гуманизмомъ, это несоотвѣтствіе между теоріей образованія и тѣмъ, что университеты дѣйствительно давали большинству своихъ воспитанниковъ, сдѣлалось еще рѣзче. «Поди въ Римъ, обойди весь христіанскій міръ,— съ негодованіемъ восклицалъ Савонарола,—въ домахъ прелатовъ и владыкъ нѣтъ другого занятія, какъ поэзія и риторика. Поди же, посмотри: ты увидишь ихъ съ гуманистическими книжками въ рукахъ, какъ будто они могутъ при помощи Виргилія, Горація и Цицерона пасти души... Зачѣмъ вмѣсто всѣхъ этихъ книгъ не учатъ они одной книгѣ—книгѣ закона, книгѣ живота».

И реформація съ первыхъ же своихъ шаговъ обрушилась на такое несоотвѣтствіе со всею силой. Уже въ одномъ изъ самыхъ раннихъ боевыхъ своихъ произведеній—въ «Письмѣ къ нѣмецкому дворянству» — Лютеръ потребовалъ, чтобы этому былъ положенъ конецъ. «Университеты наши тоже нуждаются въ основательной, глубокой реформѣ. Я долженъ это сказать—пускай на меня гнѣвается кто угодно. Все, все, что папство завело и учредило, все ведетъ лишь къ тому, чтобы умножать грѣхъ и заблужденіе. Что являютъ собой университеты, если ихъ не перестроить, какъ не «арены юношей и греческой славы» по выраженію книги Маккавейской, гдѣ ведутъ распущенную жизнь, гдѣ ничего почти не учатся Священному Писанію и христіанской вѣрѣ и гдѣ царитъ

одинъ слѣпой язычникъ Аристотель гораздо больше, чѣмъ Христосъ». «Нѣтъ,—продолжаетъ онъ,—отнынѣ во всѣхъ высшихъ и низшихъ школахъ первымъ и главнымъ предметомъ должно являться Св. Писаніе... Туда же, гдѣ Св. Писаніе не царитъ надъ всѣмъ, я никому не посовѣтую отдать своего ребенка». И реформація провела свое требованіе на дѣлѣ. Правда, Св. Писаніе представлено было при этомъ главнѣйшимъ образомъ въ видѣ болѣе или менѣе пространныхъ учебниковъ по лютеранской или кальвинистской теологіи. Но зато такой учебникъ сталъ теперь необходимою принадлежностью всякаго учебнаго заведенія, начиная съ школы грамотности и кончая «академическими гимназіями». Pietas, основанная на знаніи «чистой вѣры», была теперь объявлена главной цѣлью воспитанія на всѣхъ его ступеняхъ и внѣдрялась въ умы и сердца учениковъ съ примѣрнымъ рвеніемъ. И если въ средніе вѣка даже изъ тѣхъ, кто шелъ въ школу для подготовки къ духовному званію, немногіе выносили изъ нея знаніе «раціональной теологіи», то въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія школьное знакомство съ ея элементами составляло необходимую принадлежность всякаго образованнаго человѣка. Не даромъ эпоха эта окрещена названіемъ «теологическаго вѣка». Теологія дѣйствительно теперь пропитываетъ собой насквозь всю умственную атмосферу. Короли и князья, юристы и медики, всѣ теперь вмѣстѣ съ тѣмъ являются до извѣстной степени теологами, и даже безграмотный народъ все же заучивалъ съ голоса дьячка «свою вѣру».

Къ какимъ же результатамъ приводило въ нашей области это усиленное стараніе новыхъ народныхъ воспитателей сдѣлать все общество причастнымъ тому міросозерцанію, носительницею котораго являлась высшая школа? Къ тѣмъ самымъ, несомнѣнно, на которые указываетъ Янсенъ. Перо изъ крыла Гавріила Архангела, уголья, на которыхъ жарился св. Лаврентій, и прочія «реликвіи», которыми морочили простой народъ католическіе монахи, были, правда, безпощадно выметены изъ тѣхъ странъ, гдѣ удалось восторжествовать протестантизму. Но этотъ отказъ отъ католическаго культа святыхъ, это уничтоженіе множества суевѣрныхъ обычаевъ и обрядовъ нисколько не доказываетъ, чтобы руководители протестантской церкви смотрѣли на мірозданіе болѣе «просвѣщенными» глазами, нежели ихъ католическіе предшественники. И Герсонъ, какъ мы говорили, считалъ, что съ этой стороны въ католицизмъ вкралось многое такое, «опущеніе чего было бы согласнѣе съ истинной святостью». Это однако не мѣшало ему быть убѣжденнымъ защитникомъ реальности колдовства и приравнивать сомнѣнія въ ней безбожію. Такъ точно и протестантская школа,

отвергая по религіознымъ соображеніямъ культъ святыхъ, тѣмъ не менѣе слышать не хотѣла о мірѣ безъ сверхъестественнаго элемента, о мірѣ безъ чудесъ, повинующемся лишь разъ навсегда установленнымъ для него законамъ. «Адемонизмъ» людей, которыхъ проповѣдники именовали то «умниками», то «невѣждами», и протестантской теологіей приравнивался «эпикуреизму» и атеизму. Смѣлость, съ которой проповѣдники кричали на астрономовъ, что тѣ не заставятъ ихъ «зарыть свой талантъ въ землю», что тѣ не заставятъ ихъ отказаться отъ разъясненія народу назидательнаго смысла каждой кометы, была смѣлостью людей, чувствовавшихъ себя на твердой научной почвѣ. Они здѣсь повторяли лишь то, что они вынесли изъ университета. Развѣ же «магистръ Филиппъ» (Меланхтонъ) въ физикѣ своей не доказалъ несостоятельность ученія стоиковъ, — «склонность къ которому есть у многихъ, склонность къ которому найдетъ въ себѣ всякій, кто заглянетъ въ свою душу»,—будто бы въ мірѣ не бываетъ отмѣны для дѣйствія «вторыхъ», чисто физическихъ причинъ? И развѣ въ разсужденіи о четырехъ видахъ Prodigia онъ не написалъ прямо по поводу кометъ: «Хотя малые пожары въ воздухѣ, которые случаются нерѣдко, какъ падающія звѣзды, часто ничего собой для людей не предвѣщаютъ, но болѣе крупные и рѣдкіе, какъ кометы, по большей части являются предзнаменованіемъ грядущихъ на землѣ событій, какъ говоритъ Клавдіанъ:

Et coelo nunquam spectatum impune Cometen:

и Іоахимъ:

οὐδεὶς κομήτης ὅστις οὐ κακὸν φέρει.

Что же передъ этимъ были для протестантскаго проповѣдника какія-то астрономическія выкладки, тѣмъ болѣе что его собственный умъ ими нисколько не смущался: по математикѣ теологи XVI и XVII вѣка знали лишь то, что выносили изъ гимназіи, т.е. въ хорошемъ случаѣ четыре ариѳметическія дѣйствія съ цѣлыми и дробными числами и тройное правило.

Но Янсенъ совершенно напрасно оставляетъ при этомъ въ тѣни, что въ морѣ литературы, которая въ эпоху реформаціи наполнена была разсказами и разсужденіями о сверхъестественномъ въ природѣ, нельзя найти ни одной оригинальной, самобытной черты. Народная литература играетъ все тѣми же представленіями, какъ и въ эпоху, когда Цезарій составлялъ Dialogus Miraculorum, съ прибавкой вѣдьмъ, явившихся на свѣтъ въ XV столѣтіи. Ученость же протестантская осмысливаетъ эту игру народной фантазіи точь-въ-точь такъ же, какъ ее осмысливала средневѣковая схо-

ластика. Въ демонологіи протестантизмъ не былъ «протестантизмомъ»: онъ не опротестовалъ ни одного изъ положеній церковной католической науки. Провѣривши ея посылки и выводы, онъ ихъ нашелъ совершенно правильными и цѣликомъ себѣ усвоилъ, какъ онъ усвоилъ отъ стараго католицизма и многое другое. Онъ, впрочемъ, никогда и не выставлялъ себя принципіальнымъ противникомъ всего католическаго ученія: онъ только желалъ его «реформировать», согласивъ его съ ученіемъ древней церкви. Но въ этомъ отношеніи ему не приходилось дѣлать схоластикѣ упрека за искаженіе старыхъ преданій. Извѣстно, какой почетъ оказывалъ протестантизмъ трудамъ бл. Августина. А развѣ схоластическая демонологія не представляла собой только неумолимо логическаго, послѣдовательнаго развитія взглядовъ, которые царили въ римскомъ обществѣ въ эпоху бл. Августина? Что же касается въ частности процессовъ вѣдьмъ, то протестантскіе ученые не находили даже нужнымъ замалчивать свое согласіе съ своими католическими предшественниками, какъ они это дѣлали нерѣдко въ другихъ случаяхъ. Самый извѣстный изъ позднѣйшихъ противниковъ гоненія на вѣдьмъ въ Германіи, Христіанъ Томазій, прямо бросаетъ въ лицо протестантскимъ теологамъ упрекъ, что они всѣ свои аргументы въ пользу реальности вѣдовства списываютъ у «папистовъ» и что они не стѣсняясь ссылаются на Ѳому Аквинскаго, на Бонавентуру и на кардинала Туррекремату, хотя въ другихъ случаяхъ они сами же ихъ проклинаютъ, какъ исказившихъ чистое Евангеліе софистовъ. И новыя изданія Молота Вѣдьмъ, начавшія выходить въ свѣтъ съ послѣдней трети XVI вѣка, шли не въ однѣ католическія руки. У протестантскихъ юристовъ книга эта тоже считалась въ вѣдовскихъ дѣлахъ первымъ авторитетомъ. Прямое ея вліяніе на выработку формъ вѣдовского процесса въ протестантскихъ судахъ XVI и XVII вѣковъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. И если свѣтскіе суды послѣ окончательнаго торжества протестантизма стали пытать и жечь вѣдьмъ съ такою ревностью, какой они не проявляли при жизни Иннокентія VIII и Шпренгера съ Инститоромъ, то главнымъ новымъ условіемъ является здѣсь не Лютерово ученіе о несвободѣ воли и не личное суевѣріе вождей протестантизма. Видный юристъ XVI в. Ульрихъ Тенглеръ внесъ въ свой упомянутый нами Laienspiegel главу о вѣдовскихъ дѣлахъ не сразу. Онъ сдѣлалъ это лишь по настояніямъ своего клирика-сына. Сынъ указалъ ему для этого и матеріалы. Рукою сына, какъ можно думать, и редактирована была эта глава. Тенглеръ-отецъ, какъ и другіе его коллеги того времени, чувствовалъ еще себя чуждымъ такого рода «теологическимъ» вопросамъ.

Но надо видѣть, съ какою свободой и увѣренностью толкуютъ о всѣхъ относящихся къ вѣдовству вопросахъ свѣтскіе юристы «теологическаго» вѣка—того періода, когда даже самые мірскіе правительственные указы нерѣдко предварялись пространными религіозно-нравственными разсужденіями. Practica Nova rerum criminalium Бенедикта Карпцова, этого типичнаго протестантскаго юриста своего времени, который по преданію въ своей жизни 53 раза перечиталъ всю Библію съ начала до конца и утвердилъ 20.000 смертныхъ приговоровъ, въ отдѣлѣ, посвященномъ вѣдьмамъ, могла бы сдѣлать честь любому профессіональному теологу. Карпцовъ самостоятельно тутъ мыслитъ во всѣхъ вопросахъ—даже въ томъ, могутъ ли отъ чертей рождаться дѣти. Наиболѣе правильнымъ онъ находилъ здѣсь взглядъ, что хотя отъ такого блуда рождаться кое-что и можетъ, но совершенно непутевое: хорошаго ребенка отъ бѣса не бываетъ. И при этомъ Карпцовъ почерпалъ свою премудрость главнымъ образомъ вовсе не у «божественнаго Лютера», съ которымъ онъ позволяетъ себѣ тутъ расходиться въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Главнымъ его матеріаломъ являлись католическіе писатели: въ этомъ вопросѣ всѣ враждующіе толки дружелюбно протягивали другъ другу руку. За Карпцовымъ же и другими подобными авторитетами шли ученики, которые въ университетѣ школьнымъ порядкомъ усваивали себѣ эти переработки стараго Молота Вѣдьмъ и которые, кончивъ университетъ, садились на судейское сѣдалище съ готовностью дѣйствовать въ вѣдовскихъ дѣлахъ рѣшительно и строго.

Такъ создавалось въ этой области совершенно безвыходное съ виду положеніе. Цензура, которую тогда обычно держатъ въ своихъ рукахъ университеты, строго преслѣдуетъ всякую печатную строку, отзывающуюся «адемонизмомъ». «Сомнѣваться въ существованіи бѣсовъ—значитъ думать, какъ атеисты, язычники и турки». При такомъ гоненіи на всякій даже самый робкій скептицизмъ успѣхи культурной техники, какъ ростъ грамотности и развитіе печатнаго дѣла, только способствуютъ широкому развитію демономаніи. Книжный рынокъ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка переполненъ повѣстями о чертяхъ, волшебникахъ и вѣдьмахъ— частью духовно-нравственнаго, частью же и просто базарнаго, спекулятивнаго характера. Простолюдины знаютъ теперь болѣе исторій про бѣсовъ, чѣмъ зналъ ихъ въ свое время ученый монахъ Цезарій. Въ школѣ ученіе о договорѣ съ сатаной задалбливается при толкованіи десяти заповѣдей. Церковная каѳедра съ своей стороны лишь углубляетъ и придаетъ болѣе «научный» характеръ познанію бѣсовъ, которое выносится народомъ изъ книжекъ и изъ

школы. «Чернь» или Herr Omnes—какъ любятъ называть толпу тогдашніе писатели—отъ этого пріобрѣтаетъ прочную привычку при первомъ крупномъ бѣдствіи поднимать крикъ, что власти дремлютъ, что власти не исполняютъ своихъ обязанностей, что власти должны переловить и сжечь все кроющееся въ странѣ «чортово отродье». Суды, съ своей стороны, оказываются, вполнѣ готовы входить въ разбирательство доносовъ «черни». Такъ возникаетъ процессъ за процессомъ, такъ казнь слѣдуетъ за казнью—и всякій процессъ, всякая казнь дѣлаетъ и для «черни» и для ученаго суда все затруднительнѣе возвратъ съ такой дороги. Кто видѣлъ разъ, какъ сожигаютъ вѣдьмъ, кто слышалъ читавшіяся при этомъ вслухъ судебныя признанія, тотъ становился обыкновенно глухъ ко всякимъ разсужденіямъ, будто бы вѣдьмъ не можетъ быть. А казни вѣдьмъ обычно собирали съ широкой округи несмѣтныя толпы зрителей. Тѣ же, кому не приходилось посмотрѣть на подобное «grausam erlustigend Schauspiel» собственными глазами, могли по крайней мѣрѣ читать подробнѣйшія описанія «спектакля» въ wahrhaftige, erschröckliche Zeitungen, которыя издавались по поводу всякаго сенсаціоннаго процесса. Подобное чтеніе признавалось тогда и полезнымъ и пріятнымъ. « Von Unholden und Zaubergeistern, des Edlen Ehrenvesten und hochgelarnten Herrn Nicolai Remigii—welche wunderbarliche Historien, so sich mit den Hexen, deren über 800 im Herzogthum Lotharingen verbrennet, zugetragen, sehr nützlich, lieblich und nothwendig zu lesen»,—такъ рекомендовалъ издатель нѣмецкій переводъ Ремигіевой книги Daemonolatria. О томъ же, какъ подобное чтеніе вліяло на умственный и нравственный складъ общества, конечно, лишнее распространяться. И для судейскаго сословія каждая новая казнь служила стимуломъ искать новыхъ доказательствъ дѣйствительной виновности мнимыхъ вѣдьмъ: иначе оно само оказывалось сборищемъ преступниковъ. Знакомый намъ авторъ Cautio criminalis, іезуитъ Шпе, описывалъ душевное состояніе, въ которое онъ былъ повергнутъ убѣжденіемъ въ невинности всѣхъ приготовленныхъ имъ къ казни вѣдьмъ, словами Экклезіаста: «И обратился я и увидѣлъ всякія угнетенія, какія дѣлаются подъ солнцемъ: и вотъ слезы угнетенныхъ, а утѣшителя у нихъ нѣтъ; и въ рукѣ угнетающихъ ихъ—сила, а утѣшителя у нихъ нѣтъ. И ублажилъ я мертвыхъ, которые давно умерли, болѣе живыхъ, которые живутъ доселѣ; а блаженнѣе ихъ обоихъ тотъ, кто еще не существовалъ и не видалъ злыхъ дѣлъ, какія дѣлаются подъ солнцемъ». Но каково же было бы душевное состояніе тѣхъ, «въ рукѣ которыхъ была сила», если бы послѣ всѣхъ произнесенныхъ ими смертныхъ приговоровъ они позволили себѣ согласиться съ

доводами Шпе? Распространеніе процессовъ вѣдьмъ усиливало, впрочемъ, для судей не только субъективную необходимость вѣрить въ реальность вѣдовства. Оно давало имъ и новыя объективныя доказательства этой реальности. Чѣмъ глубже проникалъ въ народную фантазію образъ вѣдьмы, тѣмъ чаще подходящія формы психическаго разстройства принимали характеръ бреда вѣдовствомъ, а вмѣстѣ съ этимъ росло и число глубоко убѣжденныхъ обвиненій и добровольныхъ самообвиненій, которыя служили для юристовъ главной защитой противъ нападокъ, направленныхъ на самое ихъ больное мѣсто—на то, что весь судебный матеріалъ ихъ по вѣдовству полученъ былъ исключительно силой пытки. Какъ будто мало записано было у юристовъ случаевъ, когда даже малыя дѣти по собственному почину изобличали своихъ преступныхъ матерей, бравшихъ ихъ съ собою на шабашъ? Такъ для теологическаго вѣка сбывались слова псалма: „Изъ устъ младенцевъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу, врагъ твоихъ ради, еже разрушити врага и мстителя». И глядя на все это, начинаешь находить удивительнымъ не то, какъ Западная Европа въ эпоху реформаціи могла сжечь столько вѣдьмъ, а то, какъ здравый смыслъ въ ней не былъ даже тогда окончательно задушенъ, какъ послѣ всѣхъ усилій, потраченныхъ церковью и школой на пропаганду вѣры въ вѣдьмъ, Карпцову все же приходилось еще писать: Ita nimirum diabolus ex omnibus ordinibus et conditione qualibet ministros habet fideles, qui regnum suum mascule tuentur, coetus ac consortia diabolica propagant, persuadendo iudicibus ac magistratibus, supplicium sumi iniustum de magis seu veneficis eosque nequaquam mortis poena afficiendos esse[1]). Извѣстная доля скептицизма при этомъ отравляла даже сердца самихъ судей. Множество ихъ вполнѣ заслуживало со стороны «ревнителей» упреки, что они не обнаруживаютъ къ преслѣдованію вѣдьмъ keine Lust oder Affection, viel weniger einen Zelum oder Eifer. Но что бы было, если бы всѣ судьи въ XVII столѣтіи оказывалась на полной высотѣ своего призванія и если бы люди не были человѣчнѣе теорій.

Тѣ же причины, которыя къ концу XVI вѣка вызвали ростъ вѣдовскихъ процессовъ въ протестантской части Европы, дѣйствовали и въ католической ея половинѣ. О зараженіи римской церкви ядомъ, развившимся въ протестантскомъ организмѣ—о чемъ толкуетъ Дифенбахъ—конечно, серьезно не можетъ быть и рѣчи. Испанская

[1]) Въ каждомъ рѣшительно сословіи, среди людей всякаго званія у дьявола находятся вѣрные слуги, которые грудью стоятъ за его царство и распространяютъ дьявольскія сообщества и собранія, доказывая судьямъ и властямъ, будто бы маговъ или колдуновъ казнятъ несправедливо и что не слѣдуетъ карать ихъ смертью.

инквизиція въ концѣ XVI вѣка хвалилась тѣмъ, что сожгла 30.000 вѣдьмъ: какъ видимъ, она предупредила конкуренцію протестантизма. И когда Лютеръ еще только вырабатывалъ своѐ ученіе о несвободѣ воли, альпійскія долины были свидѣтельницами такого преслѣдованія вѣдьмъ, хуже котораго не видывала никогда и протестантская Германія. Если же свѣтскіе суды такихъ странъ, какъ Франція и католическія территоріи Германіи, послѣ церковнаго раскола дѣйствительно стали съ небывалымъ рвеніемъ заниматься преслѣдованіемъ вѣдьмъ, то виновата здѣсь была, конечно, реформація, — но только тѣмъ, что она вынудила и католическую церковь вспомнить о забытыхъ ею было своихъ воспитательныхъ обязанностяхъ, что она вывела католицизмъ на путь контръ-реформаціи. И католическая церковь подъ руководствомъ іезуитовъ стала не той, какой она была во времена Савонаролы. Прелаты, проводившіе время за чтеніемъ Платона и Петрарки, исчезли. На ихъ мѣсто стали строгіе пастыри, начетчики въ полемическомъ богословіи. Тридентскій соборъ и католическимъ священникамъ вмѣнилъ въ одну изъ главныхъ обязанностей проповѣдь въ церкви. Трудами іезуитовъ и католическія школы превратились прежде всего въ «училища благочестія». И католическіе юристы теперь соединяютъ знаніе римскаго права съ знаніемъ схоластическаго богословія. Католическій юристъ Боденъ въ научной сторонѣ вопроса о вѣдовствѣ чувствуетъ себя также дома, какъ и лютеранинъ Карпцовъ. «Теологическій вѣкъ» пришлось одинаково пережить всей Европѣ. А почему же у Канизія въ катехизисѣ гораздо меньше говорится о чортѣ, чѣмъ у Лютера? А почему же изъ той же Германіи протестантскихъ проповѣдей, гдѣ говорится о дьяволѣ и вѣдьмахъ, до насъ дошло гораздо больше, нежели католическихъ? Первое, возражаютъ на это противники католицизма, конечно, дѣлаетъ честь Канизіеву педагогическому такту. Второе же объясняется просто тѣмъ, что у католиковъ далеко не такъ распространенъ былъ обычай печатать свои проповѣди, какъ у протестантовъ: утвержденіе, которое католики съ своей стороны объявляютъ недоказаннымъ. Но намъ нѣтъ никакой надобности глубже входить въ подобныя партійныя препирательства. Кто бы ни говорилъ о чортѣ и о вѣдьмахъ больше—католики, лютеране или кальвинисты, но говорили объ этомъ съ народомъ всѣ, всѣ говорили одно и то же, и всѣ говорили вполнѣ достаточно, чтобы вѣдовство заполонило народное воображеніе. Самыя яркія, самыя цвѣтистыя картины шабаша все же дошли до насъ изъ чистой отъ протестантизма Испаніи XVII вѣка. Притомъ же не въ одной народной проповѣди здѣсь лежала главная сила. Эпоха жесточайшаго преслѣдованія вѣдьмъ была эпохой торже-

ства абсолютизма, когда Herr Omnes былъ связанъ по рукамъ и по ногамъ и когда даже въ дѣлѣ вѣры все опредѣлялось волею государя. Cuius regio, eius religio: народъ долженъ былъ во всемъ думать, какъ думаютъ его правители. На дворы и на правящія сферы контръ-реформація и направила, какъ извѣстно, главныя свои миссіонерскія усилія. А въ какомъ духѣ она здѣсь дѣйствовала, объ этомъ намъ сохранилось достаточно свидѣтельствъ. «Горе мягкосердечнымъ судьямъ, которые не душатъ страшныхъ звѣрей, волшебниковъ, попадающихъ имъ въ руки»—такъ вопіялъ въ Женевѣ кальвинистъ Даней. «Нерадивостью своей свидѣтельствуютъ они, сколь мало помышляютъ они о Богѣ, своемъ Владыкѣ. Явно они небрегутъ служеніемъ Его и Его честью, потакая отрекшимся отъ Него, заклятымъ Его врагамъ». «Всѣ добрые христіане»,—вторилъ въ Тюрингіи лютеранинъ Медеръ,—«должны ратовать за то, чтобы на лицѣ земли отъ вѣдьмъ не осталось и слѣда. Жалости никто тутъ не долженъ вѣдать. Мужъ не долженъ просить за жену, дитя не должно молить за отца съ матерью. Всѣ должны ратовать, чтобы отступницы отъ Бога были наказаны, какъ повелѣлъ самъ Богъ». Но среди іезуитскихъ проповѣдниковъ находились не менѣе ревностные блюстители Lex laesae Maiestatis Divinae. «Есть же такіе ледяные христіане, недостойные своего имени»,—гремѣлъ въ Мюнхенѣ Іеремія Дрексель, придворный проповѣдникъ Максимиліана I, — «которые руками и ногами противятся конечному истребленію вѣдовского отродья, дабы при этомъ, какъ они говорятъ, не пострадали жестоко невинные. Проклятіе этимъ врагамъ Божеской чести! Развѣ въ законѣ Божіемъ не сказано совершенно ясно: Чародѣевъ не оставляй въ живыхъ! По Божію велѣнію взываю я столь громогласно, сколько во мнѣ есть силы, къ епископамъ, князьямъ и королямъ: Вѣдьмъ не оставляйте въ живыхъ! Огнемъ и мечомъ надобно истреблять эту чуму человѣческаго рода!»

Luthrisch, päpstlich und kalvinisch
Diese Glauben sind entstanden.
Nur ein Zweifel bleibt noch übrig,
Wo das Christenthum vorhanden?
Christus hat durch erstes Kommen
Uns des Teufels Reich entnommen.
Kommt er nun nicht ehstens wieder,
Kriegt der Teufel Meistes wieder [1]).

Такъ отвѣчало на подобныя воззванія поколѣніе, которое въ эпоху тридцатилѣтней войны постигло, къ чему приводитъ человѣ-

[1]) У насъ возникла лютеранская, папистская и кальвинистская вѣра. Одно только сомнительно, гдѣ жъ тутъ осталось христіанство? Первымъ своимъ пришествіемъ Христосъ избавилъ насъ отъ царства дьявола. Но если Онъ снова скоро не сойдетъ на землю, дьяволъ снова почти все себѣ вернетъ.

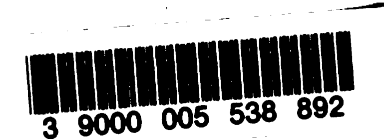
ческое общество чрезмѣрное рвеніе въ защитѣ чести Divinae Maiestatis. Но праздное занятіе спорить о томъ, кто отъ кого при этомъ заражался подобнымъ духомъ—католики отъ протестантовъ или протестанты отъ католиковъ. Es ist mit ihnen,—какъ вѣрно опредѣлялъ взаимное отношеніе новой и старой церкви Парацельсъ,—es ist mit ihnen wie mit einem Baum der zweifach gepfropft ist. Trägt weisse und gelbe Beeren. Западная Европа въ реформаціи и контръреформаціи лишь изживала до конца то міросозерцаніе, которое было старше даже старѣйшаго изъ трехъ враждебныхъ религіозныхъ толковъ и которое въ злосчастномъ сочетаніи философскаго спиритизма съ религіозной нетерпимостью такъ ярко отразило въ себѣ печальную духовную физіономію создавшей его эпохи,—эпохи разложенія римской имперіи.

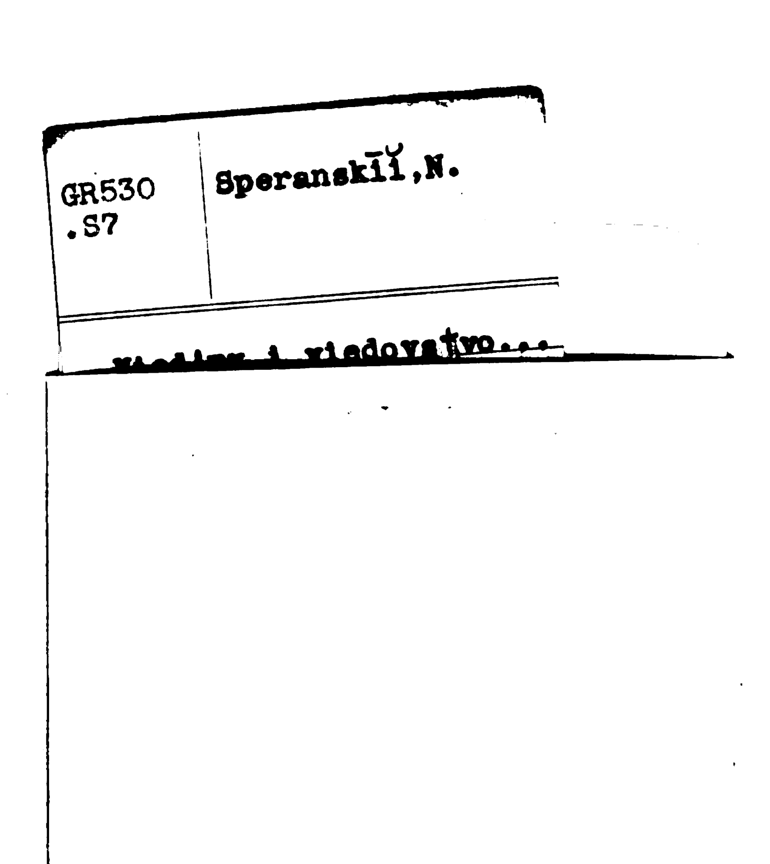
Исторія постепеннаго прекращенія процессовъ вѣдьмъ не получила еще въ наукѣ окончательной обработки. Да она и не представляетъ собой столь же законченнаго культурнаго эпизода, какъ ихъ возникновеніе. «Для Шотландіи», говоритъ Лекки, «исторію эту почти невозможно написать, ибо поворотъ общественнаго мнѣнія произошелъ такъ незамѣтно и постепенно, что въ немъ не установишь никакихъ этаповъ. Въ одинъ періодъ каждый готовъ былъ вѣрить въ волшебство. Въ слѣдующій періодъ вѣра эта всѣми оказывается молчаливо оставленной». И это приложимо къ большинству европейскихъ государствъ. Даже въ такихъ странахъ, какъ Пруссія или Баварія, гдѣ окончательной отмѣнѣ законодательства о вѣдьмахъ предшествовала оживленная литературная полемика, острый бредъ вѣдьмами кончился, въ сущности, уже раньше. Томазій и его соратники лишь изглаживали изъ жизни послѣдніе его слѣды, стремясь сдѣлать невозможными даже единичные случаи казней за колдовство. Отъ вѣдьмъ освободили Западную Европу не тѣ усилія, которыя прямо направлены были на критику этой ужасной сказки. Всѣ главные литературные противники процессовъ вѣдьмъ, какъ Вейеръ, какъ Реджинальдъ Скотъ или какъ Шпе, потратили свою энергію, свой талантъ и свое нравственное одушевленіе почти напрасно. Ихъ голоса заглушались хоромъ теологовъ и юристовъ, дружно объявлявшихъ всѣ подобныя попытки «богопротивными». Боденъ писалъ, что у него волосы на головѣ стали дыбомъ, когда ему попали въ руки Вейеровы сомнѣнія въ законности преслѣдованія вѣдьмъ. Но когда живое движеніе европейской мысли въ области познаваемаго, начавшееся еще въ эпоху гуманизма и шедшее неудержимо, несмотря на всѣ помѣхи со сто-

роны народнаго и ученаго суевѣрія, подточило самыя основы традиціоннаго церковно-школьнаго міросозерцанія, когда Европа заговорила о «просвѣщеніи», то вмѣстѣ съ этимъ и вѣдьмы въ европейскихъ странахъ стали находиться очень рѣдко. Когда придворный проповѣдникъ пересталъ быть однимъ изъ вліятельнѣйшихъ лицъ въ государствѣ, когда князья и короли одинъ за другимъ начали объявлять пастырямъ душъ, что они не намѣрены терпѣть у себя «дѣлателей еретиковъ» и когда они стали свои досуги проводить не на богословскихъ диспутахъ, а на анатомическихъ демонстраціяхъ и опытахъ по новой экспериментальной физикѣ, то измѣнился и тонъ, въ которомъ правительство говорило о колдовствѣ и вѣдьмахъ съ поставленными имъ блюстителями правосудія. Вмѣсто прежнихъ поощреній суды получаютъ теперь свыше предписанія быть въ вѣдовскихъ дѣлахъ возможно осторожнѣе; скоро же начинаются и прямые запреты давать какой-нибудь ходъ доносамъ, имѣющимъ своимъ предметомъ вредъ, нанесенный колдовствомъ. Въ 1672 году Кольберъ подалъ тому благодѣтельный примѣръ, издавъ такое распоряженіе для Франціи. И этой перемѣны во взглядахъ высшихъ правительственныхъ сферъ было достаточно, чтобы о прежнихъ массовыхъ казняхъ вѣдьмъ не стало больше слышно овое доказательство того, что истиннымъ виновникомъ этого звѣрства былъ не Herr Omnes. Herr Omnes познакомился съ духомъ просвѣщенія не скоро. Долгое время онъ свято продолжалъ хранить ту вѣру, которую процессы вѣдьмъ такъ глубоко въ него внѣдрили. Но мнѣнія его никто опять-таки не спрашивалъ, и эта вѣра для «просвѣщеннаго абсолютизма» являлась только лишнимъ свидѣтельствомъ тому, какъ опасно было бы дать непросвѣщенному народу волю. Само собою разумѣется, что главнымъ тормазомъ этого новаго просвѣтительнаго движенія являлась школа, которая на всѣхъ своихъ ступеняхъ съ эпохи реформаціи сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, была насыщена теологическимъ духомъ и сама въ себѣ видѣла прежде всего призванную защитницу принципа авторитета. Всѣ тѣ завоеванія мысли, которыми прославлены имена Коперника, Кеплера, Декарта, Галилея, Паскаля, Гобса, Спинозы, Лейбница, Локка и Ньютона, сдѣланы были не только помимо университетовъ, но вопреки имъ. Долгое время новая наука и новая философія развивались безъ всякой школьной организаціи, прячась по возможности отъ взоровъ офиціальныхъ носителей высшаго образованія, — пока въ XVIII столѣтіи «просвѣщеніе» не окрѣпло уже настолько, чтобы объявить открытую войну «университетскому обскурантизму». И «просвѣщеніе» нашло себѣ при этомъ могучаго союзника въ житейскомъ здравомъ смыслѣ, который цѣлые вѣка

протестовалъ противъ выводовъ науки, построенной на союзѣ разума съ авторитетомъ. «Въ Германіи» — такъ характеризовалъ современную ему систему школьнаго образованія, одинъ изъ сподвижниковъ Христіана Томазія, — «разсудокъ цѣликомъ живетъ внѣ школъ; за границею по временамъ онъ оказывается и въ школахъ. Тамъ ученые люди нерѣдко бываютъ и самыми умными, въ Германіи наоборотъ». Но за нѣмецкою границей люди тоже находили немного разсудка въ школахъ. Извѣстно, какъ относились къ своей «школьной учености» французскіе Энциклопедисты, и на законномъ презрѣніи здраваго смысла къ средневѣковой школѣ основанъ былъ въ значительной мѣрѣ успѣхъ извѣстной проповѣди Руссо о томъ, что человѣка дѣлаетъ глупымъ и злымъ его цивилизація. Подъ напоромъ такихъ могучихъ силъ старый строй высшей школы къ началу XIX вѣка рухнулъ почти во всей Европѣ. Кромѣ развѣ одной Испаніи, всѣ европейскія страны признали бракъ разума съ авторитетомъ, родившій средневѣковые университеты, противоестественнымъ союзомъ, одинаково пагубнымъ и для религіи и для науки. Но это не препятствуетъ тому, что въ области народнаго образованія всѣ три господствующія на западѣ Европы церкви и понынѣ крѣпко настаиваютъ на тезисѣ эпохи реформаціи о necessaria conjunctio scholarum cum ecclesia, упорно ссылаясь на пріобрѣтенныя историческія права: аргументъ сомнительнаго достоинства для тѣхъ, кому случалось заглядывать въ старыя лѣтописи школы. Процессы вѣдьмъ не такъ отъ насъ далеко, чтобы мы не могли различать понятій — народное просвѣщеніе и народная школа.

Date Due

3 9000 005 538 892

GR530
.S7
Speranskiĭ,N.

